

Субботин Денис

Ларец
Самозванца

Правление царя Дмитрия Иоанновича (под таким именем он венчался на царство и кем бы он ни был, так его и должно называть) — одна из самых таинственных и странных страниц в истории России. Достаточно сказать, что проправив около года, он не сделал ничего из того, в чём его обвиняли после смерти, но лишь начал то, что потом продолжил Пётр Великий.

Ларец самозванца

Часть первая

Поздняя весна года 1606 от Рождества Христова (или, иначе 7114 от Сотворения Мира по Александрийскому, наиболее распространенному на Руси счёту) выдалась холодной, прямо таки ледяной. Вольно ж Господу было так пошутить — двадцатого мая, в день Святого Антония, землю покрыл снег, а вода в Москве-реке замёрзла! Впрочем, так или иначе, выступать в путь лучше спозаранку. Пан Роман Смородинский, предводительствовавший малым отрядом ранних путников, ко всему прочему, очень торопился... У него были на то свои, только ему одному ведомые причины. Потому уже с первыми лучами солнца отряд — три десятка с небольшим всадников, крытый возок и шесть телег с утварью тронулся в путь. Конечно, жаль было не успевших отдохнуть коней... Пан Роман торопился. Дорога его лежала сейчас в славный город Киев, к самому князю Василию Константиновичу Острожскому, воеводе киевскому и фактическому владыке всей левобережной части Украины... Той части, разумеется, что подлежала под могучей, победоносной дланью Речи Посполитой. Увы, так случилось, что служба его, последние четыре года составлявшая весь смысл существования, закончилась не так и не тогда. Он-то предполагал совершенно иной расклад... Ладно! На всё воля Господня! К тому же царь Дмитрий Иоаннович, могучий и мудрый правитель Московской Руси, Московии, на прощанье одарил его так, что и трёх возов не хватило — вместить! А ещё одарил новым поручением. Ради него только и придётся завернуть в Киев, вместо того, чтобы поспешать на Волынь, в милый сердцу Вишневец. Сундучок государя, а в нём — дары князю Острожскому, вот что вёз пан Роман в тюках, намертво примастряченных к спине заводного коня. Четверо верных конфидентов пана Романа, чистокровных шляхтичей, способных часами перечислять свой род, выводить его от Гедимина или Рюрика, с оружием наготове ехали, оберегая сундук с четырёх сторон. Пока хотя бы один из них будет жив, к сундуку, а вернее — к ларцу не приблизится даже и сам Дьявол со всей своей свитой!

Благочестивый пан Роман истово перекрестился и тут же краем глаза заметил, как передёрнуло ехавшего подле него, но чуть поодаль пана Анджея Медведковского. Старый товарищ, сопитух ещё со студийных времён, пан Анджей лишь в одном абсолютно не сходилась во взглядах с паном Романом — в религии. Ревностный католик, он довольно предвзято относился к православным, украинцам или литвинам — неважно. Исключение делал только для Романа, да и то — кривился, как от неспелых слив.

Впрочем, сегодня пан Анджей отошёл на удивление скоро. Ухмылка тронула его толстые, чуть вывернутые вперёд губы, тёмные, карие глаза хитро, плутовато глянули из-под нависших прядей давно не чёсанных и ещё дольше не мытых волос.

— Что, доволен, мощный пан Роман? — с деланным равнодушием в голосе спросил он. — Такое сокровище из Москвы увозишь!

— Невольно бросив тревожный взгляд на сундук, пан Роман тяжело вздохнул:

— Его ещё довести надо, до Киева-то!.. Да, потом, может это и не сокровища вовсе! Может, там бумаги какие. Или — книги. Говорят, князь Василий Константиныч знатный книголюб!

— Говорят! — пожал плечами пан Анджей. — Однако, если там книги...

— И не думай даже, пан Анджей! — нервно облизнув сухие губы, воскликнул пан Роман. — И не надейся, что твои грязные руки коснутся этих книг! Не говоря уж о том, что

тебе они не предназначены, ларец сей запечатан личной печатью государя Дмитрия! Не мне её ломать!

Пан Анджей — внешне мало похожий на умного человека, на словах — болтливый вояка без мозгов под крылатым шлемом, среди друзей слыл не менее заядлым книголюбом, чем сам князь Острожский. В доме его, рассевшемся от старости, небольшом и тесном для его семьи, не меньше четверти места занимали шкафы, шкафчики, полки и полочки с книгами. Из всех походов, из гостей, отовсюду вельможный пан привозил книги. Любые книги — религиозные, исторические ли, авантюрные романы... На любых языках! Если книга нравилась ему, он покупал... или брал без спросу... не раздумывая особо. Его жена, несчастная женщина, на беду свою отличалась домовитостью и мечтала когда-нибудь привести дом и усадьбу в надлежащий вид. Увы, её наследство, а вместе с ним и львиная доля иных доходов уходили на увлечения мужа. Надо ли говорить, что любое новое «приобретение» супруга вызывало у неё праведный гнев. Среди шляхты ходили слухи, что храбрый до безумия пан Анджей не раз и не два получал по башке огромной сковородой из числа тех, на которых жарилось столь любимое им свиное жаркое.

— Нет, пан Анджей! — с лёгким сожалением сказал Роман. — Я не могу открыть этот сундук! Даже для тебя!

Тяжко вздохнув, пан Анджей бросил последний, жадный взгляд на ларец. Увы, он вынужден был подчиниться.

— Вообще-то, я имел в виду не ларец!.. — пробормотал он, отъезжая и бросая не менее жадный взгляд на тянущийся в самом хвосте крытый возок.

Пан Роман, разумеется, услышал его и взглянул назад не менее плотно. В возке, с большим трудом пробирающемся через колдобины, ехала русская красавица с таинственным и звонким именем Татьяна. Увидев её на одном из устроенных молодым царём пиров, пан Роман уже не мог, да и не хотел отступать. Планомерная его осада этой фортеции вскоре принесла свои плоды, но, увы, Татьяна была замужем. Её муж, боярин и воевода Илья Совин не был ни знатен, ни богат, а выделялся разве что безумным честолюбием и жуткой, прямо-таки нечеловеческой скупостью. Приходясь очень дальним, двадцатая вода на старом киселе, родичем Годуновых он, благодаря измене своей, сохранился и при дворе молодого царя. Потом, правда, попал в опалу вместе с Шуйскими... Царь был слишком добр, вернул их всех обратно. Ну, да ладно. Долгие недели боярин обретался вне Москвы, где-то на нижней Волге, вместе с полком гоняясь за черемисами, вновь взбунтовавшимися против царской воли. Это были золотые дни для любви литовского пана и боярыни! А когда настала пора уезжать, пан Роман, не мудрствуя особо, выкрал Татьяну. Разумеется, с её на то согласия. Погони ждать пока не приходилось — воевода Илья обретался на Волге и вернуться должен был нескоро. К тому времени и след простынет!

На миг ему показалось, что плотно закрывающая окно возка занавесь на миг отдёрнулась... но нет, это была лишь игра его воображения. Татьяна, ехавшая в возке вместе со своей чернавкой, татаркой по крови Зариной, скорее всего, спала в такой неурочный час... Ничего! Чай не в седле едет!

— Мощный пан, село! — лихой казак ^Шиз отряда пана Романа резко осадил коня. — Село впереди! И переезд через реку есть!

— Добро! — кивнул пан, прикинув, что отдых им сейчас совсем не помешает. — Заедем... Ничего не трогать, смердов не обижать! Увижу, лично зарублю! То — люди царя Дмитрия, нам — не вороги!

Казак, видать видевший в своих объятиях первую же местную красотку, только тяжело вздохнул. Господину хорошо, он с невестой едет! Ему-то что делать?! Сколько терпеть?!

Село меж тем во всей своей красе раскинулось перед всадниками. Небольшое село, дворов тридцать. Бедное, как и большинство сёл в Московии. Впрочем, на Волыни тоже редкие местечки могли похвастаться богатством, тут они равны...

— Подравнять ряды! — рявкнул, подбоченившись и бросив грозный взгляд через плечо, пан Анджей. — Ух, кого-то я сейчас плетью...

Ляхи и казаки поспешили выполнить приказ...

В село отряд входил, держа достойное гусарской роты равнение, заломив рогатые шапки на затылки и сотрясая бычий пузырь в окнах молодецкой песней. Девки и бабы тут же высунулись — посмотреть, кто идёт... и попробуй, разбери, русские идут, либо ляхи, когда одеждой и доспехом схожи, поют казаки, такие же славяне, нечто привычное уху смерда, а само село находится почти что под Москвой и от границ далеко...

Вот и майдан... в смысле, центральная площадь села. Невеликая, с колодцем посередине, низенькой церквушкой с покосившейся звонницей и огромной хатой старосты. Сам он, кстати, уже вышел навстречу, толстый боров в дорогом платье.

— Исполать вам, служивые! — приветствовал солидно, зная тебе цену. — Нужно ли вам что, аль так просто, проездом?

— Коней напоить, накормить! Людям тоже корма выдать, как положено! — равнодушно кивнув в ответ на приветствие, ответил пан Роман. — Мы заплатим за всё!

Его говор — хоть он и говорил по-русски, выдавал в нём уроженца западных земель, литвина или украинца. Староста чуть заметно нахмурился, оглянулся на хату.

— Не из Москвы ли путь держите, господа? — он не должен был задавать такой вопрос, но — задал.

— Из Москвы! — напряжённо ответил за пана Романа пан Анджей. — Тебе-то что?

— Да так... — пожал плечами тот. — У меня в хате гонец оттуда сидит. Не желаете последними новостями переведаться?

Паны переглянулись... Что ж, в их планы всё равно входило остановиться с удобствами, как раз в доме старосты или местного священника... если он захочет принимать в своём доме католиков, которых в отряде было больше трети.

— Добро! — кивнул пан Роман. — Иди, готовь угощение!

И опять — показалось, или староста как-то неуверенно оглянулся на дом? Впрочем, тут же он поспешил туда, лишь на миг задержавшись у забора. После слова, обронённого им мальчишке, на заборе восседавшему, того как ветром сдуло...

— Наверное, за снедью послал! — высказал предположение порядком проголодавшийся пан Анджей. — Эй, други! Рассёдлываемся!

С радостным гомоном — дорога успела порядком опостылеть даже самым выносливым,

отряд начал спешиваться. Кто-то из самых быстрых уже сговаривался с молодой... Благо царь Дмитрий щедро расплачивался со своими сторонниками.

Паны меж тем дождались, пока откроется дверь возка, и вельможная пани Татьяна покинет своё укывище.

Татьяну никто не назвал бы красавицей, за которую следовало бы отдать всю жизнь, без остатка. Конечно, хороша... но всё же красть её... А пану Роману и не надо было никого более. За её карие глаза, за нежную улыбку пухлых губ, за право обнимать её тонкую талию он готов был отдать многое, если не всё. Что же до того, что слишком худоцава, так жирок — дело наживное. Нагуляет ещё!

— Мощная пани, сейчас наконец-то будем ужинать! — возвестил пан Анджей, нежно и страстно уставившись на неё. Пан Анджей вполне серьёзно был уверен в том, что влюблён в москвитку. Пан Роман, слишком хорошо знавший своего друга, только посмеивался в ус... Пусть побесится мощный пан! Беды от того не будет...

Староста расстарался — на столе, рядком выставленные, красовались изысканные для столь бедного селения блюда. Поросёнок, вне всякого сомнения, ещё утром бегал и хрюкал, курица розовела мясом, а не отливала старческой синевой, утки были запечены в яблоках и выглядели достаточно жирными... Яблоки, понятно, были прошлогодние. Ну да на безрыбье, что называется, и утка — рыба.

За столом, с аппетитом уминая полть утки, сидел молодой, безусый стрелец в кафтане стремянного полка. Видно было, что он уже давно так сидит — гора костей перед ним превышала все мыслимые и немыслимые размеры. При виде входящих, видимо, не предупреждённый, стрелец изумился настолько, что — икнул.

— Хлеб да соль! — приветствовал его пан Роман, в то время как сурово нахмурившийся пан Анджей поспешно уселся за стол и обеими руками притянул к себе блюдо с поросёнком... как оказалось, отрезать кусок побольше для вельможной пани Татьяны.

— Ем да свой! — угрюмо ответствовал, справившись с изумлением и икотой, стрелец. — Ты кто?

— Роман Смородинский, конфидент государя Московии, царя Дмитрия Иоанновича! — назвался пан Роман, ничуть не обидевшись. В Стремянном полку — отборной части царской армии, сплошь попадались такие вот дерзкие и грубые люди. Учить их уму-разуму, только зря кончар тупить.

— Кого?! — изумился «стрелятник». — Какого царя? Ах, Митьки...

Тяжёлый и длинный кончар — оружие для умелого да сильного — молнией просвистел в воздухе, звонко разрубив медное блюдо с курой... Хотя рубить им было практически невозможно — только колоть!

— Ты! — тяжело выдохнул пан Роман. — Не знаю уж, чьей ты сотни, но про царя так говорить...

— Дмитрий более не царь! Он — самозванец и мы свергли его ещё два дня тому! — сурово возразил стрелец. — Народ присудил его смерти! Мать отреклась от него! [2] Валяется сейчас под стеной... И Петька Басманов [3] — вместе с ним!

Стрелец, круша скамью, отпрыгнул к стене, лихорадочно выдёргивая саблю из ножен. Двое шляхтичей повисли на плечах взрыкнувшего пана Романа, пан Анджей вцепился в кончар.

— Ты нас всех тут поубиваешь! — заорал он в ухо приятелю. — Остынь, Роман! Остынь, кому говорю!

Медленно, очень медленно кровавая пелена спала с глаз пана Романа. Теперь ему было стыдно, в первую очередь — перед Татьяной. Та, впрочем, выглядела не испуганной, а скорее — огорчённой. Только вот непонятно, чем больше: смертью царя или необъяснимым припадком возлюбленного.

— Государь... — прошептал пан Роман, дрожащей рукой убирая меч в ножны. — Проклятая страна! Проклятый народ! Казнить его!

Его перст указывал на стрельца и тот побледнел, ещё плотнее прислонился к стене, готовясь задорого отдать свою жизнь... Ему не пришлось.

— Стой, господин! — это у старосты прорезался, наконец, голос. — Стой! Не смей трогать его!

— Ты?! Ты мне будешь указывать, смерд?

— Я! — подтвердил тот. — Я — государев человек, да мы все — государевы! Плох или хорош был прежний царь, он мёртв ныне. Его не вернёшь, и не нужно мстя за него, проливать ещё больше крови. В чём повинен стрелец?!

— Пшёл вон! — заорал пан Анджей, в свою очередь, хватаясь за огромный, больше чем в половину его роста кончар. — Заколю лично!

— Меня — да! — подтвердил староста. — Его тоже... Всех нас рубить будешь? Посмотри в окно, сударь!

Пан Анджей осторожно выглянул в окно и мрачно, зло и безнадежно выругался... Майдан, или как он там у московитов называется, был заполонен селянами. Мужики, бабы, глуздыри-несмышлёныши вперемешку стояли против дома своего старосты. В толпе — особенно в первых рядах видны были поднятые до поры кверху острия рогатин, кое-где заметны были лучники, в двух или трёх местах на мужиках надеты были доспехи... По всему выходило, что прорываться будет нелегко. Тем более, единственное действительное преимущество шляхты — молодецкий удар с разгона, здесь не случится хотя бы потому, что неоткуда взяться разгону. Толпу смердов и жидкую цепочку казаков и шляхтичей разделяло не больше десяти шагов. Если они хотя бы шевельнутся не так, их разорвут раньше, чем половину успеет схватиться за сабли!

— Мы уходим! — напряжённо глядя в глаза старосте, медленно сказал пан Роман. — Прямо сейчас... подавись ты своим гостеприимством!

— Вы можете уходить! — кивнул староста. — Мы не хотим кровопролития!

Проклятые московиты... у них даже смерды — сплошь воины, знающие с какой стороны за меч браться!

Собирались быстро — только пан Анджей успел на ходу перехватить что-то... да разве половинку гуся с подливой можно назвать достойным пана Анджея обедом?! Тьфу! Одним словом, беда на беде!

Выезжали с трудом. Смерды расступались медленно, взгляды исподлобья жалили так же остро, как и стрелы. Всего-то полчаса назад мечтавшие о бабах и медовухе казаки теперь боялись не так взглянуть, ехали, отчаянно сжимая рукояти сабель и пистолетов. Однако, их выпустили без проблем.

Уже за селом пан Роман приказал пустить коней полным скоком. Следовало поспешить...

— Пароль!

— Шуя... Отзыв говори, борода!

— Новгород... Сам ты — борода!

Такая перепалка имела место ранним утром двадцатого мая у ворот Кремля. Рослый стрелец из новгородцев, поставленных у главных, Спасских ворот Кремля благодаря своей несомненной верности нынешнему правителю, князю Василию Васильевичу Шуйскому, выпятил вперёд свою окладистую, во всю грудь бороду и никак не желал уступить. Кирилл Шулепов, надворный сотник князя Михаила Скопина ^[4], ощутил, как гнев постепенно захлёстывает душу. Терпение его и так-то было далеко не безгранично. А с некоторых пор он стал и вовсе забывать, что люди бывают добрыми и ласковыми... В Москве после восстания, закончившегося гибелью Самозванца, не только погода, но и люди, кажется, сошли с ума!

— С дороги! — рявкнул Кирилл, сердито бросая ладонь на рукоять сабли. — Я всё что должен, сказал. Ещё немного и...

Стрелец, ухмыльнувшись в бороду, тем не менее махнул своим товарищам и те неспешно расступились, оттащив в сторону преграждающую дорогу рогатку. Кирилл — а за ним трое его холопов — раздражённые и даже злые въехали внутрь Кремля...

Здесь всё не слишком сильно изменилось за последние два дня. Разве что выбитые в Большом Дворце дорогие заморские стёкла вставили, да охраны — в основном шуйцев и нижегородцев, было втрое больше обычного.

— Опасается князь! — ухмыльнулся Кирилл, не оборачиваясь.

— А что же! — возразил ему доверенный слуга, татарин по имени Шагин, ухмыляясь ещё шире. — Есть повод, чай!

Повод, разумеется, был. Князь Василий Шуйский, сбросивший царя-самозванца в первую руку для того, чтобы самому взойти на престол, оказался в сложной ситуации... Народ, москвичи и главное — знать, его не хотели и не любили. Сам Кирилл, хоть и служил племяннику князя и, в меру своих сил, способствовал возвышению Шуйских, старейшину этого рода не любил и даже презирал. Ну не за что, совершенно не за что было любить князя Василия Васильевича Шуйского! На взгляд надворного сотника, правда, пристрастный, уважения и восхищения вообще заслуживал только один человек — молодой князь Михаил. Ну, он всё же был сначала Скопин, а уже потом Шуйский...

Ещё трижды их останавливали дозоры стрельцов и детей боярских. Москвичей среди них было совсем немного. Не доверял князь Василий московским ратникам, не доверял! Помнил, наверное, что «стремянные» очень долго сомневались, прежде чем отдали в руки его людей царя... Правда, отдали! Поверили царице Марфе, прилюдно сказавшей «он — не мой!».

Князь Василий торопился. Уже сейчас он поселился в Борисовом дворце, самом новом, почти полностью каменном здании, которое до того момента избрал своей резиденцией и царь Дмитрий. Стало быть, сам поставил себя как царя... А охрана, столь многочисленная, что ей мог позавидовать и Самозванец, сплошь щеголяла в дорогих, новых кафтанах... Казну князь Василий прибрал к рукам в числе первых.

Юный отрок подхватил повод гнедого аргамака сотника, ещё двое занялись конями слуг. Правда, те не собирались внутрь... да их и не пустили бы. Кириллу, хоть он и каждый

день бывал в Кремле, пришлось трижды останавливаться и долго препираться, прежде чем он оказался в малой горнице, упрятанной на самом верху дворце. Здесь его ждало трое: князь Михайла Скопин-Шуйский, да два его дяди: Иван и Василий. Все трое вящи заговорщиков, сумевших сбросить с московского стола самозванца, незаконно узурпировавшего стол.

— Господин!.. — смиренно склонил давно не стриженую главу, коротко приветствовал Кирилл князя Михайлу. Двоим другим тоже досталось по поклону... Князь Василий недовольно поджал губы, так и не дождавшись от дерзкого сотника соответствующего своему пониманию титулования. Впрочем, пока он был лишь провозглашён царём, но не венчан на царство. Как говорится, две разные вещи. Так что он, Кирилл Шулепов, подождёт с величанием маленького человечка с морщинистым лицом... Нет, всё же, хоть и Самозванец тот Дмитрий, а царь из него был куда более внушительный! И черты лица благородные, и речь, и повадки... А этот прямой потомок Рюрика и Святого Александра... М-да. Не зря говорят, что природа отдыхает на потомках великих людей. Хотя князь Михайла — тоже потомок! Среди воинов поговаривают, будто именно его, а не брата Ивана назовёт князь Василий своим наследником. Ибо сам — бездетен!

— Вот он, герой! — провозгласил, фальшиво улыбаясь, Иван Шуйский, удивительно похожий внешне на старшего брата. — Садись, садись, сотник! Пей вино, ешь фрукты. Ты таких, поди, не видал!

Отчего же! — помолчав, возразил Кирилл. — Прошлым летом — довелось!

— Ну... когда это было! — возразил, слегка растерявшись, князь Иван. — Ты, говорят, самого Вишневецкого остановить умудрился?

Почему юный, восемнадцатилетний украинский вельможа удостоился титулования «сам», сотнику было непонятно. Константин Вишневецкий и впрямь — с отрядом верных конфидентов — попытался прорваться к Кремлю. На улицах резали поляков и литвинов, где-то горели дома слуг Дмитрия... Он бы и прорвался, если бы Кирилл предусмотрительно не прихватил с собой гаковницу. Ничего особенного с её помощью сотворить не успели, выстрелили только раз... Убили под Вишневецким лошадь. Шляхта смешалась, по ним добавили из пищалей и взяли в сабли... Константин Вишневецкий — вместе с ещё несколькими десятками особо важных ляхов, томился теперь в порубе. Ему повезло... Не меньше тысячи ляхов попроще заплатили за свой гонор по полной мере — жизнями.

— Так вот, сотник! — оборвал повисшее было молчание князь Иван, предварительно оглянувшись на брата. — Наш дорогой сынонец, князь Михайла, говорил, что лучше тебя нет, если дело опасное и трудное. Лучше, если вовсе невыполнимое. Тогда ты, мол, в полной красе себя показываешь! Ну, вот и посмотрим... Три или четыре дня назад город покинул отряд литвинов, ляхов да украинцев. Не слишком большой отряд, должен признать. Возглавляет его некий Роман Смородинский, шляхтич и доверенное лицо князя Вишневецкого, нами ныне пленённого. Ничего особо ценного он не увозит. Денег немного — жалованье своё, да ранее награбленное. И — ларец. Вот ларец, сотник, ценен! В нём — какие-то бумаги, отсылаемые Самозванцем в Польшу! Можешь представить, ЧТО может там оказаться?!

Отчего же нет... Сотник Кирилл не зря долгие месяцы обретался при дворе Шуйских. Все воины здесь знали, что Самозванец торгует русской землёй, что Смоленск, Новгород с Псковом и Северские земли отходят Польше... Ну, пусть сандомирскому воеводе, который даже не лях, а то ли чех, то ли вообще немец рождением! Более того, самозванец сносился с

католиками, грозясь переменить Руси веру с истинной и чистой, православной, в ложную, католическую! Более того! Уже составлялись списки детей боярских, которых Самозванец вознамерился услатить за границу! Учиться в ихних еретических «академусах» и «университетах». Как будто в наших, православных монастырях они получают худшее образование... Ну, вообще-то там ещё много было обвинений. Так что суть бумаг в том ларце Кирилл себе представлял совсем неплохо. Такие бумаги ни в коем случае не должны были покинуть русской земли!

Видимо, мысли Кирилла в полной мере отразились на его лице. Князь Иван усмехнулся и мягко, спокойно сказал:

— Этот ларец надо вернуть! Обязательно вернуть! Для этого мы не пожалеем ни воинов, ни золота... Сотни тебе хватит, чтобы в погоню пуститься?

— Сотни... — задумался Кирилл, ни капли не стесняясь выказывать сомнения.

— Можешь сам её набрать! — вмешался в разговор князь Михайла, ласково глядя на любимца. — Из детей боярских, стрельцов, казаков... Выступишь завтра на рассвете... Время поджимает, Кирилл!

— Как велишь, господин! — покорно ответил тот, улыбаясь в усы. — На рассвете, так на рассвете!..

Пан Роман Смородинский слыл среди своих людей лучшим кончаром Вольни. Так же, как его друг и ближайший соратник пан Анджей Медведковский — лучшим питухом, притом не только Вольни, но и Львовщины. Один всегда готов в драку и потому дерётся редко, дураков нет связываться с безумным рубакой, второй... второй всегда готов за стол. В огромное, необъятное пузо, скорее обмотанное, чем перетянутое кушаком с золочёными кистями, влезает немыслимое количество всяческой еды, притом запивалось всё это немыслимым количеством вина. Лучше — мальвазии, но можно — токая. Пунши, глинтвейны и гданьская водка тоже шли в ход и нос пана Анджея, огромный, мясистый, пылал ярко-красным цветом, словно мак в пору цвета. Правду сказать, пан Анджей уступал пану Роману разве что статью. Храбростью — никоим образом! К сожалению, его рост и комплекция, вкупе с чисто польским гонором нередко приводили к неприятностям... Ездил он на огромном першероне, на котором усидит не каждый богатырь. В седле бедного пана раскачивало так, как, наверное, не раскачивало бы на корабле в самый дикий шторм. Ко всему, бедняга ещё и близорук... слегка. Когда пан Анджей хватался за пистолеты, коих у него за кушаком сразу четыре, страшно становилось не только врагам, но и друзьям. Притом стрелял он сразу из пары... А впрочем, не стоит о нём только плохо. Иногда и у пана Анджея случались моменты величайшей славы, когда о нём захлёб говорили во всех корчмах и трактирах Львовщины и даже на Волынщине слышали! Ну, например, недавно. Года три назад они с одним знакомым шляхтичем довольно сильно выпили в любимой корчме пана Анджея. Время было позднее. Смеркалось. Пан Анджей, если говорить честно, почти не держался на ногах — его мотало с одного конца двора до другого и немало народу высыпало во двор, чтобы посмотреть, как он будет садиться в седло.

Внезапно, дорогу пану Анджею пересекла тень, и кто-то остановился перед ним. Пан Анджей видел только смутный силуэт, все попытки сфокусировать на нём взгляд ничего не дали. Тогда он резко взмахнул рукой и громогласно объявил:

— По средам не подаю, а сегодня денег нет!

Бедняга-ксендз, пожелавший всего лишь помочь пану Медведковскому, указать ему, что кунтуш волочится по земле и пачкается в грязи и блевотине, в ужасе отпрянул... Что самое удивительное, в седло пан Анджей забрался довольно легко. Можно сказать, с первой попытки. После он месяц расхлёбывал последствия той пьянки. Мало того, что на голове долго болел поставленный жёниной сковородкой рог, так ещё и священник каждую службу читал длинную и вдохновенную проповедь о вреде пьянства и пользе трезвости. Притом — почти не спуская разгневанного взора с пана Анджея...

С паном Романом — и он об этом яро сожалел, до недавнего времени не происходило никаких необычных приключений. Первая авантюра, на которую он решился, заключалась в том, что он присоединился к претенденту на московский престол. Вторая — похищение Татьяны — случилась во многом под влиянием подвигов пана Анджея... Впрочем, сам пан Анджей, женившийся по безумной любви, внешне об этом не сожалевший, не забывая подчеркнуть своё участие в акции, искренне сожалел о том, что его друг потерял свободу. Правда, православный человек, Роман не мог жениться на венчанной жене... Ну, да что-нибудь придумает!

Сейчас они ехали бок о бок во главе колонны и негромко разговаривали, обсуждая

последние новости из Москвы.

— Проклятый город! — пробурчал пан Роман, которому до недавнего времени в Москве даже нравилось. — Давно надо было набрать побольше наших, да навести там порядок... железной рукой, на слёзы внимания не обращая!

— Ну, пан Роман! — с явно прозвучавшим укором, протянул пан Анджей. — Как ты можешь... Ведь они единоверцы твои! Так, если подумать, можно сказать, что ты считаешь православных способными на предательство!

— Вовсе нет! — сохраняя некое подобие достоинства, возразил пан Роман. — Просто за год они убили уже второго своего царя. Многовато, как бы то ни было!

— Многовато... — кисло усмехнувшись, подтвердил пан Анджей. — А всё этот... пан Василий! Помяни моё слово, ЭТОТ протянет долго! Слишком подл. Нет в нём нашей ляшской гордости! Иначе никогда бы не решился дважды предавать... Двух крулей подряд! Нет, всё же надо было казнить его ещё тогда, год назад... Ведь и Сейм был согласен!

Пан Роман молча покачал головой. Может, его приятель и был слишком кровожаден, но — прав. Князь Василий Шуйский из рода нижегородских великих князей, прямой потомок Святого Благоверного князя Александра, прозванного также Невским, был помещан на власти. Слишком многого хотел от жизни, слишком мало готов был отдать. Вот и получилось в результате, что два царя, ему доверявших, куда как моложе в годах, уже в могиле, а он, старый хрен, жив и здравствует! Ещё и царский венец себе примеряет... В том, что виновником всех бед был именно Василий Шуйских, оба пана не сомневались ни на йоту. Правда, хватало и других претендентов на престол: Богдан Бельский, князь Милославский, ещё несколько Рюриковичей... Нет, всё же Шуйский — главный враг царя!

Горько было ехать вот так — с поражением. Именно поражением, несмотря на то, что их служба у царя Дмитрия закончилась ещё при жизни его, считали ТАКОЕ своё возвращение оба пана. Вот если б они задержались на пару дней, да помогли царю выжить... Вот тогда всё было бы по-иному. Хочешь, не хочешь, такие мысли возвращали их к последней встрече с царём. В Оружейной палате, пять дней назад...

Государем Дмитрий был недавно и никто его к этому не готовил. Царевич большую часть жизни провёл в северных монастырях, лишь в двадцать лет узнав правду и начав свой долгий путь по Руси. Был грамотен — да. Бегло говорил по-польски и по-немецки. Умел драться на саблях, прекрасно ездил на коне — опять же, да. Но вот что касается правления огромной, раскинувшейся на тысячи вёрст в любую сторону страной... Для этого надо не только родиться, но и воспитываться царевичем. Увы, этого его лишили. Лишившие умерли... он помог. Дмитрий не был злобен и многие гонители рода Нагих, как и его противники, были теперь вновь в фаворе... или, по крайней мере, живы. Он — государь Всея Руси и не может лишать эту Русь её лучших людей. Так он считал. И не слушал никого, кто пытался образумить царя. Последнее его деяние вывело из равновесия самых верных его сторонников. Видишь ли, литвины и ляхи слишком раздражают москвичей! Так разве это повод расставаться с ними?! Меж тем, с ранней весны отряды литвинов, украинских казаков и ляхов-наёмников потянулись домой. Щедро награждённые, немного обиженные... Части, притом немалой, даже не довелось погулять на свадьбе царя! Другое дело, ляхов и впрямь развелось слишком много. Многие, в том числе и пан Анджей — вели себя вызывающе, как завоеватели. В церквах даже на взгляд привыкшего к непотребствам католиков пана Романа, дерзили и нарушали обряды. Задирали стрельцов и детей боярских. Ну, и сам пан Роман приложил руку к формированию возмущённого мнения, что ляхи бесчестили и совращали московлянок. Вот царь и решил распустить войско, приведшее его к трону. К свадьбе, если не считать двадцать сотен, вновь прибывших с невестой, в городе почти не осталось совершенно надёжных войск. Несколько рот наёмников во главе с авантюристами вроде капитана Маржерета, да стрельцы Стремянного полка, это конечно хорошо. Но гораздо лучше было бы, в свете нехороших признаков, чтобы солдат было как можно больше! А царь опять, — в который уже раз! — игнорируя мнение своего главного советника, воеводы Петра Басманова, отсылает прочь верных литвинов... Сегодня, например, уходил отряд пана Романа Смородинского. И хотя отряд был невелик — вместе с примкнувшими к нему ляхами пана Медведковского всего лишь сорок сабель, это были преданные царю сабли. Более того, большая часть отряда — православные литвины и украинцы с Волыни, как раз не вызвали бы никакого возмущения народа...

Царь был весел и дружелюбен. В сенях ждали польские послы, готовые потребовать, наконец, исполнения данных когда-то обещаний; в Москве после свадебных торжеств начались какие-то непонятные нестроения, но ничто из этого не могло испортить Дмитрию настроения. Он добился своего! Марина, красавица и гордячка, стала-таки его! Пусть даже для этого ему пришлось огнём и мечом пройти через всю Русь... Занять престол предков, славный и нежеланный.

— Государь! — пан Роман без колебаний опустился перед ним на колени. Рядом тяжело бухнулся пан Анджей, которому, впрочем, не восхотелось величать царя своим Государем.

— Пан Роман! Пан Андрей! — подняв обоих, ласково сказал государь. — Полно, что вы! Какие церемонии между друзьями... ведь мы же друзья, не так ли?

Ему не возразили, но — увы. У государя не может быть дружбы с подданными. Понять бы это Дмитрию — хороший вышел бы из него царь! Увы, увы, увы... Не может быть у государя и любви. Дмитрий не понял, не захотел этого понять. В результате — его

жена, Марина, горделивая полячка, вызвала в Москве взрыв народной ненависти. И даже не попыталась обратиться к ней в любовь...

— Государь... — склонив голову, повторил пан Роман. А что ещё он мог сказать? С ним прощались. С ним, пролившим за царя кровь, положившим половину своего отряда, прощались, как прощались и с остальными. Вспомнить — кто остался из ветеранов? Да никого! Ушёл Рожинский, ушли запорожцы, не осталось украинских казаков, которых привёл Ратомский... Он — один из последних. Наверное, царь долго помнил тот страшный бой под Добрыничами, когда в миг разгрома именно отряд Романа закрыл дорогу коннице Мстиславского. До боя у него в отряде было сотня воинов! После — осталось двадцать...

— Я отпускаю тебя, пан Роман Смородинский! — мягко сказал царь. — И тебя, пан Анджей Медведковский, тоже отпускаю! Вы верно служили мне все эти годы, я же не забываю верных людей. Пан Ян, подойди!

Ян Бучинский, мудрейший из советников царя, но — не православный, медленно, с явной натугой принёс и поставил на пол туго набитый мешок. Если в нём было золото, то его довольно было, чтобы выплатить всему отряду полугодовое содержание.

— Здесь — содержание для вас. Двойное! — подтвердив подозрения панов, сказал царь. — Этого слишком мало, чтобы выразить мою благодарность, но — пан Ян более не желает давать. Что ж, я прислушался к своему советнику... иначе, зачем он мне нужен? Пан Роман!

— Да, Государь! — коротко отозвался он.

— У меня к тебе личная просьба, пан Роман, — царь смущённо улыбнулся. — Ты ведь всё равно поедешь мимо Киева. Заедь туда, завези князю Василь Константиновичу подарок от меня. Вот этот ларец! Там нет ничего особенного, но старику будет приятно... Может он, наконец, перестанет кликать меня самозванцем... Каким-то Отрепьевым! Господи, ну за что они ко мне так?! Я ведь никому ничего плохого не сделал! И не сделаю, клянусь Господом!

Царь истово перекрестился на икону Богородицы, висевшую в красном углу... Видели бы его в этот момент те, кто обвинял в пристрастии к католикам! [\[5\]](#)

— Государь, надо быть жёстче! — резко сказал, исподлобья обозрев остальных, Пётр Басманов. Воеводе пришлось нелегко, вся Москва заглазно обвиняла его в измене молодому Годунову... Даже несмотря на то, что его как раз не было в столице, когда царь Фёдор был убит в своей горнице. — Твой отец...

— Мой отец был великий государь! — резко, чуть резче, чем надо, оборвал его царь. — Я, увы, мне, не такой! У меня не поднимется рука казнить тех, кто возвёл меня на престол... пусть даже мой по праву! Я дал обед Богородице и не стану его нарушать, даже если моя жизнь подвергнется опасности...

Так он говорил, и восхищённый благородством царя, пан Роман тогда не мог не подумать — такие, как он, не живут долго. Будучи благородными сами, они верят в благородство других. Совершенно напрасно, увы...

Боже! Как жаль, что он оказался провидцем! Царь Дмитрий Иоаннович скончался, не достигнув и двадцати пяти...

За одну только минувшую ночь Кирилл успел наворотить сверх всякой меры. Его отряд — почти полная сотня воинов — состоял из трёх неравных частей: двадцати пяти воинов из сотни самого Кирилла, полусотни стрельцов под командой стрелецкого полусотника Павла Громыхала и отряда волжских казаков — тридцати головорезов Дмитро Оленя. Последние оказались в отряде случайно, по настоянию князя Ивана Шуйского. Кирилл был не настолько знатен, чтобы спорить с ним. Пришлось подчиниться... Казаки, к слову, должны были показать себя с лучшей стороны, ибо нет ничего лучше лёгкой конницы в погоне. Другое дело, огненного боя у них было не слишком много, да и состоял отряд в основном из черемисов, мордвы и лишь на треть — из казаков собственно. Дмитро Олень — угрюмый, белобрысый и голубоглазый казак, являл собой полную противоположность весельчаку Павлу Громыхале. Ничего удивительного. Ходили слухи, когда-то давно атаман казачьей ватаги был монахом то ли на Мурмане, то ли под Архангельском, то ли вообще на Соловках. Не выдержав сурового устава, бежал. Баб и девок, впрочем, сторонился и даже боялся, видимо по привычке почитая их сатанинским порождением. Может, он был прав?..

Что до самого сотника Кирилла Шулепова, его вряд ли можно было назвать женоненавистником. За год, который он провёл в Москве, у него завелось сразу несколько зазнобушек. К одной из них, кстати, он заглянул той же ночью. Купецкая жена Арина была хороша собой — просто чудо! Пышнотелая, румяная... богатая, а значит, принимающая любовника со всем возможным почётом. С заморским вином, с икоркой и белорыбицей, с дорогими заморскими же яствами, на которые не каждый день глядели большинство бояр Москвы! Что поделаешь, коль так повезло...

Правда, эту ночь сын боярский не забудет и ещё по одной причине... Весёлая выдалась ночка! Сверх меры, по правде говоря...

Он уже угомонил ненасытную нынче Арину. Та, белея роскошным телом, лежала на перинах... Внезапно в дверь постучали. Стук среди ночи — невесёлый сигнал для любовников. Если стучит не доверенная служанка — чтобы принести каких-то яств, то — слуга, не ведающий, что узрит. Хорошо ещё, что это — не признак прихода мужа. Муж редко, почти никогда не стучит в таких случаях. Грохнуть ногой, распахивая так дверь, это он может...

Стучала служанка. Увы, принесла она не мальвазии, но — новости. И неприятные.

— Господин у ворот! — дрожа от ужаса, прошептала она. И широко распахнутыми глазами уставилась на постель, в которой во весь свой немалый рост вырос обнажённый сотник.

— Беги, милый! — очнувшись, запричитала Арина, поспешно напяливая на Кирилла одежду и перевязь. — Берегись, мой муж свиреп! Он убьёт тебя, любый!

Тот презрительно фыркнул:

— Это — вряд ли! Не на того напал... Да я его самого в капусту нашинкую!

— Нет, нет! — поспешно воскликнула Арина. — Что ты! Уходи задним двором... Злата тебя проводит!

Чертыхнувшись и тут же испросив прощения у Господа, сотник, однако, покорился. Арина была бабой доброй и ласковой, не след бы подводить её под монастырь. Да и потом, если он убьёт её мужа, ему самому придётся на ней жениться! Ну, нет! На такое он идти не

готов! Не согласен!

Идти по тёмным, узким коридорам и переходам огромного дома купца гостинной сотни было нелегко. Здесь давно уже не прибирались, дважды Кирилл что-то снес, походя, ещё раз врезался в острый угол, кажется, принадлежащий ларю. Снести ларь ему не удалось, но грохот был таков, что Злата зашипела от страха:

— Тише!

Девка была хороша, а Кирилл давно уж положил на неё глаз. Другое дело, всё как-то не было случая... Притиснув её в уголке, сотник дружелюбно улыбнулся и, нащупав пазуху на рубахе, просунул туда ладонь.

— Тише! — вновь попросила чернавка, даже не думая вырваться. Она и дальше вела себя покорно, и Кирилл не пожалел, что задержался на четверть часа. Правда, времени было в обрез. Когда Злата выпускала его через заднюю калитку, во дворе уже перекликались челядины и голоса их звучали всё ближе и ближе.

— Беги, герой! — нежно улыбнувшись ему и показав очаровательную щербину между передними зубами, сказала Злата. — Увидимся ещё, чай!

— Нескоро! — возразил Кирилл. — Я уезжаю надолго... Впрочем, к тебе я как-нибудь по приезде загляну. Больно ты хороша, краса!

Голоса стали слышны так, будто челядины были где-то совсем рядом. Вскользь поцеловав чернавку, Кирилл побежал по тёмной, грязной, узкой, кривой московской улочке. В двух улицах от этой, в шинке старого Якова его ждал верный Шагин с конями. Не так уж и далеко — для воина, привычного делать по десять, по двадцать вёрст в день!

Он дошёл — добежал за полчаса, потратив некоторое время на мелкие человеческие нужды.

— Сотник Кирилл! — окликнули его из притулившегося около кабака небольшого возка.

— Ну, я! — небрежно, с видимой угрозой уронил ладонь на рукоять сабли, процедил Кирилл. — Что тебе, незнакомец? Рожу-то покажи!

Двое отроков показали из-за возка, дверь открылась, и наружу вышел боярин. Ну, конечно боярин! Не из великих, вряд ли старомосковский, но — вполне знатный, чтобы позволить себе возок о четырёх конях, двух отроков с немецкими пистолями и собольи меха на чуге и шапке.

— Ты не пугайся, я тебе не враг! — и впрямь вполне миролюбиво сказал боярин. — Я — Илья Совин. Слышал, может?

Кто ж не слышал! Прошлым годом, летом, боярин Совин был одним из тех, кто яростно поддерживал Самозванца. Говорят, вместе с ещё полудюжиной дворян московских, он участвовал в захвате царя Фёдора Годунова. Правда, не убивал, но шрам на щеке носил гордо. Мол, царской саблей нанесён!

Насчёт царской сабли, тут никто ничего сказать не мог... пока кто-то из детей боярских, бывших там и всё видевших, не рассказал правду. Подсвечником славный боярин оцарапался, подсвечником! Впрочем, честь от нового царя он не получил — был он среди убийц Фёдора Борисовича, или не был. Тот, кто именовал себя царем Дмитрием Ивановичем, убийц не жаловал и, расплатившись с ними за приход к власти, немедленно отдалил от Кремля. Возможно, поэтому они самые встали во главе заговора уже против него. И убили Самозванца...

— Что тебе, боярин? — хмуро спросил Кирилл, зябко поводя плечами. — Говори

поскорее, тут холодно, а я — тороплюсь!

Боярин не торопился. Всяк, кто знал его хоть чуть больше, увидел бы, что он смущён. И впрямь, говорить о случившемся мужчине, пожалуй, было стыдно.

— Моя жена, Татьяна, украдена проклятыми ляхами и увезена из Москвы! — трудно сказал он. — Ты гонишься как раз за её похитителями... Ну, будешь гнаться, когда утром выступишь в дорогу! Так вот, гонясь, знай: ты получишь полновесную тысячу корабленников, если вернёшь мне жену в целостности и сохранности! Если же не вернёшь...

— Что тогда, боярин? — дерзко и резко спросил Кирилл, на всякий случай, делая пару шагов назад. — Что ты тогда мне пообещаешь?

— Вражда со мной ещё никому не помогла в жизни! — мрачно сообщил боярин, глядя куда-то в сторону. — Вспомни хотя бы самозванца, сотник!

Кирилл коротко кивнул. Сам он не видал боярина среди штурмующих Кремль, но хлопцы из чади князя Михайлы говорили, что именно полк Совина во многом решил исход Дела. Правда, были такие, кто говорил совершенно иначе...

— Я постараюсь! — пообещал он. За тысячу золотых можно было и постараться...

Кабак старого ливонца Якоба, которого все именовали не иначе как Яковом, расположился очень удобно и как раз невдалеке от Кремля, в Китай-городе. Здесь творилось немало тёмных дел, сюда не рисковали заглядывать честные люди... Зато вино и новый для Руси напиток — белое, хлебное, продавались совсем неплохого качества. И закусь к ним была самая разная и тоже — вкусная.

— Слава тебе, славный Яков! — орали в полторы дюжины плоток ухари-ухорезы из компании, устроившейся в самой середине кабака. Кирилл, впрочем, не обратил на них и малейшего внимания. Он смотрел направо. Там, в тёмном уголке, за скромно обставленным столом сидели трое. И если в сидящем на отшибе он сразу и безошибочно узнал Шагина, своего верного слугу и дядьку-наставника, то двое других не сразу опознались. Лишь когда он уже уселся за стол, вспомнил — тот, что выделяется чисто славянской рожей, короткой стрижкой «под горшок» и немалой статью, зовётся Павлом и является стрелецким полусотником. Второй — белобрысый, мордастый, с полубезумным блеском в голубых глазах — казачий атаман Дмитро.

— Хлеб да соль! — буркнул Кирилл, тяжело усаживаясь за стол и приставляя рядом с собой тяжёлую саблю.

— Благодарствуем! — промычал Павло с набитым ртом. — Едим, да свой!

Дмитро скривился, брезгливо, на двух пальцах, изучив содержимое своей тарели. Ел-то он вполне нормальный кус свинины, жирноватый, но зато и сочный, приправленный гороховой размазнёй. Зато что он пил, понять было очень сложно. Из кубка несло гадостно... хотя, возможно, его просто давно не мыли.

Сам Кирилл, поймав пробегающую мимо девку за талию, спустя всего четверть часа получил свой шмат мяса, раков и кувшин с пивом. О вине — с учётом завтрашнего раннего выступления — и речи быть не могло.

Помрачнев ликами, его соратники отставили и свои кувшины.

— Значит так! — помолчав, сказал Кирилл. — Дело нам предстоит нешуточное, но не сказал бы, что и сложное. Ляхов немного, человек сорок. Какие они бойцы, все знаем... Или тебе, Дмитро, воевать с ними не доводилось?

— Не пришлось! — виновато развёл тот руками. — Со своей воевал, с мордвой довелось... На Мокше реке! С ляхами не воевал!

— А ты, Павло?

Стрелец со скрежетом прошёлся давно не стриженными ногтями по затылку, звонко ими щёлкнул, будто бы кого-то давя в прах.

— Там же, где и ты! — ответил спокойно. — Под Добрыничами я был! Ты ведь — был?

— В конной рати князя Мстиславского! — с некоторым оттенком гордости подтвердил Кирилл. — А ты, поди, в стрельцах так и был?

— А то! — возразил Павло. — Мы ж вам победу выковали!

То сражение, произошедшее глубокой зимой, снежной и холодной, среди ветеранов царской армии долго ещё останется поводом для славных воспоминаний за чаркой вина... Ляхов и литвинов, а также казаков и северян, под рукой Самозванца, было почти двадцать пять тысяч. Князь Мстиславский, вящий воевода царя Бориса, имел с собой шестьдесят тысяч отборного войска, в том числе почти двадцать тысяч огневой пехоты, стрельцов.

Это и решило дело! Лихая атака ляхов провалилась ещё до шишки грудь в грудь. Кони вымотались, застряв в глубоком снегу, а на подходе их встретили пищали стрелецкой фаланги и пушки. Под огнём стрельцов даже горделивые запорожцы, коих набрался полный курень, замялись и развернули коней... Те, кто успел. Остальных выбили стрельцы. Конницу князь-воевода бросил в дело, выждав момента, когда победа станет окончательной. И крушили они бегущих ещё пятнадцать вёрст! Самозванец ушёл с небольшим отрядом конницы, позорно бросив всю пехоту... Против пятисот убитых москвлян павших мятежников насчитали более шести тысяч. В плен попали многие вящие сторонники Самозванца, его знамёна и вся артиллерия. Телами застреленных и порубленных мятежников было устлано всё поле. По сути своей, война тогда была закончена... Князь Мстиславский, кстати, крёстный настоящего царевича, сделал всего одну ошибку: слишком рано остановил преследование, уверовав в гибель Самозванца. Впрочем, вот это уже начинались высокие материи, недоступные для простых смертных.

Выпьем за победу! — подняв чарку, предложил Кирилл. — За стрельцов славных, ту победу нам даровавших!

Выпили. Закусили вкуснейшими, собственной засолки огурчиками Якова. Ещё раз выпили-закусили. Чарки опустели...

— Эй, кабатчик! — оглушительно рявкнул Павло Громыхало. — Ещё вина!!!

Вино прибыло немедленно — старый хитрец Яков прекрасно знал, когда не след задерживаться. Правда, вино оказалось кисловатое... И опять таки, Яков знал, когда его гости перестают обращать внимание на такие мелочи.

— За то, чтобы и на этот раз клятые ляхи передохли прежде нас! — провозгласил тост Кирилл. — Эй, казаче! А ты чего не пьёшь?

— Нам завтра в дорогу! — хмурый, напомнил за него смуглорожий Шагин. — Ты бы, господин, придержал скок коня хмеля и пересел в седло трезвости!

— Ты что-то сегодня непонятно говоришь, Шагин! — ухмыльнувшись, сказал Кирилл. — А впрочем, ты прав. Отставим вино, други! Завтра — в дорогу!

Тут лицо Павло, ухмыляющееся до того момента, окаменело, и он медленно начал подниматься на ноги. Рядом с ним, непослушными во хмелю пальцами царапая рукоять кривой татарской сабли, вскочил побагровевший Дмитро Олень.

Медленно-медленно, Кирилл поднялся и обернулся. По спине текло...

Перед ним, раззявив щербатый рот в пьяной ухмылке, стоял один из тех питухов. Мотня его была расстёгнута и из неё свисал... В общем, почему его спина мокра, Кирилл понял быстро. Побагровел, выхватывая саблю...

— Нет!!! — кабатчик бесстрашно ринулся между ними, раскидывая руки на манер крыльев взлетающей утки. — Только не здесь! Ты, Онцифор, постыдился бы! Воин! Ветеран ливонский! Тьфу... Доброго человека обидел... Зачем обоссал его, будто кобель стену? До порога было не дойти?

— Гы! — сказал щербатый Онцифор. — Гы, гы, гы!

— Ты не обижайся на него, воин! — попросил смущённый кабатчик. — Убогий он, юродивый! Под Ашераденом его оглушило, вот и мается, бедный!

На вид «бедному» было лет сорок, сорок пять, выглядел он ражим, крепким и полным сил мужиком... Впрочем, скорее всего, столько ему и было. Сам Кирилл не помнил — в свои двадцать пять и не мог помнить, но вроде бы Ашераден, это Дело было в конце Ливонской войны... Впрочем, так же верно может быть и — нет.

— Ладно! — мрачно сказал сотник, сбрасывая прямо на грязный, заплёванный пол, смердящий кафтан — подарок Арины. — На вот тебе... юродивый!

Отомстив, таким образом, за оскорбление, он успокоено сел обратно.

— Ну, за наших врагов! — провозгласил достаточно громко, чтобы это слышали все в шинке. — И чтобы все они передохли... нехристи!

Нехристи, среди которых большая часть являлась православными, расположились меж тем на берегу небольшой, но на удивление медленно влекущей свои воды речушки. Было холодно, хотя лёд уже сошёл. Копыта коней звонко отбивали дробь о заледенелую землю...

— Однако привал бы не помешал! — пробурчал пан Анджей, брюхо которого вот уже второй час выводило почти столь же звонкие и никак не менее впечатляющие рулады. — Слышь, пан Роман! Мы ведь так и не пообедали, а теперь время к ужину! Да ужинать уже пора!!!

Крик души пана Анджея пришёлся кстати. Роман и сам подумывал остановиться, но каждый раз откладывал привал на четверть... полчаса... час позднее. Воины за спиной — закалённые ветераны, прошедшие Северский поход, Добрыничи и победную дорогу на Москву, не роптали, но явно старались выказать своё неудовольствие происходящим. Что до женщин, то их было не слышно и не видно... Кстати, оба коня, запряжённых в возок, тоже выдохлись и требовали отдыха!

— Привал! — громко сказал пан Роман, спрыгивая на землю и звонко впечатываясь каблуками в заиндевевшую траву. Подумал, добавил. — До утра!

Казаки и шляхтичи, оживлённо переговаривая и позвякивая оружием, начали разбивать бивак.

— Марек!!! — оглушительно рявкнул пан Роман. — Яцек! Ну-ка, сюда!

Звонким перестуком отозвался сумрак на юге и две невысокие, зато очень быстрые татарские лошадки выметнулись из темноты. Всадники были невелики ростом, хрупки... Кто бы посмел сказать им это в лицо! Марек, оруженосец и стремянный пана Романа, был гибок и зол, как кошка, столь же опасен. Его кривая татарская сабля — подарок господина, пана Романа, была быстра и остра. Семерым уже не похвалиться, что сумели уклониться от её поющего, словно злая оса, лезвия. Сам Марек похвалялся в минуты, которых потом стыдился, что клинок был кован из дамасской стали. Врал, конечно! Добрый был клинок, но за дамаск пан Роман расплатиться бы не смог...

Яцек пристроился чуть позади Марека. Ровно настолько, чтобы это не было унижительным для него и его господина, пана Анджея. Он был покрупнее Марека, деibel телом и кроток духом. Хороший стремянный и слуга, плохой воин. Впрочем, при нужде его прямой немецкий палаш был не менее грозным оружием. И он, как и Марек, был по самые по конопатые уши влюблён в Зарину, верную служанку госпожи Татьяны... И столь же безответно... пока.

— Звали, господин? — звонко спросил Марек, на глазах красотки-Зарины, вздымая коня на дыбы.

— Звал! — коротко ответил пан Роман. — Ты, Мариус, и ты Яцек, отправляйтесь-ка в разведку! Поглядите, что нас по дороге впереди ждёт. Далеко не заезжайте, вёрст десять проедете и — назад! И — осторожно, Марек! Попусту не рискуй!

Яцеку он даже напоминать не стал. Этот шестнадцатилетний увалень и так без приказа не потянется... хотя не лентяй, но — трус жуткий!

— Понял! — скривился Марек. — Как прикажешь, господин... Можно я пистолы немецкие возьму?!

Вопрос был задан так неожиданно, что пан Роман аж вздрогнул. Потом покосился на

внешне равнодушную, а на деле внимательно прислушивающуюся к разговору Зарину и усмехнулся.

— Возьми... пару! Смотри только, ключ не потеряй!

Марек, расцветший как розовый цвет, пулей метнулся в низенькую палатку, которую успели разобрать для панов, и вскоре вернулся обратно. К сабле и длинному черкесскому кинжалу добавились два огромных, в четверть его роста пистоля. Вкупе с коротким, но очень мощным турецким ружьём и двумя собственными, тоже турецкими пистолями, вооружение Марека представлялось крайне серьёзным. Яцек, тот к палашу присовокупил лишь рушницу, притом не слишком хорошую... Пан Анджей, протратившийся на книгах, на вооружении оруженосца, в боевые качества которого не верил вовсе, сэкономил сверх всякой меры.

— Поехали! — нетерпеливо ёрзая в седле, крикнул на него младший по возрасту, но от того ничуть не менее боевой Марек. — Что ты рассусоливаешь?!

Яцек неторопливо зарядил рушницу, забрался в седло и, только проверив, легко ли добываются палаши и кинжал из ножен, кивнул:

— Поехали!

Теперь уже не торопился Марек. Завидев невдалеке Зарину, он шагом послал к ней своего Огонька и, придержав его всего в паре сажений, громко спросил:

— Что привезти прекрасной панночке? — склонившись притом к самой холке.

— Ежа! — похоже, прежде чем подумать, как следует, брякнула «прекрасная панночка» которой ещё не исполнилось восемнадцати.

Слегка опешивший, Марек, однако подчинился.

— Как пожелает самая красивая девушка на свете! — он развернул коня на одних только задних ногах и бросил его в намёт.

Обстоятельный Яцек, в душе которого выли на сотню голосов чёрные кошки, загонять коня не стал. Всё одно, Марек скоро утомится ехать один... Тогда он его и нагонит!

Марек, однако, вопреки всему, проскакал галопом почти версту и к тому моменту, как бивак растаял в надвигающейся темноте, их разделяло не меньше полёта стрелы, выпущенной из татарского лука.

— Яцек, догоня-ай! — рывкнул Марек во весь голос.

— Сам погоняй! — негромко огрызнулся Яцек. Однако коня пришпорил. Такой же флегматичный, как и хозяин, мохнатый его ногаец потрусил чуть быстрее. Марек нетерпеливо приплясывал в седле.

— Ну, чего ты?! — сердито спросил Марек, когда между ними оказалось меньше сажени, и кони медленной рысью направились к темнеющему в паре вёрст лесу. — Есть не хочется?

— А мне и впрямь торопиться некуда! — мстительно возразил Яцек. — Мне ежей посреди ночи искать не предлагали! Как ты будешь их искать? Задницей голой под каждый куст залезая?! Нет, ты всё же дурень, Марек! Надо же, так нарваться!

— Подумаешь! — беззаботно присвистнув, что в глазах жутко суеверного Яцека было ужасно дурной приметой, возразил Марек. — Найдём как-нибудь! Вот жрать хочется... Вот растяпа я! Ведь был в палатке! Там и стол уже накрыт... почему ничего взял?! Там ветчина, сала шмат, бок бараний с кашей...

— Растяпа! — радостно согласился Яцек, ковыряясь в ольстредах.

— Растяпа! — продолжал корить себя Марек. И вдруг издал горловой звук, поперхнулся.

Прямо перед ним, ароматом сводя с ума, а видом внушая весёлый ужас, розовел огромный шмат той самой, ещё в Коломне купленной ветчины. На полти вчерашнего хлеба. Покрытый сверху огромным солёным огурцом... Хрустящим, тем не менее — проверено!

— Яцек... — враз осипшим голосом прохрипел Марек. — Откуда?! Ты — колдун! Чернокнижник! Как вернёмся обратно, я исповедуюсь отцу Никодиму, и мы прилюдно сожжём тебя, еретика и чернокнижника, на костре! Как это бишь называется-то...

— Сам ты еретик и чернокнижник! — промычал набитым ртом Яцек. — А я — предусмотрительный. Пока ты за пистолы бесполезные хватался, я в мешках у Казимера покопался... Он у нас запасливый!

— Он тебе голову открутит! — весело пообещал Марек. — Вспомнил!!! Аутодафе называется такой костёр! Яцек, тебя сожгут на аутодафе!

— Ну и помрёшь с голоду! — пробурчал обиженный таким к себе отношением Яцек. — Раз так, вина я тебе не дам! И не проси! И не смотри на меня так!!!

Добросердечный, наивный Яцек...

Довольно обхватив дланью плоскую медную флягу, Марек пробормотал хвалу Богородице за сытный ужин, и открутил пробку...

— Ты мне-то оставь! — встревожился Яцек, глядя на то, как приятель жадно присосался.

Марек отлип. Несколько мгновений он как-то странно кашлял, его тело содрогалось в жутких конвульсиях, которые вусмерть перепуганный Яцек принял за предвестие смерти. Логично предположив, что вино пошло не в то горло и Марек вот-вот задохнётся, Яцек со всей дури шархнул немалых размеров кулачищем промеж выступающих лопаток худой спины приятеля. Охнувший от боли, Марек чуть не покинул седло, но удержался. Прорывав ругательство, он перегнулся через седло и его обильно, а главное бурно вырвало на дорогу. Всем только что сожранным добром и даже утренним завтраком... той его частью, что не успела перевариться.

— Чтоб тебя! — просипел он полузадушено. — Так же и убить можно, Яцек! Ты пробовал своё вино-то?!

— А что? — удивился тот. — Неужто плохое?

— А ты попробуй! — предложил Марек. — Может тебе понравится!

В голосе его было столько яда и гнева, что Яцек не осмелился отказаться... М-да. Странно, но он промахнулся. Вместо вина, во фляге было подсолнечное масло. Не слишком тёплое, но от того не менее противное и на вкус, и даже на запах. Впрочем, воняло оно так отвратно, что странно было уже то, что Марек не ощутил его запаха прежде, чем пригубил.

— Ты что же, не чуял, чем пахнет? — искренне изумившись, поинтересовался Яцек.

— У меня — насморк! — рявкнул вконец разгневанный Марек. — У, чтоб тебя!.. Ещё ветчина есть?

Яцек, взявший всего по шмату, виновато развёл руками. Нету мол, извини! Прокляв всё на свете, Марек пустил коня вперёд.

Прежде чем Марек отошёл, прошло никак не менее часа. Стало уже совсем темно — для этого времени года, разумеется. Огромные ели окружавшего их болотистого леса возвышались, подобно башням чудовищного замка Кащея Бессмертного или злобного, кровожадного Дракона. У обоих отроков — даже у бесстрашного Марека — сердца поуходили поглубже в пятки и там упрятались. А тут ещё чёрные тени, со страшным шорохом проносящиеся над самыми головами. И какие-то стоны, крики, вопли душераздирающие в глубине чащобы! Хвала Мареку и особенно Яцеку, что в штаны не напустили!

Вдруг — а это всегда вдруг — что-то из самой чащи, чёрное и огромное, бросилось прямо на едущего последним Яцека. Это было уже выше его малых сил! Отчаянно заорав, выхватив из ножен палаш, он дал коню острогами. Тот, рванул вперёд, Яцек сослепу рубанул что-то твёрдое... Конь промчал дальше и остановился самостоятельно, потому как хозяин перестал терзать его бока шпорами.

— Ты кого рубил-то? — спросил Марек, нагло ухмыляясь.

— А кого? — вопросом на вопрос, по-жидовски, ответил Яцек.

— А ты посмотри! — хихикнул Марек. — Герой ты, Яцек... Гусар!

Вгляделись... Оказывается, бедняга телёнок, видимо потерявшийся ещё при свете Солнца, рванулся к ним в испуге. Ему досталось... Палаш Яцека, попав удачно, располовинил голову.

— Вот тебе и леший! — весело восхитился Марек. — Но... Ты рубака! Говорю ж — гусар! Приеду в лагерь — всем расскажу, какой витязь растёт!

Яцек, слывший тугодумом, немного растерялся, но так и не решил, считать ли эту похвалу друга оскорблением, или нет. На всякий случай он окинул подозрительным взглядом лес... Невдалеке, как ему показалось — совсем близко, жёлтым огнём сверкали два ярких пятна. Бог знает, кому они принадлежали, и что ему было нужно...

— Поехали! — дрогнувшим голосом взмолился Яцек. — Нам скоро возвращаться надо!

Марек заколебался, было, явно разрываясь между страхом и желанием прихватить «добычу» обратно. Страх, однако, пересилил — ему тоже неуютно было в тёмной чащобе, на узкой, полузаброшенной дороге, совсем не похожей на тот Шлях, по которому они продвигались все эти дни.

— Ладно! — сказал он как можно более твёрдым голосом. — Проедем ещё версты две-три, а там посмотрим!

Через версту, въехав на пригорок, они увидели перед собой раскинувшееся село. И опять заспорили.

— Домой пора! — ныл уставший, вконец отбивший себе зад Яцек.

— Ну, нет! — решительно возражал разохотившийся Марек. — Мне ещё ёжика надо раздобыть. Вон, смотри, сеновал у крайнего дома... Пошли!

Яцек, окончательно смирившийся с невесёлой судьбинушкой, тяжело вздохнул и спешил. В поводу они повели коней через широкое поле. Хорошо ещё, распаханная после озимых земля была заморожена, они не проваливались в неё по колена...

Вот и осик. Длинные, но не обязательно прочные слуги, протянутые горизонтально между покосившимися столбами. И — сто шагов по огороду, до сеновала.

— Я с конями останусь! — шёпотом сообщил Яцек.

— Ага, давай! — привязывая коня, согласился Марек. — Если что, я скажу пану Анджею, что ты погиб смертью героя!

— По... почему погиб?! — возмутился Яцек.

— Так тебя ж обязательно сожрут. Не волки, так лешие! — заверил его Марек. — Я-то ёжика поймаю, да обратно... Ты мне коня своего отдашь?

— Я с тобой иду! — громким шёпотом рявкнул Яцек. — И будь что будет. Поймают нас, ты отвечать будешь!

— Так мы ж ничего не делаем! — поднял брови Марек. — Мы ж только ёжика...

Они перебежками бросились через огород. Яцек рухнул дважды: сначала на грядку, потом — на странного вида, приземистую кучу, из которой выбрался, брезгливо отряхиваясь и сдавленно ругаясь вполголоса. Марек скорее угадал, чем сообразил, что шмякнуться — рожей и всем телом — Яцеку повезло в кучу заготовленного под посадки навоза. Хорошо, если коровьего...

— Ну, что ты там? — тихо прошипел Марек, когда Яцек, наконец, подобрался поближе. — Фу, ну и воняет от тебя... обделался?!

— Не ври! — отчаянно прохрипел Яцек. — У тебя — насморк!

— Даже сквозь сопли пробивается! — сокрушённо покачал головой Марек. — М-да, что же скажет Зарина...

Они осторожно скользнули внутрь... и почти сразу поняли, что — не одни. Сбоку, с огромной кучи прелого прошлогоднего сена, раздавались странные звуки, постанывания, кто-то сосредоточенно сопел. Шуршала солома.

— Пошли отсюда, Марек! — моляще прошептал Яцек. — Скорее!!!

— Тихо ты! — одёрнул его приятель и Яцек с обречённостью знающего человека увидел озорной блеск в его глазах. Всё, сейчас что-то будет...

Марек осторожно, чуть ли не на цыпочках подобрался к загородке, отделявшей эту кучу от уже пустующей части сеновала и на руках подтянулся вверх. Вишь ты, ему восхотелось убедиться, что не ошибается...

Он не ошибся. На сеновале, кроме них с Яцеком, было двое: парень и девка... вернее, теперь уже баба. Раскинутые широко колени её стыдно блестели в темноте, между ними мерно вздымался поджарый, волосатый зад.

Рядом с Марексом, пыхтя от натуги, повисел Яцек. Всмотрелся, побурев от смущения, но не отводя взора...

— Пошли отсюда, я ежа нашёл! — слишком громко сказал он.

Внизу замерли на миг, видимо, услышав шёпот. Мальчишки замерли, причём Яцек выпучил глаза и уткнулся носом в перегородку, явно борясь с чихом. Марек с ужасом уставился на него, но тут внизу застонали, задвигались вновь... И Яцек оглушительно, словно из ружья выстрелил, чихнул. Звук был настолько внезапен, что Марек чуть не свалился, а внизу замерли окончательно. Потом парень в голос выругался, попытался встать... все его попытки не удались. Полубовницу его, видать, с испуга слегка скорчило, и достоинство его попало в капкан.

— Кто там?! — испуганным голосом проревел он, пытаясь, тем не менее, подняться.

— Это я, рогатый и хвостатый! — пропищал Марек, давясь со смеху.

Внизу вскрикнула испуганно девка, вновь попытался вырваться из капкана парень... У него ничего не получилось.

— Марек, бежим! — воззвал к растаявшему благоразумию приятеля Яцек. — Быстрее же, он сейчас освободится!

Марек, однако, не торопился. Попавший в капкан парень так забавно дёргался на подружке, почему-то неподвижной, что ну никак не было возможности утерпеть. Отломив небольшую щепочку, Марек широко размахнулся и как кинжал метнул её прямо в задницу.

— Ай! — испуганный до полусмерти, вскричал парень. — Ай, мамочка!

И тут он, наконец, освободился.

Легко соскочив на землю, Марек побежал к выходу. Ёж сейчас интересовал его куда меньше спасения собственной шкуры... и именно ёж, маленький и взъерошенный, оказался на пути отрока. Марек, не долго думая, подхватил его на руки и, закутав в длинные рукава кафтана, побежал дальше. Сзади сосредоточенно сопел Яцек, за ними, ругаясь на чём свет стоит, наяривал парень...

— Стойте, ироды! — орал он. — Ух, погодите! Поймаю — выпорю!

Такой шум не мог не привлечь внимание. Разумеется, он и привлёк. Хлопнула дверь дома, кто-то выкрикнул что-то, да ветер слова не донёс. Зато он донёс оглушительный грохот, также как Яцек увидел вспышку света у дома. И почти сразу же над головами прожужжал тяжёлый свинцовый шмель пули...

— Ого! — заорал Марек, оглядываясь на бегу и со всего размаха падая в гряды. — Это уже веселее! Ну, погодите!

Его пистоль моментально оказался в руке и пуля из него, выброшенная мощным зарядом пороха, просвистела так близко к щеке Яцека, что даже обожгла. Вряд ли Марек мог попасть с такого расстояния. Главное — напугал...

Минутой позже они уже были в сёдлах. Ещё чуть позднее — гнали коней во весь опор, стараясь даже не оглядываться....

Когда кони стали сбиваться с галопа на рысь, Марек и Яцек почти синхронно натянули поводья.

— Ну... ты... дурак! — в три приёма, задыхаясь, высказал Яцек. — Это ж надо, чуть не погибли!.. Ежа-то не потерял?

Нагло усмехнувшись, Марек добыл из-за пазухи небольшой свёрток, в который обратил запасную шерстяную сорочку. Лишь маленький «мышиный» носик торчал из свёртка. Слышно было, как часто бьётся сердечко зверька. Ёж, а вернее — ёжик был испуган. Наверное, никогда ещё в его жизни не случилось такого приключения... А впрочем, вряд ли он померёт от этого! Тем более у него будет такая очаровательная хозяйка...

Зарина... О, как же мечтали о ней оба мальчишка, с того самого мига, как увидели. Она была прелестна... и необычна. Невысокая, стройная, где надо — круглая, с ясными жёлто-зелёными глазами, дерзким взглядом из-под смоляно-чёрной чёлки и упрямо поджатыми губами. С горячим, не девичьим характером. Всегда при ней был длинный, опять же не девичий кинжал, небольшой, но мощный турецкий пистоль и татарский лук. Как она стреляла из лука, оба отрока убедились довольно быстро, в первый же день. Не хотелось бы им оказаться в числе её врагов, да на расстоянии в сотню шагов! Впрочем, эти её достоинства волновали их куда меньше. Вот красота... Притом сама Зарина на их ухаживания отвечала в лучшем случае равнодушием. Это — в лучшем случае! Мареку, в первый же день со всем максимализмом неопытного юнца сунувшегося к ней под юбку, она с размаху огрела седлом, которое как раз держала в руках. Бедняга целый день мучился головой, и даже всезнайка, мессир Иоганн Стефенсон, лекарь пана Романа, не смог избавить Марека от неё. Правда, он предложил провести довольно быструю операцию, заключающуюся в отделении головы от тела, но этот вопрос был немедленно снят с обсуждения. Не на шутку напуганный кровожадным блеском карих глаз шведского лекаря, Марек предпочёл слинять.

Больше везло Яцеку. Он в свои шестнадцать, в противоположность Мареку, был увальнем и на взгляд Зарины выглядел совершенно безобидно. Тут она, правда, как и несколько дворовых девиц пана Анджея до неё, ошибалась. Яцек, конечно, был стеснителен и женщин боялся... но если его припирали к стенке, проявлял чудеса изобретательности и не перед чем не останавливался. Другое дело, что он был на удивление непостоянен для скромника. Редкая красотка могла удержать его у себя больше чем на неделю. Дочь мельника, которой удалось это в течение месяца, считалась в местечке Медведково чуть ли не героиней... Правда, признать её малыша Яцек отказался наотрез и пан Анджей, ужаснувшийся при мысли, что его оставят без такого восхитительного повара и стремянного, решительно поддержал своего слугу.

Зарина, впрочем, была далеко. Вокруг приятелей, усталых и порядком напуганных, вновь лежал тёмный и жуткий ельник, из которого доносились самые жуткие звуки, какие только доводилось им слышать. Марек, тот ещё держался, Яцеку же было просто плохо. Он плотно зажмурил веки, сдавил повод так, что из него вода могла бы потечь, и так ехал. Ружьё, палаш и даже кинжал были напрочь забыты. Всё, о чём Яцек сейчас мечтал — поскорее оказаться в чистом поле. По его мнению, там ничто не могло ему угрожать.

Но даже и Марек остановил коня, когда впереди, за поворотом, послышался громкий

вой, несомненно, принадлежащий крупному, матёрому волку. Этот вой подхватили ещё несколько голосов. Впереди была стая.

Яцек вздрогнул ещё сильнее, заслышав тихий скрежет. Не сразу до него дошло, что это Марек взводит замки колесцовых пистолей пана Романа.

— Поехали! — мёртвым голосом приказал Марек. — Да поехали же, Яцек! Бери палаш в руки, трус!

— Я не трус! — шёпотом возразил Яцек. — Я просто очень боюсь!

— А ты думай про Зарину! — посоветовал Марек. — Помогает!

Яцек на миг зажмурился, представил себе Зарину... Если он и не перестал бояться, то рука, добывшая клинок из ножен, почти не дрожала.

...Волков было четверо. Трое огромных, лобастых серых зверюг и самка. Теперь, когда они были открыты для взоров, стало ясно, ЧТО привело их сюда. Вернее — кто. Телёнок, убитый мальчишками, уже лишился задних ног и филея, теперь звери выжирали ему кишки.

— Медленно! — прошипел Марек. — Заклинаю тебя, Яцек, медленно!

Матёрый волчище, почти чёрный в лунном неверном свете, на миг оторвался от пиршества. Его пасть приоткрылась в оскале, из глотки вырвался глухой рык. Яцек подпрыгнул в седле, чуть не выронив палаш. Бледный, как полотно, Марек медленно повернулся в седле, нацеливая пистолы на вожака. Ехать так было неудобно, при выстреле можно было даже упасть из седла, но иного выхода у него не было. Марек неплохо знал волков и опасался, что они могут сейчас броситься на него. Он — проехал. Бедолаге Яцеку повезло меньше... как и всегда. Его конь, и без того храпящий от ужаса, внезапно взбрыкнулся. Волкам только этого повода и надо было. Они тут же, взыв жутко, бросились на коня...

Яцек взвыл чуть ли не страшнее их, его палаш взметнулся в воздух... но ещё быстрее взметнулся в воздух конь Яцека. Он оказался умнее хозяина и понял, что спорить с волками в остроте «зубов» не след. Его задние копыта взбрыкнулись и один из волков, взыв уже совсем по другому, как воют только от боли, отлетел прочь, в кусты. Осталось трое.

— А, чтоб тебя! — ругался тем временем Марек. Что-то заклинило в замке второго заряженного пистоля, и спусковой крючок никак не хотел спускаться. — Ну же, давай!!!

Пистоль наконец разрядился и пуля, выпущенная из него, пусть даже не прицельно, спугнула волков. Вот чего они всегда, во все времена боялись — огня!

— А-а-а! — заорал Марек, лихорадочно запихивая бесполезный теперь пистоль за кушак, пытаясь одновременно достать свои, менее мощные, но зато и более надёжные пистолы. Ещё две огненные вспышки, сопровождаемые громом, прорезали ночь. Взвизгнув, взвился в воздух и тяжёлым мешком осел на землю волк. Подвывая от ужаса, бросилась прочь раненая волчица... Марек редко мазал, и даже промахи свои обращал во благо. Яцеку же достался вожак. Огромный, тяжёлый, он ко всему прочему был и опытен. Коню под копыта не лез, бросаться не торопился, вынуждая человека первым атаковать. Яцек, вооружённый тяжёлым палашом, никак не мог отыскать шанса и ударить. Всё ему казалось, будто волк его обязательно обхитрит...

— Яцек! — заорал Марек так громко, будто нависал над самым его ухом. — Яцек, ружьё!!!

Яцек вздрогнул и поспешно потянул ружьё из ольстреди. И тут волк прыгнул...

Конечно, никто не успел бы развернуть коня или вскинуть ружьё так, чтобы попасть в зверя. И Яцек не успел... что ж тут поделаешь?! И Марек не успел... как ни жаль. Сам конь

спас своего хозяина — резким прыжком в бок, он ушёл из-под прыжка... почти ушёл. Крепкие волчьи когти полоснули круп, крепкие зубы вцепились в шкуру. Конь, отчаянно заржав, прыгнул вперёд и чуть не снёс грудью коня Марека вместе с седоком. Марек, однако, не растерялся. Он заставил своего ничуть не менее испуганного коня по кустам обойти взбесившегося жеребчика Яцека и выхватил саблю.

— Лоб у волка прочен... — бормотал Марек, выцеливая туловище вожака. — Бить надо за ухо...

Он так и ударил — с оттягом, с громким выдохом, вложив в удар все силы и всю ярость, весь испуг, которые накопил. Сталь звонко впечаталась в кость... пробила! Волк ткнулся носом в землю. Под огромной головой медленно расплывалось тёмное пятно. В воздухе остро и резко пахло кровью и псиной.

— Да утихомирь ты коня! — взвизгнул Марек, тщетно пытаясь сам удержаться в седле.

— Я пытаюсь! — чуть не плача, ответил ему Яцек. — Не получается...

И — получилось. Его конь, дрожа и обливаясь кровью из жутковато выглядевших ран на крупе и правой задней ноге, остановился и, словно в противовес своему давешнему бешенству, встал как вкопанный. Минутой позднее затих конь Марека. И тут взорвался Яцек.

— Всё! — голос его был напряжён и звонок, словно бы обладатель сего голоса пребывал в истерике. — Чтобы я ещё когда-нибудь с тобой... Да хоть по нужде на одном поле присел! Да не дождёшься! Пресвятая Дева Мария, радуйся! Угораздило ж меня, идиота, с этим самоубийцей-схизматиком связаться!

— Трус! — небрежно, спрыгивая с коня, обронил Марек.

— Ты... — задохнулся Яцек. — Ты куда?

— А ты что, такой трофеей оставишь? — искренне изумился Марек. — Я — нет! Уж вожака я, по крайней мере, с собой возьму!

Как и всегда, несмотря на все сопряжённые с этим решением трудности и опасности, он сдержал слово.

— Что-то задерживаются наши разведчики! — не забыв о еде, пробурчал пан Анджей, приподнимаясь на локте и вглядываясь в непроглядную ночную тьму. Поскольку до этого он долго и с удовольствием смотрел на огонь, он ничего не смог бы различить и в двух шагах. Но главное было попытаться.

— Да, Марек задерживается! — мрачно согласился пан Роман, в свою очередь, вставая и всматриваясь в даль. — Странно... Если через час они не вернутся, поеду выручать!

— Так может, не стоит ждать целый час? — озаботился пан Анджей. — Дело такое, серьёзное!

— Не думаю, дружище! — как можно мягче сказал пан Роман. — Марек — опытный разведчик, он храбр и умел. Вряд ли стоит поднимать панику из-за того, что он задержался немного... Зарина!!!

Палатку, разбитую для панов, они со всей вельможной галантностью уступили Татьяне и её служанке. Женщинам, короче. Сейчас полог её был полуоткрыт, и видно было, как служанка ухаживает за длинными, прекрасными волосами госпожи, что-то при этом приговаривая ласково. От рёва пана Романа содрогнулись стены палатки. Зарина же осталась холодна и спокойна. Её руки медленно, ни на миг не останавливая своего движения, продолжились расчёсывать волосы Татьяны. Лишь когда та что-то её сказала, Зарина отложила гребень и медленно подошла к выходу.

— Что?

— Зарина, что ты запросила у Марека? Какой подарок? — пан Роман давно уже понял крутой характер служанки, и говорить с ней старался как можно мягче, вежливее. Чуть ли не как с себе равной!

— Ёжика! — пожав плечами, ответила та. Сочтя вопрос закрытым, она развернулась и направилась обратно, расчёсывать госпожу.

— Ёжика? — голос пана Романа больше походил на шипение разъярённой змеи. — А почему не Месяц с неба?

— А сейчас — Луна! — дерзко возразила Зарина. — Чего он пристал... Я ж не знала, что он глуп настолько, что всерьёз воспримет!

Вот теперь она и впрямь ушла окончательно. Злой донельзя, пан Роман в бессилии наблюдал за тем, как она разворачивалась, как медленно уходила... И понимал прекрасно, что остановить её сможет, только рассорившись с Татьяной. Это в его планы не входило. Впрочем, не входило в его планы, и ночевать на мозглой земле пятую ночь подряд! Однако — придётся. Татьяна, отправившись с ним, ввязавшись в непонятную авантюру, ещё не принадлежала ему телом. И каждую попытку пана Романа довершить начатое в Москве, воспринимала как личное оскорбление. Иногда Роману казалось, что он — просто прихоть уставшей от одиночества и зануды-мужа боярыни. Что она уже жалеет, что поехала с ним... Но брать силой, надеясь, что потом стерпится-слюбится — как советовал умудрённый в подобных делах пан Анджей, он всё же не собирался. Не по божески это! Неправильно!

Татьяна, словно чувствуя его колебания, вела себя дерзко, нередко просто дразнила. Вот и сейчас — что-то сказала служанке, и обе они рассмеялись.

— Бабы! — проворчал кто-то из ближних людей пана Анджея, не уточняя, кого конкретно имеет в виду. — Вечно они нами крутят, как хотят. А впрочем... хотел бы я

посмотреть, КАК этот задира-Мариус ищет ежа в ночном лесу!

И тут в ночи грянули выстрелы. Сначала один, потом, дуплетом, ещё два, потом — тишина. Все, кто не спал, вскочили на ноги. Спящие проснулись.

— Марек! — бледнея, прошептал пан Роман.

— Яцек! — почти одновременно пробормотал пан Анджей. Он тут же развил бурную деятельность, благодаря которой спустя всего четверть часа отряд из десяти всадников, во главе с самим паном Анджеем, был готов выступить. Пан Роман, встревоженный и отчаянно пытающийся это укрыть от посторонних глаз, размещал по периметру лагеря остающихся воинов. Выходило так, что хлопцы, вполне возможно, попали в засаду. А это, в свою очередь, означало, что они наткнулись на врага.

— Только без излишней храбрости, пан Анджей, — в который раз наставлял его пан Роман. — Прощу тебя, не горячись! Марека и Яцека жалко, но даже их бедовые головы не стоят четырёх десятков других! Ты понял, пан Анджей?

Пан Медведковский, ухмыляясь себе в двойной подбородок, последний раз проверил взведённые курки пистолей, а затем вытащил из ножен огромный кончар... Уж сколько раз пан Роман советовал ему взять что полегче! Под весом тяжёлого клинка пан Анджей качнулся в седле и чуть не вывалился. Пузо, поди, уравнило.

— Марш! — скомандовал он, и десяток дружно ринулся следом за огромным першероном пана Анджея. Все — суровые, решительные... Орлы! Как бы только им перья не ощипали...

— Рушницы держать наготове! — рявкнул пан Роман, заметив, что несколько его казаков расслабились и ушли с указанных им мест. — Враг не дремлет!

Ворча и поругиваясь вполголоса, казаки вернулись на свои места.

— Пан Роман... — тихий голос за спиной, погнавший по этой спине ледяные мураши с кулак размером.

— Да, госпожа моя! — как можно спокойнее, безумным усилием воли задавив волнение в самом зародыше, отозвался он.

— Неужели эти славные мальчишки... Боже, неужели они погибнут?!

— Может, уже и погибли! — проскрежетал грубый голос рядом. Мессир Иоганн, весь в своём репертуаре, с обнажённой шпагой и пистолетом стоял подле пана Романа. Тёмные глаза его светились поистине дьявольским огнём... Всезнайка чёртов!

— Мессир Иоганн, займитесь делом! — рявкнул раздражённый пан Роман. — Возможно, скоро у нас появятся раненные и убитые! Вы — готовы к этому?

— О, разумеется! — возмутился швед. — Мессир Роман, у меня всё давно готово. И даже если кому-то придётся отрезать руку или ногу...

Татьяна, кажется, при этих словах вознамерилась в обморок брякнуться.

— Мессир Иоганн! — сурово рявкнул Роман. — Идите, займитесь настоящим делом!

Обиженный лекарь круто развернулся на каблуках коричневых, по последней шведской моде, сапог. Ушёл, чётко впечатывая ноги в землю... Впечатление было испорчено, когда он, неловко поставив ногу, запутался в длинной молодой траве и чуть не клюнул носом. Устоял, но шпагу пришлось вытаскивать из земли, а пистолет не выстрелил только потому, что случилась осечка.

Покачав головой, пан Роман развернулся к Татьяне... Заговорить с ней он не успел.

— Едут! — заорали на дальнем конце лагеря, куда пан Роман выдвинул людей пана Анджея.

— Едут! — тут же подхватили гораздо ближе.

— Едут! — почему-то бледнея, повторил пан Роман. — Госпожа моя, прошу вас уйти в палатку. Всякое может случиться. Я бы не хотел, чтобы вам угрожала опасность... пусть даже самая малая!

Впрочем, уже вскоре всем стало ясно, что опасность, если и была — невеликая. Поток отборной ругани изливался из уст пана Анджея. Мешая польские, русские, украинские, литовские и даже немецкие слова, пан сумел добиться неповторимого эффекта. Что же до смысла... Выходило так, что пан за что-то яростно и безжалостно отчитывал мальчишек. При его спокойном, даже вялом характере лентяя и балбеса, такие взрывы гнева случались лишь в самых тяжёлых случаях. Что же натворили мальчишки?!

Пан Анджей ругался до тех пор, пока не оказался в пределах видимости. Его обычное доброе, круглое как тыква лицо с огромным слоем жира под подбородком и слегка обвисшим носом, выпяченными губами и глубоко упрятанными глазами, сейчас было искажено гримасой жуткого гнева. Пан Анджей как раз закончил перечислять ближних родственников Марека и переходил к дальним, упомянув под конец матушку отрока...

— Пан Анджей! — поспешил вмешаться Роман. — Не забывайте, пожалуйста, что через молоко своей матери, моей кормилицы, этот выюнош приходится мне молочным братом! Пусть и младшим... Извольте упомянуть среди прочих близких родичей Марека и меня! Ну же!

Пан Анджей немедленно умолк. Кому-кому, а ему хорошо было известно, КАК может ответить пан Роман на подобное упоминание. Вон, кончар на боку висит, ладонь словно случайно, невзначай поглаживает его рукоять... Ну, нет уж!

— Нет, ты подумай только, пан Роман! — сбавив тон, но всё ещё возмущённо, воскликнул пан Анджей, спешиваясь. — Эти придурки, эти уроды... Нет, пусть сами расскажут, чтобы ты не подумал, что я — преувеличиваю!

Пан Роман выразительно посмотрел на своего стремянного и тот, немного сбавив гонору, рассказал всю историю. Лицо его, покрытое, несмотря на морозную ночь, мелкими капельками пота, выглядело испуганным. Выглядело... Уж кто-кто, а пан Роман знал, что оно только выглядело! Марек был слишком нагл и бесстрашен, чтобы бояться своего господина. Правда, лгать ему он так и не научился, поэтому рассказал всё. И про убитого телёнка, и про шалость в деревне, и про волков. Что до волков, то последствия стычки с ними хорошо видны были на крупах обеих коней. Только у коня Яцека это были огромные раны, заживить которые будет делом не одного дня, а у Огонька Марека — притороченная позади седла огромная серая туша. Да уж, волк так волк!

По мере того, как Марек продвигался в своём рассказе-исповеди, вокруг его коня и коня Яцека собиралась толпа. Человек тридцать из сорока, бывших в отряде, громко и восторженно обсуждали раны коня, над которыми колдовали мастер на все руки, мессир Иоганн и двое казаков пана Романа. Не забыли отметить и огромного, матёрого самца, убитого Мареком.

— Добрый удар! — похвалил отрока седой, вислоусый волынянин Ондрий Гольш, сам мастер сабельного удара. — Надвое развалил бы, попади поточнее! Пан Роман, его не за что ругать! Ну, а что смердов поугал... так и прах бы с ними, право ж слово!

Его поддержали десятком голосов и пан Роман, хоть и покачал недовольно головой, спорить не стал... не посмел.

— Ладно, живи! — пробурчал милостиво, старательно упрятав всё же присутствующее в

голосе удовлетворение своим оруженосцем.

Когда люд немного успокоился, Марек осторожно покинул круг воинов подле костра и крадучись направился к реке. Ещё четверть часа тому, туда отправилась Зарина. Постирушки она устраивала каждый вечер, в этом не было ничего особенного... Как не было ничего особенного и в том, что туда же направлялся либо Марек, либо Яцек. Под видом охраны прелестной пани, они просиживали подле неё часами, развлекая разговором и исподтишка любуясь на стройные ноги татарки, которые она вынуждена была оголять, чтобы войти в воду и не замочить юбки. Зарина в принципе благосклонно относилась к подобным «посиделкам», хотя всё же иногда огрызалась, когда тот же Марек начинал уводить разговор в нужную ему, но противную настрою Зарины сторону.

Сейчас он нашёл её быстрее, чем обычно. Речка протекала рядом и, уйдя чуть выше по течению, поближе к кустам, Зарина старательно застирывала в реке исподние рубахи, свою и госпожи. На Марека, бросив одинокий косой взгляд, она более никак не отреагировала. Даже слова не сказала.

Марек тоже выдержал характер. Уселся удобно на склоне, щёлкнул курками пистолей и уложил их подле себя. Отстегнул и положил на колени саблю. И замер, время от времени поводя пристальным, полным подозрений взглядом по противоположному берегу и близкому лесу. Вроде как бдит он!

Зарина выдерживала характер до тех пор, пока не ощутила, что его пристальный взгляд нашёл себе другой объект для изучения... вместо леса.

— Ты не сдержал своего слова! — голос у неё, она знала, был красивый, с лёгкой хрипотцой и очень нравился Мареку. — Не привёз ежа! Тоже мне, мужчина! А я-то размечталась... Наградить по достоинству хотела!

На беду свою, Зарина не была снаружи, когда Марек возвращался, иначе подробности, им рассказанные, навели бы её на мысль попридержать язык. Марек внезапно ухмыльнулся и добыл из-за пазухи небольшой свёрток, немедленно выразившим своё неудовольствие происходящим громким и частым стуком сердечка. Тёмная мышинная мордочка торчала из свёртка, самый кончик, маленький и чёрный, быстро двигался. Ёжик приходил в себя, обнюхивая воздух...

— Ой! — вскрикнув, Зарина, однако, быстро пришла в себя. — Марек, это же ёж!

— Не ёж, а ёжик! — возразил Марек солидно. — Он ещё маленький. Но — храбрый... как я! Представляешь, что ему пришлось пережить, когда на нас напали сначала эти тупые сервы, а потом — волки!

Забыв про рубаху хозяйки, которая начала медленно уплывать вниз по течению, восторженная Зарина схватила ёжика на руки и начала его разглядывать.

— Ой, какой красавчик! — прошептала она. — Марек, ты — чудо!

— Заслужил награду? — поинтересовался Марек, с вожделием разглядывая её круглые, обнажённые колени.

— Заслужил! — весело признала Зарина. — Ой, заслужил! Иди-ка сюда!

Поцелуй, которым она наградила героя, вознёс отрока на небеса счастья. Мареку не впервой, несмотря на свой юный, пелёночный возраст, приходилось целоваться с девушками... да и не только целоваться, по правде говоря. Но вот чтобы так долго добиваться её!

Получив возможность, Марек постарался ей воспользоваться и Зарина, к своему вящему изумлению, довольно быстро оказалась на траве. Ещё через некоторое время нахальная рука Марека оказалась у неё за пазухой. Зарина взбрыкнулась и, оттолкнув Марека, уселась, лихорадочно запахивая раскрытую рубаху. Марек с большим трудом оторвал взгляд горящих зелёных глаз от её груди, может, не слишком пышной, но очень красивой.

— Ты что? — спросил, тяжело дыша и не в состоянии побороть эту тяжесть.

— Не многовато ли, за ёжика одного? — спросила Зарина, в голосе её был яд.

Марек сердито повёл плечами.

— Не многовато! — возразил. Попытки приблизиться, впрочем, оставил. Обиделся...

Зарина помолчала немного, ожидая продолжения, но надувшийся Марек был непривычно молчалив и очень сердит. Кажется, ему и впрямь взбрело в голову, что Зарина сегодня вечером станет его... Ну, если так, он сильно просчитался! Она если кого и любила, так уж точно не щуплого, прыщавого, мерзкого, наглого юнца! Ей нравятся мужчины постарше. Вот, например, пан Роман... Богатырь, красавец, храбрый и благородный! И возраст вполне подходящий. Двадцать три года — не юнец, хотя и не старик! Свою госпожу как соперницу Зарина отметала со всем присущим юности пылом. Впрочем, имея на то все основания. Татьяна никогда доселе не отличалась постоянством в чувствах и Зарина не сомневалась, что года через два-три она остынет к любовнику... Тем более что, человек православный, пан Роман не сможет, даже если захочет, жениться на венчанной жене. Ему будет два пути: или искать и убить — в поединке или подло, в спину, боярина Совина, или искать себе другую жену, а с этой расставаться... На Волыни, говорят, процветают женские монастыри! Зарина же, пленница из благородной крымской семьи, вывезенная чуть ли не с самого полуострова, дочь аргыня ^[6]Мехмета, вполне разумно полагала, что шансов у неё ничуть не меньше... Хорошо, наверное, что совершенно уверенная в себе Татьяна Совина, мирно спящая сейчас в палатке, ни единым духом не подозревала о мыслях своей верной служанки!

— Зарина... — наконец-то нарушил тишину, а вместе с ней и уверенный, спокойный ток мыслей, приободрившийся за время её размышлений Марек. — Зарина, я тебя обожаю! Ты — богиня моих мыслей...

— ...Фу, наслушался у хозяина! — безжалостно оборвала его Зарина. — Замолчи уже, надоел!

Марек, растерянный, запнулся и замолчал. Ему доселе не доводилось слышать таких слов, тем более — от женщины, которую он только что обнимал и целовал. Губы, пухлые по-детски, но прикрытые сверху густым каштановым пушком, предтечей будущего украшения каждого настоящего мужчины — усов, дрогнули обиженно. Как если бы Марек собрался заплакать.

Впрочем, нет. Выучка ли хорошая, характер ли крепче, чем казалось... Марек, крепко сжав побелевшие губы, резко встал во весь свой невеликий рост. Лицо его не видно было — его заслоняла тень.

Только его Зарина и видела...

— Вот так! — протянула она, несколько разочарованная. Впрочем, теперь можно было заняться делом... Боже, как же далеко успела уплыть рубаха!

И это утро тоже выдалось морозным в Москве. Лужи, вода в канавах и даже мелкие речушки Москвы покрылись хрупким, громко и грозно хрустящим под копытами коней ледком. Впрочем, вряд ли даже лютый мороз мог бы остановить отряд Кирилла Шулепова, выдвигавшийся сейчас из Москвы на Тулу. Пока на Тулу... Отряд — пёстрая смесь из тяжёлой панцирной конницы, казаков и посаженных на конь стрельцов, впечатлил воротную стражу. А главное, грамота, подписанная великим мечником, князем Михаилом Скопиным, вполне удовлетворила стрелецкого полусотника, командовавшего стражей. Ворота открылись...

Вороной аргамак-пятилетка Кирилла — давний подарок отца, привезённый ещё жеребёнком из Литвы, застоялся в конюшне и теперь рвался в скак. Жаль, но приходилось его сдерживать... Путь был долгий, а кони далеко не у всех походили на аргамаков... Особенно у стрельцов. Часть бородачей в зелёных кафтанах, вполне возможно, впервые в жизни села в седло. Другие, может, сидели, но не на боевых. Настоящий конь всё же отличается от того одра, на котором в отрочестве охлюпкой выезжаешь в ночное. Что до конников, коих в отряде было всё же большинство, так тут и вопроса не возникало. Что воины Кирилла, что казаки Дмитро Оленя, были сплошь прирождёнными всадниками. Таких не стыдно бросить в сшибку. Даже против гусар польских! Впрочем, к последним Кирилл относился со всем возможным презрением, искренне полагая неверным общее мнение, будто эти гусары ротой могут разогнать полк русской или татарской конницы. Это ещё смотря, какой полк! И смотря какой — конницы! Московская дворянская конница, почти двадцатитысячный полк отборных всадников, ту роту и не заметил бы. Стоптал, не вынимая сабель...

— Эй, сотник! — окликнули его со спины, и обернувшийся Кирилл увидел, как, неловко подпрыгивая в седле перешедшего на мелкую рысь коня, к нему поспешает Павел Громыхало, полусотник стрелецкий.

— Что тебе, Павло? — хмуро спросил не расположенный к долговому и беспричинному трёпу Кирилл. После вчерашней вечеринки, закончившейся поздно ночью и стоившей сыну боярскому большой головы наутро, настроение у него было не слишком хорошим. Можно даже сказать — отвратительным.

— Я хочу спросить... Мы вообще, куда путь держим? Нет, я знаю, что у нас — погоня. Но — за кем? Ты хоть предполагаешь, что нас ждёт впереди? Насколько силён враг? Сколько у него сабель? Опытные воины это, или авантюристы, шалопаи вроде Митька?

Дмитро, как раз подъехавший послушать разговор, оскорблённо насупил брови. Он вовсе не считал себя шалопаем, а уж первое слово, несомненно, заморское ругательство, заставило его бросить ладонь на рукоять кривой сабли.

Несколько мгновений, слишком долгих, на взгляд Кирилла, они мяли друг друга полными ярости взглядами. Получалось у них совсем неплохо — оба были известными упрямыми...

— Ну, цыть! — рявкнул Кирилл. — Ишь, петухи... Погоня наша за каким-то ляхом со вполне пристойным именем Роман. Может, то литвин, а может — казак украинский — Бог весть! Отряд у него не велик, на каждого его воина по трое наших придётся... Может, и по четверо! К тому же, они идут по чужой земле, значит — медленно, с оглядкой! Нам же

опасаться нечего и некого. Будем двигаться быстро...

— Значит, будем драться? — радостно предположил Павло и почесал левый, размером с голову не мелкого барашка, кулак.

— Будем, конечно! — подтвердил Кирилл. — Но не обязательно. Нам надо лишь отнять у них ларец, который Самозванец отправил ляхам... Да не блести ты так глазами, казак! Там не золото... наверное! Ларец небольшой, даже маленький. Скорее, там бумаги, тебе бесполезные. Отвезём их царю, получим пожалование...

Дмитро скривился, не считая нужным скрывать своё отношение к грядущему пожалованию. Пожалуй, что он был прав. Князь Шуйский, провозглашённый, но пока что не венчанный на царство государь, был известен прижимистым характером, скупостью, доходящей до жадности и тупым упорством. Если уж он что решил для себя, никакие его же обещания ничему не помогут. Так что о награде можно говорить лишь тогда, когда она будет звенеть в калите. Лучше бы, конечно, не звенела. Лучше бы, конечно, кошель так туго был набит, что и не звякнуло бы ничего! Лучше... но вряд ли случится.

Правды ради, здесь не было наёмников, идущих на копья и мечи только ради денег. Разве что Дмитро Олень и его ухорезы... А впрочем, они тоже сражались не только ради денег. Хотя серебро и особенно золото в их кошельках подняло бы боевой дух.

— Дмитро! — внезапно рявкнул стрелец и с удовлетворением отметил, что тот подпрыгнул в седле и растерянно выпучил голубые глаза.

— Чего тебе? — быстро подавив мгновенный испуг, сердито спросил Дмитро.

— Да я хотел спросить, где рождаются такие... славные люди!

— Коломасовские мы! — подумав немного и не найдя в вопросе подвоха, осторожно, но с достоинством ответил казачий атаман. — Сельцо такое есть... А что?

— Коломясово... М-да! Буду знать, куда не след заезжать! — вроде бы ни к кому не обращаясь, пробормотал Павло.

— Коломасово! — рявкнул Дмитро. — Ко-ло-ма-со-во! Село такое, под Рязанью.

— Ты ж вроде на Мурмане жил?! — искренне изумился Кирилл. — Монах...

— Не монах я! — возразил Дмитро. — Ибо схиму принять не восхотел! Послушником жил... так послушник, это ещё ничего не значит... Да, в монастырь ходил в северный. Там устав суровее. А родился — под Рязанью. На самой границе с мордвой! Тяжкая там жизнь, стрелец. Не пожелаешь и врагу такой... Каждый год ворог лютой, мордвин дикий налетает, грабит да убивает! Потому и вернулся я на Волгу-реку, свою землю от вора защищать... Да только не вышло у меня. Народ всё больше купцов пограбить, да вина зелена выпить норовит. Вот и ушёл я, с людьми верными, царю-батюшке служить. Всё лучше, чем на верёвке подвешену быть, за бунт и воровство против государя!

— А и мудр ты, Дмитро Олень! — ухмыльнулся Кирилл. — Только отчего ж ты против царя пошёл, в Москве-то оказавшись?

— Да какой он царь... — презрительно отмахнулся казак. — Так... Одно слово, самозванец! Опять же, веру нашу, исконную русскую, православную, под корень извести восхотел! А ведь слышали, небось, пророчество великое: пока стоит вера, будет стоять и Русь. Сгинет вера — сгинет земля Русская! Так что не против царя, а против отступника пошёл я! И своих людей подвиг!

Выспренный тон его, пристойный скорее и впрямь монаху, а не атаману казаков... разбойников... вызывал скуку и раздражение, причину которого Кирилл не понимал. Ну, мало ли, что там человек говорит! По сути ведь — правильные слова!

Дмитро, меж тем, закончил речь. Его мрачная рожа с покрасневшим от холода носа, с нелепым тюрбаном на голове, выглядела сейчас ещё мрачнее. Похоже, казак успел пожалеть о собственной откровенности.

— Да-а-а! — длинно протянул Павло. — Вот я так и не задумывался об этом! Нет, конечно, госуд... тьфу, Самозванец... он враг мне. И вера святая, опять же... Но я-то лишь приказ выполнял! Приказали мне штурмовать Кремль, я и штурмовал. Приказали бы оборонять, оборонял бы! Вон, приказал князь Иван Васильич, чтобы мы ляхов обороняли, в посольстве-то, мы и обороняли честно. Даже зарубить кого-нито пришлось... А поляки-то, поляки! Тоже ведь хороши... Своих же не пушали, когда те в ворота стучали, пустить просили! Даже и не выехал никто, пока мы там в капусту, в крошево их месили! Ох, и много же ляхов там полегло... Сотни две, наверное. Может и больше!

— И что, никто не помог? — не поверил Дмитро. — Ляхов же, говорят, полно было в посольстве!

— Да не меньше полутысячи! — подтвердил стрелецкий полусотник. — Вот ведь — трусы...

На том, что ляхи — трусы, они и порешили...

— Ну, вот! — продолжил пан Анджей, дождавшись, пока угоготовавшиеся до колик слушатели слегка утихнут, и можно будет говорить, не слишком повышая голос. Не надсаживаясь, так сказать. — Я и говорю, они, жида-то, тупы, словно их из дерева сделали! Прихожу я к тому купцу и говорю: мол, давай я тебе кое-что продам. Он мне — что же? А я ему — твою жизнь, дурак! И всего-то за сто цехинов можешь прожить лишние полгода! А жид-то обрадовался, полез в кошель...

— Ну, ну! — поторопил его пан Роман, утирая слезу. — Что дальше-то? Не тяни, пан Анджей!

— А что — ну! — обиделся пан Анджей. — Наскрёб он сорок цехинов и — всё. Нету говорит, больше. Это у жида-то! Да ещё в Кролевеце! Ну, я и не поверил!

— Добыл остальные-то? — заинтересованно спросил кто-то из шляхтичей.

— Добыл, само собой! — усмехнулся довольный пан Анджей. — Там как раз его дочурка пробегала... страшновата, правда... Ну, так он мне ещё и доплатил потом! Ещё сотню!

— Так ты хотя бы успел её... — не удержался пан Людвик, старый соратник пана Анджея.

— А как же! — даже обиделся тот. — За то и доплачивал старый жид! Чтобы значит, позорных вестей по местечку тому не ходило! Чтобы он дочку замуж отдать мог... Вот дурак, я ж говорю!

— Да почему ж дурак? — удивились слушатели сразу на несколько голосов.

— Да потому как я не один через то местечко проходил, а с отрядом пана Ходкевича! Там ни одной жидовки целой не осталось!

— Га-га-га! — взорвались весельем гарные хлопцы казаки и их соратники — ляхи. Весело послушать пана Анджея! Завсегда что-то интересное расскажет! Правда, поспать, когда он под хмельком да в настроении, так лучше и не думать. Заболтает, историями своими лживыми да правдивыми до колик доведёт... Вот как сейчас!

Сейчас пан Анджей более всего походил на ходячий сосуд с вином. В него влилось не меньше половины бурдюка молодого вина, закуска же была слишком бедна, чтобы выпитое прошло без последствий. Как результат, из сорока человек спали — в час ночи — не больше десятка. Остальные, плотным кольцом окружив пана Анджея, с нетерпением ждали следующей истории. То, что все они были как сёстры-близняшки похожи друг на друга: в каждой пан Анджей за счёт храбрости и хитрости одолевал врагов или соперников, завоёвывал любовь очередной красавицы или наказывал отвергнувшую его, никого особо не занимало. Редкий воин притязателен настолько. Большинству — лишь бы поржать в полный голос.

— А вот ещё была история! — внезапно вспомнил пан Анджей, даже по лбу себе залепив со всей силы — только толстые щёки содрогнулись. — Случилась она, правду сказать, не со мной, а с моим... другом. Вернее сказать — знакомым паном из Мазовии. Зовут его, кому интересно, Лешек, а уж фамилию я оставлю при себе. Вдруг кому придётся столкнуться! Сей пан Лешек — человек множества достоинств и всего одного недостатка. Увы, он непроходимо глуп! Господь, творя его, даровал и силу, и красоту, а вот ума — лишил. А ещё пан Лешек жуть как влюбчив. Вот и тот раз — влюбился позарез. Надс

сказать, он ещё и женат, притом — детей трое. Все девочки, о чём он особенно горюет. И тут — любовь! Великая любовь пана Лешека была невысока ростом, худощава, имела длинный нос и единственное её достоинство, — огромные серые глаза на этом фоне выглядели уродливо. Однако пан Лешек влюбился и вознамерился сделать всё, чтобы эту пани добиться. Имя той красавицы я сохраню в тайне по причинам вполне понятным... Она была замужем, бедняга!

— Была? — не удержавшись, перебил его Роман. — Почему — была?

Загадочно ухмыльнувшись, пан Анджей продолжил:

— ... Бедный пан больше месяца мучался от безответной любви. Его возлюбленная, кроме того, что совершенно не подозревала о тайной страсти пана, своим низким рождением оскорбляла бы любого, кто проведал бы про связь. К тому же, жена засобиралась в гости к матушке, куда-то в Померанию и пан Лешек логично предположил, что так будет куда легче. Он отослал жену с дочками и приступил к осаде. Возлюбленная его, женщина простая и бедная, от золотого дождя, обрушившегося на её бедную голову, эту самую голову совсем потеряла. Пан Лешек почти не встретил сопротивления в первую ночь и сполна насладился любовью. Другое дело, что под утро совершенно внезапно вернулся муж его возлюбленной и пан, спасая честь её, вынужден был бежать без штанов, в одном исподнем. Только саблю и прихватил! Что обидно, вместе со штанами и сапогами, пропал и кошель с тысячей цехинов. Ещё обиднее, что та возлюбленная вместе с мужем уехали из города всего неделю спустя...

Молчание. Потом один из шляхтичей, молодой и серьёзный, удивлённо спросил:

— А что же здесь смешного?

— А смешное в том, что жена пана Лешека, разумеется, не могла не обнаружить потерю такой суммы. Пану Лешеку пришлось выкручиваться, был большой скандал... В общем, можете представить разочарование этого славного поляка, когда двумя годами позднее он наткнулся на свою возлюбленную в самом Кракове. Она там жила со своим мужем, не бедствовала и явно имела средства к существованию... Угадайте, откуда?

Вот теперь стало ясно всё. Такое случалось — временами, хитроумные смерды поправляли своё положение за счёт гонористых, но не слишком осторожных панов. Другое дело, нередко это заканчивалось

поркой, а в самых исключительных случаях, когда речь шла о попятнанной чести панов, даже и потерянной головой.

Особого веселья рассказ пана Анджея не вызвал. Мрачные слушатели один за другим довольно нелюбезно отзывались о чести женщин... Баб!

— Бабы, они все такие! — подумав, согласился с ними пан Анджей. — Редкая упустит возможность поиметь своё с мужчины, будь он пан или смерд! И за примерами не треба далеко ходить...

Тут он заметил, как изменилось лицо пана Романа, но прежде чем успел оглянуться, пан Роман сорвался с места, чуть ли не перепрыгнув через костёр. Впрочем, даже шум его движения не смог заглушить шороха быстрых, лёгких шагов, как будто кто-то быстро, почти молниеносно удалялся от костра. Обернувшийся пан Анджей увидел только, как рухнул вниз, отделяя внутреннее помещение от внешнего мира, полог палатки. Ну, и само собой разумелось, вряд ли пан Роман побежал бы за Зариной... пусть та почти в открытую крутила молодым хвостом перед паном... Пусть даже пани Татьяна была слепа и ничего не замечала... или предпочитала не замечать.

— Так на чём бишь я остановился? — нисколько не смутившись тем, что слушатели растеряны и вряд ли горят желанием продолжать их беседу, спросил пан Анджей. — Ах да... Так вот, что же тогда сделал пан Лешек...

Взрыв хохота, донёсшийся от костра, ворвался в палатку сразу следом за паном Романом. Потом полог опустился... но веселье казаков было столь буйным, что слышно было так, будто боярыня по-прежнему стояла у костра. При воспоминании о дерзких словах, высказанных при всех паном Анджеем, о том, что пан Роман даже не подумал возразить своему приятелю и собутыльнику, у Татьяны немедленно вскипели слёзы на глазах. Нет, она не была достаточно терпелива, чтобы сносить такие оскорбления! И — да, пану Роману придётся в полной мере заплатить за то, что он, именно он оскорбил её, даже не подумав встать на защиту. Что пан Анджей... Он — дурак и пьяница, не способный всерьёз задуматься над словами, которые слетают с его болтливового языка! Ему простительно брякнуть, не подумав толком! Но почему же смолчал пан Роман?! Она-то поверила в его нежность, в его любовь...

— Почему ты смолчал? — резко спросила она, разворачиваясь и, в упор, глядя в его глаза.

— Почему? — вздохнув, устало переспросил тот. — Дорогая моя, но ведь ты знаешь, я... А впрочем, ты права — я зря смолчал. Я должен был осадить Анджея... Но ведь он не со зла! И вряд ли он говорил о тебе... Да я уверен, что это не так! Пан Анджей очень хорошо относится к тебе. С чего бы ему оскорблять тебя?!

— Но он, тем не менее, оскорбил! — возразила возмущённая Татьяна. — А ещё больше оскорбили вы, не оспорившие его слов! Как будто он прав!

— Я не говорил этого! — быстро возразил он. — И даже не думаю так... Татьяна! Ну как, как ты прикажешь доказать тебе свою любовь, если за всё время, что мы едем вместе, мы не перекинулись и двумя дюжинами слов? Хотя у тебя есть лошадь, ты предпочитаешь передвигаться в возке и выходишь на остановках... чтобы сразу же укрыться в разобранной для тебя палатке! Что происходит, любимая моя?

— А происходит то, что и должно! — сердито ответила Татьяна. — Знаешь ли, такая дорога тяжела для женщины, тем более что для меня она впервые. Я никогда прежде не покидала Москвы так надолго, да и не ездила так далеко! И ты хочешь, чтобы я не уставала? Ко всему прочему, мне тяжело... Я ведь теперь грешница, Роман, жуткая грешница! Мне приходится думать о том, что в Москве остался мой муж, с которым я венчалась в церкви, а впереди меня ждёт... А что меня ждёт у тебя, в Смородиновке? Я не могу стать твоей женой, я уже венчана и муж мой жив. Солгать перед Богом и людьми? Нет, я не согласна... Я уже жалею, что согласилась на это безумие, пан Роман...

Прежде, чем она успела продолжить, пан Роман уже стоял подле неё и ладони его впервые за поход нашли место на её талии и под затылком. Татьяна дёрнулась, но как-то неуверенно, слабо. И почти не сопротивлялась, когда пан Роман привлёк её голову к себе и жадно, готовый побороть сопротивление с её стороны, впился губами в её губы. Да, сопротивления не было. Но не было и ответа. Губы Татьяны оставались безжизненными, вялыми... пусть и покорными. Дикое возбуждение, охватившее пана Романа, медленно покинуло его. Мрачный, он прервал поцелуй и пристальным взглядом уставился на возлюбленную.

Она стояла перед ним, бледная и спокойная. Слишком бледная и слишком спокойная. Как будто на что-то решившаяся. Пан Роман — с испуга — окончательно потерял голову...

Резко шагнув вперёд, он вновь привлёк боярню к себе, но на этот раз поцелуем не ограничился. Она оставалась покорна, даже когда он, уже не борясь с захлестнувшим тело и душу желанием, стягивал с неё исподнюю рубаху и валил на шкуры, служащие постелью. Она, впрочем, никак не помогала ему и даже сопротивлялась — самую малость, лишь обозначая сопротивление, давая понять, что она не согласна подчиниться. И лишь однажды подала голос — тихо застонала, когда пан Роман, слишком разгорячившийся, чтобы быть осторожным, резко вошёл в неё...

Спустя четверть часа они молча лежали на шкурах, ни единого звука не нарушало их молчания. Татьяна была спокойна на удивление... особенно для девственницы, которой она, мужнина жена, оказалась внезапно для пана Романа. Растерянность его была столь велика, что он несколько мгновений в совершенном обалдении, онемев, смотрел на тёмное пятно крови, расплывшееся на одной из медвежьих шкур. Пятно быстро расплывалось, впитываясь в шкуру. Слабел лёгкий аромат крови, витавший в воздухе.

— Я люблю тебя! — не выдержав молчания, хриплым, похожим на карканье голосом нарушил тишину пан Роман. — Слышишь? Я люблю тебя!

Татьяна не ответила... Впрочем, она и не возразила ему — уже хорошо.

— Что ты молчишь?! — чуть-чуть повысив голос, резко спросил пан Роман. — Ты мне ничего не хочешь сказать?

— Что я должна тебе сказать, пан Роман? — вздохнув, вопросом на вопрос ответила Татьяна. — Ты получил всё, что ты хотел. Разве тебе этого мало?

— Твой... Боярин никогда разве не... — пан Роман заикался, как человек, не знающий, как подойти к этому вопросу.

— Мой муж женился на мне ради моего приданного! — равнодушно ответила Татьяна. — Он, наверное, хороший воевода. Его смерды не ведают нужды — он заботится о них, как о детях! Что до меня... Ему нужна была хозяйка в доме, он её получил... Он редко бывал в доме в эти два года! А когда бывал, обычно — пьяный. От вина или от крови — как когда! Ты зря удивляешься, что я... что я до сих пор оставалась нетронутой им. Дворовые девки были ему милее!

Обида, даже злость в голосе Татьяны были неприятны пану Роману, как бы он ни пытался заставить себя не думать об этом. Стиснув зубы, он, однако, сумел выдохнуть воздух ровно, даже так, что его труднота осталась не замеченной девушкой. Впрочем, кто угодно мог подтвердить, что спокойнее пана Романа редко бывали люди. Спокойнее и хладнокровнее! Правда, на фоне москвитов, он выглядел горячим крымчаком.

Внезапно, полог зашуршал, отодвигаемый и прежде, чем любовники смогли хотя бы прикрыться, внутрь вошла Зарина. Она, по своему обыкновению, провела первую половину вечера за стиркой и теперь плечо ей придавила тяжёлая плетёная корзина, не доверху, но почти полная белья. Она так и застыла у порога, изумлённо вскинув брови и медленно, растерянно переводя взор с госпожи, на пана Романа. В тёмных зрачках её глаз медленно разгоралось пламя, и только её хозяйка, слишком занятая собой, могла не заметить этого.

Пан Роман, не торопясь, натянул штаны. Встал — рослый, мускулистый, красивый... Татьяна была быстрее.

— Выйди вон! — резко приказала она Зарине, хотя та и сама уже пятилась к выходу.

Резкий голос госпожи лишь подхлестнул Зарину. Круто развернувшись и отшвырнув прочь корзину с бельём, она стрелой вылетела из палатки. Только чёрная коса, тугая, тяжёлая, больно хлестнула пана Романа по лицу.

Медленно погладив враз заболевшее место, тот равнодушно пожал плечами и вернулся обратно, на шкуры. Беды и горести чернавки его нимало не взволновали, её сердечные тайны так и остались для него тайнами. Для него, но не для Татьяны. Взор её, устремлённый на пана Романа, был полон ярости и так давно ожидаемой ревности. Впрочем, тон был слишком холоден, на взгляд ни в чём не повинного пана.

Мрачный, полный самых дурных предчувствий, он уселся обратно... только для того, чтобы услышать воистину змеиное шипение её голоса:

— Что у вас с ней было?

— Да ничего! — пан Роман на всякий случай даже рукой махнул. — Ничего! Любимая, ты же знаешь, я обожаю только тебя! Как ты можешь сомневаться в моих...

— Могу! — не дав ему договорить и впустив в голос немалую толику слёз, выкрикнула Татьяна. — Все вы, мужики, что бояре, что последние смерды — кобели! Любая... сучка... что оказывается у вас на пути и хотя бы столь привлекательна, как вот Зарина, уже заслуживает вашего внимания! А уж у вас, в Польше... Как будто я не знаю, что пан — истинный царь и Бог в своих землях! Скольких девок ты у себя там обрюхатил? Или, скажешь — ни одной?

— Ну отчего же! — спокойно возразил пан Роман, усилием воли загоняя вглубь раздражение. — Наверно, бегает где-нибудь пара-тройка. Только это всё было — до ТЕБЯ! С тех пор я не ведаю других женщин... они мне и не нужны! Я люблю... Я боготворю только тебя, любимая! А Зарина... Да что мне до этой холопки?!

Бедная Зарина... Однако, столь уверенный и презрительный отзыв о ней, немного успокоил Татьяну. Она даже позволила себе слегка улыбнуться. Потом улыбка её обрела новые черты, стала призывной.

— Иди ко мне! — нежным, зовущим голосом сказала она.

Пан Роман не заставил её звать дважды...

Зарина бежала по лагерю, даже не задумываясь, куда бежит. Когда же слегка остыла, оказалось, что она стоит у сгуртованных по-татарски коней и плачет, уткнувшись в бархатистую морду коня. Нечего было и думать о том, чтобы оставить госпожу, или тем более — как-то мстить ей... до сего дня Зарина видела от боярыни только хорошее и вряд ли это изменится в дальнейшем. Было только жаль, что те дружеские, почти как у сестёр отношения уже никогда не станут такими же. Пройдут, наверное, недели, прежде чем они смогут посмотреть друг другу в глаза... Правда, Татьяна в этом уж никак не виновата! Она, только она, возомнив о себе Бог весть что, возжаждала любимого своей госпожи и благодетельницы! Она, только она... Да и мысли, приходившие ей иногда в голову, более походили на козни Шайтана... Сейчас, конечно, Зарина раскаивалась, да поздно уже. Случившегося не вернёшь...

Неожиданно, она услышала рядом пение. Откуда-то из-за кустов, глухой на расстоянии, раздавался голос. Слов было не разобрать, а мелодия была заунывна... Зарина, однако, заинтересовалась...

Когда надо, татарка умела передвигаться бесшумно — как кошка. Сейчас был тот самый случай и Зарина, без треска и шороха скользнув в кусты, оказалась на берегу...

Они опять выбрали для стоянки место у воды — на этот раз, это было озеро. Окружённое густым кустарником, оно больше походило на болото в начале своего существования... но это была вода! Чистые кони, накупавшиеся люди. Свежая рыба, порядком скрасившая им наскучившую еду! Нечего и говорить, что, хотя они прошли за день очень немного, бивак у озера был разбит до самого утра. Пан Роман, хоть и торопился домой, вполне разумно опасаясь погони бедолаги-боярина, столь же разумно решил, что спешить надо, не особо торопясь. Весь отряд его решительно в этом поддержал...

А пел, оказывается, Яцек. Устроившись удобно под ветлой, он хриловатым, но в общем приятным голосом выводил немного занудную песню. Зарине раньше не приходилось её слышать... да и польскую речь она не понимала. С другой стороны, ей показалось, что песня была добрая. Может, про любовь...

Всё же нашлась предательница-веточка, которая хрустнула под её ногой! Яцек, даром что весь ушёл в песню, мигом вскочил на ноги и сабля в его руке оказалась прежде, чем сердце Зарины ударило в третий раз.

— Кто там? — хрипло и испуганно спросил Яцек. — Кого черти носят ночью?

— Это я, Яцек, не бойся! — тихо и мирно сказала Зарина, выходя из темноты на освещённую Лунным светом полянку. — Я, Зарина!

— А я и не боюсь... — машинально огрызнулся не отличавшийся особой храбростью юнец. — Зарина?!

Зарина, нарочито медленно и осторожно, сделала два шага вперёд. Её улыбка была ласковой настолько, что сабля немедленно опустилась остриём в землю. Вот уж кого-кого, а Зарину увидеть здесь Яцек не ожидал... Показалось девушке, или лицо Яцека покрылось краской? Впрочем, он смущался всегда, когда на него обращали внимание. Таков уж есть... никуда не денешься!

— Яцек, а что ты пел такое? — усаживаясь подле него на траву и обхватывая укрытые шальварами ноги, спросила Зарина. — Я никогда раньше не слышала этой песни... Впрочем,

я по-польски всё равно почти не понимаю!

Яцек смущённо почесал затылок.

— Ну... Это про любовь юноши к девушке. Он... она его не любит, а он готов умереть за неё. В общем, кончается песня тем, что он погибает у НЕЁ на руках.

Зарина кивнула, запечалившись... Песня её тронула, а, узнав ещё и содержание, она чуть не всхлипнула... Слёзы, по крайней мере, выступили, а одна наглая слезинка скатилась по щеке раньше, чем Зарина успела её сморгнуть!

Яцек, меж тем, набрался храбрости... даже сверх меры.

— Я бы тоже хотел... умереть на руках любимой! — быстро сказал он и, прежде чем Зарина хотя бы обернуться, звонко приложился влажными, как у телка, губами к её щеке. И тут же отпрыгнул, явно готовый к тому, что предмет его обожания пустит в ход свои кулаки... увесистые, к слову!

Зарина, однако, вопреки обычаю, была тиха и смирна. Лицо её, опущенное и завешенное прядями непокорных чёрных волос, склонилось чуть ли не к самым коленям, пальцы на обхвативших колени руках побелели от напряжения...

— Пан Яцек! — наконец заговорила она, и голос её был тих и покоен. — Вам, ясному пану, красавцу, не след так издеваться над бедной девушкой, полонянкой без роду, без племени... ибо весь мой род вырезали казаки, а племя моё давно забыло про меня!

— Пани Зарина! — так же тихо и очень твёрдо, необычно твёрдо для Яцека, сказал он. — Я сам — безроден, ибо пан Анджей привёз меня из Праги, подобрав на дороге, ободранного и грязного попрошайку... Никто не знает, кем я был до семи лет, пани Зарина! Не отвергайте меня, как того, кем я не был и вряд ли буду...

Голова его поникла на манер Зарины, и он вряд ли мог заметить быстрый взгляд, брошенный красавицей на него. Если же и заметил, то виду не подал и наоборот, только ниже опустил голову. Его настроение было окончательно испорчено этим разговором... Потому, наверное, ласка девушки для него была неожиданна — он даже вздрогнул. А ведь она всего лишь провела кончиками пальцев по его пушистой, ещё не мужской, но уже и не детской щеке. Яцек судорожно вздохнул и прижался щекой к ладони.

Зарина была тронута. Этот шестнадцатилетний, глуповатый, но очень честный юнец, совсем ещё телок, казался ей безобидным. Он и был безобидным... по крайней мере, если равнять его с Марекком. Вот тот, хоть и был меньше и младше, являл собой будущего волка... Причем, такого волка, которому недолго осталось ждать своего воплощения в истинную сущность. То, как он несколько дней назад повёл себя с ней, вполне ясно показывало, кем он являлся... Впрочем, в глубине души Зарина признавала, что его напор нравился ей и будь Марек тот раз чуть более настойчив... Да, она могла бы уступить ему. А вот Яцек...

Яцек угрюмым бычком сидел подле неё, даже не пытаясь пустить в ход руки, хотя их разделяло всего-то несколько пядей. Кажется, ему даже в голову не пришло подобное! Зарине даже пришлось бороться с охватившим её раздражением... Хотя раздражение тут же стихло, после того, как, выполняя её просьбу, Яцек вновь запел...

Его голос и в самом деле нельзя было назвать красивым, хотя он был и сильным, и глубоким. Тем не менее, слушать его было приятно, а польская песенка, которую он пел для неё, казалась продолжением той, первой. Правда, она была ещё грустнее, и вряд ли можно было спутать её с первой. Слёзы же — хотя Зарина и понимала слово через три, опять навернулись на глаза. Зарина всхлипнула...

Яцек — вот ведь дурак! — тут же оборвал песню. Его голос заметно изменился, в нём

появились тревожные нотки.

— Я расстроил вас, пани Зарина? — тревожно спросил он.

— Нет! — всхлипнула та. — Но лучше не рассказывай мне эту песню... Я не хочу догадываться! Она... Она такая жалобная!

Яцек, кажется, был обескуражен её ответом. Тем не менее, просьбу выполнил без спора, и пересказывать сюжет не стал.

Ещё некоторое время они сидели молча, разглядывая ясно видимые этой ночью звёзды на небе, выискивая кто Стожары, а кто — Волосыню. Потом Зарина вдруг резко вскочила на ноги. Глаза её сверкнули в свете звёзд, сами как две звёздочки, но голос был далеко не приветлив.

— Не провожай меня, не надо! — резко сказала Зарина и почти бегом, напролом, через кусты, бросилась прочь с поляны. Похоже, она обиделась...

Яцеку осталось только пожать плечами. Совершенно непонятно, чем же это он её обидел?..

Сельцо Борисово, раскинувшееся перед отрядом Кирилла Шулепова, славно было своей короткой, но яркой историей. Говорят, царь Борис заехал сюда, ещё не будучи царём, когда возглавлял армию в походе на крымцев. Дело было поболее десяти лет назад, но места здесь и тогда были очень красивые. Красивые и почти безлюдные. Озадаченный царь велел основать здесь село и наполнить его людом. На маленькой, мелкой, безымянной речушке быстро срубили несколько десятков домов, нагнали в них царского люда и, не мудрствуя лукаво, назвали село Борисовым. Сам царь, увы, не успел здесь побывать более ни разу — сначала всё его внимание было захвачено недородом, три года мучившим Русь, затем полыхнуло восстание Самозванца, потом... Потом царь умер на вершине своего величия...

Сельцо же росло все эти годы. Здесь в основном жили охотники. Глухие места не слишком располагали к земледелию, и благодаря этому недород минувших лет на смердах почти не отразился. Впрочем, как и смена власти. Им — что Годуновы, что Дмитрий, что Шуйский... Всё одно — подать плати, ратников в войско выставляй... Опять же, наместнику здешнему выход надо выплачивать... Жизнь как жизнь!

Село выросло, теперь в нём было более двух сотен голов, а на полях, чёрных по весне, к осени заколосится густая рожь. Сотня Кирилла, усталая после долгого и тяжёлого дня, въехала в него ближе к закату.

— Эй! — рывкнул сын боярский, наклоняясь в седле и окриком привлекая к себе внимание местной красотки, с вёдрами бредущей от речки. — Старосту позови, милка! Да поспешай, мы торопимся!

Девка, видать погруженная в свои мысли, от резкого окрика вздрогнула и расплескала половину воды.

— Ну, чего обмерла! — не на шутку рассердился Кирилл. — Отвечай, где староста!

Деревянные вёдра с глухим стуком упали в пыль, которую через мгновение обильно покропило водой. Подхватив повыше подол рубахи, девка с заполошным воплем бросилась прочь.

— Догнать? — хищно предложил кто-то из казаков, ехавших подле.

— Незачем! — возразил Кирилл. — Староста сам пожаловал... кажется!

Староста, не староста, но три с лишним десятка мужиков, сплошь вооружённые — вилами, дрекольем, топорами, а кто-то и охотничьими луками, неспешно скапливались в дальнем от сотни конце улицы. То, как они выстраивались, мало походило на нормальное боевое построение, но вряд ли стоило ожидать чего-то большего от простых селян!

— Эй, что происходит? — рывкнул Дмитро Олень, на всякий случай, обнажив саблю. — Мы свои, царёвы люди!

— Воры вы, а не царёвы люди! — прорычал огромный, чёрный как цыган мужик в кожаном фартуке и с охотничьей рогатиной в руках. — Воры, тати, против царя руку поднявшие! Царь наш — государь Дмитрий Иванович и более никто!

Кирилл сильно удивился.

— Нет никакого Дмитрия-царя! — пуская коня вперёд, сурово возразил он. — То — тать был, самозванец, а на самом деле — Отрепьев Гришка, сын Богданов! Монах беглый! Так того на Москве уже неделю как казнили... И праха не осталось на земле православной! В том крестом, Богом клянусь!

— Лжец! — взвыл невысокий, круглый как бочонок мужичок, одетый побогаче остальных. — Лжец! И клятвы твои — клятвы антихриста! Мы сами государя Дмитрия Ивановича — живого да здорового — вчера здесь видели! Проскакал сам-второй! [7]

— Дмитрий?! — изумился Кирилл, лично видевший труп Самозванца и даже участвовавший в его уничтожении. — Да он же... Он мёртв! Я сам его труп видел!

— Значит, это — другой был кто-то! — решительно возразил крестьянин. — Разве ж может быть, чтобы государя нашего, Дмитрия Ивановича, мы не узнали! Мы ж не нехристи какие-нибудь, чтобы Государя не ведать! Сам он, сам! Собственным, значит, ликом! Так что заворачивайте коней, ироды! Не дадим за нашим государем в погоню пройти! Не пустим!

— Эй, отче! — проревел, оглушая не только чужих, но и своих, Павло Громыхало, вместе со своими стрельцами уже изготовившийся к бою. — Ты не видишь, что ли, с кем дело имеешь?! Прочь с дороги, пока есть, кому своими ногами уходить! Ну, кому говорю!

— Да пошёл ты... — отозвалось сразу несколько голосов, молодых и не очень.

— Ах, так... — задохнулся от гнева Павло, нащупывая рукоять сабли. — Стрельцы! Спешиться! Пищали

го-товь! Бердышники — на фланги!

— Павло! — негромко окликнул его Кирилл. — Не горячись...

— Так ведь... сотник! — взревел тот, возмущённый. — Они ж лаются, псы поганые! Оскорбляют! Терпеть, что ли?

— Вот-вот! — хмуро подтвердил Кирилл. — Что-то уж больно наглы... для почти безоружных селян! Нет, тут что-то не так. Они нас как будто заманивают...

— Осторожен ты... сын боярский... — скрипнул зубами Павло, чуя, что возможность подраться тает, как неверный снег, что выпал в середине мая. — Нельзя же так, право слово!

Мои молодцы их там всех в крошево... только прикажи!

Кирилл заколебался... Что там говорить, у него у самого кровь кипела от гнева, да и ладонь правая чесалась — требовала вложить в неё рукоять сабли. Но нет, селяне слишком наглы... Слишком! Да и плетни слишком близко от улицы. Если там — засада, его всадники окажутся между двух огней. Их покрошат прежде, чем удастся что-то сделать!

— Нет! — сухо возразил он. — Мы уходим!

Павло, не сдерживаясь более, пустил длинную и совершенно непристойную тираду...

Однако, некоторое время спустя, он убедился в правоте своего командира. Как только отряд начал заворачивать коней, из-за соседних плетней начали подниматься вооружённые люди. Вот здесь уже хватило и пищальников, причём у большинства из них дымили фитили, то есть они готовы были стрелять... Теперь оказалось, что число защитников села сравнялось с числом воинов отряда.

— Мы уходим! — громко сказал Кирилл. — Вы ведь этого хотели?

Кто-то из смердов ответил так, что даже у хладнокровного Кирилла кожа заскрипела на крепко стиснутых кулаках. Эх, будь они вольны в своих поступках, ударили бы сейчас всем скопом... а потом уже решали бы, правы, или нет! Вряд ли смерды устояли бы против отряда, в котором чуть ли не каждый воин стоит десятерых таких соперников! Или...

— Что-то уж больно хороши тут стрельцы, сударь Кирилл! — пробормотал Павло, из-под низко надвинутой шапки озирая улицу. — Я б сказал, такие, что и мне в полусотню не стыдно взять будет!

— Я тоже так думаю... — вздохнул Кирилл. — Засада здесь, друг Павло, я ж говорил... Дадут ли и уйти!

— Дадут! — Павло внезапно оскалился. — Уводи конников, сотник! Я тут пока со своими пошустрю...

Однако не пришлось.

— Уходите! — громко и твёрдо приказал всё тот же, невысокий мужичок из первого отряда. — Мы не хотим никого убивать, но и государя нашего, Дмитрия Ивановича, в обиду не дадим! Прочь, нехристи!

— Самозванец, именовавший себя Дмитрием, сыном Ивановым, мёртв! — громко и отчётливо, пусть ни на что не рассчитывая, сказал Кирилл. — Я сам видел его труп! Вы же против законного государя, царя Василия Ивановича, меч поднявшие, ещё поплатитесь за своё воровство... Вспомните ж меня, когда сюда придут наши воины и порушат ваши дома, обрюхатят ваших баб, а вас самих перевешают на деревьях!

Смерды заволновались, послышалась отборная ругань...

— Уходим! — коротко приказал Кирилл. — Павло, твои отходят последними, на околице вас сменят мои молодцы... Быстро, быстро! Надо выбраться из улицы, пока нас тут всех не перестреляли!

Стрельцы, плотной стеной вставшие поперёк улицы, свою задачу выполнили до конца. Их пищали чёрными зраками заставляли сильнее биться сердца смердов, никто не рискнул атаковать их. Потом они бегом, таща на себе пищали и бердыши, отошли на околицу. Там уже готовы были прикрыть их три десятка отборных, закованных в брони и тегилии конников Кирилла. Каждый из них имел под рукой огненный бой — пищаль, ручницу или пистоль, так что при случае залп получился бы пусть и не столь слитным, как у стрельцов, но — мощным.

— Ух! — прорычал Кирилл, только сейчас давая выход бушующему в душе гневу. — Эх, запалить бы село это с четырёх-то концов! Да чтобы твоих, Павло, стрельцов поставить — выбегающих из-под огня бить!

Все вздохнули почти одновременно. Красны слова, да нет в них правды... Не стал бы сотник Кирилл жечь своё село. Не стали бы стрельцы московские рубить своих же смердов... Или — стали б? Жгли ж Северскую землю, что за Самозванца, за монаха Гришку, сына Отрепьева, грудью встала!

— А и жаль, что нельзя! — вздохнул казак Дмитро, которому смерды эти поперёк горла встали, гордыню потешить не давая. — Ух, мои бы их в сабли-то взяли! Зипунов бы, опять же, набрали...

Разговоры громкие, разговоры грозные... Только вот сотня под эти разговоры неостановимо отходила от села. Увы... Прямая дорога — та, что вела через село, была для них закрыта. Иная же, узкой и давно не торёной колеёй вьющаяся между полей и садов, заставляла сделать большой крюк.

— Эх, и речушка ведь невелика! — проскрежетал Павло. — Может, здесь и переправимся, сотник?

Кирилл задумался...

Риск был невелик, но всё же он наличествовал. Берег крутой спускался к самой реке, и вроде бы там было достаточно твёрдо...

— Дмитро! — подумав немного, негромко сказал он. — Пошли там... кого-нито! Пусть посмотрят, можно ли коней спустить, да через реку переправиться. Павло! Десяток выдвини к селу. Чтобы, значит, нас невзначай в спину ударили!

Оба — и стрелец, и казак, разом бросились выполнять приказы. Промедление, если

судить по словам сотника, было смерти подобно...

Запорожский казак Михайло получил своё имя лишь в девять лет. Первые же годы своей жизни, он прожил под именем Мустафа. Впрочем, какое же ещё он мог иметь имя, являясь чистокровным турком? Видно, Мать Божья двигала тем запорожцем, что смиловался над малышом-турчонком в то страшное осеннее утро, когда казачьи курени хлынули с причаливших «чаек»^[8] на каменистый турецкий берег. Его семья, его дом и городок, в котором он жил первые годы своей жизни, были уничтожены казачьим приступом. В живых из мужеского пола остался он один...

Жаль, имя его спасителя осталось для Михайлы тайной. Казак погиб на обратном пути, когда их «ключ»^[9] нарвался на турецкую галеру. Многие десятки казаков погибли вместе с ним... а малыш-турчонок остался жив и вскоре узрел Хортицу.

Тремя годами позднее его окрестили и с именем Михайлы, он вошёл в курень своего спасителя. А ещё семью годами позже запорожский казак Михайла Турчин участвовал в походе на свою родину. И ничего, рубил турков, как истый казак... каким к тому времени и являлся...

Когда остерский староста Михайла Ратомский прибыл пять лет назад на Хортицу, звать казаков на помощь законному царю и государю Московскому и Всея Руси Дмитрию Ивановичу, Михайле Турчину было уже двадцать семь лет, это был гарный хлопец и лихой казак, всеми уважаемый и почитаемый. Конечно, он не мог не откликнуться на призыв своего тёзки!

Поход для него выдался неудачным, под Добрыничами запорожцы понесли тяжкие потери, оставили на поле боя гарматы и лишь знамёна сумели вынести. Прикрывая отход прапорщиков, Турчин попал в полон... хорошо ещё, к таким же, как и он сам казакам, только с Волги. В Москве же он, сдружившись с казаками Дмитро Оленя, вступил в их ватагу. Ни те, ни другие не видели причины жалеть об этом... Как никто не оспорил решения атамана, что именно Михайло Турчин с ещё двумя казаками должен идти на разведку. Вряд ли кто-то мог бы сделать это лучше Турчина...

Спрыгнув у самого обрыва, Турчин передал повод побратиму, Алексе Гонте. Олекса крякнул недовольно, но повод принял. С Турчином спорить, когда он уже всё решил — себя не любить. Тем более что сейчас Михайла всего лишь возжелал сам спуститься вниз. Ну, пусть себе шею ломает!

Турчин, однако, ничего себе ломать не собирался. Очень медленно пройдясь вдоль уклона, он нашёл единственно возможное место, где можно было спуститься даже и с конём... Он коршуном взлетел в седло и даже его приятели, сами казаки не из худших, не удержали вздохов. Им так ни за что не удастся!

— Я поеду, а вы — смотрите! — сурово наставил Турчин приятелей на путь истинный. — Внимательно глядите, вам следом надо будет спуститься! Но пока не крикну, сидите наверху, даже и не дёргайтесь! Пока не крикну, ваше дело — смотреть да учиться! Вняли?

Казаки, пусть и не очень довольными голосами, ответили, что поняли.

— Ну, добре! — вздохнул вовсе не убеждённый Михайла и пустил коня по тропке вниз...

Тропка была узка и круто обрушивалась под уклон. Другой бы, может, не сумел съехать

по ней верхом, хотя почти каждый сумел бы спустить тут коня, ведя его в поводу. Михайла сумел так провести коня, что тот ни разу не остутился... только в конце, взбрыкнув при виде мелкой змеюшки, переползающей дорогу, чуть не обрушился. Турчин железной рукой укротил коня.

Как только копыта коня коснулись ровной земли внизу, оказалось, что спускаться сюда было пустым делом. Почва была слишком мягкой, чтобы выдержать вес коня с всадником и Турчину пришлось срочно спрыгивать... Впрочем, конь всё равно успел погрузиться по бабки.

— Проклятье! — проскрежетал разъярённый таким оборотом Турчин. — Ну нет, так дело не пойдёт!

Он поспешно развернул коня, заставляя его выдирать огромные копыта из грязи вместе с комьями её, налипшей и не желающей отлипнуть. Конь по-прежнему был покорен ему, но Турчин отлично понимал, что одной только покорности сейчас — мало. Куда важнее было бы, если б у коня хватило сил... А вот тут Михайла был совсем не уверен. Целый день их отряд ехал, сделав всего две короткие передышки — только для того, чтобы кони не обезножели и не сбили себе спины. В результате, кони были сохранены, но измождены и вот-вот должны были встать. В этом селе, буде всё исполнилось бы по расчётам сотника Кирилла, они должны были заночевать. Но всё получилось совсем не так, кони не отдохнули, и сейчас Михайла не поручился бы за способности своего коня скакать... или вот, выдираться из грязи!

Впрочем, выбираться всё равно было необходимо.

— Ну, давай же, Окунь! — с мольбой в голосе сказал Турчин. — Вперёд, вперёд!

Конь, прозванный так за безумную любовь к воде, напряг все свои мышцы, даже заржал в натуге... Вязкая грязь охватила его ноги прочнее пут. Вырвав одну, переднюю, конь только глубже погрузил обе задние. Турчин с ужасом ощутил, что вязнет и сам. Меж тем, его силы тоже были не беспредельны. Скорее уж наоборот — должны были закончиться куда раньше, чем у коня...

— Турчин, держи! — крикнули сверху, и Михайла еле успел поймать конец верёвки, сброшенной ему с тропы.

Молодцы, хлопцы! Быстро сообразили!

Теперь стало полегче. Турчин быстро привязал верёвку, и коня вместе с ним потащили вверх едва ли не в десять рук.

— Осторожнее! — рявкнул вдруг казак наверху. — Падаем, братья!

Словно в подтверждение его слов, сверху комьями посыпалась земля и под откос, яростно ругаясь, беспорядочно кувыркаясь, рухнули сразу трое — двое казаков и могучий стрелец. Именно он, вступивший на самый край откоса, стал причиной падения. Откос оказался целиком из песка и не выдержал немалого веса трёх закованных в брони тел...

Двоим из троих повезло — они рухнули в грязь, смягчившую удар и почти не пострадали. Помятые рёбра, синяки да ссадины никто из них в расчёт не принимал. Главное — кости целы. Стрельцу, даром, что он был толст, как бочонок с пивом, повезло меньше. Он рухнул вниз кулем, сбив попутно несколько камней... ушёл в грязь головой... Вставать не торопился.

Ещё несколько человек почти скатились вниз, встревоженные и перепуганные. Все они сгрудились вокруг бесчувственного стрельца... и уже очень скоро лекарь, поднявшийся с колен, сокрушённо покачал головой:

— Ран вроде бы нет... Дух из него вышибло! Мозги, наверное, встряхнул шибко!

— Лекарь... — проворчал кто-то из стрельцов. — Что ж ты не лечишь-то?!

В любом случае, оставаться внизу, в болотистой низине было опасно, и стрельца вынесли наверх. Потом совместными усилиями, поднапрягшись, выволокли коня.

— Нет! — покачав головой, со вздохом сказал Михайла, хотя его никто уже и не спрашивал. — Там мы — не пройдем!

Кирилл среагировал на удивление быстро.

— Значит, пойдём через лес! Не так уж и велик крюк получится... Наверстаем!

Словно забыл, что нельзя говорить так легкомысленно. Словно вчера родился... Особо суеверных воинов передёрнуло

Этот тёмный лес получил название Царёва пуца, хотя царь Борис лишь раз проехал мимо него и никогда не бывал в нём. Впрочем, своё название лес всё же заслужил. Огромные, роскошные ели и сосны составляли его основу, и наличие этих деревьев говорило о том, что лес здесь, по крайней мере, часть его — болотистый.

Дорога через лес тянулась ясно видная, но заметно запущенная. Колея была хорошо намечена, но между двумя глубокими вмятинами, пробитыми в земле за долгие годы езды, уже начали расти маленькие ёлочки и сосёночки, а трава, густая и не примятая, достигала конского торса даже по бокам. Видно, с тех пор, как построили прямую дорогу через реку и навели там мост, эта дорога перестала пользоваться почётом и уважением... Ну, да ничего. Им, воинам, не страшен тёмный лес. Им никто не страшен и ничто не страшно! Впрочем, почти каждый, въезжающий под сень деревьев, не забывал осенять себя святым крестом. Лес, а особенно — такой, любимое укывище всякой нечисти. Лучше находиться под защитой Господней в такое время и в таком месте...

Дорога оказалась ещё запущенней, чем можно было это предположить. В двух местах её перегораживали завалы из деревьев, и если первый раз вся сотня взялась за оружие, предполагая засаду, то уже во второй сотник послал стрельцов, не особо беспокоясь. Да и видно было — к вырванным с корнем огромным елям и соснам, человеческая рука приложена не была.

Каждый такой завал отнял у них по часу времени, притом ещё и народ выматывая. Когда Луна прошла первую осьмушку своего пути по ночному, пусть и ясному по летним временам небу, впереди показался очередной завал и на этот раз он был особенно прочен. Сразу четыре ели повалились на дорогу, сумев ещё и ветвями переплестись настолько крепко, что стрельцы, своими бердышами пытавшиеся проделать проход, вымотались уже через четверть часа работы. Дорога за это время даже не наметилась...

— Привал! — мрачно, сквозь крепко сжатые зубы, процедил Кирилл.

— Что, прямо здесь? — изумился Дмитро Олень.

— А что, назад вернуться?! — яростно сверкнул на него глазами сотник. — Здесь! Утром начнём, с чего остановились...

Место для отдыха, здесь казацкий атаман был прав, выбрано было крайне неудачно. Мало того, что пространства для полной сотни всадников с конями здесь было явно недостаточно, мало того, что сотне пришлось растянуться на полный перестрел татарского лука, так ещё и деревья с обеих сторон подходили к «лагерю» на пять-десять шагов, возвышаясь плотной стеной. И не удивишься, если враг вдруг атакует из-за их прикрытия! Дело не хитрое... Ещё хуже было то, что и люди, и кони вымотались так, что даже поест толком не смогли. Надев коням торбы с овсом, да расседлав, воины повалились спать там, где нашли для себя место. Места этого, мягко говоря, было немного, поэтому лежали, тесно прижавшись друг к другу... И лишь один костерок горел на весь лагерь. Одно дело — простые воины. Сотнику и его подручным командирам было не до сна.

— ... Так и что дальше? — возмущённо выкрикнул Павло Громыхало, размахисто поводя пудовым кулаком над огнём. — Я так думаю, ещё день мы потеряем, продираясь через этот бурелом! Ты только погляди, сударь Кирилл, какие деревья! Мои ребята о них бердыши затупили. Завтра даже если наточим, так рубить уже не будут! Да и вообще, бердыш

— он для человеческого тела, а не для дерева предназначен!

Кирилл остро взглянул на него.

— Хотя мы, конечно, готовы рубить до конца! — быстро добавил струхнувший стрелец.

— Я согласен с ним! — внезапно встрял в разговор Дмитро. — Мы потеряем здесь куда больше времени и сил, чем если б полезли в драку там, в селе! Да ведь и сейчас ещё не поздно... На рассвете ударить, пока они дрыхнут... Пусть поплатятся за наглость!

— Это мы поплатимся! — мрачно предрёк Кирилл. — Ладно, если они нас не ждут! А если — ждут! В этих клятых огородах чёрт ногу сломит! Я уж и не говорю о конях... Хотя, в чём ты, полусотник, прав, так в том, что здесь мы застряли надолго. А враг и так перед нами несколько дней преимущества имеет! Уйдёт ведь, как пить дать уйдёт!

Его слова, полны были мрачной безысходности. Шагин, его верный слуга, удивлённо вскинулся и уставился на хозяина, словно не узнавая. Никогда прежде он не слышал такого отчаяния в голосе...

— Не уйдёт! — после мрачного тона Кирилла, казацкий атаман говорил как-то слишком легко и небрежно. Обычно так говорят тогда, когда что-то знают... или же, когда в чём-то твёрдо уверены.

Тут как раз сготовился котелок похлёбки, которую вместо повалившегося без сил кашевара сварганил сам Дмитро Олень. Неспешно, дуя на огненную жидкость с некоторым количеством мяса и даже зерна, ароматом мясным навеяв тяжкие сны спящим неподалеку воинам, поснидали...

— Надо через час кашеваров поднять! — прогудел подобревший после еды Громыхало. — Ежели даже и рано выступим, так пусть хотя бы кулеша поедят хлопцы! Голодными драться, оно, конечно, лучше... Но на сытый желудок — как-то приятнее!

Тут между командирами отряда имело место быть совершенное согласие. Каждый из них уже долгое время должен был проявлять заботу о довольно большом количестве воинов, так что добыча пропитание и беспокойство о том, чтобы оно в срок дошло до желудков их людей не была чем-то новым и необычным. Скорее уж наоборот — вошло в привычку. Что же до утренней атаки... Наверное, это был единственный выход. Если только они не хотели увязнуть в этом лесу на долгие дни и, даже, возможно — недели.

Меж тем, даже и у таких крепких мужей, каковы были Павло Громыхало и Кирилл, силы были не безграничны. Луна же, почти полная в эту ночь, добралась уже до середины тёмного ночного небосвода.

— Ладно! — потянувшись и протяжно зевнув, сказал сотник. — Давайте-ка, други, спать! Утро вечера мудренее... а ждать его уже недолго!

Его слова упали на благодатную почву... Спустя всего четверть часа оба подручника Кирилла — и Павло, и Дмитро, уже спали крепко и глубоко. Видно, даже таких бугаев укатало за день...

А вот Кирилл, хоть и хотел спать, никак не мог. То кочка под бок попадёт, то ветка в лесу хрустнет... Он, хоть и знал, что дозоры выставлены и вряд ли дремлют, чувствовал себя очень неудобно. Дважды вовсе возомнил себе каких-то чудищ лесных, за саблю да пистоль хватившись... Потом долго отходил от дрожи в руках, боясь признаться сам себе, что, так сильно напуганный, ни саблей, ни тем более требующим остроты глаза и твёрдости руки пистолем не оборонился бы, буде его страхи материализовались бы в лешего или другого демона.

Вздохом подтвердив осознание того, что он уже точно не заснёт, Кирилл медленно сел.

Вокруг вповалку лежали воины его сотни, кто укрытые попоной или плащом, кто прямо так, кулак под голову подложив. Кони, сгуртованные голова к голове, по-татарски, тихонько похрапывали порознь, отчего создавалось твёрдое убеждение, что храп этот льётся непрерывно. Впрочем, храпели не только кони...

Окончательно отогнав прочь остатки дремоты, Кирилл поднялся. Решение обойти посты, само пришло к нему, так что оставалось только прицепить отстёгнутую пол часа назад саблю и засунуть за пояс пистоли. Рядом, встревоженный, заворочался Дмитро Олень, пуская во сне слюни и сладко причмокивая. Однако не проснулся. Видно, слишком сильно было его желание спать, чтобы среагировать даже на грохот канонады... тем более его было не добудиться, когда никакого грохота не было.

Кирилл не стал его более беспокоить, начав осторожно пробираться в сторону укрытого за лесом села...

Идти, на его счастье, пришлось не очень далеко...

Двое караульных стрельцов — Антон Язык да Микула Малой удобно устроились под раскидистой елью, на взгорке, и подкреплялись чем Бог послал. На сегодня, он послал им по паре круто сваренных яиц, шмат сала да полкаравая позавчерашнего хлеба. Немного... Лучше, чем ничего.

— Слышь, Микула, — молол языком Антон, не забывая между делом откусывать от своей половины каравая, — так я так и не понял, зачем мы гонимся за бедным ляхом! Ну, подумаешь, царю Дмитрию служил... Мало их, что ли, служило!

— Немало! — степенно откусив половину яйца и запив его родниковой водой из фляги, промычал Микула. — Ух, и положили ж мы их в славном стольном граде Москве! Давно так славно не дрался...

Микула Малой был прозван так, разумеется, вопреки своему огромному росту. Был он угрюм, неразговорчив, в бою — яростен и на всё в этой жизни имел раз и навсегда определённую позицию. В том числе, на свергнутого не без его деятельного участия царя... которого лично он, несомненно — совершенно правильно, считал самозванцем, недостойным даже упоминания честными православными людьми!

— Ты кого это царём зовёшь?! — угрожающим голосом, внезапно побагровев от ярости, спросил Микула, медленно поднимая с земли прислонённый до поры бердыш. — Гришку что ль, Отрепьева?! Самозванец он! Тать, нехристь и тайный жид! И правильно его выпалили из пушки! Пусть к своим разлюбезным ляхам отправляется!.. Если долетит... Разве ж ты не слышал, что государь Василий Иванович говорил? Вор он! Вор и изменник вере нашей!

Антон осторожно пожал плечами, не спуская пристального взгляда с остро отточенного, пусть и заляпанного смолой до неpotребного вида, тяжёлого и длинного бердыша. Как Микула с ним управляется, он знал неплохо. На себе бы испытать не хотел!

— Ну... что нам князья да бояре говорят, тому верить всё одно нельзя! — возразил Антон. — Ты-то, Микула, в Москве недавно... У вас, на Волге, в Нижнем Новгороде да Шу всё по-другому! Иное дело мы, Стремянные! Мы с... ну, хорошо, пусть с вором... общались как-никак! Морда у него не наша, не сермяжная, вот хоть ты тресни, Микула! И мову знает не только русскую, но и польскую, а ещё — немецкую! Станет тебе простой мних немецкую мову учить! Не станет ведь, Микула?

— Вы, стремянные! — с невыразимым презрением в голосе, сурово сказал Микула. — Ваши, что ль, в тот день караул несли в Кремле? Ваши, чьи ж ещё...

— Ну! — сурово сказал обиженный Антон. — Что тебе не по душе пришлось, Микула?

— А! — махнул тот рукой, явно недовольный. — Вспомню — противно становится. Не поверишь, чуть до кулаков не дошло! Покуда сама царица Марфа не явилась, да от сына своего не отреклась, всё сомневались!

Антон молча пожал плечами. Тут спорить не приходилось... *Стремянные стрельцы, охранявшие тем утром Кремль, были достаточно многочисленны и великолепно вооружены, а значит — способны растереть повстанцев в мелкую муку. Однако... Однако, когда царь — или самозванец, выпрыгнув из окна, покалеченный, добрался до них, они лишь на время остановили его убийцу. И потом — спокойно смотрели, как убивают их командира, боярина Басманова, как истекают кровью немногие немецкие наёмники, оказавшиеся в тот день при царе. Они, сладко пившие и вкусно евшие, не нашли в себе мужества встать*

против убийц своего государя... Что же до Марфы — царицы, то он, Антон, своими ушами слышал эти слова. «КОГДА ВЫ ЕГО УБИЛИ, ТЕПЕРЬ УЖЕ ОН НЕ МОЙ». Мало, ох мало же это походит на отречение от него!

Как-то незаметно за разговором они съели большую часть своего скромного ужина. Вода, к слову сказать, тоже закончилась — фляга опустела.

— Эй, Антон! — громким шёпотом сказал Микула. — Ты б сходил, налил!

Младшему стрелцу вовсе не хотелось идти куда-то, шагов этак за пятьдесят, в глухой, чёрный, ночной лес. Однако воды и впрямь не было, тут Микула был прав... Как жаль!

— Да я не хочу пить! — промямлил мрачный Антон. — До утра всего-то ничего осталось... Подождём!

— Иди, принеси воды! — в голосе Микулы прорезались угрожающие нотки. — Ну!? Господи Иисусе, ну что за трусы эти стремянные! Шагу не сделают, чтобы не обделаться со страха! Язык, ты ж мужик!

Эти ли его слова, полные презрения, гордыня ли Антона сделали дело, но стрелец поднялся с земли и, взведя замок пищали, решительно шагнул из-под защиты ели. Его глаза, глаза прирождённого воина, однако, немного могли выделить из сплошной массы деревьев и кустов, окружавших их укывище. Разве что вот там что-то движется... Человек!

— Стой! — вскидывая пищаль и прикладываясь к ней, выцеливая человека, решительно рявкнул стрелец. — Говори слово, не то стреляю!

— Я те выстрелю... Венец! — отозвался человек голосом сотника Кирилла. — Где вы тут упрятались? Не вижу что-то!

— Да вот мы туточки, под елочкой! — торопливо, чувствуя свою вину, отозвался Антон. — Видно всё вокруг, а нас — с двух шагов разве различить удастся!

Только убедившись, что стрелец не врал, сотник успокоился и, успокоившись, кивнул:

— Добре, коль так, стрелец! Значит, никто не появлялся?

— Только ворона вон на том дереве! — указав на огромную, чуть ли не вдвое выше их ели сосну, доложил Язык.

— Ну, коли так... С воронами мы пока что не воюем! — холодно кивнув ещё раз, легко сказал сын боярский. — Микула, где ты там... вылезай!

Ветви ели затрещали, вздёрнутые вверх, словно руки сдающегося человека... но выдержали. Огромная, издалека похожая на медвежью, фигура Малого выросла прямо перед сотником. В руках стрелец держал свой огромный бердыш и Кирилл, в который уже раз, подумал — как раз для него оружие! Пищаль в руках Микулы смотрелась бы, по крайней мере, странно... Вот разве что гаковница, которую прихватил с собой запасливый командир Павло Громыхало, была ему по руке...

— Звал, сотник? — мрачно спросил Микула, даже не пытаясь утишить яростного блеска тёмно-серых глаз.

— Проверял! — возразил тот. — Ты так упрятался, что я не был уверен, на месте ли ты!

— На месте! — всё так же мрачно сообщил Микула. — Куда ж мне деваться отсюда?

И то верно, деваться ему было некуда. Вокруг, насколько хватало взгляда, мрачной стеной возвышался чёрный лес, по ночному времени почти что тихий... лишь изредка из самой глухомани, из чащобы, доносились странные и страшноватые звуки. Лес, особенно ночной лес, жил своей, недоступной пониманию людей жизнью. Пожалуй, даже Микула, славившийся бесстрашием и силой немереной, даже он мог потратить слишком много этих сил, чтобы пройти через самую чащу. Известно ведь, в лесу кого только не водится!

— Устали? — впервые за вечер и уже почти закончившуюся ночь, проявил о них заботу сотник. — Устали, вижу... Ничего, потерпите! Часок ещё посидите здесь, а там и смена придёт. Я говорил вашему полусотнику, чтобы он не забыл. А ежели он забудет, то я — нет! Так тихо?

Только его усталостью объяснили для себя стрельцы, что вопрос сотник задал второй раз, притом почитай подряд. Что Кирилл устал, было видно очень хорошо... Даже с лица осунулся!

— Не бойсь, сотник! — рыкнул довольный Микула. — Мы — не подведём!

Коротко кивнув, Кирилл помялся ещё немного, да и пошёл обратно. А что ещё ему было делать?

— Так ты за водой-то сходи! — почти сразу же вновь насел на Антона Малой. — Пить я только больше теперь захотел!..

С утра пораньше, усталые и злые, подкрепившиеся всухомятку и — о, ужас! — без пива, стрельцы и ратники Кирилла принялись за рубку деревьев. Больше всего повезло казакам — их отправили несколькими отрядами, выискивать другие проходы, да добывать всей сотне пропитание. Они и добывали... В трёх невидных от дороги местах, к тому же расположенных подальше, чтобы не долетал сытный аромат жареного мяса, горели костры, а над кострами жарились бедные звери, не успевшие укрыться от охотников в самой глубине пуши. Сам Дмитро, поругавшись на казаков, тем не менее, присоединился к одному из костров, а продолжил ругаться — уже куда как более мирно, когда съел хорошо прожаренную ляжку лосёнка. В животе урчало, на лице сама собой возникла улыбка... Хорошо было лихому атаману! Куда уж лучше...

Куда хуже ему стало часом позже, когда сначала что-то заподозрил изголодавшийся Павло, обладавший, видно, острым нюхом, потом его окинул полным возмущения взглядом холоп сына боярского, именем Шагин... Потом его молодцы, гордые собой и довольные, пригнали телегу с небольшим, но хотя бы полным бочонком. Судя по их весёлым, полным осознания собственной силы голосам, они гордились собой и не видели ничего плохого в том, что совершили. Ну, вышвырнули какого-то крестьянина из его телеги... да бабу его полапали. Не обидели, впрочем...

Кирилл, как уже понял Дмитро, человек — суровый и яростный, послушав их рассказы, потемнел. Со скрипом сжал кулаки. Взглянул на атамана исподлобья.

— Что творишь, Дмитро?! — голос его, и обычно-то не тихий, сейчас был оглушительно громким. — Ты что ж, забыл?! Здесь свои, не враги, атаман! Дурные — пусть! Так ведь насиловать своих же баб...

— Да кто её насилует-то?! — возмутился Дмитро. — Сказали ж мои молодцы: пошутковали только, да отпустили! Всего-то и делов — чуть-чуть пошалили! А ты, сотник, сразу в ор ударился... Тьфу... Даже обидно, право же! Как будто мои хлопцы — не русские, а татары какие-нибудь...

Татар в его ватаге и впрямь было немного. Всё больше мордва да черемисы, башкиры да немного русских. Зато среди ратников Кирилла Шулепова татар была чуть ли не треть. Касимовских да иных, приبلудных. Умелые воины, неложно преданные лично сыну боярскому, почти все они были среди лучших воинов его сотни. И, разумеется, выступили вместе с ним в поход. Сейчас обидные слова атамана долетели до ушей нескольких из них, и до Кирилла донёлся визг добываемых из ножен клинков. Вот чего они не прощали, так это — обиды. Впрочем, не только они, но и их русские побратимы. Казаки внезапно оказались в кольце обнажённых клинков и сами не замедлили схватиться за оружие. Совершенно неожиданно и, по сути, не по делу, отряд оказался расколот надвое.

— Стоять! — рёв сотника был слышен и вдалеке. — Убрать оружие! Ну, кому я сказал?! Убрать! Что вы тут, взбеленились все? Так я вам дам возможность прийти в себя! Павло, Дмитро — разворачивайте своих. Идём через село!

Особого воодушевления слова боярского сына не вызвали. Конечно, все они сотрясали воздух, грозясь спалить село, обратить его в пепел, а его жителей — в прах. Так ведь они полагались на мудрость и осторожность своего сотника! Теперь же настроение что стрелецкого полусотника, что казачьего атамана — а у последнего оно и так было не шибко

хорошим, упало ниже низкого.

— Слушай, Кирилл! — промямлил Дмитро, глядя куда-то в сторону. — Может, не стоит оно того? Вот погляди, сейчас стрельцы перерубят одно из трёх деревьев! Считай, мы уже почти справились!

— Так... — протянул сотник, недобро улыбаясь. — Струсили! Струсили, други?

— Вот ещё! — немедленно возмутился стрелец. — Да я их... одной левой!

Брякнул... тут же и пожалел, но было слишком поздно. Мрачно усмехнувшись, сотник повторил:

— Поднимайте людей! Атакуем село!

Через полчаса он уже не так был уверен, что это — единственный вариант. Село, да ещё в утренней дымке тумана, выглядело огромным... и безлюдным. Меж тем, Солнце уже высоко поднялось над лесом, и его красные лучи пронзали туман, позволяя получше разглядеть село. Да, улицы были пустынные. А ведь так не должно было быть! Ранним утром, с первыми лучами Солнца, все женщины покидают постели, чтобы подоить скотину, да задать ей же корму, да начать готовить завтрак мужьям. И пусть попробует баба поспать хотя бы до вторых петухов! Позору не оберётся...

Сейчас же улицы были пустынные, и даже собак слышно не было.

— Не нравится мне всё это! — пробормотал Дмитро, из-под ладони пристально вглядываясь в околицу. — Где все?

Тут как раз петухи — главные сельские вестники утра — в переключку заголосили второй раз. И снова — тишина.

— Вперёд! — хмуро приказал Кирилл. — Дмитро, ты — от реки пойдёшь, стрельцы — через огороды... Я же попробую по дороге! В случае чего, драпать будет легче!

Оба — и Павло, и Дмитро, тихонько гоготнули. Скорее из вежливости. Понятно было, что сотник шутит. По всему же видно — отступить он не намерен! Никак не намерен...

Спустя четверть часа, три отряда московских ратников почти что одновременно — казаки раньше остальных, стрельцы — чуть запоздав, ворвались в село. И — ничего. Ни выстрела, ни вскрика. Тишина. Пустые, мёртвые дворы. Тёмные окна окраинных домов.

— Не нравится мне это! — по своей давешней привычке заныл Шагин, накладывая на тетиву своего могучего лука остро заточенную стрелу. — Ох, не нравится!

— Проккоп! — рявкнул Кирилл. — Возьми пяток человек, проверь дома!

Проккоп, немолодой, жилистый и очень умелый ратник из военных холопов, служил ещё отцу Кирилла... до того мига, когда того сразила острая сабля крымчака. Потом стал служить сыну... ничуть не хуже. Получив приказ, он, напряжённый и суровый, только коротко кивнул и спрыгнул с коня. Ещё четверо ратников, все как на подбор — жилистые и немолодые, спешили следом за ним. В руках — сабли, пистолы... Двери высадили быстро и сразу же рванулись внутрь...

Ожидание показалось Кириллу долгим, как никогда. Впрочем, он получил ответ.

— Пусто! — доложил, высовываясь в окно, Проккоп. — Но зола в печке ещё тёплая! И каша... вкусная!

Зола тёплая — значит, печь топили недавно. Значит, уходили ещё позже. Почти перед самым появлением его отряда. А может, именно это появление и стало причиной ухода. Кирилл застонал сквозь плотно стиснутые зубы, боясь встретиться взглядом со своим людьми. Выходило так, что его сотню обнаружили прежде, чем она успела подойти к селу на расстояние удара. Если бы селяне и те, кто поддержал их прошлый раз, возжелали подраться,

они легко могли выкосить половину сотни ещё до рукопашной. Ещё до того, как их заметили бы! Просто за счёт внезапности...

Меж тем, следом за Прокопом, те же вести принёс и гонец от казаков. Выходило так, что всё село — от реки до поля, внезапно опустело. Так, в конце концов, не бывает!

— Ну и ладно! — внезапно махнув рукой, решил Кирилл. — Мы не ратиться сюда пришли! К мосту! Будем переправляться на другой берег. Только, Павло... пусть уж твои стрельцы прикроют нас с этого берега! Не хочу неожиданностей...

А неожиданность уже поджидала его. На мосту... вернее, на том месте, где мост ещё вчера был. Он и сейчас был — сваи и перекладины. Досок, настила мостового, по которому, собственно и можно было перейти на другой берег, не было. Видимо, это от них на берегу валялась горка щепы, достаточно большая, чтобы окончательно испортить Кириллу настроение.

Те слова, которые посыпались из него, вызвали оторопь даже у Дмитро Оленя — известного матерщинника. Всё же не зря человек обретался на границе с Диким Полем! Научился кой чему...

— Ладно! — выдохнув воздух вместе с очередной порцией ругани, сказал Кирилл. — Оставим это. Ищите брёвна! Будем строить мост...

Легко сказать — строить мост! Да даже если он и построен почти и осталось всего лишь настелить настил. А что для этого нужно хотя бы несколько плотницких топоров, да пилы... гвозди бы не помешали!

— Всю ночь они, что ли, здесь трудились! — пробурчал недовольный Павло Громыхало, после того как его бердыш чуть-чуть не улетел в воду. — Ты погляди, даже гвозди повывёргивали! Только сваи рубить не стали!

— Жалко, понятное дело! — усмехнулся Дмитро, утирая пот со лба. — Слышь, сотник... А ведь, пожалуй, инструмент в селе найтись должен! Неужто они все топоры с собой унесли?!

Несколько долгих мгновений Кирилл ошалело, даже изумлённо смотрел на него. Потом со стоном приложился кулаком к своему лбу:

— Господи!!! Шагин, Прокоп — ищите! Все дома сверните, но найдите! Топоры надо, пилы... Гвозди, если найдёте...

Оба поспешно высвободились от той работы, что на них была возложена — с тем облегчением, которое чаще всего испытывают воины, заканчивая дела мирные.

— Берите людей сколько нужно. Быстро!

Спустя всего несколько минут, два небольших отрядика выступили в сторону близкого села. Пока ещё пустынного...

Шагину исполнилось семнадцать лет, он был молодым и полным сил нукером, когда отец Кирилла, Егор Шулепов взял его в бою в полон. Взял легко, словно и не было ему в ту пору втрое больше лет, чем Шагину. До сих пор, а минуло уже тридцать лет, Шагин со стыдом вспоминал звон вылетающей из ослабевшей руки сабли и то, как он зажмурился глазами, чтобы не видеть падающую на его голову саблю... Клинок был остановлен в пяди от защищённого шлемом лба Шагина и вместо смертельного для него удара, русский воин вдруг заговорил с ним... Слова канули в лету, но Шагин остался жив, прожил пять лет холопом, а потом медленно, но верно стал подниматься вверх. К моменту смерти хозяина — а тот прожил до восьмидесяти и успел двадцать три года назад, на исходе жизни, зачать сына, Шагин был его любимым военным слугой, участвовал в десяти походах и даже получил позволение завести семью. Теперь он сам был немолод, убелён сединами и полон знаний. Увы, молодой господин, три года назад попавший под опеку Шагина, ставшего ему отцом вместо, решительно не желал перенимать немалую часть этого опыта... Хорошо ещё, сейчас он всё же положился на своего слугу, отправив его... пусть и не по слишком важному делу! Найти топоры... Да они в каждом доме есть!

— Искать! — коротко приказал Шагин, и сразу двое из четырёх его людей, цепными псами бросились вперёд. Сабли их сверкали в рассветных лучах и грозили смертью любому, кто окажется на пути... Только двор был пуст, и даже в будке не было её всегдашнего обитателя. Ржавая цепь, да расстёгнутый ошейник могли только показать мощь пса, что здесь обретался. Впрочем, как и стекло, а не бычий пузырь в окнах этого дома, резное крылечко и тяжёлая дверь, запертая на засов, указывали на то, что хозяин здешний был достаточно богат. Уж у него топор точно найдётся!

Дверь, стоит ещё раз повторить, была заперта и не поддавалась даже тогда, когда сразу трое не самых слабых ратников врзались в неё с короткого, но мощного разгону.

— Хороша дверка! — потирая зашибленное даже через бронь плечо, досадливо поморщился один из воинов. — Крепко стоит... Не вышибить, Шагин!

Шагин не ответил, из-под смолянистых, чёрных бровей пристально оглядывая двор. Ломать что-то лишнее не хотелось... Хозяин дома ведь не виноват, что его господину, сын боярскому Кириллу, взбрело в голову срочно переправиться и именно в селе!

— Попробуйте через окно! — сухо посоветовал он.

Мгновением спустя, звон вышибленного стекла и радостные вопли ратников лучше слов сообщили ему, что вход открыт. Юркий и худенький Никита, сын Митрохи Косаря, нырнул в окошко и спустя малое время, оттуда донёсся очередной вопль. Так Никита отметил найденные топоры...

Топоров было всего два, но и это уже — кое-что. Когда же к этим двум добавилось ещё с полдюжины, Шагин решил — хватит! В восемь топоров они настил настелят ещё до захода солнца!

Он оказался прав. Благо, среди стрельцов и казаков, равно как и среди ратников Кирилла, немало оказалось умелых плотников. А на настил, не мудрствуя особо, начали разбирать сараюшку, притулившуюся на берегу. И вот ведь странности — почти сразу обнаружился живой человек. Местный поп ^[10], совсем не похожий на толстомясых московских священников, поджарый и рослый, чёрный как цыган, чуть ли не бегом

примчался из села.

— Что делаете, ироды?! Антихристы!

— Эй, отче! — рывкнул Дмитро, ещё с монастырских времён потерявших способность трепетать перед священниками. — Ты того, потише! Чего блажишь-то?

— Сарай мой! — проревел отче, навверное, потрясавший воображение прихожан своим гласом. — Только весной поставил! Не трожьте, ироды! Деревя вам вокруг мало?!

— Мало! — огрызнулся кто-то из плотников, легонько, плечиком, вознамерившись подвинуть вставшего у него на пути попа.

Он так и не понял, что случилось, вот только отлетел шагов этак на несколько, плотно впечатавшись спиной в грязь. Хорошо, не в камни! Сел, потрясённый настолько, что, раскрывая рот, не мог вымолвить ни звука. Вокруг медленно наставала абсолютная тишина. Сотник Кирилл, занятый разговором с Павлом Громом, удивлённо обернулся... Зрачки его расширились, когда он увидел иерея в полном облачении, а перед ним, в грязи, одного из своих воинов. То, что иерей был ростом чуть ли не на голову выше, что его плечи имели богатырский размах, его не успокоило. Позор... Воина! Священник! Ринул, как мальчишку...

— Что там, Дмитро? — резко спросил он, обронив ладонь на саблю и пристально, исподлобья, изучая иерея.

Поп, мрачный и насупленный, ответил ему таким же пристальным взглядом. Что-то в этом взгляде показалось Кириллу знакомым...

Сначала он, конечно, не понял, что именно показалось ему похожим. Потом... да ведь этот отче держал руку, точно как и он! Перед ним, надменно и горделиво глядя на него, стоял воин!

— Ты кто? — сурово спросил Кирилл, намеренно не называя стоящего перед ним человека «святым отцом» или как-то иначе.

— Благословляю тебя, сыне мой! — густым, могучим басом прогудел поп. — Я — отец Никодим, скромный настоятель местного прихода. Вон там — мой храм... в котором я всегда готов исповедовать и отпустить грехи страждущим! Не желаешь ли покаяться в своих грехах, сыне мой?

— Вот беда, не желаю, отче! — вежливо, но твёрдо возразил Кирилл. — Я совсем недавно исповедовался нашему попу, а грехов с тех пор не слишком много накопилось... подождут! Да и... не верю я что-то, что ты — священник! Ты больше на воина похож. И руку-то распрями! Сабли под ней всё одно нет!

Поп улыбнулся, но улыбка его вышла смущённой. Руку, кстати, он убрал весьма поспешно, словно его за неё поймали.

— И впрямь!.. Пятый год уже здесь блюду веру христианскую, а всё ещё саблю под локтём ищу! Было дело — воевал. Да только Господь к себе на службу признал. Его слуга я отныне — не царёв!

Кирилл, почитавший именно в царской службе основное и единственное призвание для мужчины, скривился, как от кислого. Впрочем, смолчал. Были и другие вопросы, которые следовало решить как можно быстрее.

— Ты за что царёва воина ринул? — сурово спросил он, уже угадывая ответ. — Не зришь разве, он дело делает!

— Вижу! — просто ответил священник. — А только рушить мой новый сарай — не дам! Его всё село строило... всем миром! Новый ещё... не дам!

Кирилл, растерянный, почесал в затылке. Попробуй, поспорь с этим олухом в рясе! Ещё

и крест у него на груди не простой, золочёный ! [11]. Такой ринется жаловаться, так и на епитимью нарваться можно... а вот этого Кирилл опасался куда больше острой сабли или меткой пули. Придётся уступить. Тем более дерева вокруг и впрямь много. Другое дело, ни один другой дом или сарай не отстоят так близко от свай моста... Правда, вот та банька... Нет, мала.

— Мы спешим по государеву делу! — рявкнул Кирилл. — Ты отче, чтобы ни говорил, — государев человек тоже. Должен ведь понимать!

— Это кто же государь? — тяжёлым голосом спросил священник. — Не Васька ли Шуйский? Так он — вор из воров.

— Ты!!! — рявкнул Кирилл, выхватывая саблю из ножен и вдавив её остриё под дых священнику, чуть ниже креста. — Ты не смей порочить царя! Не смей!

— Я — смею! — холодно возразил поп. — Помянешь мои слова, сыне, да поздно будет... Доведёт Васька Русь до беды! Если уже не довёл... Ах, как же неосторожен был государь, что такому змию поверил!

— Так это ты народ взбеленил! — внезапно понял Кирилл. — Почто?! Не понимал разве, что мои молодцы с ними сделают, если осерчают?! И мост — почто разметали? Себе же и ущерб!

— Не я! — отрёкся поп. — Я-то как раз против был. Не след крестьянам, тут ты прав, против Войска выступать! Да что ты скажешь, коль князь с людьми говорил. А с ним ещё один был... царём назвался! Да только я-то государя Дмитрия Ивановича видел, знаю, каков ликом. Не он это был, чужак... хотя и наш, православный. Мужики у нас горячие, всё больше с Новгородчины, битые жизнью! Враз в набат ударили. Радуйся, что стрелять не начали — пищали-то были!.. А ты — не за князем ли тем скачешь? Вы — близко!

Кирилл заколебался, но потом покачал головой.

— За ляхом одним! — коротко возразил он. — Некий пан Смородинский. Бабу украл, жену мужатую! Воеводы Совина жену... Государь Василий послал следом...

Он не слишком соврал при этом, ведь вернуть обратно боярыню было одной из двух его целей. Про грамоты ж, в ларце упрятанные не сказал с умыслом — слишком явно иерей был настроен за Самозванца. Такой, пожелав навредить Шуйскому, не во грех и солжёт. Или, чего доброго, не по тому пути пустит!

Поп, однако, проникся искренним сочувствием.

— Жену украл?! Ах, мерзавец... Еретик проклятый! Ну, вернуть её — дело богоугодное, а если сама сбежала — то и наказать следует! Нет... Увы, он проезжал не здесь. Иначе я бы знал, а зная — тебе бы сказал, славный воин! Ну, для такого богоугодного дела... Нет, мой сарай, конечно, не дам. Вон тот бери! Брёвна там, конечно, не такие новые, но ещё крепкие. Под вами, если будете осторожны, не обвалится!

Кирилл, вовсе не впечатлённый видом покосившейся сараюшки, спорить, однако, не стал, и так время утекало быстрее, чем вода в горной реке. Махнул своим молодцам... и в час сараюшка была разобрана.

— Пан Роман, может лучше поосторожнее? — вежливо поинтересовался пан Анджей, когда отряд их, быстрой рысью подъезжал к окружённому невысокой стеной городку со звучным названием Грязин. — Всё ж таки никто не знает, как нас московиты встретят!

Коротко поморщившись, пан Роман равнодушно повёл плечами. Если уж он, всегда осторожный, позволил себе ехать без оглядки, значит, мог бы успокоиться и пан Анджей. Так ведь нет! Вместо этого, тот с утра ноет... словно чуя недоброе. Меж тем, этот город пан Роман запомнил. Когда-то, не так, впрочем, и давно, этот самый Грязин сдался им без боя. Дмитрия встречали здесь хлебом-солью, местные красавицы вешались на его воинов... священники устроили крестный ход в честь вернувшегося царевича! Тогда ещё царевича...

— Пан Анджей... — начал пан Роман свою отповедь, но тут же и прервался, лихорадочно потянув кончар из ножен. Ворота, запиравшие вход в город были распахнуты и через них, нестройным водным потоком, выливалась в поле толпа. Десятки, сотни возбуждённых, орущих людей вмиг, прежде чем казаки пришли в себя, окружили их плотным кольцом и пан Роман, холодея, услышал звон добываемого из ножен оружия. Без его приказа воины изготавились сражаться!

— Стоять! — рявкнул он, после чего, предельно вежливо, обратился к рослому молодцу, кузнецу, судя по палёной бороде и многочисленным ожогам на руках. — Что за шум?

— Ты — лях! — коротко прорычал кузнец.

— Ну... да! — замявшись, сказал пан Роман, который ляхом не был, но решил не объяснять разницу между поляками и православными подданными короля Сигизмунда.

— Из Москвы путь держишь! — снова не спрашивал, а утверждал кузнец.

— Да! — на этот раз, Роман ответил уверенно и твёрдо.

— Из Москвы — это хорошо! — прогудел кузнец. — Значит, ведаешь правду... Что царь, правда — умер? А ноне кто там на престоле? Скажи, боярин!

— Государь Дмитрий Иванович — убит! — тихо, почти беззвучно начал Роман, но встрепенулся и повторил ещё раз. — Царь Дмитрий убит врагами Руси! Они захватили власть на Москве и посадили на престол убийцу царя, князя Шуйского! Он теперь у вас... царь!

В толпе, видимо, не верившей до конца в эту весть, поднялся ропот. Кто-то выкрикнул истерично:

— Он лжёт!

Пан Роман вспыхнул, даже за саблю схватился, но подраться ему не пришлось. Грубо и нагло протолкавшись через толпу, перед ним встал невысокий мужик, небогато, но опрятно одетый.

— Я знаю его! — громко, так что слышали все, сказал он. — Этот человек и впрямь был в войске царя Дмитрия! Он мне тогда ещё зуб выбил...

Тут уже и пан Роман вспомнил этого мерзавца, нагло покачивающегося на носках сапог перед ним. Сотник местного ополчения, один из немногих, кто до конца не признавал Государя. Впрочем, когда царевич предоставил ему и ещё нескольким неверующим требуемые доказательства, они также сложили оружие... Да, Грязин был одним из тех городов, что принял сторону Государя и крепко держался против послов царя Бориса...

Меж тем, признание сотника... Никифором его звали, взбудоражило и без того

возбуждённых горожан. Кое-где засверкало оружие, троим стрельцам тут же принялись бить морды. Мятеж полыхнул внезапно и столь яростно, что напугал даже Романа. Впрочем, тот вовсе не собирался затевать чего-то подобного! Теперь же пану Смородинскому оставалось только наблюдать с немалой долей изумления за тем, как нестройная толпа обретает постепенно очертания войско, как в руках мятежников появляется дреколье, а кое-где, пока ещё в очень малом количестве мест, появлялись первые дымки фитильных пищалей...

— Ого! — чуть слышно пробормотал Марек из-за плеча пана Романа. — Кажется, грядёт буря!.. Поехали отсюда, господин! Пока не поздно...

Пан Роман и сам был того же мнения, но пока что выбраться из толпы возможности не было. Площадь перед воротами бурлила, до краёв забитая людом, трещали не выдерживающие давления сотен тел лавки торговцев... Где-то на пределе слышимости чёрно ругался кузнец, у которого расхватили с прилавка топоры и ножи. Марек, кажется, и сам догадался, что дело плохо. За спиной пана Романа неожиданно громко заскрипел замок пистолета. Предусмотрительный стремянный подтягивал пружины...

Толпа, кое-как вооружившись, хлынула к городу... Литвинов, как бы они не сопротивлялись, медленно волокно вместе с толпой, к городу. К распахнутым воротам.

А воевода здесь был предусмотрительный! В воротах, заслоня строем проход, стояли уже городовые стрельцы. Четыре ряда бородачей в красных высоких шапках, длинных кафтанах... при саблях и пищалах! Пищали были нацелены на надвигающуюся толпу, фитили дымились.

— Митроха, ты что, стрелять в меня будешь?! — заорал кто-то из первых рядов. — Ну, давай, стреляй в брата!

Роман, бывший не так и далеко, заметил, что линия стрельцов сломалась... спустя некоторое время, когда подъехали они близко, видно стало лучше, оказалось, что ровного строя, живой стены больше не существует. Несколько стрельцов ногами и бердышами били лежащего на земле товарища, около десятка просто расступились, равнодушно наблюдая за происходящим. Двое лежали на земле, не двигаясь. Так лежат только мёртвые...

— На слом! — вдруг заорал кто-то дико и так громко, что пан Роман подпрыгнул в седле. — Анцифор всё знал! Бей его, други!

Кто такой Анцифор, чем он провинился перед горожанами, пан Роман не знал, мог только догадываться. Впрочем, если этот Анцифор достаточно предусмотрителен и осторожен...Его не найдут!

Вокруг отряда внезапно стало свободно. Приумолкшая толпа, во главе которой встали перешедшие на сторону мятежников стрельцы из местных, решительно направилась в глубь города. Самое время было смываться...

— Пан Анджей, ты куда?! — изумлённо спросил пан Роман, когда мимо него, столь же целеустремлённо и быстро, направилась конфиденты пана Медведковского во главе с самим паном.

— Как куда?! — в свою очередь изумился пан Анджей. — К воеводе местному! Его же бить пошли... вот мы и поможем!

— Мы торопимся... ты не забыл?! — раздражённо поинтересовался пан Роман.

— Отчего ж, не забыл! Мы не надолго! — ухмыльнулся пан Анджей, пощипывая наполовину обрубленное в юные годы ухо. Про ухо это ходило множество легенд, вплоть до того, что его обрубил юному нахалу заезжий мушкетёр из самой Франции, с которым хмельной до ужаса юнец принялся толкаться у корчмы. Кто-то даже видел, как они

толкались. На деле же, всего-то правды было, что пан Анджей в тот миг был смертельно пьян и не помнил себя. В беспамятстве и вылетел из седла на повороте, пропахав рожей кусты и даже сломав несколько ветвей. Роже-то что, и без того не слишком привлекательной была. А вот ухо пострадало сильно. По правде говоря, к тому моменту как местный коновал закончил штопать, от уха лишь треть осталась. К пану Анджею, как он ни противился этому, приклеилась ласковая кличка «Корноухий». Правда, ему она почему-то так не нравилась, что при одном только упоминании оной, он немедленно хватался за кончар... В гневе он был страшен! Раздутые щёки, оскал желтоватых, острых как у волка зубов, покрасневший от беспробудного пьянства до бурого состояния нос... Некоторые пугались по настоящему. Сейчас проклятый шляхтич, слишком гордый, чтобы быть умным, рвался, разумеется, в первые ряды.

Расстроенный так сильно, что даже боялся себе признаться, пан Роман оглянулся... Его казаки, отлично обученные воины, замерли ровным строем за спиной своего командира. Никто не стронулся следом за людьми пана Анджея... но две дюжины глаз пристально и неотрывно следили за ним, за паном Романом. Мол, прикажи только, мы готовы! И ведь и впрямь были готовы... вот уже и пищали с пистолями наготове! А пан Анджей всё дальше... А в воротах уже спал напор, там бегут, торопятся поспеть за остальными, разве калеки да старики.

— Андрей! — резко сказал пан Роман, сам собой не довольный. — Возьми ещё троих, останетесь с пани Татьяной. Чтобы ни один волос с её головы не упал! Головой ответите!

Казак, к которому он обращался, Андрей Головня, был достаточно зрел, чтобы преисполниться осторожности. Далось ему это нелегко — шрамы на лице говорили о трудной науке, но то, что ещё был жив — о том, что наука пошла впрок. Сейчас он лишь коротко кивнул, и указал троим, что им придётся поскучать с ним. Остальные — двадцать человек, включая сюда и самого пана Романа, неспешно, оберегая коней, тронулись в сторону города. За спиной ехавшего первым шляхтича, его воины спешно щёлкали курками пистолей и ружей, звенели саблями, готовясь к бою...

Славный город Грязин за восемь десятков лет, что стоял на многострадальной земле Руси, пережил немало потрясений. Его ведь не зря поставили именно на этом месте, подле смычки двух шляхов: жутковатого Муравского и не столь опасного, Бакаева. Там, дальше, горела огнём южная Россия — Северская земля, поверженная Мстиславским, да Белгородская Черта, уж сколько лет грудью заслонявшая собой всю срединную Русь. Там было хуже всего, там истекали кровью станицы... Но и здесь тоже случалось — проходили пути татарских ратей. Дважды город, в котором пока лишь одно здание было построено из камня, сгорал дотла, сожжённый врагами. Дважды его отстраивали заново. Город, один из немногих, имел собственный отряд стрельцов. Сюда назначался государев воевода и город всегда, всю свою короткую историю был оплотом Москвы на юге. Сейчас город, впервые за свою историю, был охвачен пламенем мятежа. Сотни, если не тысячи людей, многие — неплохо вооружённые, стекались сейчас к центральной площади, к дому местного воеводы Анцифора, царёва наместника, поставленного ещё царём Фёдором, утверждённого Борисом, переметнувшегося к Дмитрию. Не исключено, что и четвёртый царь будет доволен его действиями! Если выживет... Три десятка стрельцов — последний его резерв, вместе с боевыми холопами стеной выстроились перед крыльцом. Молодой, рослый усач-сотник звонко скомандовал им изготавиться к бою...

На этот раз толпа не остановилась — стрельцы здесь были чужие, не местные и прибыли недавно, не успели заиметь друзей среди горожан. Скорее уж, врагов заимели. Кто-то первым бросил камень, его почин подхватили и на град камней стрельцы ответили единственно возможным способом — залпом из полутора дюжин пищалей. Хорошо ещё, не все смогли выстрелить точно, лишь шесть или семь человек были убиты, хотя и рана от тяжёлой пищальной пули заживает нескоро. На миг толпа отхлынула, яростные вопли стихли. Где-то в задних рядах дуром завывала баба, видать, вусмерть придавленная.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вперёд! — заорал пан Анджей. — Вперёд, трусы! Всех не убьют!

— Вот сам и лезь вперёд... лях! — зло ответил ему кто-то из мужиков. — Пуля пищальная, она дура! Не разбирает, кому поделом будет, а кто здесь случаем оказался...

— Разойдись! — рявкнул меж тем сотник, грозно махнув саблей. — Разойдись, говорю! Воевода Анцифор добр и прощает вам обиду. Только выдайте убийц стрельцов городских, больше наказаний не будет! Зачинщиков выдайте! Да смотрите, озоровать кончайте! Хуже... ох...

Он не договорил, не дали. Брошенный чьей-то меткой и сильной рукой булыжник попал точно в лицо, вмиг обратив гордый профиль в куда менее привлекательный вид. В следующий миг те из стрельцов, что успели перезарядить пищали, беспорядочным залпом отомстили за своего командира. Хотя погибло из горожан немного, но крови теперь было пролито достаточно, а крики раненых соседей и друзей, а то и родственников взывали к отмщению. Народ дуром готов был рвануться вперёд. Именно в это время на площади и появился пан Роман со своим отрядом.

Опытным глазом определив, что дела плохи, а стрельцы достаточно умелы, чтобы при таком малом количестве наломать дров вдосталь, пан Роман всё же не стал спешить. На его глазах, уже и при помощи бердышей, стрельцы отбили третий наскок мятежников. В нём,

правда, приняли участие и шляхтичи пана Медведковского... Сам пан Анджей, разумеется, пролезший в первые ряды и по привычке дравшийся отчаянно и довольно неплохо для себя, даже ранен был и теперь самым чёрным образом ругался, покуда белый, как полотно Яцек перевязывал ему покарябанное плечо.

— Пора уже, пан Роман! — негромко сказал из-за плеча давний соратник, казак Клим Оглобля. — Стрельцы сейчас стрелять не смогут, пищали не заряжены. Тут мы их и...

Он настолько выразительно сложил ладони, прихлопнув воображаемого врага, что пан Роман только и смог, что ухмыльнуться в ответ. И впрямь — самое то сейчас ударить. Вот и кончар бьётся рукоятью в руку, просится, чтобы его выхватили... вот так... а потом наклонили остриём вперёд — вот так!

— Вперёд! — заорал пан Роман и его жеребец чёртом прыгнул вперёд, по пути отшвырнув широкой, могучей грудью двух «союзников» — горожан. Скольких ещё стоптали его молодцы, пан Роман не знал. Да он об этом и не задумывался! Куда приятнее было видеть страх на небритых рожах местных стрельцов, дрожащие навершия бердышей, которые они спешно наклонили, чая ими остановить порыв конницы...

Площадь была слишком мала и коротка для полного разгона, да пан Роман и не горел желанием разгонять своих молодцев. Потом ведь не остановишь, коням ноги переломать можно!

Атака удалась. Лишь несколько стрельцов успели выстрелить, но кажется, никто из них не попал. А потом под тяжело рухнувшим кончаром пана Романа хрустнул, раздаваясь, череп стрельца, рядом закричали яростно... Кто-то из стрельцов скомандовал отход.

Отходили они быстро, умело. Не побежали и не дали возможность молодцам пана Романа на плечах ворваться на крыльцо. Четверо стрельцов, что держали штурмующих на длине бердыша, отдали свои жизни, но к моменту, когда пал последний из них, низкая и тяжёлая дверь в хоромы воеводы захлопнулась, а из окон второго поверха высунулись стволы пищалей и по набегающим мятежникам хлётко и метко ударили свинцовые пули. Четверых смело. Завизжал раненый конь. Его стон поддержали раненые люди... На площади установился хаос.

— Ну, всё! — пробурчал, прижимаясь к стене, рослый горожанин с оглоблей в качестве оружия. — Сейчас они нам покажут...

Пан Роман, сердито на него сверкнув глазами, знаком велел своим начинать. Трое быстро подскочили к двери, в руках появились стрелецкие бердыши. Дверь задрожала под их могучими ударами и, хотя щепка пока что летела мелкая, вряд ли она простоит слишком долго. Остальные казаки пока что затеяли перестрелку со стрельцами и, хотя они находились в заведомо менее выгодном положении, всё же сумели заставить стрельцов укрыться внутри.

— Лестницы тащи! — орал кто-то из горожан, надсаживая глотку. — Бей их, иродов!

Площадь была вся устлана телами убитых, бабы с воем бегали, отыскивали среди них своих мужей, детей... Иногда слёзы утишались, раздавалось радостное причитание — значит, её был ещё жив. Чаще, однако, вой раздавался ещё громче... Раненных было больше, чем убитых, но их загоптали свои же, толпа, пока металась по площади туда, обратно. Упавший на площадь мог сразу считаться мёртвым... увы.

Потери только обозлили горожан. Лихие же были люди в городе Грязине, если даже пищальный огонь в упор не смог их остановить! Наоборот, мужики так разозлились, что вмиг высадили пару ставень, и сейчас подле разъявленных проломов окон шла жаркая пря

между стрельцами и горожанами. И те, и другие горели желанием оказаться сильнее... только вот стрельцы всё-таки чуть сильнее, ибо на кону с их стороны стояли жизни. Оба пролома были ими защищены, да ещё и трупов навалили подле них вдоволь...

— Проклятье! — прошептал по-настоящему растерянный пан Роман. — Да здесь как на бойне!

Но в этот момент бердыш одного из воинов прорубил дверь и почти тут же успеха добился ещё один рубщик, рядом. Древками вышибли кусок доски... и получили в упор слитный залп из трёх пищалей. Рубщиков — обоих, а с ними одного из шляхтичей пана Анджея спасти было уже невозможно. За них можно было только отомстить... и за них отомстили. Дверь вынесли так быстро и с такой яростью, словно её и не было. Стрельцов, защитников двери, повинных в смерти боевых товарищей, срубили раньше, чем те успели схватиться за сабли. Нельзя полагаться только на огненный бой! Они же слишком полагались.

— Убивай! — прорычал пан Анджей. — Убивай их, гадов!

Спустя несколько минут волна разгневанных, разъярённых чрезмерными потерями горожан ворвалась внутрь. И живые позавидовали павшим...

Самыми удачливыми оказались всё те же стрельцы. Они могли сражаться, а, сражаясь — умирать быстро. Женщинам и детям повезло меньше. Сражаться они не могли, на милосердие полагаться — тоже. Кончат жизнь самоубийством было против Веры. На них и отыгрались...

— Помогите ради Христа, люди! — немолодая женщина в разорванной на груди исподней рубахе, выскочила на крыльцо. Следом, гогоча и солоно ругаясь, набежали мужики. Трое. Все — местные, горожане. Пресытились грабежом, набили пазухи добром воеводы Анцифора, решили поразвлечь плоть. Увидев чужаков с оружием, остановились... глухое ворчание их напоминало рык голодных псов, у которых уводят сахарную косточку из-под носа.

— Кто такая? — коротко кивнув на женщину, спросил пан Роман, чуя как в груди разгорается и никак не желает затухать гневное пламя.

— Да Марья, жена пса-Анцифора! — быстро ответил один из насильников, ражий мужик с огромными кулаками. Из левого кулака свисали грубо оборванные волосы, целая густая прядь. Бедняжка, видно, рванулась, что есть силы, спасая не жизнь, так честь.

Меж тем, пока казаки и грязинцы мерили друг друга долгими, выразительными взглядами, бедная женщина подползла как можно ближе к пану Роману и крепко охватила его ноги руками.

— Христом-Богом молю, воин, не выдай меня этим зверям! Рабой твоей буду! Жизнь отдам!

Пан Роман скривился... В его планы, по крайней мере — сейчас, не входило противостояние с озверевшими от насилия и грабежа грязинцами. Отряд, потерявший в этой совершенно не нужной стычке четверых убитыми, вряд ли мог противостоять сотням вооружённых горожан. К тому же, теперь в них не нуждались...

— Сколько вы за неё хотите? — отстёгивая от пояса туго набитый кошель, поинтересовался он вполне миролюбиво.

— Так... это, боярин... Злата-серебра мы и так вдоволь набрали! — возразил ему один из мужиков. — Вот Марью-воеводшу поять, такое не каждый день случается! Не обессудь, не уступим! Даже и за сотню рубликов!

Марья, прижимаясь полной грудью к его коленям, отчаянно завывала, пытаясь укрыться от хищных взоров распалившихся ещё больше насильников. Пан Роман ещё раз досадливо сморщился. Не по душе ему был такой вот оборот, не по шляхтетски было бросать женщину, да ещё благородных кровей, на произвол судьбы. Тем более что она — такая же христианка и молит тебя о пощаде.

— Полтора ста рублей даю! — сам себе удивляясь, проскрипел пан Роман. — На эти деньги вы десять таких купите, да ещё в прибытке останетесь!

— Нет, боярин! — решив на всякий случай повисить Романа в положении, возразил мужик. — Я ж сказал, не отдам! И не мешайся... Мы, конечно, благодарны тебе. Очень. Но — не лезь, чужак! У нас тут свои счёты!

Скрипнув зубами, пан Роман потянул из ножен саблю. Отдавать её холопам, черни, он никоим образом не собирался...

Расклад поменялся внезапно. Послышался оглушительный рык, не должный принадлежать человеку, и из глубины терема выступил настолько могучий мужик, что стало страшно от одного только его вида. В руке богатыря был огромный, под стать владельцу, палаш и сейчас этот палаш был направлен остриём в сторону пана Романа. Недолго думая, тот вынул из ножен кончар.

— Да не бойся! — проревел мужик, оглушительно громко хохотнув. — Я тебя не трону... может быть! Я вот этих троих... трону. Слегка! Прочь, мразь!

Мужики себя мразью явно не считали, а оружие у них и у самих было. Однако спорить они не осмелились. Видно, этого громилу в городе знали... Удивительно, но успокоилась и баба. Только всхлипывала чуть слышно, зажимая разорванную рубаху на груди.

— Ну, Марья! — проворчал мужик куда тише. — Не говорил ли я тебе, что кончится этим? Анцифор слишком далеко зашёл...

— Брати-ку... — белугой завыла воеводина жена. — Спаси деток! Спаси, братик!

Тот, дёрнув щекой, возразил угрюмо:

— Кого мог, уже спас! А это сучье племя всё одно на развод оставлять нельзя. Так что вставай давай, пойдём ко мне домой... пока — поживёшь, потом — поглядим! А тебе, чужак, спасибо. Сестрицу мою спас, так знай, что и я, Тимофей Медведев, добра не забываю!

Мрачный пан Роман коротко кивнул и, круто развернувшись на каблуках, сбежал вниз по ступенькам. Следом за ним — его вольняне...

— А вот и пан Анджей! — внезапно пропел Марек из-за плеча господина. — Яцек, чтс нашли, где искали?

Яцек, мрачный и надутый, пропыхтел что-то еле слышно. Его слова, однако, совершенно неожиданно вызвали оживление среди шляхты. Кто-то тихонько хохотнул, а кто-то и в голос заржал. Сбрусняевший Яцек уткнулся багровой рожей в гриву коню.

— Совсем затюкали бедолагу! — холодно обронил пан Роман. — Ну, да и Бог с ним, с Яцеком-то! Марек — ты! Езжай, скажи нашим, пани Татьяну можно везти сюда... Только пусть едут побыстрее. Не хватало ещё, чтобы её какое-нибудь быдло напугало!

— А мы пока устроимся на ночлег со всеми удобствами! — радостно подхватил пан Анджей. — Вон, какой славный домик. И стены не всякой пушкой поломаешь!

Толстый палец пана с обкусанным неаккуратно ногтём указывал на местный острожек, небольшой, но и впрямь крепкий. Пан Роман, вскинув на миг бровь в изумлении, спорить не стал. Пожалуй, это действительно был лучший выход. Особенно, если учесть, что в городе разгоралось пламя грабежа. И на улицах всё сильнее становился терпкий аромат хмельного мёда да пива... Широко москвит в веселье, ох и широк же!

— Приготовьтесь! — негромко приказал пан Роман, доставая саблю. — Я не я буду, если не нарвёмся на гуляк!

Накаркал...

У самых ворот острога, распахнутых настезь, валялось несколько тел — то ли убитых горожан, то ли, что вернее, пьяных. За воротами, внутри острога, словно рой пчелиный, рассержено гудел хор мужских голосов.

— К бою! — холодно приказал пан Роман, и сам вытащил пистолы из-за пояса. В такой узине, разогнаться для сабельного удара возможности не представлялось. Другое дело, пистолы... выпущенные в упор пули, да ещё если получится хотя бы подобие слитного залпа двадцати стрелков, способны натворить немало бед и охладят пыл самым горячим головам. Жаль только, Марек никак не мог успеть почистить пистолы. Сегодня из них слишком часто стреляли. Хоть и добрый мастер их делал, даже он не мог дать гарантию, что стволы выдержат такой напор...

Опасения пана Романа подтвердились не в полной мере. Толпа в остроге была — человек двадцать пьяных настолько, что именно про таких говорили: «им море по колена, да и горы — по плечо». Вот только никто из них не собирался драться с отрядом хорошо

вооружённых и ещё лучше обученных воинов. Дюжины полторы были заняты перекаткой двух огромных бочек из погреба к воротам, двое, вцепившихся друг в друга на предмет устойчивости и решительно не желавших разрывать объятье, пытались ими руководить. На прибывших «гостей» они не обращали своего внимания до тех пор, пока те не взяли стену и ворота под свой контроль, а десяток под командой Антона Кобзаря, казака из отряда пана Романа, не начал медленно и достаточно вежливо теснить пьянчуг прочь из острога. Ну, тогда уже стало поздно, и ропот быстро утих — под стволами ручниц и пистолей.

— Вот вам от нас подарок! — весело возвестил Кобзарь, взмахом руки велел двух казакам выкатить бочонок, что поменьше. — Выпейте за наше здоровье!

Вряд ли хоть один из горожан исполнил это пожелание. Больно уж малой казалась толика мёда, выделенная им чужаками после тех двух гигантских бочек, что возвышались посреди двора.

Впрочем, пана Романа, а вместе с ним и пана Анджея это не волновало. Казаки и шляхтичи, переругиваясь весело, заняли круговую оборону на стене, под самый же конец радостный вопль одного из литвинов возвестил об ещё одной удаче. На стене, подле ворот, оказалась небольшая, но пригодная к стрельбе настенная пищаль. Счастье великое казаков, что эта пушечка почему-то не стреляла, когда они очертя голову лезли на терем, подставив острогу левый бок.

— Наряд к пищали! — рявкнул обрадованный пан Анджей. — Людвик, ты у нас вроде умеешь из неё стрелять?

— А то! — обиделся Людвик, рослый лях из-под Кракова, успевший за свою короткую жизнь послужить и в баварской армии, и в имперской, даже во французской армии. — Правда, не из такого старья... Эта пушка, наверное, ещё круля Стефания знала!

— Что ты хочешь от захолустья! — пожал плечами пан Анджей, но тут же встрепенулся. — А мы пока, пан Роман, воспользуемся передышкой и попробуем эти меды! Не думаю, чтобы местный воевода держал дерьмо... Ишь, как эти пчёлки сюда тянулись!

— Пойдём, пан Анджей! — улыбнулся в ответ Роман. — И впрямь, не мешает выпить чарку-другую... Да и закусить!

Обнявшись, старые соратники отправились в небольшую избу — терем воеводы...

Больше всего на свете Марек любил опасные поручения. Вот такие, когда руку никоим образом нельзя убирать слишком далеко от пистоля и сабли, да и по сторонам лучше оглядываться постоянно — чтобы не получить удар в спину.

Улицы вечернего города бурлили, в нескольких местах над городом поднимались густые клубы дыма, мелькали оранжевые всполохи — горели дома сторонников нового царя или тех, кого за них приняли. Кое-где, и не слишком редко, прямо посреди улиц валялись трупы, бродячие собаки, коих всегда было много в городах, обглаживали им лица, выжирали внутренности. Пару раз Марек шуганул их, но останавливаться каждый раз — у него не хватило бы никакого времени. Поэтому он плюнул и пришпорил коня.

Внезапно, за спиной раздался громкий перестук копыт, и одинокий всадник вылетел из мрака, погоняя коня, словно хотел обогнать ветер. Марек резко остановил своего коня, быстро выхватив пистолы из ольстредей и направив их в сторону всадника.

— Не стреляй, Марек! — заорал всадник голосом Яцека, и всего через несколько мгновений, проглянувшая сквозь дым и тучи луна осветила его напряжённое лицо.

— Что случилось, Яцек? — удивился стремянный пана Романа. — Ты — и один сунулся в ночь?! Никак, беда случилась?

— Нет! — сердито возразил Яцек. — Я просто не хотел оставлять тебя наедине с Зариной! Да и потом, кто-то ведь должен прикрывать тебе спину!

Марек, который считал себя способным справиться самостоятельно, только пожал плечами недовольно, но — промолчал.

— Пистолы-то хоть заряжены? — спросил он, нарушив молчание, когда они доехали до конца улицы и свернули в кривой и узкий переулок. — Саблю не забыл?

— Не забыл! — огрызнулся обиженный Яцек. — Отстань! Смотри лучше по сторонам... мне вон там тени какие-то померещились!

— То-то и оно, что померещились! — ухмыльнулся посмотревший на всякий случай в ту сторону Марек. — Не дрожи, мы почти доехали!

Ведь знал, что нельзя так говорить, знал! Но сказал... и накаркал. С двух сторон из-за домов появились люди, у одного из них Марек заметил в руках фитильную пищаль сделанную очень грубо, но, тем не менее, способную выстрелить разок.

— Эй! — рывкнул кто-то из разбойников. — Слезайте, мальцы... приехали!

Марек не стал даже разговаривать. Оба его пистолета, которые не убирал далеко, с грохотом разрядились в рожи, рядом бабахнули пистолы Яцека. И тут же пришлось выхватывать саблю, рубануть по руке, ухватившей его конька под уздцы.

Разбойник, получивший острым лезвием по руке — пусть даже клинок прошёл вскользь, содрав слой кожи и не повредив ни кости, ни жилы, взвыл, словно ошпаренный и разжал руку. Тут же Марек чуть не вылетел из седла — его дёрнули за ногу, но помог Яцек, со всей силы хлестнувший нагайкой по голове неприятеля. Видимо, решимость, с которой они защищались, сделала своё дело. Воры вдруг отхлынули и так же быстро, как появились на улице, с неё исчезли.

Несколько мгновений Марек, мокрый от пота, покачиваясь, сидел в седле. Потом его пробрал нервный смех. Глядя на приятеля, захохотал и Яцек, испуганный ещё более.

— Вот ведь — герои! — сквозь смех всхлипнул Марек. — Кому скажи, что вдвоём

дюжину разогнали, так ведь не поверят! Скажут — врём! А, Яцек?

— Точно — скажут! — подтвердил Яцек, утирая слезу. — Особенно, если это ты скажешь! Мне-то могут и поверить!

Марек моментально оборвал смех, набычился.

— Уж не хочешь ли сказать, — прорычал он с непритворной яростью, — что я — лжец?! Ну, Яцек...

— Вовсе даже не хочу! — быстро возразил Яцек, опасливо покосившись на саблю, которую его приятель держал в руке. — Я только хотел сказать, что ты не всегда говорить всю правду. Так это ж хорошо! Мариус, ты не сердись, пожалуйста... Ты же знаешь, я сначала скажу, а потом — подумаю... Не то, что ты!

Мареку всегда очень нравилось, когда его звали полным именем — Мариус. Вот только пока таких человек было трое: пан Роман, мама да Яцек, когда боялся его. Пан Роман, впрочем, тоже не всегда снисходил до столь торжественного величания... Только в минуты величайшего расположения!

— Ладно! — милостиво кивнул отрок. — Я тебя прощаю!

Оскорблённому в лучших чувствах Яцеку осталось только скрежетать зубами от ярости.

— Поехали скорее! — сердито проворчал он спустя некоторое время. — Темно, ни зги не видно! А нам ещё госпожу надо найти, да через город её провезти. Представляешь, если на нас ещё раз нападут?

— Ну и что? — удивился Марек. — Там же Андрей Головня! И с ним ещё трое наших... Мы с тобой вдвоём десять взрослых мужиков разогнали, а с Головнёй и его казаками нам сам чёрт не страшен! Пусть на нас хотя бы и сотня нападёт...

— Ну, сотню, пожалуй, не надо! — быстро возразил Яцек. — Ты представь себе, что они будут с огненным боем!

Поморщившись, Марек нехотя признал:

— Да, лучше не стоит...

Они без приключений добрались до ворот, распахнутых настежь, никем не охраняемых. Марек, по пути зарядивший пистолы, на всякий случай взвёл курки и настороженно обследовал взглядом стену и арку. Кроме уже обглоданных местами трупов стрельцов, убитых ещё поутру, никаких людей вокруг не было. Только в поле, на месте шумного утреннего торга, горел одинокий костерок. Не иначе, Андрей с казаками грелся...

Подъехав шагов на двадцать, и опасаясь, что в темноте свои же всадят в него пулю, Марек набрал побольше воздуха в лёгкие, и оглушительно рявкнул:

— Андрей!!!

— Кто там? — от костра отделилась одинокая фигура с продолговатым предметом в руках, не иначе как пищалью. — Ты, что ли, Марек-болтун?

Марек позволил коню преодолеть те немногие шаги, разделявшие его с казаком, и с высоты своего коня надменно его обозрел:

— Моё имя — Мариус, и я — стремянный твоего господина. Вряд ли стоит называть меня болтуном, тем паче, что я не давал тебе такого повода... Лютый!

Лютый, огромный казак, в руках которого пищаль выглядела детской игрушкой, добродушно ухмыльнулся. Он издавна взял себе за правило поддразнивать юного литвина, притом чаще всего это удавалось великолепно. Вот как сейчас, например!

— Ладно! — с ухмылкой согласился он. — Пусть будет Мариус... Раз Ты так хочешь, Марек-болтун!

— Где Андрей? — Марек предпочёл проигнорировать неприкрытую издевку, сквозившую в голосе. — Пан Роман послал меня, мне надо срочно переговорить с ним!

— Что тебе, Марек... ах прости, Мариус! — на этот раз, перед ним встал сам Головня. — Что ты должен передать мне?

— Чтобы ты поскорее вёз женщин в город! — холодно ответил Марек. — И пан Роман напоминает тебе, что ТЫ головой отвечаешь за жизнь их обоих!

— Да понял я! — отмахнулся было Андрей, но тут взгляд его упал на левую ногу Марека и в последовавшем за этим взглядом вопросе не осталось и толики вальяжности и расслабленности. — Где это тебе каблук оторвали?

— Вот собачье семя! — недовольно поморщившись, выругался Марек. — Да напали тут на нас с дюжину каких-то оглоедов! Мы их там погоняли... с Яцеком! Думаю, нескоро теперь сунутся!

— Угу... — протянул Андрей слегка растерянно. — Эй, други! Ну-ка, проверьте ручницы! Чтобы потом не говорили, что фитиль отсырел, али ещё что мешает выстрелить! Бить чтобы точно! Поехали...

— Люблю я тебя, пан Роман! — прорычал в стельку пьяный пан Анджей, одной рукой взмахнув чаркой с мёдом, а другой — пытаюсь охватить широкие плечи соратника.

Тот, слегка напряжённо улыбаясь, долил мёда в свою чарку и вполне трезво возразил:

— Так и я тебя люблю, пан Анджей! Ты — хороший друг... Ик!

Последний звук несколько не вписывался в предыдущую речь пана Романа и пан Анджей, в изумлении распахнув глаза пошире, воззрился на приятеля, явно ожидая объяснений. Пан Роман, однако, был не способен что-то объяснить, поскольку слишком большое количество хмельного мёда, выпитого за последний час, повлияло на его речь не в лучшую сторону. Уже то, что он сумел без особых проблем сказать длинную фразу из дюжины слов, можно было назвать подвигом... К тому же, пана Романа пробрала внезапная икота и, как он ни старался запить её новыми реками мёда и пива, она никак не желала проходить. Смутно понимая, что икоту пивом не задавишь, пан Роман набирал побольше воздуха в лёгкие, раздуваясь, как жаба, аж жмурился от старания... ничего не получалось. Икота после краткого перерыва становилась только сильнее. Пан Анджей, вроде бы выражая вслух сочувствие, с трудом сдерживал смех...

Внезапно, за спиной пана Романа гроыхнул выстрел. Подпрыгнув, он резко развернулся. В руке его сверкнула сабля...

Пан Анджей, нагло ухмыляясь, покачивался на своих кривых ногах. В руке его дымился, распространяя вокруг пороховое зловоние, пистоль.

— Ну как? — поинтересовался шляхтич. — Выздоровел?

Сдержав на мгновение гнев, пан Роман прислушался к своим ощущениям... Икота и впрямь оставила его. Вместе с хмелем. Зато теперь раскалывалась голова... а в ушах звенело эхо выстрела.

— Выздоровел! — с нескрываемым изумлением согласился он. — Надо же... А я думал, лекарь у нас — мессир Иоганн!

— Даже он знает не всё! — в тоне пана Анджея проскользнуло раздражение. — Ну, по крайней мере, кое-что он должен не знать!

— Да я и не спорю! — поспешно вскинул руки, вроде как капитулируя, пан Роман. — Я говорю, лечишь ты очень интересно и оригинально! Скажи, а понос ты как лечишь?

— А что, есть нужда? — озаботился пан Анджей, между делом забывая пулю в опустевший ствол пистоля и близоруко щурясь из-под густых бровей. На губах его заиграла добрая, добрая улыбка...

— Нет, нет! — поспешно заверил, на всякий случай отступая назад, пан Роман. — Что ты, пан Анджей, со мной всё в порядке! В полном порядке!

— Что тут у вас происходит? — хриплый голос от дверей принадлежал вышеупомянутому лекарю. — Я слышал выстрел... Все живы?

— Да, конечно! — как и всегда в присутствии шведа, пан Роман чувствовал себя неуютно. — Это пан Анджей взялся лечить меня от икоты!

— Лечить? — бровь мессира Иоганна медленно поползла вверх. — Вроде бы его дело — калечить! Впрочем... Я вижу, досточтимый пан, ваша метода оказалась действенной — мессир Роман не икает больше. Не соизволите ли поделиться?

— Да, конечно... — голосом глубоко несчастного человека ответил пан Медведковский

и протянул лекарю пистоль. — Вот эта метода... Или каким там латинским словом вы обозвались!

— А! — глубокомысленно изрёк лекарь, чьё занудство вошло в легенды. — Так вы, значит, решили испугом его вылечить. И эта М Е Т О Д А сработала. Bravo, bravo! Мы лекари, рекомендуем данный способ. Разумеется, когда под рукой нет правильных ингредиентов и снадобий. Римляне, например, ещё тысячу лет назад рекомендовали...

— Понятно, благодарю вас, мессир Иоганн! — быстро сказал пан Роман. — Вы очень интересно рассказываете, вот пан Анджей с удовольствием вас послушает. Мне, к сожалению, необходимо очень срочно проверить посты. Ночь кругом, всякое может случиться...

Пан Анджей, которому подобный способ смыться пришёл в голову всего несколькими мгновениями позднее, одарил приятеля негодующим взглядом... но тут же на его круглой роже появилось выражение глубочайшего внимания. Ему предстояло выслушать целую лекцию, по поводу того, как именно древние и не очень древние лекари лечили икоту. Он мог только предполагать, но это предположение всё сильнее перерастало в уверенность, что мессир Иоганн знает множество подобных рецептов...

А пан Роман, ухмыляясь во все свои двадцать пять зубов [\[12\]](#), быстро сбежал по крылечку во двор. Сабля, вброшенная в ножны, весело позвякивала о левое бедро. В неверном свете двух наполовину сгоревших факелов, воткнутых в кольца у двери, виден был лишь очень небольшой кусок внутреннего двора, да ещё изредка мелькала медленно движущаяся тёмная тень на стене — часовой.

— Стой! — внезапно заорал часовой. — Стой, стреляю!

— Ты мне стрельни только! — звонко отозвались из-под стены голосом Андрея Головни. — Я тебе стрельну... Так стрельну, что все мозги вылетят! Из задницы, где они обретаются!

Пан Роман, нахмурившись, взбежал на стену и легонько подвинул оскорблённого в лучших чувствах часового.

— Ты чего это разорался, Головня? — сурово поинтересовался он. — Не дело часового, свой долг выполняющего, хаять!

— Виноват, пан Роман! — почти равнодушно ответил тот. — Мы тут слегка утомились в дороге... вели открыть ворота! Вот и панна твоя, Татьяна свет Куприяновна желает въехать под охрану стен и твою личную...

— Открывай ворота! — чуть заметно изменившись в лице, велел пан Роман. — Быстрее, олухи!

Ворота распахнули так быстро, как только смогли — всем было известно, что когда их предводитель начинает разговаривать со своими воинами грубо, стоит пошевелиться. Велико же было удивление казаков, неизмеримо больше — у самого пана Романа, когда вместе с сопровождаемым всадниками Андрея возком боярыни внутрь въехали ещё пять возов, груженных доверху, окружённых перепуганными, белеющими повязками людьми. Не меньше трёх десятков их заполонили собой двор, тут же послышался рёв чьего-то малыша.

Пан Роман, словно этот плач привёл его в чувство, встрепенулся и огляделся. Его напряжённый взгляд и перекошенная рожа показали часовому, что командир всё ещё слегка не в себе. Впрочем, он всегда быстро приходил в себя...

— Кто эти люди, Андрей? — мрачно спросил он у казака. — Я вроде бы приказывал тебе...

— Мощный пан! — раздался отчаянный вопль и щуплый человечек, одетый неряшливо и вразнобой, бросился ему в ноги, утыкаясь длинным носом в грязные сапоги. — Мощный пан, защиты просим! Защиты от проклятых москалей, извергов, убийц, воров...

— О, сколько у вас врагов! — криво усмехнулся пан Роман. — Кто ты, бедолага и чем тебя обидели москали?

— Я... — купец Даниил... сын Моисея! — заикаясь, назвался человечек. — Это — моя жена, мои дети и слуги! Я прибыл в этот проклятый город, чтобы продать местному воеводе заморские товары: вина с Рейна, ткани из Фландрии, оружие из Саксонии! Восемь возов добра! Я нанял лучших охранников и возничих Львова! И вот — результат...

— Ну, что ж! — пожав плечами, сказал пан Роман. — Как я погляжу, пять возов у тебя осталось. Надеюсь, оружие — в них? Я бы не хотел, чтобы мятежники получили ещё и хорошие немецкие аркебузы и пистолы!

— О, да! — воскликнул Даниил. — Оружие — здесь. И я даже продам его вам... с большой скидкой!

Видимо, в его глазах это заявление дорогого стоило, ибо купец, поднявшись с колен, горделиво улыбнулся и пошире развёл узкие, хилые плечики. Двое рослых литвинов за его спиной переглянулись мрачно. Похоже, даже к слугам своим купец не был слишком щедр.

— Мы потом поглядим... — начал было пан Роман, но тут увидел Татьяну...

Видимо, ей немало пришлось пережить, да и дорога через разорённый город была невесела. Её широко распахнутые глаза полны были слёз, лицо казалось мертвенно бледным. Сдерживаясь, она, однако, быстро подошла к любовнику и уткнулась лицом ему в плечо.

— Боже! — прошептала тихо. — Роман, это ты устроил это?

Пан Роман, никак не думавший о мятеже с такой стороны, неловко кашлянул.

— Ну... — промямлил. — Возможно, в этом есть и часть моей вины.

— Я хочу уехать отсюда! — в голосе боярыни зазвенели истеричные нотки, и пан Роман испуганно взгляделся в неё. — Немедленно! Не могу... не хочу оставаться в этом городе хотя бы на час!

— Нет... — с ясно видимым сожалением пан Роман покачал головой. — Нет, госпожа моя! Мы не сможем выехать прямо сейчас... Кони и люди устали, а в городе — беспорядок и воры с оружием. Нам пришлось бы пробиваться наружу... К утру же они утихнут, выпустят свой гнев... и мы сможем выехать легко и без помех! Что нам и нужно... Потерпи до утра, милая моя пани. Только до рассвета! Клянусь, с первыми лучами солнца мы тронемся в путь...

Вместе с первыми лучами летнего, июньского солнца, сотня Кирилла Шулепова подъехала к стенам маленького городка Грязина. Кони устали, люди с трудом держались в сёдлах... но ночной марш сделал своё дело, они достигли города и сотник, приподнявшись в стременах, оглушительно возвестил:

— Отдыхаем до обеда! Бабы, девки и меды — ваши! Смотрите только, чтобы потом из сёдел не валиться!

Обрадованные ратники рёвом сотни глоток заглушили его последние слова...

Меж тем, по такой ранней поре, Грязин выглядел странно. Ворота его были распахнуты настежь, но торг — пуст и лишь бродячие собаки бродили тут и там, пожирая мусор... наверное. Ну, а что ещё может валяться в беспорядке на торге?

— Странно, что ворота раскрыты! — пробормотал Кирилл, вглядываясь из-под ладони в темнеющую громаду стены. — Время ещё раннее. Хотя... может, тут все настолько ленивы... А, Павло?

Стрелецкий полусотник, озадаченно почесав затылок и звонко придавив пальцами некое насекомое, попавшее на палец, только плечами повёл. Не его это дело было — размышлять. Вот сражаться он умел не в пример лучше.

— Мои стрельцы дальше поехать не смогут! — мрачно предупредил он. — Устали, однако... Не всадники! Впрочем, ты ведь и сам обещал здесь отдых. Или тебя так смущают распахнутые настежь ворота?

Остановив коня, Кирилл долгие несколько минут пристально изучал окрест. Но вот на стене около ворот заметно стало движение, кое-где закурились дымки от фитилей... Проснулись!

Осторожность, присущая Кириллу, не дала, однако, сунуться сразу же вперёд. Тем паче, под самыми воротами не протолкнуться было сквозь торговые ряды — чёрт ногу сломит!

— Дмитро! — рявкнул сотник, даже не оборачиваясь. — Пошли кого-нито! Посмотрим, что там за растяпы!

Казачий атаман, по примеру своего приятеля, Павла, слазив в затылок, мрачно кивнул. Ему, несомненно, не по душе был подобный риск, но с другой стороны, вряд ли кто-то ещё, кроме казаков, мог быстро обернуться туда и обратно, а при случае ещё и уйти от погони. Легконогие татарские лошадки казаков имели несомненное преимущество перед могучими, но тяжёлыми на разгон аргамаками ратников Кирилла.

— Федот! — внезапно рявкнул Дмитро, оглядываясь. — Возьми пару-тройку казаков, прогуляйся до ворот!

— Сделаем, атаман! — расхмылился невысокий, поперёк себя шире казак. — Девку тебе приглядеть, аль сам посмотришь?

Нелюбовь атамана Дмитра к женщинам вообще и молодым девкам в частности известна была всем. Не один казак и стрелец хохотнул в кулак, когда разглядел гримасу ужаса и отвращения на лице атамана.

— Я сам! — резким, напряжённым голосом ответил он. — Езжай уже! И гляди, руку от сабли далеко не убирай!

Получив такое странное напутствие, и слегка нахмурившись, Федот махнул рукой, трое казаков последовали за ним... Остальная сотня, замерев в сёдлах, напряжённо следила за

тем, как быстро и умело, укрываясь по пути за лавками торговцев, казаки двигаются к стене. Вот уже сотня шагов до ворот... полста... тридцать...

Звук выстрела, разумеется, не мог достичь ушей стоявших в версте с гаком ратников. Лишь дымок, поднявшийся над одной из бойниц, удалось разглядеть... да и то с большим трудом. Потому падение одного из казаков было совершенно неожиданным, а когда остальные, не пытаясь поднять упавшего с земли, развернули коней и погнали их к отряду, изумился даже атаман Дмитр.

— Чего это они? — удивлённо и вроде даже как обиженно протянул он. — Разве я не приказал им...

Но тут татарские кони, быстрые как ветер, принесли казаков обратно, и первый из доскакавших хрипло выкрикнул:

— Федот убит, атаман! Нас обстреляли со стены... Сволочи!

— Да, сволочи... — Дмитро сверкая голубыми глазами, возмущённо уставился на Кирилла. — Объясни-ка нам, сотник, почему по нам из нашего же города стреляют! А?!

— Я-то почём знаю! — проворчал тот, растерянный не менее своих воинов. — Может, за разбойников вас приняли...

— Ты говори, говори, да не заговаривайся! — рявкнул возмущённый Дмитро, ещё яростнее сверкая зраком. — Это ж надо, моих хлопцев за разбойников принять!

Даже среди самих казаков слышались явственные смешки. Мягко говоря, казаки, как, впрочем, и стрельцы с ратниками Кирилла, выглядели мало похожими на регулярное войско. Уж скорее и впрямь — банда разбойников!

— А вот нам, пожалуй, сейчас ответят! — процедил внезапно Павло Громыхало, глядя на город из-под надвинутой на самые брови шапки. — Ишь, сколько их встречать нас вышло!

И впрямь... В распахнутые городские ворота, неумело равняя ряды, по всей видимости, намереваясь задавить неприятеля одной только численностью, выливалась наружу целая толпа. Кое-где в лучах восходящего солнца сверкало оружие. Дымились фитили пищалей. Со стены сердито и совершенно бесполезно твякнула пушка — ядро не долетело полусотни шагов до ратников... Хорошо ещё, на головы горожан не рухнуло!

— Ах, вот так значит! — тихо и злобно прорычал Кирилл. Значит, стрелять будем... Дмитро, Прокоп, всех в сёдла! Павло, твои стрельцы пусть готовятся! Мы этой швали покажем, как в царёвых людей стрелять!

Спустя самое большее десять минут, развернувшаяся лавой конница ударилась в намёт. По меньшей мере, три сотни вражеских бойцов впереди ратников не смущали — то был сброд, в большинстве своём плохо понимающий, с какой стороны за пищаль братья и где у сабли рукоять. Да они его одним только видом своим в бегство обратят!

В общем-то, не слишком они были и не правы. Лихо разогнавшись, казаки и ратники врезались в нестройные ряды горожан и, сопровождаемые аккомпанементом пистолей и пищалей, завели свою песню сабли.

...Свистнул остро оточенный клинок, сработанный нижегородским мастером, и бедолага, вся защита которого состояла лишь из одной рубахи, а всё оружие — из выломанного по дороге ослопа, без стопа упал под копыта надвигающейся конницы. Вряд ли он уже встанет... даже если Кирилл и не убил его первым ударом. Впрочем, мгновением позже на счету сотника было три трупа, а его молодцы, разгорячённые, голодные, а потому — злые и беспощадные, в капусту покروшили не меньше трёх дюжин. Остальные, истребляемые слишком беспощадно, чтобы продолжать сопротивляться, попытались хотя бы

спасти свои шкуры в бегстве. Ну, а что может быть лучше для конницы, чем бегущая перед самым строем, расстроившая ряды пехота?! Так легко и приятно тянуть саблей от плеча, чтобы брызги солоновато-сладкой, багряной человеческой крови били в лицо, чтобы конь хрипел в загоне и впереди — распахнутые в ожидании своих беглецов ворота...

Взять город в конном строю, да ещё при столь малом количестве бойцов, им, разумеется, никто не дал. И Кирилл ещё пожалел, что не успел вовремя притормозить разогнавшуюся лаву... Нет, потери от внезапного залпа со стены были невелики. Но растерянности, пусть даже мимолётной, более умелому воеводе горожан могло бы хватить, чтобы обратить поражение в победу и сполна отплатить за каждого павшего. А так... Видно, стрелки были пьяны, либо вовсе не умели стрелять из пищалей. Большинство пуль прожужжали совсем рядом, но лишь один всадник был убит, да трое получили раны, не слишком серьёзные.

— Назад! — заорал Кирилл, сам подавая пример. — Ну же, скорее!

Первыми приказ выполнили казаки. Ещё двое ратников были ранены, прежде чем весь их отряд сумел развернуть взбесившихся коней. Потом лава помчалась обратно и те из выживших горожан, кто не успел убратъся с пути, сполна расплатились за героизм защитников города...

— Что за... — ругаясь почём свет, прорычал Павло, глядя на то, как усталые всадники на усталых конях возвращались обратно на опушку. — Что за дела?! Сотник, что ты-то думаешь?

Кирилл мрачно вытер саблю пучком молодой, нежной травы. Настроения отвечать у него не было вовсе, но и смолчать, когда ответа ждут десятки ратников, он не мог.

— Думаю я, что продолжается та смута, что мы застали в селе! Ну, том, где нас через мост не пускали! Вор тот, что там мужикам голову замутил, и здесь мог поусердствовать... Пресвятая Богородица! Сколько же дурней пошло за ним... Ей-Богу, впервые рубить не хотелось...

Он тяжело вздохнул, лицо потемнело. Никто не осмелился беспокоить сотника...

— Двигаемся в объезд! — решил Кирилл после короткой паузы. — Вот только сначала — похороним наших...

Выступили на рассвете, с первыми лучами солнца — как и обещал пан Роман. Мучимые похмельной жадой, а оттого ещё более злые, чем обычно, казаки и шляхтичи не выпускали из рук оружия, готовые оказать достойный приём любому недругу. Однако, пан Роман не зря провёл в седле большую часть своей жизни — сквозь сонный, вялый город отряд прошёл, как нож сквозь масло — легко и без задержек. И хотя на всякий случай арьергард был составлен из самых трезвых воинов во главе с чудом держащимся в седле паном Анджеем, потребность в нём так и не возникла. Лишь когда последние всадники проезжали под аркой Западных ворот, также никем не охраняемых, за их спинами разнёсся над крышами заполошный перезвон колоколов — набат.

— Ого! — весело восхитился пан Роман, покосившись на впервые ехавшую подле него, в седле, Татьяну. — Никак это за нами?

— А что, может быть? — испугалась та.

— Может! — заверил её пан Роман. — За нами? Ещё как может!

Испуг, отразившийся на лице Татьяны, вряд ли можно было назвать притворным.

— Эй, хлопцы! — рявкнул пан Роман. — Ну-ка, проверьте-ка рушницы! Как бы не было бы бою...

Но нет, хотя ружейная пальба и достигла ушей недалеко ушедшего отряда, дорога, ведущая на Запад, оставалась пустынно за ними. Перепугавшийся было, жид Даниил немного пришёл в себя. Он даже затряс пейсами, когда пан Анджей в очередной раз предложил ему, на очень выгодных условиях, продать ему пару отличных пистолей из Кёльна. "Очень выгодные условия", в данном случае, означало — даром. Разумеется, Даниилу такая сделка могла принести очень немного пользы. Он отчаянно сопротивлялся подобному напору пана... Но что он мог сделать?! Пан Роман, показавшийся торговцу более разумным, отнёсся к домогательствам своего приятеля вполне равнодушно, если не одобрительно. От казаков — известных жидоненавистников, помощи ждать не приходилось.

— Ах! — вздохнул Даниил, дёрнув себя сразу за оба пейса, да так, что чуть не оторвал их. — Ну как мне отказать такому благородному, такому храброму, такому достойному пану! Конечно же, я согласен, пан Анджей! Вот только... Обещайте мне, что вы не бросите нас на произвол хотя бы до границы с нашей любимой Польшей, и я в придачу к пистолям, добавлю ещё и великолепный турецкий кинжал! Как раз для вашего отрока, что так великолепно восседает на своём жеребце! Ах! Даже турецкие янычары — а я бывал в Блистательной Порте, знаю, о чём говорю, не держатся в седле с таким великолепием! Кинжал будет ему так к лицу!

Яцек, которому жадный пан Анджей в жизни не покупал ничего, вспыхнул и с такой надеждой и мольбой во взгляде посмотрел на господина, что тот заколебался. До границы с Речью Посполитой было ещё довольно далеко, а терпеть среди истинных христиан... пусть и разошедшихся взглядами на веру... жидов было слишком мучительно. Так и хотелось схватить дубину потяжелее и врезать ей по макушке этому... пейсатому. Правда, насчёт носатой и дородной дочки Даниила, у пана Анджея были совершенно другие планы... Вот только встанут лагерем!

Пан Анджей осторожно покосился на приятеля, но, похоже было, пан Роман решил не возражать. Он слишком занят был Татьяной.

— Хорошо! — пробурчал пан Анджей. — Но пистолы и кинжал — вперёд! Знаю я вас, жидов!

Купец и не думал спорить, на самом деле, испытывая немалое облегчение. Два пистолы, да албанский длинный кинжал довольно посредственнойковки, пусть и красиво изукрашенный, вместе стоили гораздо меньше, чем отряд охраны, который он только что нанял аж до самой границы. Места здесь были буйные, беспокойные, в лесах появилось немалое число разбойников, у некоторых из которых под рукой были целые армии, отлично вооружённые и неплохо умеющие драться. Например, в пятидесяти верстах отсюда начинались владения некоего воровского атамана по кличке Ворон. Так вот этот Ворон даже пушки имел! Число же его «воинов» превышало все разумные пределы. Московитские воеводы, по крайней мере, предпочитали отсиживаться в городах, а не соваться с ополчением в глухой лес. Так что стоило ли жалеть пистолы и саблю... да даже и девственную чистоту дочери его, Ракель... чтобы дойти живыми? А Ракель, конечно, придётся тяжко. Вон как уставился на её... прости Неназываемый, выпуклости этот толстый лях! Пусть пялится! Не может быть, чтобы чистокровная дочь Израилева, да не задурила голову тупому как вон то дерево ляху!

Меж тем, отряд отделился от города на десяток вёрст и остановился на короткий привал. Город давно уже укрылся за лесом, опушка здесь была достаточно широкая, чтобы вместить в себя людей, коней, повозки... Запалив костры, казаки принялись варить кулеш, а жида, отделившись от них — что-то своё, чесночное до жути. Кое-где слышны были уже и песни — вырвавшись из городской тесноты, люди радовались привольной жизни и ровной дороге, что ложилась под копыта их коней. Вот только пан Роман был смурен ликом и то и дело поглядывал на дорогу. Но вот насмотрелся и взмахом руки подозвал к себе Марека.

— Звал, господин?

— Тебе не скучно так ехать? — разглядывая белое облачко-барашек, медленно плывущее по небу, небрежно поинтересовался пан Роман.

— Скучно!!! — радостно заорал Марек. — Когда выезжать?

— Чего орёшь дуром? — недовольно поинтересовался его господин, для вида ещё и головой потряся, словно в ухе его зазвенело. — Сейчас и выезжай. Вернёшься обратно и посмотришь, не следует ли кто за нами. Не нравится мне та канонада... Словно бы войска Шуйского к городу подошли. С чего бы так быстро...

— Одному ехать? — озаботился Марек.

— Ну, почему одному... — пробурчал пан Роман, бросив на отрока косой взгляд. — Можешь Яцека взять. Если вы с ним не поссорились ещё... Так вот! Отстанете часа на три от нас, посмотрите. Если всё тихо — возвращайтесь к вечеру обратно. Нет — разузнайте, кто идёт и зачем! Всё ясно?

— Ясно, господин! — радостно расхмылился Марек. — Ну, я поехал! Яцек!!!

— Да не ори ж ты! — сердито рыкнул в его удаляющуюся спину пан Роман...

Яцека Марек нашёл там, где и ожидал — подле возка панны Татьяны. Зарина о чём-то разговаривала с ним, улыбаясь оруженосцу так мило, что у Марека враз вскипела кровь. Бурый как варёный рак, Яцек невнятно ей отвечал. Похоже, иногда не попад — это порадовало Марека.

— Вот ты где прохлаждаешься! — проревел Марек, со всей силы опуская ладонь на круглое плечо приятеля-соперника.

— Чего тебе? — недовольно нахмурившись, поинтересовался Яцек. — Не видишь, я

занят!

— Ну, как знаешь... — с деланным равнодушием отозвался Марек. — Пан Роман меня в разведку посылает. Я думал, ты захочешь опробовать свой новый кинжал...

— А что, может быть опасно? — изумлённо, с немного наигранным испугом переспросила Зарина.

Марек немедленно закивал:

— Разумеется! Пан Роман иначе и не стал бы меня посылать... Он знает, что я всегда выберусь! Ну, так что, Яцек, ты едешь со мной на это опасное дело?!

Попробовал бы Яцек теперь отказаться!

— Еду! — кисло ответил Яцек.

Серебристо-синей рыбкой сверкнув в лучах Солнца, нож вонзился рядом с зелёным дубовым листочком. Секунду подождал, да и замер.

— Ну, как?! — хвастливо и горделиво спросил Марек.

— Как, как... — Яцек был расстроен, но виду не подал. — Ты вроде в лист хотел попасть! Немного промазал, однако!

Сам он — и хорошо это понимал — даже так попасть бы не смог. В лучшем случае его новый нож, словно специально сделанный — и сбалансированный — чтобы бросать его, втыкался в дерево. О прицельности речи не шло... тем более что даже просто попасть было для Яцека уже прицельным броском! Марек же раз за разом попадал, причём — куда и хотел. Вот сейчас был лишь второй случай, когда промахнулся. Впрочем, мишень была настолько мала, что Яцек вряд ли имел хотя бы малейшие шансы попасть рядом. Зелёный молодой листок в пятак размером ещё и трепыхался на ветке! Словно издевался над промахнувшимся. Именно из-за неожиданного порыва ветра, сдвинувшего листик на фалангу пальца самое большее, Марек и промахнулся. Виду, конечно, не подал и ещё осмелился, мерзавец, с пеной у рта доказывать обратное.

— Подумаешь, велико дело — в лист попасть! — фыркнул Марек. — Ты погляди, как ровно я сучок разрубил!

Подойдя к дереву, он подпрыгнул и, в прыжке, выдернул нож — Марек был невысок ростом, а попал слишком высоко для себя. Зато мог гордиться — на сажень выше головы подпрыгнул почти без разбега. Правда, приземлился не слишком удачно — ударился коленом о выступающий сухой сучок, да так, что штанина треснула.

— Больно? — заботливо, но с трудом сдерживая рвущуюся наружу радость, поинтересовался Яцек. — Ну, ладно! Хватит! Отдавай мне нож... Это мой нож, Марек!

Марек, насмешливо на него глядя, подкидывал нож на ладони... По правде сказать, нож ему понравился. Очень. Даже несмотря на то, что был он кован из не слишком хорошего, датского железа, а рукоять должна была, разохшись, обязательно соскочить с клинка. Но — Боже, как красиво была вырезана! Как здорово выглядела гадюка, вычеканенная мастером на клинке! Длинная, с узором на шкуре, с тупой башкой и острым, тонким язычком, высунувшимся наружу... Хороша была змея! Красив был клинок. У него, куда лучшего бойца, клинок не такой красивый. Правда, знающий человек сразу отметит синеватую искру дамасской стали, а рукоять с насечкой, чтобы в ладони не скользила, расколется только если долго и старательно бить по ней молотом... Но для девок или таких дурней, как Яцек, это всё скрыто в тумане!

— Хорошо! — простонал Марек, небрежно бросая нож под ноги приятелю и так же небрежно падая навзничь в траву. Он, разумеется, не разбился, в самый последний момент выкинув руки вперёд.

Яцек опять вздохнул. Ему и это было не по силам... Ну почему?! Почему Марек, который на год его младше и на целый пуд легче, всё делал легче и проще. Вот как сейчас — упал и не расшибся.

— Ну, чего ты там? — спросил снизу Марек, — садись рядом... Ты чего там пожрать взял?

— Марек! — возмутился Яцек. — Не пожрать, а поесть. Ну, в крайнем случае...

Что в крайнем случае, он сказать не успел. Марек внезапно вскочил на ноги — бледный, взъерошенный. Сабля оказалась в его руке раньше, чем опешивший Яцек что-то сообразил.

— Ты что, ничего не слышишь?! — взъярился на него Марек. — Конница идёт сюда! Это погоня, Яцек!

Яцек недоверчиво посмотрел на него...

— Конница? Погоня? Ты что-то слишком о себе вообразил, Марек! Чего за нами гнаться-то?

— Не знаю! — пожал плечами Марек. — Мой господин сказал мне, что опасается погони. Может, он боится, что за нами этот толстопузый москвит, боярин Совин бросится? Вот было бы здорово, коли б и впрямь — бросился! Пан Роман бы его одной левой... даже кончара из ножен не вынимая!

— Ну да! — недоверчиво нахмурился Яцек. — Так уж и одной левой! Этот боярин... Я его видел! Он конечно толстый, но — сильный. Да не ухмыляйся ты! Я ж говорю, сам видел, как он гвоздь двумя пальцами скрутил! И пузо у него большое, но — твёрдое. А сабля пусть старинная, но длиной кончару твоего пана не уступает! Думаешь, он просто так её на поясе таскает? Для красоты?

— Не думаю! — ответил Марек, но в голосе его больше не было веселья. — Иди-ка, отведи коней с опушки! И сам там побудь... Я быстро!

Прежде, чем Яцек успел ему возразить, отрок растворился в низком, зато очень густом кустарнике. Тяжко вздохнув, Яцек отвязал коней и, сообразив всё же прибрать за ними, укрылся сам и укрыл коней за деревья...

— Вот мерзавец! — выдохнул он сердито, привязывая коней к прочной, на его взгляд, ветке. — Опять обскакал!

Конечно, он не рискнул бы сунуться вот так, вперёд, с саблей в руке. Но сейчас ему казалось — рискнул бы. Сейчас ему казалось, что Марек нанёс ему очередной оскорбление. Сейчас он был преисполнен гнева и обиды. А ещё, сейчас он очень сильно хотел оказаться на месте Марека...

Наверное, ему приятно было бы узнать, что Марек мечтает о том же. И что этого бесстрашному храбрецу, способному ради поддержания собственного авторитета сунуться в любое пекло, сейчас очень страшно. И что сабля, сжатая в ладони, подрагивает.

Марек, однако, не давал воли чувствам — скользил между ветвей бесшумной тенью, пригнувшись так низко, что враг не мог бы его заметить... если б даже искал!

— Ну же, Марек! — прошептал он, обращаясь сам к себе. — Успокойся, трус! Твой господин доверил тебе важное дело...

И тут он увидел врагов. Увидел дозор — человек пять казаков, ехавших не спеша, пристально поглядывавших по сторонам. Увидел двигавшуюся следом за ними плотную массу конницы. Разнородную массу. Никак не меньше сотни числом!

Мареку было страшно, очень страшно, но он дождался, пока дозор не оказался рядом с ним. Теперь уже отчётливо было видно, что это — москвиты, что они проделали долгий путь, а недавно вышли из боя и ещё не останавливались после этого на привал. Кони шли медленным шагом, и всадники даже не пытались перевести их хотя бы и на мелкую рысь... Видимо, попытки эти всё равно не принесли бы результата...

— Сотник! — донёсся до Марека глухой оклик. — Когда же привал?

— Как найдём место! — возразил могучий, красивый голос.

— Пора бы... Кони устали!

— Как найдём место! — повторил тот, кого называли сотником...

Мареку больше нечего было делать здесь — он всё узнал. А ещё, он знал место, подходящее для привала одной сотни всадников. То место, где недавно удобно отдыхали они с Яцеком! И он очень сомневался, что Яцек сумел правильно прибраться за собой. Ох, надо поспешать!

Обратная дорога была труднее и опаснее. Рядом, всего в десятке шагов, по дороге ехали враги, и они были настороже — даже рушницы далеко не убирали. Мареку же надо было умудриться их обогнать, да ещё не на пару мгновений. Пару раз он врезался в деревья, раз сухая ветка под его ногой треснула, словно выстрелила... Ему повезло, и на опушку он выбежал, имея некоторое время в запасе. Яцека и коней там не было. И ничто не говорило о том, что здесь вообще кто-то был. Даже примятая трава успела расправиться... Ну, скоро ей придётся куда как туго!

— Яцек! — позвал он громким шёпотом.

Приятель почти тут же высунулся из кустов.

— Чего орёшь? — его шёпот был куда тише, почти беззвучный. В руках Яцек держал рушницу и фитиль её дымился.

— Ишь, развоевался... не придётся! — ухмыльнулся Марек. — Видишь ли, дружище, мы уходим. Я всё разузнал... Пора и честь знать!

Яцек так обрадовался, что даже не обиделся — редкий случай в последнее время.

— Вот и славно! — пролепетал он. — Поехали скорее!

— Да уж, скорее! — согласился Марек. — Но тихо! Они вот-вот будут здесь!

Лес сомкнул за ними свои ветви. Спустя несколько мгновений на дороге показался казачий дозор...

— Сотник, мы нашли место! — голос казака-разведчика был полон самых радужных предчувствий. — Отличное место!

Мрачно усмехнувшись этой радости, Кирилл взмахом руки послал отряд в указанную воином сторону. Ничего, недолго им радоваться! Скоро уже узнают, что он сократил остановку до полудня вместо обещанного дня! Скоро!.. Только бы не взбунтовались! По правде сказать, что люди, что кони выглядели предельно измождёнными.

Но место пленяло своей красотой. Опушка леса, огромные дубы в десять человеческих ростов, трава, доходившая коню по грудь... Речушка течёт — небольшая, с хрустально чистой водой, плавно перетекающей через запруду. Птички поют, жучки-червячки ползают... Идиллия!

Пока здесь не объявились люди. Сотня здоровых, потных, грязных мужиков и сотня не менее потных и грязных коней. Воды речушки-ручейка побурели от грязи и стали солёными от пота. Травяные пуши вытоптали копытами кони, что не вытоптали в первый миг — выжрали. Дубы лишились ветвей, дабы люди могли из этих ветвей развести себе костры... Птицы замолкли, испуганные. И только жукам да червякам некуда было деваться, они героически ползали, их давили десятками, их прихватывали лошади, вместе с травой...

— Еда! — радостный Шагин поставил перед господином и воспитанником котелок с дымящейся, раскалённой кашей. — Никитка сегодня в ударе!

Сотник, задумчиво уставившийся куда-то в землю, без особой радости отреагировал на это заявление.

— Каша... — уже не так радостно и уверенно пробормотал Шагин, усаживаясь подле хозяина и понадёжнее утверждая котелок в траве. — С салом, со шкварками! Пшённая, как ты любишь... Что с тобой, господин?

Кирилл коротко вскинул на него взгляд и снова уткнулся носом в колени. Щёки его побледнели, глаза в краткий миг, что он смотрел на слугу, были полны странной тоски.

— Да что случилось-то?! — воскликнул Шагин. — Господин, ты пугаешь меня!

— Вот уж чего меньше всего хотел! — фыркнул Кирилл, не глядя на него. — Тебя, Шагин, раз испугай, сам потом икать будешь... Долго!

Шагин сделал вид, что обиделся, не забывая, впрочем, следить за господином из-под упавших на лицо волос.

— Я вот думаю, что творится на Руси! — с тяжёлым вздохом, внезапно сказал Кирилл. — Народ, смерды, словно взбесились! Против царя бунтуют! Опять же, немцев [13] всяких развелось... Словно еретики могут нас чему-то доброму научить!

— Ну... а почему же нет? — осторожно спросил Шагин. — Среди них вдоволь настоящих мастеров. Те же пушкари, каменщики, потом эти... богомазы!

— Ну да, ну да! — поморщился Кирилл, которому иконы, писанные старым письмом, были куда больше по душе, чем новомодные работы московской школы. — Богомазы!.. Своих, что ли, мало?! Пушкари — да. Пушкари иногда знатные приходят. Токмо за те деньги, что им у нас платят, десять наших можно было воспитать. Да хотя бы и в той же Аглицкой земле!

— Я слышал, царь Дмитрий хотел отправить детей боярских учиться... — осторожно, помня о яростном неприятии господином любого упоминания о Самозванце, возразил

Шагин. — Я даже слышал, будто полста человек он успел отправить! Вот, правда, не знаю, куда...

— Всё-то ты у меня знаешь, Шагин! — усмехнулся Кирилл, беря, наконец, в руки котелок и поперву без особого аппетита вкушая кашу. Поперхнулся. Попробовал ещё одну ложку. Ухмыльнулся, искоса глянув на слугу...

— Распробовал? — равнодушно поинтересовался Шагин, которому молодой Никитка-кашевар, сын Митрохи-Косаря, был крестником и которого он опекал именно как сына.

— Распробовал! — подтвердил сотник. — Добрый кашевар растёт! Что, татарским травкам его научил?

— Не только татарским! — заверил его Шагин. — Ногайским, башкирским, даже Сибирским!.. Было дело, ходили и туда! На Кучума-хана ! [\[14\]](#)

— С отцом, кажется? — припомнил Кирилл.

— С кем же ещё! — подтвердил Шагин. — С господином Егором Александровичем, пусть земля будет ему пухом! Славный был витязь! Уж не обессудь, господин, а если ты половину того сотворишь, что он успел, быть тебе не просто воеводой — в стремянном полку головой!

— Так почему он — не стал?! — с болью и стыдом прошептал Кирилл.

— На то — своя причина была! — сердито нахмурившись, возразил Шагин. — Вишь ты, боярин Борис, сын Фёдоров [\[15\]](#), его невзлюбил! Потому только твой отец жив остался, что сам Государь Иван Васильевич его ценил! Под Нарвой да Юрьевом [\[16\]](#) твой батюшка отличился. Опять же, по крымским вестям дважды в походе был ! [\[17\]](#).. Тогда и меня взял на меч... Помнишь ли?

— Помню! — подтвердил Кирилл. Чего ж не помнить, когда всю жизнь своего отца, стараниями матери и Шагина он помнил чуть ли не по дням. Героический отец, которого он помнил седовласым богатырём, гневливым сверх меры, тяжёлым на руку и злым на язык, выглядел в них совершенно по-иному. Чуть ли не святым выглядел!

— Вот... — со вздохом продолжил Шагин. — Потом, когда царь Иван-то умер, тот боярин вовсе во власть вошёл, отца твоего только возраст да бывшие заслуги спасли! Не посмел Борис-царь его обидеть. Да и Василий Иванович, князь Шуйский, значит, сумел защитить! Господин-то, твой отец, значит, всегда его руку держал! Он ведь в те годы уже в Шуе жил... Славные были годы! Чего смеёшься?!

— Ничего! — усмехнулся Кирилл. — Каша вкусная!

Улыбка сама собой сползла с его лица, когда он увидел мрачную рожу подходящего Прокопа.

— Что там, Прокоп? — сурово спросил он.

— Ты знаешь ли, господин, что тут недавно были люди? Два коня, двое человек. С оружием... Гляди!

Кирилл, став ещё мрачнее Прокопа, внимательно изучил пыж, лежащий на ладони ратника. Да, пыж настоящий, не самодел. Ляхи такими обычно забивают свои ручницы!

— Ляшский пыж-то! — словно прочитав его мысль, пробурчал Прокоп. — Настигли мы твоих беглецов, сотник!

— Не настигли ещё! — возразил Кирилл. — Да и неизвестно, сколь силён враг! Может, нам и сотни не хватит — с ними справиться!

— Зачем обижаешь, сотник? — пробурчал, приподнимаясь на локте, устроившийся

неподалеку Павло Громыхало. — Да дай только добраться до них... В куски, голыми руками порву!

— Не хвались, на рать да тать идучи... — пробормотал Прокоп, глядя прямо перед собой.

— Что ты сказал, холоп? — мягко поинтересовался стрелец, кладя ладонь на эфес сабли и плавно поворачиваясь в сторону Прокопа.

— Ну-ка, тихо! — рявкнул Кирилл. — Прокоп прав, полусотник! И... ОН не холоп, а ратник, честный воин. Думаю, ты не хотел его обижать, назвав холопом?

— Не хотел! — остро посмотрев на невозмутимого Прокопа, подтвердил Павло. — Я...

— Ладно, стрелец! — поспешил ему на выручку сам Прокоп. — С кем не бывает!

Помирились ли? Вряд ли. Но и к открытой ссоре не пришли. На радость Кириллу которому только и не хватало, что потасовки между своими...

— Через два часа — выступаем! — холодно проведя взглядом вокруг, сказал Кирилл.

Общий стон, к которому, казалось, присоединились даже кони, был ему ответом.

— Пан Роман, шинок! — радостный вопль разведчика, пригнавшего коня без жалости, несмотря на его усталость, слышали все: и шляхтичи с казаками, и купец со слугами. Впрочем, пан Роман и не собирался миновать шинок...

С тех пор, как Марек с Яцеком принесли нерадостные вести, прошло три очень нерадостных дня. Рубеж с Речью Посполитой был уже очень близок, и в том была надежда. Раскинувшаяся вокруг Северская земля прошлый раз поддержала Дмитрия, сейчас котёл народного гнева медленно нагревался под гнётом. Пан Роман, всю пользуясь сочувствием местных, сумел выжать из отряда сотню вёрст, загнав всего дюжину коней. Навряд ли, однако, погоня отстала намного... Если то была за ними погоня. Тут даже проныра-Марек с его тонким слухом был бессилён что-то разузнать. Впрочем, число воинов — достаточно большое для его отряда и явно недостаточное для других, более серьёзных целей, говорило пану Роману, что его опасливые подозрения явно имеют под собой почву. Погоня! Что до царских людей, входивших в отряд, то и тут всё ясно — боярин Совин обладал немалой властью, наверняка быстро стал близок к новому царю, истинному Самозванцу — Шуйскому и сумел этим положением воспользоваться... Тут пан Роман впервые за долгое время вспомнил про сундучок и даже подъехал проверить, в порядке ли он. Оказалось, в порядке и казаки, им приставленные для охраны, даже обиделись на это. Мол, не доверяешь нам, господин, что ли?!

И вот — этот шинок. И усталые люди, треть которых провела эти дни в заслоне, с оружием в руках готовясь каждый миг отразить нападение много крат превосходящего врага, радуются покосившейся избе в два поверха, разъявленным воротам во двор и двум свинкам, у ворот валяющимся в луже. Будто это не шинок на Бакаевом шляхе, а постоялый двор старого гусара Тадеуша что под самой Смородиновкой устроился и уже двенадцатый год почитай даром славных шляхтичей и даже не менее славных казаков кормит и поит! Заодно есть, кому истории своей славной же молодости рассказать. Про то, например, как вместе с другим славным героем Речи Посполитой, крулем Стефаном Баторием под Новгородом с русскими стрельцами переводывался. Или про то, как звенел саблей, призывая к рокошу против чужестранца, принца французского Генриха Валуа... и, вместе со шляхтой польской, добился его бегства ночного! Ну, там, правда, ещё и нестроения в самой земле франкской помогли... Круль там, что ли умер... Славные были времена! По уверению пана Тадеуша. На что молодые ему обычно возражали, что и сейчас жить нескучно.

Старый Тадеуш, лютый ненавистник Москвы, лишь раз позавидовал молодым — когда два десятка Волынских шляхтичей со своими отрядами уходили, польстившись на посулы Михайлы Ратомского да Константина Вишневецкого — к царевичу Дмитрию. В его царское происхождение, в отличие от большинства уходивших, пан Тадеуш не верил. Однако — вслед за местным ксендзом твердил, что война такая достаточно ослабит Русь, чтобы Краков наконец доказал своё первенство не только Стеколье, но и Москве! Больно уж нагла стала последнее время!

— Пан Анджей, пусть кто-нибудь проверит! — холодно и спокойно, словно ушат ледяной воды выливая на торопыг, сказал пан Роман. — И пока не проверят, вперёд ни шагу!

— Да что там с нами будет! — возроптал пан Анджей, чей огромный першерон выглядел слишком усталым, чтобы даже просто стоять на месте. Однако подчинился. И даже

более того — без жалоб и нытья дождался, пока разведчики вернутся и доложат, что всё спокойно.

А шинок оказался небогатым. Во дворе, слишком грязном, слишком тесном, с трудом нашлось место для такого количества коней и возов, так что жидовские поставили у самых ворот, якобы невзначай их перегородив. В грязи валялось несколько огромных, серых свиней, из-под копыт порскнули в разные стороны курицы... Хозяин, носатый и старый еврей, выбежав на крыльцо, едва за голову не схватился. Что-то заорав внутрь кабака, он сломя голову бросился вниз. Сам поймал повод, брошенный паном Романом, едва под сапоги ему не бросился, чтобы только угодить.

Пан Роман, однако, был хмур. Не подходило это место для прекрасной Татьяны, совсем не подходило!

— Еды! Вина! Пива! Корма лошадям задать! — резко, отрывисто приказал он шинкарю. Тут, старательно выбирая места, чтобы не запачкать подола и красивых тимьяновых сапожек, к нему подошла Татьяна и пан Роман, вспомнив их разговор прошлой ночью, добавил нехотя. — Баня-то есть? Истопить!

На лице шинкаря отразилось такое отчаяние, что стало ясно — всё и сразу исполнено не будет. Однако возражать он не осмелился, убежал стремглав. Спустя некоторое время, визжа и хватаясь за ушибленные места, из шинка выскочили служанки. За ними, со скалкой в руке, гналась дородная, поперёк себя шире, но ещё вполне молодая еврейка. Не иначе — хозяйка, жена или дочь шинкаря.

— Быстро, быстро, твари! — орала она, растрёпанная, похожая на ведьму. — Ай...

Дальше посыпалась отборная еврейская ругань, ляхам и литвинам непонятная, но зато заставившая крикнуть от восторга старого знатока Даниила. Он как раз тихонько пристроился за левым плечом спешившегося пана Романа...

— Ай! — ещё раз, уже на два тона ниже, сказала жидовка. — Ай. У нас гости. Мойша, старый ты дурак! Что ж не сказал, что такие мощные паны?! Ой, вэй, бедная я женщина! Ленка, Тонька — ловите курей! Поросят тащите!..

Тут она внезапно поперхнулась на полуслове и начала медленно краснеть... Пан Анджей, любитель как раз таких женщин, подогнал своего першерона, считай, что в упор и пристально изучал ту часть огромной груди, что выглядывала в вырез грязной рубахи.

— Мощный пан чего-то желает? — робким голоском этакой голубицы, пролепетала жидовка. — Я — Сара! Сара моё имя... Мой муж тут шинкарь, а я ему по хозяйству помогаю... немного.

— Да? — мартовским котом промурлыкал пан Анджей. — Тогда, наверное, ты можешь проводить меня в погреб, где вина хранятся! Ну-ка!

Он довольно ловко спрыгнул — даже не шлёпнулся на четвереньки, как обычно случалось, когда он пытался проявить молодечество. Кончар, правда, зацепился за стремя, и борьба с собственным оружием слегка испортила эффект, произведённый его прыжком. Однако, когда пан Анджей, приобняв жидовку за мягкие части, повёл её куда-то за шинок, мало кто в отряде усомнился, что победа будет за благородным шляхтичем. Чай не впервой!

Внезапно Марек чуть слышно хохотнул за спиной у пана Романа, который с некоторой завистью, смешанной с досадой, следил за приятелем.

— Что ты? — не оборачиваясь, поинтересовался пан Роман.

— Да эта... Ракель, что ли? Смотри, господин, как она на новую любовь пана Анджея смотрит! Как рысь! Того и гляди, когти выпустит, да прыгнет!

— Да и пусть её! — пожав плечами, отвечивал пан Роман. — Пойдём, что ли, госпожа моя!

Татьяна, опершись на его руку, вошла в шинок.

По двору, заполошно кудахча, метались курицы, за которыми, кудахча не менее шумно и дурно, носились служанки. Шинок медленно наполнялся жизнью. Что-то с грохотом опрокинулось в погребе...

Подтянув шаровары и затягивая потуже пояс на обширном пузе, пан Анджея с удовольствием и некоторой долей желания обозревал тело, белеющее наготой на мешках с репой. Да, место было не слишком романтическое, да и тесновато... Но жена шинкаря старалась в меру своих сил, пан Анджей мог быть доволен. Он и был доволен, чёрт побери! С момента выезда из Москвы, у него не было нормальной женщины. Эта дура, Ракель, царапалась и кусалась, визжала как кошка... В общем, одолев её сопротивление, пан Анджей так устал, что уже ничего не хотел. Вот сейчас — другое дело. Бедняжка Сара, не выла, хотя царапалась...

и сделала всё, чтобы он был доволен... и сейчас, вполне заслуженно, отдыхала, бесстыдно раскинув толстые ноги и нисколько не озаботившись тем, чтобы хотя бы прикрыться.

— Одевайся! — с неожиданно нахлынувшим раздражением сказал пан Анджей. — Муж ждёт!

— Да пусть ему крыша на голову свалится! — разразилась проклятьями жидовка. — Да чтоб он... Прости, мой господин... Наболело! Видишь ведь, шинок наш пришёл в упадок, во дворе — только грязь да куриный помёт, в сарае — лишь две коровы, а не дюжина, как бывало. Погреб, и тот пустой! Последнюю мальвазию выставим, чтобы вас, мощные паны, удовлетворить! Да я ради этого ничего не пожалею!

— Баню стопи! — буркнул пан Анджей, слегка смягчившись. — Попаришь потом, зайдёшь! Иди, иди!

Жидовка выскользнула, игриво зацепив по пути бедром. Пан Анджей, которого это прикосновение неожиданно взволновало, двинулся, было, следом... но в последний момент себя сдержал и пошёл в зал. Силы, так обильно потраченные, совершенно не лишним было бы подкрепить.

В зале было душно, стоял крепкий запах пота, ещё пахло пролитым пивом, жареным мясом и грязными портянками. Орлиным взором окинув зал и отметив, что бедняги жида отсажены куда подальше, пан Анджей шагнул вперёд. Кажется, кто-то крикнул ему «осторожно», но было уже поздно. Нога пана Анджея, скользя по чему-то жидкому, поехала вперёд, вторая осталась на месте, и пан Анджей под треск разрываемых портов плюхнулся со ступенек вниз. Колобком перекатившись через голову и ещё не очухавшись, он сразу же вскочил на ноги... Почему-то никто не осмелился смеяться над ним. Даже пан Роман. А Яцек, побледнев, вскочил с места и бросился с платком наперевес — отчищать белесые комочки, покрывшие новый кафтан его господина. Комочки эти издавали резкий и отвратный запах. Как будто это было блевотина... Блевотина?! Пан Анджей почувствовал, что его самого начинает поташнивать.

— Где здесь вода? — напряжённым голосом спросил он, лихорадочно отыскивая другой выход из зала, чтобы не пришлось шагать по размазанной по полу массе.

— Здесь, господин, здесь! — подхватив его под локоть, под его наиболее чистую часть, Яцек повёл разгневанного пана подальше от стола. А то что-то некоторые лихие шляхтичи зеленеть начали при виде своего командира...

— Ну, что ж! — сказал пан Роман, наконец-то получив возможность ухмыльнуться пошире. — Наш драгоценный пан Анджей в очередной раз влип в историю... Надеюсь, мы

все сохраним молчание о ней, так как это не тот случай, разглашение которого не порушит чести!

Что шляхтичи, что казаки, все поддержали его речь одобрительными выкриками. И впрямь, позор — измазаться в блевотине — слишком велик, чтобы пан Анджей, с его-то гонором, пережил его бесследно. Другое дело, он вполне может обрушить свой гнев на того, кто разболтает эту историю... А в гневе пан Анджей был страшен! Пан Роман до сих пор с содроганием вспоминал, как они поссорились. Раздувшийся, словно кочет, низенький пан Анджей отчаянно пытался допрыгнуть до него, чтобы врезать кулаком именно по голове. Части тела пана Романа, находившиеся в пределах досягаемости, его не интересовали. С тех пор прошло много лет... Пан Анджей не изменился.

— Кстати, где же хозяин? — раздражённо рявкнул пан Роман. — Он нам, кажется, гусей обещал! В яблоках!

— Окстись, пан! — проворчал Клим Оглобля. — Откуда весной... ну, пусть ранним летом — яблоки?! Если только мочёные, с прошлого урожая. Да и то, небось, сплошь гниль да черви!

— Обещал, пусть подаёт... Пан Анджей, ты вернулся?!

Пан Анджей, бурый и насупленный, молча уселся на оставленное для него место. По слабому мановению его длани, Яцек бегом принёс ему полть куры, гороховой каши, чарку мальвазии, которую донесла-таки хозяйка.

Придирчиво изучив куру, пан Анджей мрачно куснул её. Потом ещё раз, ещё... Понравилось. Мальвазия, к слову — тоже по вкусу пришлась. Хорошая мальвазия! Старая... Теперь такой уже не бывает.

— А что, пан Роман! — задумчиво протянул он. — Вечер на дворе! Не стоит, пожалуй, дальше ехать! Останемся...

— Да ты что, пан Анджей?! — изумился тот. — Какой вечер?! Полдень едва-едва минуло! Ты вроде и не пил ещё толком...

— Вот-вот! — подхватил уже изрядно повеселевший пан Анджей, опрокидывая в себя вторую чарку. — Я и говорю, пить надо меньше! Ты уже захмелел, для тебя — полдень! А я, трезвый, лучше соображаю. Для меня — вечер! Завтра с утра, по холодку-то выедем, куда как лучше ехать будет!

— Ладно! — сдался, тяжело вздохнув, пан Роман. — Завтра! Но уж гляди, отсрочки больше не будет!

Тут, наконец, и хозяин появился — с огромным блюдом, посреди которого горкой коричневой плоти возвышалась какая-то большая ворона... Ну, может, утка дохлая... Но не гусь же! Яблоки обещанные, правда, на блюде присутствовали...

— Что-то ты долго! — попенял ему пан Роман. — Это — твой гусь?

— Прости, господин! — привычно заныл шинкарь. — Зато гусь хороший попался! Вкусный, сочный... Молодой!

— Молодой, это хорошо! — рассеянно сказал пан Роман, прислушиваясь к шуму за дверью. Потом дверь с грохотом распахнулась и в зал, всхлипывая и на ходу запахивая разодранную до пупа рубаху, вбежала служанка, самая миловидная из трёх. Следом за ней, гоголем, не спеша, в зал зашёл немолодой усач-казак.

— Мотню застегни!.. — рявкнул кто-то.

Со всех сторон, вторя ему, стали выкрикивать советы. Кто-то залихватски свистнул в четыре пальца. Кто-то завистливо заорал, что так не честно. Несколько человек, явно

направляясь следом за убежавшей на кухню служанкой, вскочили с мест, да так и замерли, ожидая одобрения или запрета от самого пана Романа. Тот, словно не замечая, вгрызся крепкими, молодыми зубами в кус жирной, в подливе и луке, свинины. Сок брызнул на щёки, на подбородок...

Ободрённые его молчаливым согласием, казаки ринулись на кухню. Сквозь незакрытую дверь было видно, как её повалили прямо на кухонный стол, жадно посрывали обрывки одежды, да тут же и оприходовали по очереди.

— За удачу! — поднял чарку пан Роман. — За вас, славные мои паны!

— Слава пану Роману! — вскочив на ноги, яростно заорал усатый шляхтич.

— Слава нашему господину! — подхватили его клич казаки и остальные шляхтичи. —

Долгих лет пану Роману!

Пан Роман был глубоко тронут.

— Шинкарь, ещё вина! — рявкнул он, широко взмахнув рукой. — Да побольше! Такие славные воины не могут просыхать надолго!

— Берегись, шинкарь! — громогласно заорал Клим Оглобля, подле которого беспробудно дрых Андрей Головня. — Я не я буду, а мы опустошим твой погреб досуха!

Шинкарь только вздохнул притворно. В глазах его, однако, заметны были лукавые искорки. Пусть пьют! Потом расплатятся... так, или иначе!

— Не нашёл, господин! — Яцек, великовозрастный балбес, виновато развёл руками, стараясь не смотреть в глаза взбешённому пану Анджею. Тому, вишь ты, взбрело снова помиловаться с хозяйкой, та же, как назло, словно сквозь землю провалилась!

— Ладно! — сурово сказал пан Анджей, видя, что Яцек окончательно растерялся. — Я сам найду!

Суровый, даже злой, он сбежал по ступенькам и тут же — даром, что ли, вокруг уже смеркалось, вляпался всей ногой в дерьмо. Шипение пана Анджея более всего походило на змеиное... Только змеи не умеют ругаться сразу на четырёх языках!

— Пошли! — медленно, зло сказал пан Анджей, даже не обернувшись. — Яцек!!!

— Я здесь, господин, здесь! — поспешно заверил его Яцек.

— Ну, вот и... В общем, рядом будь! — сердито сказал пан Анджей.

Они, переговариваясь таким образом, миновали весь двор — пустой, даже стражи не было, и свернули за угол, к коновязи.

Яцек внезапно заорал, как будто кипятком ошпаренный и пан Анджей, глаза которого не слишком хорошо подходили для лунного света, разглядел несколько чёрных фигур, быстро бегущих в их сторону.

— Ага! — радостно заорал он, с некоторым трудом разглядев блеск стали у них в руках. — Ну, наконец-то! А то что за день — без драки?!

Как только он выхватил свой огромный кончар, Яцек поспешно отпрыгнул в сторону. Наученный горьким опытом, он старался находиться подальше от своего господина, когда тот был в угаре боя. И без того плохо видящий, пан Анджей сослепу мог и по своему рубануть...

— Зови помощь! — пан Анджей сегодня на диво трезво мыслил. — Ну же, зови!

Он и сам заорал, сбивая дыхание, громко и чуточку визгливо.

Набегавшие уже люди так даже отпрянули от его ора. Пан Анджей, однако, не стал ждать, пока они придут в себя, а сам бросился вперёд...

Кончар слишком тяжёлое оружие, если твой рост невелик, однако пан Анджей сражался так много лет, и у него неплохо получалось. Двое чужаков заплатили жизнями за неверие в его силы, ещё один с яростным воплем отскочил назад, одновременно отбивая повторный удар шляхтича и зажимая дыру в животе... Кровь всё обильнее сочилась из неё.

Однако так не могло продолжаться слишком долго. Словно саранча по ногайской степи, всё больше и больше фигур в чёрном перебежали по двору, и все они были так или иначе вооружены. Не худо вооружённые, это сразу можно сказать!

— На помощь! — гулко заорал пан Анджей, медленно пятясь к шинку. — Засада!

Он всегда славился оглушительно громким голосом. Даже под Добрыничами, когда вели разговор шестнадцать тысяч московитских пищалей, он смог докричаться до своих воинов. Что уж говорить — здесь! Да ещё, поди, Яцек добежал...

Словно в подтверждение его мыслей и чаяний, дверь в шинок скрипуче распахнулась, и на крыльцо выскочили его люди.

— Что случилось, пан Анджей? — тревожно выкрикнул Людвик, быстро пересчитав тела подле атамана и так же быстро сориентировавшись.

— Что спрашиваешь, атакуй! — рывкнул раздражённый пан. — Вперёд, это — враги!

Большого его шляхтичам, привычным к внезапным стычкам рубакам, и не требовалось. С радостными воплями, обнажив залежавшиеся в ножнах сабли, они ринулись вниз с крыльца. Все, кроме Людвика, которому как всегда не повезло — поскользнулся в луже мочи, подвернул ногу... Двенадцать яростно орущих воинов, размахивая саблями, как безумные, сумели напугать даже этих отчаюг. Правда, ненадолго. Внезапно, темноту озарили вспышки выстрелов и сразу двое ляхов упали в грязь. Один, кажется, ещё шевелился... второму холодная, вонючая грязь уже была нипочём. Ему так и не суждено было вернуться домой...

— Где пан Роман?! — заорал пан Анджей, попятившись к крыльцу. — Без его казаков мы не справимся!

Словно ответ на его вопль, поверх голов ляхов, оглушая и вселяя надежду, прогремел залп. Пан Роман оказался разумнее и осторожнее; вместо того, чтобы бросать своих казаков в темноту и неизвестность, он собрал их у окон шинка. Теперь их пищали и пистолы вычистили двор куда лучше острых сабель. Сразу же не меньше дюжины мёртвых и умирающих добавились к тем, кто уже был здесь раньше!

— Что замерли?! — рявкнул пан Роман прямо над самым ухом пана Медведковского. — Внутрь, быстро! Пока вас тут всех не перебили...

Второй раз повторять не пришлось, его уважали и побаивались ничуть не меньше пана Анджея, да к тому же неизвестный неприятель успел прийти в себя... а огненный бой оказался и у него. Притом, в количестве столь большом, что последние бойцы и сам пан Анджей в том числе, забегали внутрь под густое чмоканье пуль в стены. Слава Господу, обошлось без убитых, но ещё двое бойцов лишились возможности вступить в бой немедленно. Мессиру Иоганну, человеку бесстрашному, пришлось перевязывать их чуть ли не прямо под пулями... Ничего, перевязал!

— Что за чёрт! — выругался пан Роман, осторожно выглядывая в окно. — Кто это, пан Анджей?

— Я откуда знаю?! — чуть не плача, воскликнул тот, с тревогой осматривая зазубренное в двух местах лезвие кончара. — Напали внезапно... я их даже не трогал!

— Может, это мужья тех жён, что ты... Шучу! Шучу же, пан Анджей!

Оскорблённый лях, став пунцовым от гнева, с трудом удержался от отповеди, но вовремя вспомнил, что сейчас — просто не время.

— Ты, пан Роман, что-то не о том думаешь! — почти что невозмутимо сказал он. — Могу только сказать, что это — не по мою душу! Я их даже ни разу не видел!

— Ты что же, сумел их разглядеть? — удивился пан Роман.

— Рожи как рожи! — не желая признаваться в очевидном, возразил пан Анджей. — Чего там разглядывать...

— Они в масках были! — виновато поглядев на господина, возразил один из ляхов. — Тряпки такие, с дырками для рта и глаз! У некоторых даже кожаные или кольчужные...

— Во как! — удивился кто-то из казаков. — Так то, наверное, тати местные! Шиши да разбойники! Ну, нам это не соперники...

Это были последние слова в его жизни... Не повезло — бывает! Свинцовый шарик пули, выпущенной из пищали меткой рукой, попал точно под срез шапки. Добрый хлопец Мыкола даже и не пикнул, без звука повалившись на грязные доски пола...

Ответом защитников шинка была яростная пальба. Увы, в ней вряд ли был смысл, ибо враги — шиши то были, или московские государевы люди, успели рассредоточиться по

двору, укрыться за любыми подходящими укрытиями и теперь столь же яростно шербили пулями стены и ставни шинка. Бедолага шинкарь спрятался где-то под лавкой и оттуда подвывал в голос. Пули, то и дело находившие дорогу внутрь дома и громившие горшки и кувшины, только усиливали вой. Ещё бы, его состояние пошло прахом!

— Пся крев! — выругался кто-то из поляков, осторожно, одним глазком, выглядывая из-за ставней на улицу. — Да сколько же их тут!!!

В голосе его было слышно слишком много изумления, чтобы это можно было оставить без внимания. Так же осторожно, как и лях до него, пан Роман выглянул в окно... Не сказать, чтобы двор был заполонён врагами, но их было слишком много.

— Это что ж за банда такая?! — изумился он. — Эй, кто-нибудь! Шинкаря мне сюда! Быстро!

Марек, с оскаленной как у хорька рожей, с обнажённой саблей в руке, нырнул куда-то в темноту и дым коридора, только для того, чтобы спустя минуту вернуться, волоча подвывающего от ужаса шинкаря за шкуру.

— Ну, говори! — рявкнул он, приставляя саблю к глотке. — Быстро, быстро!

— О, Господи! — простонал вусмерть перепуганный шинкарь. — Да что говорить-то? Что?!

— Говори, кто это! — хмуро велел пан Роман. — Что за люди... Ратники, или тати лесные?

— Тати... — горько вздохнул шинкарь. — Да если б простые тати! То — хозяйева местные, разбойнички Ворона, владыки лесного! Говорят, а я сам не ведаю, будто под рукой у него до тыщи человек случается, будто есть даже гарматы! Воевода местный нос не высовывает из города... боится! Ну, да кто б не испугался такой силищи...

— Как они здесь оказались? — пан Роман возблагодарил Бога, что не вывел своих хлопцев наружу. Можно представить, что они там навоевали бы...

— Я позвал... — совершенно честно ответил шинкарь. — Как вы за стол-то сели, я на крышу залез, да тряпицу белую повесил. Там, в лесу, у Ворона человек особый сидит, так он узрел, своих позвал. Только они не знали, кто им встретится!

Показалось пану Роману, или в голосе шинкаря и впрямь проскользнули нотки злорадства?

— И сколько нас — не знают? — ободряюще усмехнувшись, поинтересовался он.

— Откуда? — удивился шинкарь. — Я, говорю ж, только сигнал даю! А сигнал — тряпица белая! На ней число если и напишешь — не прочтёшь!

— А сколько их — знаешь? — поинтересовался пан Роман, мягко улыбаясь.

Шинкарь задумался лишь на мгновение:

— Сотни нет! — заверил он. — По крайней мере, больше никогда не приходило... раньше!

— Ну, так то — раньше! — ухмыльнулся пан Роман. — И, кстати, теперь их на два десятка меньше... Марек, сколько ты там насчитал трупов?

— Семнадцать! — сообщил Марек, благодаря своему малому росту и хрупкому, на фоне других ляхов и казаков, телосложению, сумевший незамеченным выглянуть и даже довольно неспешно посчитать трупы.

— Вот! — ухмыльнулся пан Роман. — Семнадцать трупов! Да ещё те, кого навалил пан Анджей... Пан Анджей, скольких ты там зарубил? Пан Анджей! Пан Анджей!!! Да что его... Кто видел, куда ушёл пан Анджей?

— Он пошёл искать хозяйку! — подумав, сообщил Людовик. — Говорит, надо уточнить у неё, есть ли в этом доме ещё входы!

Сдержанные смешки шляхтичей и казаков показали, насколько они все поверили в объяснение пана Медведковского...

— Нет?

— Апчхи... Нет, пан Анджей!.. Апчхи! Апчхи!! Апчхи!!!

— Ну, чего ты расчихался, Яцек?! — пан Анджей, предусмотрительно вставший подальше от очередной раскрываемой двери. — Подумаешь, пыли много! Ты — воин! Ты вражеской пули бояться не должен, не то, что пыли!

Яцек, доведённый до отчаяния двадцатым облаком пыли, которое его окутало, покрытый грязно-серой пеленой, отчаянно чихающий и кашляющий, взглянул на него так яростно, что пан Анджей даже сбился на миг. Раньше, по крайней мере, его смирный оруженосец себе такого не позволял!

— Ладно! — неожиданно мирно сказал пан Анджей. — Раз ты так, иди обратно! Я сам обыщу остальные комнаты!

...Эта дверь — была двадцатой или двадцать пятой по счёту, которую они открывали. И первой, открыть которую решился пан Анджей. Дверь — низенькая, узкая (для пана Медведковского), но обитая добрым железом, над дверью — планка для масла... полупустая.

— Свети мне! — велел пан Анджей, нажимая на ручку и опасно потянув дверь на себя... Удивительно, но пыли почти не было. Лёгкое дуновение ветерка указывало, что в помещении есть какое-то отверстие, выход наружу или окошко.

— Вот видишь! — торжествуя обернувшись, воскликнул пан Анджей и шагнул вперёд, снова разворачиваясь и больше для порядку кладя руку на эфес кончара.

Что-то липкое, очень неприятное, накрыло ему лицо — от уха до уха. Заорав от неожиданности, пан Анджей пошатнулся и неожиданно потерял опору под ногами. Оказалось, стоял он не на порожке, а на первой ступеньке ведущей вниз лестнице. По этой лестнице, грохоча костями и доспехами, он и сверзился вниз...

И опять же, сказалось везение, только пану Анджею присущее. Вместо того чтобы переломать себе все кости, а при особом невезении — и шею, он всего лишь колом скатился вниз. И там врезался во что-то объёмное и мягкое, снеся это «мягкое» с лестницы и поверх него, рухнув на ровную поверхность пола...

Яцек всего этого не знал. На его глазах, его хозяин вдруг заорал, схватился за кончар и рухнул, будто под пол... Яцек давно полагал, что господина ждёт адское пламя чистилища, но никак не ожидал, что пан Анджей заслужит его ещё при жизни. Однако хоть Яцек и был трусоват, бросить господина в беде он не посмел, тем паче оруженосец должен идти за господином даже и в чистилище! Отчаянно взвизгнув для большего эффекта, он выхватил саблю, и шагнул вперёд... и замер, увидев в неверном, оранжево-красном свете факела уходящую вниз лестницу. Закричал же пан Анджей, наверно, испугавшись липкой и толстой паутины, обрывки которой свисали с косяков и даже с притолоки. Пан Анджей всегда боялся пауков, а при попадании малой паутинки на одежду или тело, его сотрясали дикие конвульсии. Понятно, что он и сейчас испугался!

Ну, лестница и паутина, тем более разорванная, не могли напугать храброго Яцека. Решительно откашлявшись, он шагнул вниз... осторожно, не забывая освещать скрипучие деревянные ступеньки и проверять их, наверняка повреждённых при падении пана Анджея, прежде чем переносить на них весь вес тела. Ступенек — Яцек считал, оказалось ровно

двадцать три. Уже с семнадцатой свет факела достиг пола и Яцек смог различить распластанного на земле, среди разбитых кувшинов и разлитого масла господина. Странно, он показался оруженосцу слишком большим даже при его немалых размерах... Видимо, падение не прошло для него просто так, и пан Анджей расплющился от удара об землю...

— Господин! — робко позвал Яцек, не рискуя сделать шаг вниз. — Господин!

Его господин заворочался, но пока медленно и не пытаясь подняться...

— Господин! — радостно завопил Яцек, буквально скатившись вниз... и отшатнулся...

Под паном Анджеем, лишившись сознания, лежало двое незнакомых мужиков. Хотя лица их были открыты, одежда и оружие выдавали в них тех же разбойников, что находились сейчас во дворе шинка. Впрочем, присмотревшись, Яцек обнаружил и маски — они были подняты и скручены на манер козырька шапки.

В это время пан Анджей окончательно пришёл в себя. Встряхнувшись, будто мокрая собака, он уселся и огляделся. Постепенно, но очень медленно, из взгляда его исчезла мутность, но сознание было ещё неверным.

— Где это я? — хриплым голосом спросил пан Анджей, пытаясь сфокусировать взор хотя бы на Яцеке.

— В подполе! — услужливо сообщил Яцек, сдерживая готовый вырваться из груди щенячий визг. — Господин, как ты себя чувствуешь?

— Нормально... только всё болит! — тяжело вздохнув, ответил пан Анджей. — Это кто такие?

— Не знаю! — развёл руками Яцек. — Они тут лежали... Наверное, ты их сбил, когда падал, господин!

Пан Анджей саркастически хмыкнул, но возразить на эти, сказанные подозрительно тихим голосом слова ему было нечего. Смутно, с трудом, он смог вспомнить, что при падении и впрямь во что-то врезался. Вот вспомнить бы ещё — во что! Или в кого...

Усевшись на животе одного из «подбитых» им незнакомцев, пан Анджей хозяйским взглядом окинул подпол... Здесь стояли в основном кувшины с маслом и молоком, было холодно и сыро. Один из деревянных щитов был отодвинут и из-за него чёрным, мрачным зраком смотрел на пана Анджея подземный ход. Оттуда чуть слышно доносилась капель, гадостно пахло... Как если бы целая рота гусар сходила туда по нужде! Пан Анджей с куда большим уважением посмотрел на чужаков, один из которых продолжал служить ему скамьёй, медленно сплющиваясь в части живота. Если они смогли пройти сквозь такую вонь, они — настоящие герои! Тут ему в голову пришло, что раз там так воняет, то и чистоты особой быть не может... Резко вскочив, он лихорадочно отряхнул зад от воображаемой и реальной грязи, содрогнулся...

— А они — живые? — внезапно озаботился Яцек, опасливо вытаскивая из-за пояса разбойника немалых размеров колесцовый пистоль.

Пан Анджей задумчиво и немного озадаченно уставился на тела.

— Должно быть! — протянул он слегка смущённо. — Проверь!

— А что это я? — попытался заартачиться Яцек.

— Проверь!!! — раздражённо рывкнул пан Анджей. — Кто из нас господин: ты, или всё же я?!

Недовольно ворча и стараясь не приближаться слишком близко, Яцек пощупал обоим яремные вены. Выходило так, что оба живы. Он, немедленно отскочив за спину пана Анджея, так об этом и сообщил...

— Хорошо! — протянул пан Анджей, не зная, что делать дальше. — Ладно... Значит, у нас теперь есть два языка! Очень хорошо! Бери того, что слева!

— Зачем это?! — Яцек отпрыгнул так далеко, что упёрся худой спиной в стенку. — Он же очнуться может!

— Бе-ри! — отдельно, сердито и очень недовольно повторил пан Анджей. — Почему я должен тебе десять раз повторять, Яцек?! Тащи его наверх. Если очнётся, оглуши его или убей — неважно! Я понесу второго... Посмотрим, что они запоют, когда мы зададим им некоторые вопросы!

Яцек промямлил что-то невнятно, повторить отказался. Взвалив на плечи тяжёлое тело, он потащил его наверх, ощущая себя самым несчастным из всех людей... бедняжка!

Он, впрочем, был сполна вознаграждён острой завистью в глазах Марека, когда они с паном Анджеем, тяжело дыша, уронили два по-прежнему беспмятных тела под ноги пану Роману...

— Ну, так ты собираешься говорить? — резко спросил раздражённый пан Роман. — Смотри, будешь и дальше запыряться, тебе не поздоровится!

Разбойник, невысокий, но очень крепкий и широкий в плечах, с диким взглядом карих глаз и клочковатой, словно недавно опалённой бородкой, только фыркнул с предельным презрением, какое только смог выразить.

— Вам лучше сдаться! — сказал второй, худой и щуплый, более разговорчивый, хотя тоже не сказавший ничего существенного. — Ворон не любит, когда ему сопротивляются. Впрочем, вы пока что можете легко отделаться. Мы заберём лишь ваше добро, но не жизни. Ну, баб пожадкаем, само собой...

Он стрельнул было глазами в сторону мрачной Зарины, с пистолем в руке стоявшей неподалеку, но тут же вздыбился и, задохнувшись от острой боли, скрючился на левом боку. Злой, даже разъярённый Марек, стоявший над ним, несмотря на суровую отповедь пана Романа явно не испытывал сожаления по поводу своего поступка. Впрочем, и пан Роман ругал его не слишком серьёзно. Скорее потому, что так было положено.

— Эй! — крикнул второй разбойник, и в голосе его слышна была нешуточная тревога. — За Митьку вам Ворон яйца пооткручивает! Вы понежнее с ним!

Внезапно, ропот казаков утих, и они начали расступаться. Невозмутимый, холодный как лёд, внутри их круга вошёл мессир Иоганн. В руках он нёс небольшую кожаную сумку с блестящими замочками, чем-то там туго набитую.

— Время не ждёт, мессир Роман! — негромко сказал он.

— Это так, мессир Иоганн! — подтвердил тот мрачно, исподлобья разглядывая лекаря.

— Позвольте, я своим методом их убедить попробую!

— Да, конечно! — прихмутив брови, согласился пан Роман. — Только они должны сохранить способность говорить!

— Они будут говорить! — заверил его мессир Иоганн, и в голосе его была слышна абсолютная уверенность. — За всё остальное, правда, не ручаюсь!

Разбойники заволновались. Их волнение резко возросло, когда невысокий, очень спокойный незнакомец раскрыл свою сумку и стал медленно, со вкусом и, соблюдая одному ему ведомый порядок, раскладывать на чистой холстине ряды блестящих и воронёных, стальных, медных, деревянных, костяных инструментов.

— Эй, ты чего? — испуганно спросил здоровый разбойник, пытаясь вжаться спиной в стену. — Чего это ты?!

— Раз ты не хочешь говорить, я отрезать тебе члены тела! — намеренно коверкая русские слова, ответил мессир Иоганн. — Понемногу отрезать буду, ты не умрёшь быстро! Не бояться: я начинать с твоего друга!

Теперь заволновался второй разбойник, Митька.

— Чего это он, чего?! — тревожно, дрожащим голосом, спрашивал он. — Эй, мужик! Ты гляди... того! Не того!

Угрюмо усмехаясь, мессир Иоганн поднял с холста блестящие щипчики очень зловещего вида и примерил их к такому месту, что даже среди казаков послышались нервные смешки.

— Эй!!! — заорал разбойник. — Не надо, дядько! Не смей!

— Женщинам лучше уйти! — совершенно проигнорировав его вопль, холодно сказал мессир Иоганн.

Спустя мгновение, вопли бедолаг стали ещё громче... хотя лекарь ещё даже не начал их мучить.

— Чёрт побери, лекарь, давай уж поскорее! — не выдержал пан Анджей. — Ненавижу тягомотину!

— Сколько вас? — спросил пан Роман, хмурый и угрюмый — ему не по душе было подобное обращение... пусть даже и с ворами.

— Двадцать! — не обращая внимания на ругань и угрозы напарника, быстро и подобострастно ответил разбойник. Осёкся, поправился. — Двадцать три... с нами!

— Как — двадцать? — не поверил пан Роман. — Не сотня? Не тысяча?! Всего — двадцать? Да мы ж одних только трупов столько навалили!

— Ну... в начале нас и было — вдвое больше! — нехотя поддержал товарища Митяй. — Мы ж не знали, что здесь — воины! Ну, ничего, скоро сам Ворон подойдёт, он вам покажет! Всем воздастся... по заслугам!

Злобный взгляд, который он бросил на шинкаря, не сулил тому ничего хорошего. Бедолага Моисей чуть чувства не лишился...

— Ты зёнками-то не сверкай! — сурово одёрнул его Марек. — Мало прошлый раз получил? Так за мной не заржавеет!

Митяй, сломанное ребро которого взывало к немедленной мести, лишь зубами заскрежетал, справедливо и мудро решив отложить и саму месть, и словесную прю до лучших времён. Лишь кулаки стиснул — до скрипа кожи.

Меж тем, эта пря уже нимало не интересовала панов.

— Двадцать человек! — горячим шёпотом, дьявольски сверкая тёмными глазами, повторял раз за разом пан Анджей. — Двадцать! Всего двадцать!

— Двадцать рушниц! — рассудительно возражал ему пан Роман. — Двадцать! Целых двадцать!

Однако и он сам не слишком-то сопротивлялся. Всё-таки рискнуть стоило, и если рисковать, то — именно сейчас, когда темнота на дворе заменилась серыми сумерками, когда глаза слипаются после бессонной ночи, а с последнего выстрела минул целый час. Не ждут их разбойники, не должны ждать!

Меж тем, мессир Иоганн, убедившись, что от него больше ничего не требуется узнавать, неспешно собрал инструменты, которыми так и не воспользовался...

— Смотри-ка, этот, мелкий-то, обмочил штаны! — возмущённо воскликнул Яцек.

Но на это уже никто не обратил и малейшего внимания. Казаки и ляхи спешно заряжали последние рушницы и пистолы, проверяли насадку клинков на саблях. Их командиры, посоветовавшись, назначили из числа самых метких дюжину стрельцов, которые огнём своих пищалей должны были прикрыть атакующих. Не впервой чай, мелочи не упустят!

Потом был залп... Потом двери и окна первого поверха распахнулись и ляхи с казаками, подбадривая себя и запугивая врагов дикими воплями, ринулись во двор. Поверх их голов, иногда и слишком низко, ударили стрельцы. Немногие их пули достигли цели, но они заставили вражеских стрелков вжаться в укывища и потерять драгоценные мгновения... Стрелять из ручницы — вовсе не то же самое, что из лука или самострела! Пока фитиль запалит порох, пока тот воспламенится, отчаянно дымя и воняя, проходит некоторое время. Ну, а там уже и казаки добрались до врагов, да сабли свои, в ножнах не заржавевшие, в ход

пустили.

Оба славных командира, пан Роман и пан Анджей, сражались в первых рядах и покрыли себя неувядаемой славой... В том, по крайней мере, убеждены были их оруженосцы. Хотя какая слава — погнать не прочухавшихся со сна разбойников, вчерашних холопов да крестьян! Тьфу, сабли да кончары поганить жалко...

Пану Анджею, впрочем, под конец боя достался соперник посложнее. В дедовских тегиле и ржавой мисюрке, вооружённый огромным бердышом, он был быстр... очень быстр! Главное же — решительно настроен. Пана Анджея он притиснул к стене и прозвенел бердышом предельно близко к нему... Хорошо ещё, всё по брёвнам попадал...

Бедный пан, отбивший себе все руки в попытке хотя бы отклонить полёт бердыша, с тоской отмечающий щербину за щербиной на бесскверном прежде клинке кончара, уже и с жизнью начал прощаться... Разбойник внезапно замер с задранной над головой бердышом. Огромное лезвие качнулось назад, потом вперёд, опять назад... Со стоном, очень напоминавшим скрип рушащегося дерева, разбойник повалился на спину. Голубые глаза его безжизненно уставились в серое, пасмурное небо, по которому гуляли чёрные грозовые тучи.

— Чего замер? — зло рявкнул пану Анджею пан Роман, зорко глядя по сторонам. — Устроил тут поединок...

Пан Анджей немного обиделся на такое пренебрежение к своим силам, но спорить не стал. И впрямь ведь заигрался... Головы мог лишиться!

Меж тем, внезапная, во многом хаотичная атака сделала своё дело. Из двух дюжин разбойников, окруживших шинок, больше половины погибли сразу, троих взяли в плен, остальных выгнали за ворота. Правда, сами броситься следом не рискнули... Как оказалось, правильно. Когда кто-то из казаков выглянул из-за ограды, по нему открыли такой плотный огонь неведомые стрелки, что шансов спастись у него не было вовсе. Сразу несколько метких пуль раздробили голову неосторожному и его соседи, отчаянно ругаясь, принялись отчищать с лиц и одежды разбрызганные мозги и кровь...

— Осторожно! — рявкнул пан Роман, выглядывая в узкую щель между брёвнами. — Ишь, как лупят, мерзавцы...

Собственно, больше никого не пришлось уговаривать. Пример товарища, так нелепо погибшего, привёл к должному результату.

Воспользовавшись странным затишьем и велев позвать себя, если пан Роман что надумает, или враг пойдёт на приступ, пан Анджей отправился в шинок. Бедняга-шинкарь, всхлипывая и стеная о погибшем добре, прибирал главный зал. Здесь и впрямь много чего было расколошмачено: и когда казаки рванулись с мест, и выстрелами. Впрочем, вряд ли здесь было что-то действительно серьёзное... Пан Анджей, однако, благоразумно поспешил оставить его одного. Его куда больше интересовала жена шинкаря... Да куда ж она, в конце-то концов, испарилась?!

Он почти сразу получил ответ на свой невысказанный вопрос. Визгливый голос, изрыгавший на чью-то голову поток отборной ругани, мог принадлежать только Саре... Так и есть — она!

Перед шинкаревой женой стояла, понутив голову, служанка. Ей приходилось туго, уши покраснели, не иначе как испытав на себе ласковое прикосновение рук хозяйки, багровые щёки говорили о том же.

— ... Ты, дочь хромой, безмозглой, худородной суки и чахоточной блохи! — орала Сара. — Чем ты думала, когда опрокинула свежий гуляш?! Ну скажи, дура, чем мы теперь накормим гостей? Или, может, прикажешь с пола соскребать?

— Не надо! — поспешно вмешался пан Анджей, внутренне содрогнувшись и лихорадочно припоминая, не попалось ли случаем ему что-нибудь, похожее на мусор, в еде. — Не надо с пола! Лучше заново сготовить... А накажешь ты её позднее, прелесть моя... Пойдём-ка!

Служанка тихонько — не дай Бог, хозяйка услышит — хихикнула, отчего огромные её груди колыхнулись жутковато. Та, впрочем, не услышала. Слишком занята была настойчивым паном, который целеустремлённо заталкивал её в дальний угол. Ну, а когда затолкал, ей окончательно стало не до того, а пан Анджей сполна разогнал кровь в жилах... Говорят, это помогает при ушибах!

Некоторое время спустя, когда слегка утомившийся пан Анджей удобно устроился на мешках, в которых на этот раз оказалась мука, вполне удовлетворённая Сара обратила внимания, что служанка по-прежнему здесь и значит, была свидетельницей её вольной или невольной измены мужу. То, что бедолага Моисей давно уже обладал ветвистыми рогами, что про любовные похождения своей жены он был извещён и давно с этим смирился, дела не меняло...

Поддёрнув сбившуюся юбку и заправив грудь обратно в рубаху, Сара решительно шагнула вперёд.

— Ну? — медленно сказала она. — Что ты здесь застряла? Делать нечего?!

Служанка не успела и рта раскрыть, как оглушительная пощёчина заполонила собой всю кухню. Она тут же заревела в голос, не заботясь о том, что нос от этого стал похож на свеклу, а щёки приобрели ещё более яркий и насыщенный багровый цвет...

— За что, госпожа?! — провыла она, между делом отметив с удовлетворением, что польский господин от всей этой разборки между женщинами поморщился, скривился и вообще явно ощутил себя не в своей тарелке. — Я гуляш убирала, как ты велела!

— Плохо убирала! — слегка сбавив тон, возразила хозяйка. — Не вижу! Впрочем, убирай дальше. И чтобы через полчаса пол был чистый, а тебя здесь и духу не было!

Пребывая в самом дурном настроении, она пулей вылетела из кухни. Грохнула, чётко впечатавшись в косяк, дверь...

Некоторое время на кухне стояла тишина, прерывавшаяся только всхлипываньями принявшей за работу служанки. Потом отдохнувший пан Анджей уселся на мешках... Взору его открылась дивная картина: подоткнувшая юбку служанка старательно затирала пол, позабыв или решив не обращать внимания на пана. Что ж, решение её было вполне правильным... по крайней мере, на взгляд пана Анджея, который счёл, что ноги её полноваты, а вот зад — в самый раз.

Внезапно, видимо услышав шорох за спиной, служанка выронила тряпку, и резко обернулась.

— Ой, пан! — пролепетала она. Юбку, впрочем, не одёрнула, явив взору пана Анджея красные круглые колени. — Ой, стыд-то какой!

Трудно сказать, чем руководствовался пан Анджей в этот миг, но он довольно быстро для своей комплекции встал и, подойдя и развернув её обратно, задом к себе, резко и быстро овладел ей. Не встретив, правду сказать, намёка на сопротивление. Служанка только приговаривала изредка, между стонами и охами.

— Господин!.. Господин... Господи...

Пан Анджей так увлёкся, разгорячившись, что не расслышал шагов за спиной. Он вряд ли вообще обратил внимание по сторонам, если бы его внимание не привлекли к себе самым элементарным способом — обрушив на голову сковороду. Хорошо ещё, холодную и без содержимого!

Сотрясение мозгов всё равно было основательным. Пан Анджей, никак не ожидавший такого подлого нападения в миг высшего для мужчины блаженства, немедленно потерял способность не только соображать, но даже и стоять на ногах. Так и стёк мордой по заднице служанки вниз, тупо глядя перед собой ничего не видящим взглядом и поперву даже не пытаясь что-либо осознать. В ушах — это он сознавал — стоял неумолчный звон, как если бы все церкви, храмы, соборы, колокольни и звонницы Москвы начали звонить одновременно в свои колокола.

Прошло немало времени, прежде чем он пришёл в себя.

— ...сука! — закончила меж тем говорить Сара, опустив обратно на плиту свою сковородку. Служанка бесформенной грудой жира, костей и мяса валялась перед ней, не иначе как вдвое или втрое больше получив своё оружием возмездия — сковородой. Вряд ли она вообще была в сознании, но Сару сейчас мало интересовали подобные мелочи. Впрочем, она утихла, как только увидела, что пан Анджей пришёл в себя и сидит на полу, глядя на неё сердитыми, злыми глазами оскорблённого в лучших чувствах человека.

— Господин мой! — робко, полная вины, пробормотала она. — Тебе больно?

Больно ли было ему? Ха! Ещё как больно! Особенно если это позволяло уйти от неприятного разговора с невесть что себе вообразившей дурой-бабой!

Застонав, что было силы и пережив благодаря этому приступ резкой, острой боли в затылке, пан Анджей удостоился воркования, за ним — в отличие от служанки — начали трогательно и старательно ухаживать, не забывая время от времени вознаградить терпение нежным и страстным поцелуем. Скорее страстным, чем нежным... Если бы ещё она меньше чеснока ела! И почаще мылась! Сейчас пан Анджею почему-то были очень неприятны её ласки.

— О, господин! — разочарованная его холодностью, простонала еврейка. — Неужели

тебе больше по душе эта дура? Да ведь она — шлюха, дающая каждому, кто проявит малый интерес к её сомнительным прелестям! Господин мой, или ты сердишься на меня? Ну, прости... Я ведь не хотела!

Голова, особенно с того момента, как он приложил к нему холодную примочку, болеть стала меньше, хотя перед глазами всё по-прежнему двоилось. Холодно отодвинув её, пан Анджей встал и пошёл, пошатываясь, к двери. Только там обернулся...

Сара, уродливая до ужаса от слёз, что текли из неё попеременно с соплями — потоком, стояла посреди кухни, не пытаясь ему помешать. Иногда она пыталась заговорить, но слёзы душили её и она так и не смогла ничего сказать в своё оправдание. Пан Анджей и не ждал...

— Никогда более не поднимай руку на шляхтича! — холодно сказал он. И вышел, оставив Сару рыдать дальше...

Во дворе царила обычная суматоха, предшествующая серьёзному бою. Редкой цепочкой рассредоточившиеся вдоль стены казаки пана Романа вели неспешную перестрелку с засевшими в кустах и прилегающим лесу разбойничками. Судя по комментариям, дошедшим до слуха пана Анджея сквозь царящий в голове колокольный благовест, перестрелка пока что не принесла новых потерь. Впрочем, никто не мог похвалиться, что его выстрел достиг цели. Разбойники умело маскировались и вряд ли оставались на месте после своего выстрела. Казаки же вынуждены были беречь порох и пули — зарядов на каждую рушницу, особенно после того штурма, оставалось не слишком много.

— Пан Анджей! — тревожно выкрикнул пан Роман, увидев, как его приятель, пошатываясь, вышагивает по двору. — Что с тобой? Что, враги пробрались внутрь?

— Чем это тебя, пан Анджей? — озаботился верный Людвик, как раз доложивший пану Роману о результатах ревизии обоза купца Даниила. — По виду, так дубиной по башке приложили...

— Да не таяни ж ты! — не выдержал пан Роман. — Если беда, если что-то надо срочно делать...

— Не надо! — вяло отозвался пан Анджей. — Это меня сковородкой... Несчастный случай! Что тут у нас?

Взглядом окинув творящееся во дворе действие, пан Роман коротко и ёмко охарактеризовал то, что творилось «у них». Слова, сказанные им, неуместно было произносить истинному шляхтичу... но пан Анджей только крякнул восхищённо. Нет, всё же с русским языком мало что сравнится в яркости сравнений!

— Так плохо? — восторженно спросил он.

— Ещё хуже! — возразил мрачный до черноты пан Роман. — Если судить по выстрелам, за стенами — полсотни разбойников с огненным боем, да дюжины три — с луками. Почти сотня! У нас — меньше трёх десятков осталось... ну, если не считать того отребья, которое охраняет обоз. На двадцать пять рушниц и сорок с небольшим пистолей осталось всего полторы сотни зарядов... как слышишь, уже меньше. Вот, правда, Людвик утверждает, что в обозе есть аж пять бочонков с добрым немецким порохом! А я не вижу повода ему не верить...

Пять бочонков, — быстро подсчитал пан Анджей, — это два с половиной пуда доброго пороха. Этого — если правильно распорядиться, могло хватить на серьёзный бой. И не только для зарядов!

— А пушки у него там нет, случаем? — с ухмылкой, показывающей, что он — шутит, поинтересовался пан Анджей. — Вообще-то, не мешало бы посмотреть, что у него там, в обозе, есть ещё!

— Ничего особенного, что может нам сейчас помочь! — заверил его Людвик, немного пойдя против истины, ибо жидовин-купец обладал неплохим набором прусского и баварского огненного боя и итальянского «белого» оружия. — И пушки — нет! Даже малой гарматы... увы!

— Жаль... — проворчал пан Анджей. — Впрочем, давайте-ка спросим самого купца! Ты не обижайся, Людвик, но жида могут так запрятать лучшее, что честный поляк и не подумает там искать! Эй, Даниил, поди сюда!

Разумеется, не «почтенный» Даниил; не «уважаемый». Просто — Даниил. Купец, видимо, привык к этому, хотя желваки на под брылями обвисших щёк заходили, словно булыжники.

— Я слушаю тебя, уважаемый! — со всем возможным почтением в голосе, блестя карими глазами из-под ресниц, ответил он.

— Что скажешь? Есть у тебя что-нибудь, что способно нам помочь? Про порох я не говорю...

Даниил как раз неотрывно следил за тем, как казаки, сбегая со стен, заполняют свои пороховницы добрым саксонским порохом. Казалось бы, каждый бочонок весил полпуда! Ан, уже второй вскрыли без всякого сочувствия и сожаления...

— Ну, так что? — подступился к нему и пан Роман. — Есть у тебя что-нибудь?

— Вы разве не искали? — мрачно спросил Даниил. — Я думал, ваши... благородные воины... всё обыскали!

— Даниил! — тяжело вздохнув, напомнил пан Роман. — Тебе тоже туго придётся, если эти тати ворвутся внутрь! Очень тяжело, пойми! Не уверен, что они также отнесутся к тебе, как и мы... Порох, который мы у тебя позаимствовали, сполна окупит наши усилия по охране твоего добра. И не говори мне, что это слишком дорого! Жизнь твоя, мне мнится, дороже стоит!

Даниил, по правде говоря, думал точно так же. Его обоз, пять возов с оружием и снарядом для двух дюжин воинов, конской сбруей на дюжину коней и кое-чем ещё, закатанным в слитки свинца, мог покрыть ВСЕ убытки, которые нанесут ему эти проклятые гои. Другое дело, потерять хотя бы часть для него, истинного сына Израилева, было невыносимо тяжело! И потом... Было у него кое-что, привезённое опять же из города Дрездена... Новинка, которой не было даже в европейских армиях, здесь, в Азии, могла произвести форменный фурор.

— Есть у меня кое-что! — медленно, всё ещё колеблясь, ответил он. — Не скажу, что что-то особенное, но...

— Показывай! — решительно сказал пан Анджей. — Да поскорей! Если я хоть что-то понимаю в бою, они скоро полезут!

Даниил ещё четверть минуты — время гигантское по меркам готовившихся к штурму людей — размышлял. Потом коротко кивнул и ушёл... вернулся быстро. Принёс, держа с натугой и на вытянутой руке, кожаный, туго завязанный мешок.

— Вот! — сказал мрачно. — Гранаты! Двенадцать штук!.. Хотел их воеводе здешнему продать, да вы ж его убили!

Обидно, но оба пана даже не удивились.

— И впрямь — доброе дело! — оживился пан Анджей, бесстрашно хватая мешок и ножом его «развязывая». — Сколько здесь?

— Двенадцать! — мрачно повторил купец. — Лучшие, какие только могут быть!

— Да, только взорвётся из них хорошо, если половина! — мрачно напомнил Людвик. — Вот помню, ходили мы на крымцев с гетманом Яном Замойским. Дело было жарким, а они ещё и на батарею нашу насели, гарматы чуть не захватили. Ну, мы их как раз гранатами взялись вышибать! Из шести штук только две ведь взорвались... Да и то, лишь одна из них — там, где надо! Вторая-то в руке Доминика Лысого взорвалась. Славный был гусар и настоящий шляхтич! Так что пришлось нам тогда саблями дело решать. Как и всегда...

— Ну, эти то — немецкой работы! — неуверенно, с опаской покосившись на мешок в

руке, из которого пан Роман как раз добыл круглую, литую из чугуна гранату с длинным пеньковым фитилём, пробормотал пан Анджей.

— Да!.. Так те тоже были — немецкой! — буркнул Людовик. — А впрочем, я вызываюсь кидать! Как-никак, опыт у меня есть! И потом, чтобы ты, господин, не счёл меня трусом!

— Я и не считал! — мирно ответил пан Анджей. — Всем известно, что это не так, Людовик! А впрочем... подбери ещё несколько человек, дай каждому по три гранаты и пусть ждут...

Договорить он не успел. Как не успел Людовик подобрать нужных ему людей.

— Идут! — заорали вдруг от ворот.

В один миг паны и те воины, что отдыхали во дворе, оказались на стене. Низка она была чрезмерно, мало в ней было той солидности и нерушимости, что присущи настоящим, крепостным стенам. Впрочем, шинкарь, когда обносил свой постоянный двор и шинок стеной, не предполагал, какие функции ей придётся исполнять. Да и поздно уже искать что-то другое. Сейчас нужно просто не пустить врага на стены...

А разбойников набралось! Сотня не сотня, но пять-шесть дюжин там было. Первые — пока неточно пущенные пули и стрелы уже были выпущены, кто-то из татей заорал в голос весёлое и дерзкое. В ответ, заглушая эти крики, ударили огненным боем казаки и шляхтичи. У них попадать получалось лучше, и четверо разбойников рухнули на землю...

— Поближе подпускать! — проревел так, что его и на другом конце двора слышно было, пан Роман. — И смотрите за задней стеной! Неровён час, переберутся!

Над стеной постепенно поднималось, вырастая в размерах и удушая самих стрелков, густое, тёмно-серое облако порохового дыма. Запах этот — привычный для воина — возбуждал и заставлял кровь быстрее бежать по жилам. Всё больше разбойников падало на землю и больше не вставало...

— Пан Роман! Пан Роман! — тревожный голос Андрея заставил пана Романа оторваться от прицела роскошного, шведской работы мушкета и обернуться.

— Что ещё? — хмуро спросил он, взглядом показывая, что не потерпит, если его оторвали по мелкому делу.

— Там — пыль! — коротко ответил казак, обиженно сверкнув глазами. — Облако пыли! Оно приближается!

— Ну и что? — удивился пан Роман сгоряча, но тут же проглотил своё удивление. — Пыль?!

— Пыль! — подтвердил Андрей Головня. — Как если бы сюда двигалась конница!

— Не думаю, что это — друзья! — буркнул пан Анджей между делом. — Попал!

Его пистоль дымился едко, ствол порядком нагрелся ...

— Четвёртый! — не забыл похвалиться пан Анджей.

— Добро! — кивнул пан Роман. — Давай, что ли, попробуем их пугнуть...

Они, не сговариваясь, посмотрели на сумку с гранатами. Раззявившись под собственным весом, она открыла круглые, иссиня-чёрные бока гранат, такими чугунными яблочками выглядывавших наружу.

Однако применить их не пришлось. За стеной внезапно гулко и часто ударили выстрелы, заглушая их, многоголосо, яростные голоса прокричали боевой клич... Выглянувший наружу пан Роман с удивлением и радостью обнаружил, что разбойники избиваемы и убиваемы беспощадно. На взгляд его, не меньше трети их уже лежали мёртвые, а остальные бросились врассыпную...

Отряд, внезапно пришедший на выручку, был достаточно велик и разнообразен. Часть его, около сорока человек, спешившись, беспощадно и умело взяла врага в бердыши, время от времени прикрываясь от отчаянных контратак слитными пищальными залпами. Остальные — конники, которых было чуть больше чем пеших, рассыпавшись цепью, отсекали разбойников от леса, гнали их прямо на пехоту. Получалось у них довольно неплохо. Явно было немало опыта! Одно только смущало пана Романа во всём этом.

— Показалось мне, или я впрямь слышал клич «Москва!»? — мрачно спросил он.

— Тогда мне тоже показалось! — столь же мрачно возразил Клим Оглобля. — Московиты, господин! Не иначе, те самые, про которых Марек баял!

— Ну, так радоваться нам, или чего? — мрачно спросил пан Анджей. — Ромек! Что ты скажешь?

Пан Роман тяжело вздохнул. Ну откуда ему знать? Откуда?! Вот простые казаки, те — радовались. Пока. И не жалея, тратили порох и пули.

Но вот дело было кончено. Московиты на лугу добились остальных, пленных тут же деловито начали вешать на ближайших деревьях... Рослый, крепкий воин в старинном зеркале и турецкой работы шлеме подъехал под самые ворота.

— Эй! — рявкнул оглушительно громко. — Кто там есть? Открывай ворота, кончилось всё!

Несколько чересчур обрадованных избавлением казаков, не дожидаясь приказа, бросились к воротам.

— Стоять! — громко и зло приказал пан Анджей. — Куда рванулись?! А ты, чужак, не

торопись. Назовись сначала!

— Лях, да? — московит снял шлем и прищурился. — Гришки, небось, прихлебатель? Домой бежишь!.. Ну, беги, беги. Коль решил возвращаться, мы тебя трогать не будем. Я — сотник государев, Кирилл сын Егоров, рода Шулеповых! А ты кто?

— Я — пан Анджей Медведковский, шляхтич и конфидент князя Адама Вишневецкого! Слыхал про такого?

— Слыхал! — хмуро ответил московит. — Сидит сейчас в порубе... пусть-ка посидит слегка!

— То — князь Константин сидит! — возразил пан Анджей. — Князь Адам сейчас дома. Гневу его не будет предела, когда услышит, как с братом его обращаются! Побоялись бы, он — могучий витязь и может вмиг посадить на коня полсотни тысяч всадников!

Ну, про полсотни тысяч он, разумеется, приврал. Но тысяч двадцать призвать под свои знамёна правитель половины Украины, могущественнейший магнат Речи Посполитой, конечно же, может! И, любя своего младшего брата неложной любовью, наверняка не станет отсиживаться в Брагине или Вишневецке, как только услышит про пленение младшего Вишневецкого.

— Ну, ну... — ещё мрачнее возразил московит. — Пусть сунутся! И не таким... витязям... рога-то обламывали!

Так они препирались никак не меньше четверти часа. Московиты — их было около сотни и незаметно было, чтобы эта сотня пострадала в бою, поняв, что дело вовсе не предвещает дружеской встречи от спасённых ими людей, постепенно начали собираться в свои десятки. Их приготовления к новому бою даже не скрывались и пан Роман, до поры, из осторожности, избегавший боя, испугался всерьёз. Выходило так, что на каждого его способного сражаться бойца приходилось по три соперника, ничуть не хуже разбирающихся в воинском искусстве. К тому же, стрельцы были Стремянного полка, отборной части русской армии — их украшенные золотыми орлами кафтаны не спутаешь ни с какими другими! С другой стороны, московит мог и не возжелать штурма. Наверное, не дурак он; наверное, понимает, что ляхи здесь будут обороняться яростно, как только и могут обороняться обречённые. На их стороне — ненадёжная защита хилых стен, немалый запас пороха и незнание русскими воинами числа ляхов. За пороховым дымом, покрывшим в последние минуты боя всю стену, непонятно было, сколько стрелков её защищают. Значит, атаковать нужно было неведь какое количество, неведь как вооружённое... Правда, московиты, хоть были как на ладони, тоже имели кое-что в загашнике... как оказалось. Небольшая гаковница, короткая, но с толстым стволом. До недавнего времени, она была приторочена к седлу огромного, наверняка очень смиренного коняшки. Теперь её развёрнули в сторону ворот...

— Не стоит рисковать, московит! — высунувшись наружу, прогавкал Людвик. — Я сам — пушкарь, знаю — не так просто вышибить ворота, пусть даже такие хилые, фунтовым ядрышком! Да и потом... ты знаешь разве, что ждёт вас внутри?

Московит бросил короткий взгляд через плечо... поморщился.

— Никто и не собирается на вас нападать! — холодно возразил он. — Была нужда!.. У нас — государево дело, без вас найдётся, чем заняться! Живите пока что...

Повинуясь взмаху его руки, воины под стенами начали собираться. Среди них незаметно было большого количества недовольных этим. Видимо, оценили и поняли решение своего командира, который предпочёл побережь их жизни. Тем более, вишь ты, дело

какое-то, «государево».

Пан Анджей, по своей давней привычке, вознамерился было выкрикнуть что-нибудь оскорбительное вслед. Пан Роман в самый последний миг удержал его, схватив за руку.

— Стой! — сказал негромко. — Видишь же, этот москвит очень не хотел уходить. Если ты дашь ему повод, он прикажет ударить... а мы не удержимся здесь, говорю тебе! И ещё... прикажи собираться! Мы выступаем немедленно! Даниил!

Торговец, мрачный, почерневший от нештучных переживаний, нехотя подошёл и молча встал, сложив руки на вислом пузе.

— Мы выступаем, как только соберёмся! — известил его пан Роман. — Собирайся тоже!

— Благодарю вас, почтенные паны, но я — остаюсь! — спокойно, как о давно решённом, возразил жид. — Я ехал с вами, ожидая безопасности, а выходит — наоборот. Тем более теперь, когда вы в открытую выступили против самого Ворона. Нет! Мне с вами не по пути!

— Твоё дело! — пожал плечами пан Анджей. — Только плату мы тебе не вернём... Не мы отказались!

— Хорошо, хорошо! — нервно сказал Даниил. — Вы только поспешите... Я лучше потеряю весь товар, попав в лапы молодцам Ворона, чем потеряю голову, погибнув в бою с ними!

— Жид... — презрительно процедил Людвик. И пан Анджей был с ним вполне согласен...

Прощание было нежным и трогательным. Хозяйка, к тому моменту выбравшаяся из шинка, рыдала взахлёб, не стесняясь мужа и чужих людей, под конец вообще вцепилась в стремя пана Анджея. Слезы и сопли не красили её и без того не самое очаровательное лицо, пан Анджей досадливо морщился, но терпел. Сквозь рыдания иногда прорывались членораздельные слова, и тогда становилось понятно: хозяйка просит прощения за свой поступок, подлый и бесчестный, а главное — недостойный и оскорбительный для мощного пана...

Казаки, и даже шляхтичи, конфиденты самого пана Анджея, посмеивались сначала тихо, потом уже и в голос. Багровый пан Анджей явно терялся в догадках, не зная, что же делать ему. Мысли были невесёлые. Хорошо зная, что своих ляхов, что казаков пана Романа, пан Анджей не сомневался — ему ещё не раз придётся икать, слыша насмешки в свой адрес. Стыд-то какой: шляхтича, воина, сразили чугунной сковородкой!

Меж тем, поспешая покинуть постоялый двор, за ворота выехал Даниил со своим обозом. Ракель, прелестная дочка его, сидела на последнем возу и смотрела на пана Анджея таким злым взглядом, словно желала пробуравить в нём дыру. Или две дыры — по числу глаз. Пану Анджею, впрочем, даже не икалось, он был слишком занят...

Выезд на удивление затянулся. Почти полчаса собирались — воины! Семерых раненных, что не могли ехать в седле, уложили на два воза, потешаясь над теми, чьи раны иначе, как смешными назвать было сложно.

Особенно смешон был один из раненных ляхов — Войцек Лохминский. Славный хлопец и отличный рубака, отличавшийся безумной, присущей только ляхам храбростью, он молча страдал, снося самые грубые насмешки. Ничего не поделаешь, ведь сесть в седло ему мешала рана, нанесённая не мечом, не саблей, не пулей подлой — щепой, от бревна отколовшейся! И ведь ударила как метко — точно в самое незащищённое место — в зад храброго ляха! Попробуй, докажи, что ты не бежал, труса не праздновал, что лишь наклонился к пороховнице, рушницу заряжая...

Страдания Войцека усугублялись тем, что остальные шестеро раненных пострадали куда сильнее его, двое вообще неизвестно — доживут ли до следующего рассвета... Мессир Иоганн, всеми проклинаемый шведский костоправ, трудился, не покладая рук своих, но рук этих у него было всего-то две и даже помощь обеих девушек, Татьяны с Зариной, а также обеих прежних лекарей не могла заменить ему ещё одного мастера. Мрачный, злой, мессир Иоганн, собственно говоря, и задержал выступление отряда — перевязывал казаку Митрохе Гнусу ногу, чуть повыше колена пробитую пищальной пулей. Все признавали — Митрохе жутко повезло. Попади пуля, тяжёлая пищальная пуля, свинцовый шарик, способный пробить или промять доспех, чуть ниже, Митроха лишился бы ноги. А так... Мессир Иоганн, по крайней мере, обещал, что ходить он будет. Правда, от хромоты даже он избавить не обещал.

— Ладно, всё! — решил пан Роман, убедившись, что к выступлению готовы. — Поехали, с Богом, помолясь! Дозор — вперёд!

Дозор, ныне очень малочисленный, всего лишь трое казаков, пустил коней вперёд. Им, если что, умереть, но предупредить своих о беде. Враг теперь спереди... Правда, дорог дальше лежит две: одна на Путивль, город крепко стоявший за Дмитрия и способный оказать

помощь его людям, на шлях Бакаевский; другая — в обход его, к Муравскому шляху. По какой пойдут москвиты, неизвестно. Увидят!

Под судорожные рыдания Сары и грянувшую впереди залихватскую казачью песню, отряд выступил с постоялого двора. Было уже поздновато: Солнце весело висело в зените, указывая на полуденное время. Увы...

— Пан Анджей... — как только выехали за ворота, небрежно и вроде равнодушно спросил пан Роман. — А что ты нашёл в этой... жидовке? Чего тебя вообще последнее время на жидовок тянет? Приличных девок не осталось? Или ты просто предвидишь, что жена тебя в ближайшее время из дому... ну, по крайней мере, из Медведкова не выпустит?

— Ох, пан Роман... — тяжело вздохнул пан Анджей. — Ты и сам всё прекрасно знаешь... Год назад, когда я уходил в поход... ты знаешь, чего мне это стоило... моя дражайшая половина была непрадна и ныне, я чувю, я приезжаю в дом, где висят мокрые пелёнки, где пахнет мочой, где все словно с ума посходили... тебе хорошо, дражайший пан Роман! Вот пойдут дети, ты поймёшь меня! Ты поймёшь мужей, что не желают сидеть дома, которым аромат сгоревшего пороха слаще аромата детской неожиданности!

— Я знаю, что так привлекает мессира Анджея! — внезапно встрял в разговор, очень тихо подъехавший на своём першеронском аргамаке или аргмакском першероне.

— Ты, мессир Иоганн? — удивился пан Роман. — Ну-ка.

— Да, да, скажи-ка, лекарь! — поддержал его пан Анджей. — Мне самому интересно!

— Грудь, — начал перечислять мессир Иоганн, — задница, ноги... Чтобы на лице особенно выделялись щёки и, почему-то, нос! И чтоб обязательно муж был!

Вокруг заржали. В своей тупости лекарь был неожиданно прав. И впрямь ведь описал тех, кого предпочитал побагровевший от обиды, пылающий жаждой убийства пан! Ишь, раздул щёки...

— Ты, мессир Иоганн, конечно же, мудр и многое повидал! — с притворным вздохом сказал пан Анджей. Вон как быстро раскусил, кто мне нравится. Беда только, Я, хоть повидал не меньше, никак не могу понять одного...

— Чего же? — спросил заинтересовавшийся лекарь.

— Кто нравится ТЕБЕ! — рявкнул пан.

Лекарь неожиданно смешался, видимо осознав, что зашёл слишком далеко. Его необычно смуглое для шведа лицо вдруг сморщилось в виноватой улыбке:

— А мне, мессир Анджей, нравятся любые женщины! Я ведь лекарь, знаю, что одна от другой разве что рожей отличается. Ну, ещё тем, насколько Господь был благосклонен к ней при рождении, дал ли пышную грудь — выкормить младенца, широкие бёдра — его родить... толстый зад — щипать за него! По правде говоря, любая, самая худая и уродливая женщина ничем не отличается от самой пышной и прекрасной! И ту, и другую Господь создавал для того, чтобы удовлетворить любую прихоть мужчины. И ту, и другую можно любить или ненавидеть, уважать или презирать... Кому как нравится!

Смех почему-то прекратился. С удивлением, даже растерявшись, казаки почували себя на лекции. Мессир лекарь излагал вполне разумные, иногда даже мудрые вещи, но со всем присутствующим ему занудством, нудным же голосом и так безапелляционно, что возразить хотелось со страшной силой. Другое дело, что знающие лекаря люди знали — бесполезно. Раз убедив себя самого, что он прав, мессир Иоганн уже не поддавался переубеждению. Впрочем, то же самое можно было сказать и об обоих панов. Пан Анджей, помешанный на мифах древней Эллады, на античных героях и чудовищах, ими сражённых, в существовании

которых был искренне убеждён, например, иногда начинал спорить до хрипоты, даже и с ксендзом, который пытался убедить его, что вера такая — суший грех. Пан Роман, способный ради собственных понятий о шляхетской чести, влезть в любую авантюру, пусть даже при этом приходилось рисковать не только своей жизнью, но и жизнями его воинов... Но всё же даже на их фоне, мессир Иоганн выделялся поистине ослиным упрямством. Упрямее мессира Иоганна был только мессир Иоганн во хмелю. Ну, да и Бог с ним. К занудству его успели привыкнуть и даже не слишком замечали его. Зато как лекаря ценили. Хорош был лекарь! Пан Роман не раз и не два благодарил Бога и Богородицу-заступницу, что послала такого лекаря именно в их, вечно влезавший в самые горячие места, в неурядицы и которы отряд. Сейчас же мессир Иоганн был и вовсе бесценен. Особенно, если московиты сообразят, что проскочили мимо цели... Пан Роман не обманывал себя. Сомнений не было — сотник-московит, по имени Кирилл, обязательно сообразит и обязательно вернётся. Всё дело лишь в том, что до границы с Речью Посполитой осталось совсем недалеко и если пойти правильной дорогой, можно успеть перемахнуть рубеж прежде, чем их настигнут. У рубежа же, дело обычное, стоят отряды подвластных королю Сигизмунду казаков, там — Украина, там им помогут... Да и не рискнёт московский сотник переходить границу, ибо это — война! А Московия, с Польшей последнее время поддерживавшая мир, к войне не готова. Нет, не рискнёт... А значит, дело первоочередное — продержаться до границы.

— Вперёд! — приподнявшись в стременах, рывкнул пан Роман. — Прибавить ходу!

Подчиняясь воле седоков, кони перешли с шага на рысь.

— Вот ведь... ух, нечисть поганая! — внезапно взорвался Кирилл и ехавший подле него атаман Дмитр встрепенулся. Разведчик, его казак, растерялся и не знал, что и сказать.

— Что случилось? — удивился Дмитр, изумлённо хлопая белесыми, длинными как у девицы ресницами, которые, наряду с голубыми глазами и наивной рожей брали за живое почти всех девок, баб и даже немолодых бобылих.

— Что случилось? — передразнил его, оскалившись недобро, Кирилл. — Случилось то, что мы обскакали врага! Видишь ведь, по этой дороге никто давно не ездил... я говорю о больших отрядах. Скорее всего, те ляхи, что были на постоялом дворе, они и есть — те, кто нам нужен! А этот «пан Андрей», небось, покатывается сейчас со смеху, издевается над ним!!! Ну-ка, разворачивай сотню, други! Посмотрим, как он запоёт, этот клятый лях, когда стрельцы Павла Громыхало вдарят в приступ!

Он был очень разгневан — сотник Кирилл, и никто не поспел спорить с ним. Он был совершенно уверен в своей правоте и очень решительно настроен. И сотня, проехавшая по узкой лесной дороге почти что десять вёрст, уже предвкушавшая законный отдых, горячий гуляш и крепкий сон, вынужденно развернулась и пришпорила коней. Никто не сомневался — враг увидит их следы, поймёт, какой дорогой они шли, и пойдёт другой. Если — ушёл. А хотелось надеяться, что, потратив на бой силы и наверняка — людей, ляхи потратят ещё и время — чтобылизать свои раны. Успеют!

Кони визжали, отдавая на эту безумную скачку все силы, люди уже забыли, когда последний раз спешивались... Десять вёрст промчали за два часа. На взмыленных конях, сами в мыле, вымахали к вечеру на поляну перед постоялым двором. И сразу стало понятно — здесь что-то очень не так. Что-то очень не так! Ворота, несколько часов назад казавшиеся прочными, надёжно подвешенными и надёжно запертыми, теперь были сорваны. Одна створка висела на нижней петле, угрожающе раскачиваясь от ветра и, грозя рухнуть, вторая... со второй дела обстояли ещё хуже. Она, сорванная грубо, с мясом, валялась на земле и её подгнившие, как теперь было видно, доски попирали ноги каких-то оборванцев. Их было немного — человек двадцать, но даже слепой бы угадал в их руках оружие. Не иначе, приятели тех, что не так давно штурмовали постоялый двор...

— Спешиться! — не дожидаясь приказа, рявкнул за спиной Павло Громыхало, и почти тут же сам Кирилл, приподнявшись в стременах и одним движением вытянув саблю из ножен, звонко и протяжно прокричал:

— Москва!

Старый боевой клич был подхвачен почти что сотней глоток, а жуткий визг вытягиваемых из ножен сабель и палашей прозвучал оборванцам похоронной мелодией. В воротах возникла замятня, даже давка — каждый спешил укрыться за стенами... как будто ЭТИ СТЕНЫ могли остановить кого-то.

Слева и справа от сотника загремели первые выстрелы — разумеется, неточные и, разумеется, добавившие суматохи в ряды голытьбы. Впрочем, несколько пистолей и пищалей они всё же разрядили в ответ... Всё, что успели. Потом лихая конница Кирилла — почти шесть десятков умелых рубак налетели и те из воров, кто не успел укрыться за стенами, покончили свои счёты с жизнью. Дальше было хуже...

Вырвавшиеся вперёд казаки атамана Дмитра не знали удержу — застоялись хлопцы без

боя, давно не тупили сабель о чужие головы. Они первыми ворвались в ворота... и получили в упор залп из десятка пищалей. На них, яростно крича и размахивая самым разнообразным оружием, набросились разбойники. Коннице же нужен размах, конница не может сражаться, просто топчась на месте. Пехоте же куда как удобно разить конников, когда те — остановились, когда те — завязли. Под громкий мат-перемат, под яростные вопли атамана, казаки начали пятить коней к воротам. Они бы все полегли там, если б не стрельцы... Павло Громыхало, опытный вояка, времени зря не терял. Его «робята» птицами взлетели на стены и внезапной атакой, обнажив короткие сабли и, перехватив поудобнее бердыши, врубались во врага со всех сторон. Исход же боя был решён, когда к ним присоединились спешившиеся ратники самого Кирилла. Против двух неполных дюжин... уже и полутора... оказалось гораздо большее количество воинов. Разбойников просто покрошили. После первых, довольно тяжёлых потерь, которые понесли легкодоспешные казаки Дмитра Оленя, больше никто не погиб и даже ран особо тяжёлых не было. Враги же полегли все...

— Смотри-ка, сотник! — удивлённо воскликнул Павло. — Висельник...

Щуплое, но с отвислым пузом тело висело, подвешенное на вожжах у коновязи. Пальцы ног, вытянутые вниз, самыми кончиками касались земли... бедолага, наверное, пытался дотянуться до какой-то опоры. Синюшное лицо, высунутый язык, выпученные, полные слепого ужаса глаза...

— Жид! — мрачно сообщил Павло. — Не жалко... Хозяин, наверное!

— Нет, ну почему! — немедленно возмутился Дмитр. — Может, это был хороший жид!

— Шинкарь, да ещё жид, и — хороший?! — искренне изумился Павло. — Да где ж такого сыскать? Ты знаешь такого? Расскажи?

Дмитр, хлопец упрямый, думал долго и даже сумел привести пару примеров... стрельцом решительно отвергнутых. Их пререкания проходили на фоне вялой перестрелки с разбойниками, засевшими в шинке. Потому Кирилл, лишив себя несомненного удовольствия: установить истину — есть ли хорошие жида, решительным хлопком ладони остановил препирательства на самой интересной части — когда оба схватились за сабли.

— Ну-ка! Думайте лучше, как нам внутрь попасть! Сдаётся мне, та дверь чуток попрочнее будет!

— Тю, попрочнее! — изумлённо присвистнул стрелец. — Да я вмиг её... прикажи, сотник!

— Приказываю! — поколебавшись больше для порядка, решительно сказал Кирилл. — Давай, Павло!

Подготовить гаковницу к выстрелу было делом недолгим. Четверти часа не прошло, как грянул выстрел, и двор заволокло очередным облаком едкого, непролазного дыма. Кирилл, впрочем, еле-еле успел собрать вокруг себя своих ратников. Им он доверил атаковать в первых рядах... Они и ринулись, пока дым не сошёл, и живые защитники не видели, куда стрелять...

Дверь была снесена. Меткий выстрел — а Павло не зря таскал за собой тяжёлую гаковницу, стрелять из неё явно умел совсем неплохо — снёс верхнюю часть и покосившаяся тяжёлая плаха из трёх сколоченных вместе досок навернулась внутрь. Хорошо бы — подумалось Кириллу на бегу — кого-нибудь ей ещё и придавило. Впрочем, это было бы уже слишком хорошо...

В самый последний момент, когда они уже взбегали по скрипучим, проседающим под весом настоящих мужчин ступенькам на крыльцо, его отпихнули, обогнав, сразу трое. Ну,

двое — Шагин и Прокоп имели на это право, заботясь о господине и по долгу своему, не только по воле сердца. Но третий...

— Никита, назад! — рывкнул Кирилл и сделал это зря...

Уже стоя в дверях, мальчишка вздрогнул, запнулся и не успел увернуться. Две стрелы сразу пробили ему тегилей, глубоко засев в груди. Кирилл перепрыгивал уже через упавшее тело. Скорее всего, через мёртвое тело...

Никита косарь, младший сын кормилицы Кирилла, в силу своего возраста был им опекаем и любим. Семнадцатая весна только-только исполнилась ему, он был худ, и на костях ещё неросло дурное, а кто-то говорил — доброе мясо, ещё не перевился он тугими жилами, а на руках с тонкими пальцами ещё не появилось характерных мозолей и шрамов. От меча, от щита, от копья, от скобы пищальной, от тетивы... Не успел! Он ещё ничего не успел, Никита, сын Митрохи Косаря, пошедший в свой первый поход...

Ярость захлестнула сотника, и он не просто ударил, врываясь в шинок — ударил жёстко и неотразимо. Сабля взвизгнула, разрывая медные кольца древнего, как сама Земля доспеха, а обладатель его закричал неожиданно тонким голоском, хватаясь за распоротый живот, из которого хлынули наружу кровь и кишки. Вот через него Кирилл перешагнул без тени сожаления. И тут же ударил вновь, разя наповал уже второго врага. Спину ему — как всегда — прикрывал оскалившийся в гримасе ярости Шагин. Крымчак тоже видел, как упал юнец, его крестник, он тоже больше не брал пленных...

Им совсем немного пришлось сражаться здесь в одиночку. Стрельцы и казаки, да и собственно ратники ударили через окна, полезли через дверь и немногочисленный, а вернее — меньший числом противник не устоял. Не мог устоять! С яростными криками они ворвались в главный зал, где стояли столы и горел очаг...

Разбойников здесь не было — видно, нашёлся умник, который понял, что этот зал им всё равно не удержал. Здесь вообще было всего четыре человека, все — мёртвые. Истерзанные. Не сразу даже понятно было, что — женщины...

Потом — разглядели. Сложно вообще-то не угадать было, кто, когда особенно присмотришься...

— Как же... зачем же они так! — сглотнув плотный глоток, тихо прошептал Прокоп, опуская саблю.

— Пленных не брать! — громко приказал Кирилл. — Всех — под корень, сволочей!

Его слова не встретили сопротивления...

Взбежав по лестнице на последний поверх, под самый чердак, Прокоп на миг остановился — перевести дыхание — и тут же бросился вперёд. Присел — и сабля со свистом пронеслась в пяди от непокрытой головы ратника. Тут же он сам крутанулся, выбрасывая дорогой испанский клинок влево — сталь вошла в мягкое, раздался жалобный всхлип... Прокоп не пожалел и ничто не дрогнуло в его душе, даже когда он увидел, что перед ним лежит труп совсем ещё молодого разбойника. Ему вряд ли минуло двадцать лет, а если даже минуло — то ненамного. Мальчишка! Совсем мальчишка... Таким же был Никита. И чем перед этим мальчишкой, одним из воров, провинились женщины? Да в любом случае, если даже провинились, покарали их слишком жестоко. Нельзя так! Не по божески!

Спереди донёлся сабельный перезвон, и Прокоп поспешил туда. Как оказалось, он успел как раз вовремя. Впереди сразу трое разбойников — один из них отличался огромным ростом, наседали на атамана казаков, Дмитра. Удивительно, но для казака тот дрался слишком неумело, беря неумеренной храбростью и диким желанием. Сабля его визжала, словно от боли, ударяясь о вражеские сабли. Дважды Дмитр был близок к смерти... Но тут с одной стороны подоспел Прокоп, с другой набежали казаки и стрельцы... с врагами было покончено, и только огромный вор дрался, как проклятый, раскручивая дубину и кроша рёбра и челюсти как заведённый. В какой-то миг самые смелые отхлынули — перевести дух и задавить боль в рёбрах, и почти тут же кто-то, сумевший приглядеться, воскликнул изумлённо:

— Братцы, так это ж — баба!

Стыд заставил их забыть про боль и смерть. Стыд бросил их вперёд. Ничто не может спасти медведя, если на него бросается свора. Ничто не могло спасти медведеподобную бабу, когда на неё, презрев опасность и горя желанием смыть позор, со всех сторон бросились воины. Чей-то шлем гулко врезался ей в голову, кто-то запрыгнул на плечи, пережимая плотку сильными пальцами... Сначала, она рухнула на колени. Потом, так и не сумев сбросить со спины смельчака, вовсе потеряла сознание...

На шум прибежал сотник Кирилл. Мрачный, злой, весь какой-то взъерошенный, он выслушал короткий доклад Прокопа и только коротко кивнул, явно торопясь дальше в бой.

— Так что с ней делать-то? — не выдержал кто-то из казаков.

— Ваша! — мрачно сказал сотник, оборачиваясь на ходу... И ушёл.

Ну, богатырская там баба, или обычная, а что с ними делать в таком случае, знали все. Из уважения к её недюжинной силе и статям, когда распинали — как принято, за руки и за ноги, вместо верёвок или арканов взяли сыромятные вожжи. Пусть-ка попробует разорвать. Одежду рвали без жалости — ей она больше не потребуется. И только одного не сделали — не стали забивать в рот кляп. Сейчас, сразу после боя, её крики только больше распалят!

Белое женское тело, совершенно обнажённое, распятое и раскрывшее все бабские тайны, лежало перед ними. Вокруг столпилось никак не меньше двух дюжин — казаки, стрельцы, ратники... и никто не торопился стать первым.

— Прокоп, хочешь? — предложил кто-то.

— Я? — удивился Прокоп, вообще-то редко отказывавшийся от дармовщинки. — Нет... Вон Вилько её придушил, ему и баба в руки!

— Да щас тебе! — отшатнулся Вилько. — Что я, самоубийца? Я её боюсь!

Так они препирались бы долго, но тут, раздвинув плечом круг, вперёд выступил рослый казак, широкий настолько, что мог заслонить сразу двоих Шагинов.

— Я буду первым! — прорычал он. — Ух, давно бабы не мял!

На миг, только на миг, Прокопу стало её жалко...

Скинув шаровары, под одобрительный гогот товарищей, казак приступил к «наказанию». За всё время, пока он трудился, взрыкивая и пыхтя, словно мишка-шатун, разбойничиха даже не пикнула, закусив губу до крови. Впрочем, когда казак, довольно крякнув, поднялся с неё, это был не конец. Это было только самое начало... Один за другим, казаки, стрельцы, ратники занимали его место...

Прокопу быстро стало скучно. Жалко уже не было — он напомнил себе, что творили разбойники с теми бабами в зале, и на место жалости быстро пришла злость. Быстро наскучило и тем, кто принял участие в «наказании». Если бы разбойничиха орала, если бы она молила о пощаде или хотя бы сопротивлялась, её крики и борьба разогрели бы им кровь и дали бы сил продолжать. Однако... Однако за всё время, как её не терзали, она не издала ни звука. Где-то на двадцатом охотнике, поток её насильников закончился.

— Всё, сдохла! — пробурчал шуплый стрелец, поддёргивая порты. — Тьфу, нечисть...

Но она ещё не подохла — сердце, пусть слабо, но билось и тогда, голую, её подвесили на воротах. Рядом с остальными разбойниками... Кирилл не вмешивался.

Он вообще слишком быстро остыл после этого боя. Мрачный, усталый, он пошёл искать Шагина и нашёл его — возле Никитки. Угрюмый слуга тихонько пел какую-то татарскую песенку, положив голову крестника на колени.

— Он — жив? — удивился сотник.

— Жив, господин! — кивнул Шагин, бросив на него косой взгляд. — Ты ведь сам подарил ему нагрудник! Хороший нагрудник, миланской работы... Он и спас Никитку. Жить будет! Встанет нескоро...

— Лекаря у нас нет! — вздохнул Кирилл. — Костоправ стрелецкий, да Лука наш — разве ж лекари? Вот помнишь, в Шуе — турок был? Его князь Василий у польского посла купил... Ну, тот, который как был магометанином, так магометанином и помер!

— Абдулла! — после некоторой заминки, припомнил Шагин. — Да, то был — лекарь! Всем лекарям лекарь! Жаль, помер...

Помер Абдулла лет этак пятнадцать назад, Кирилл тогда ещё отроком безусым был. Помер, успев, однако, порассказать массу интересного про свою родину, про Константинополь — древний Царьград, про Святую Софию с золотым полумесяцем над куполом, про султанов и янычар... Кирилл тогда слушал, потрясённый, раззявив рот. Сейчас бы он не удивлялся так откровенно. Сейчас ему куда нужнее и важнее тех историй были бы знания Абдуллы... увы! Единственные два человека в отряде, которых — с натяжкой — можно было назвать лекарями, больше годились на должности коновалов. Что касается людей, единственное, что могли сделать толково — вправить вышибленную или переломанную руку или ногу. Ну, рану перевязать или те же конечности оттяпать. Хорошо ещё, в этом походе всё пока что заканчивалось лёгкими ранениями... до сего дня. При штурме постоялого двора и шинка сразу четверо получили тяжёлые раны, и теперь отряд не мог двигаться так быстро, как раньше. И это была самая плохая новость, которую только можно было представить. Отряд — встал! С ранеными, тем более — с тяжело ранеными, далеко не уйдёшь. Того же Никитку, что распластался сейчас на лавке, белый как полотно,

беспамятный, даже Лука-коновал запретил трясти строго-настрога. А как тогда везти, если воз трясётся, подскакивает на каждой колдобине, если ехать надо быстро — догонять ушедшего, успевшего ускользнуть врага... Кирилл в отчаянии уселся рядом с раненым юнцом и, ухватившись за вихры пальцами, стиснул их так, словно хотел выдрать с корнями.

— Господин... — слабый голос принадлежал Никитке, только до сотника это не сразу дошло. — Господин!

— Никита, лежи тихо! — прикрикнул на мальчишку Шагин. — Не дёргайся... Господин, он очнулся!

— Вижу! — хмуро сказал Кирилл, которому как раз в этот миг пришлось отгонять крамольную мысль, что было бы куда лучше, если бы Никита умер. Остальные, возможно, выдержали бы даже быструю езду... Не он. Не Никита.

— Господин... — прошептал Никита, и голос его был полон вины. — Прости меня, господин! Я не хотел... Я думал, что сумею! Прости меня, господин!

Это он виноват — понял Кирилл. Он, господин мальчишки, утвердивший его в мысли, что семнадцатилетний отрок ничем не уступает взрослым. Так и было... Только у взрослых ратников была та осторожность, которой нет, да и не может быть у юнца. И Прокоп с Шагином, тоже ворвавшиеся первыми, не получили и царапины, а Никита — залп в упор.

— Господин! — снова повторил Никита, сердито и неожиданно сильно оттолкнув ладонь Шагина от своих губ. — Господин, я буду обузой, оставь меня!

— Прекрати! — сердито фыркнул Кирилл. — Где тебя оставить? Был бы здесь город, не сомневайся — оставил бы не задумываясь! Но мы — посреди чистого поля, этот постоянный двор я через полчаса самое большее запалю с четырёх концов... Посреди дороги прикажешь тебя оставить? И тех троих — тоже?

— Господин! — чуть ли не со слезами сказал Никитка. — Оставь меня... Я всё равно не вынесу дороги!

Вот тут он был прав. Мрачная правда заключалась в том, что если растрясти рану — а на телеге это обязательно произойдёт, то пошедшую кровь будет очень трудно, почти невозможно остановить. Скорее всего, всё закончится очень плохо. Однако...

— Ты поедешь с нами, Никита! — строго, бросив быстрый, предупреждающий взгляд на сотника, сказал Шагин. — И посмей только мне умереть! Ух, как я тогда тебя выдеру... Ты не забыл ещё, что я отвечаю за тебя перед отцом и матерью?

Никита бледно улыбнулся. Больше он не спорил. И не издал ни звука, когда его положили на телегу и когда она как можно плавнее — а всё равно резко, тронулась с места.

Кони шли медленно, люди слишком быстро замолчали. Устали — дорога, узкая, колдобистая, извилистая, болотистая... много разных слов можно про неё сказать... дорога довела! Куда веселее других был разве что пан Анджей — ему снова легко дышалось, его не донимал больше чесночный аромат, а если взор и падал на женское лицо, то это было очаровательное лицо Татьяны или очень красивое — Зарины. На взгляд пана Анджее, который разделяли тайно или явно большинство казаков и ляхов, татарская служанка была куда красивее своей русской госпожи, и даже чересчур высокие скулы не портили её, а наоборот — добавляли очарования. Чёрные же, блестящие смоляные волосы и тёмные глаза, обрамлённые длинными бархатистыми ресницами, заставляли чаще биться сердца абсолютного большинства членов отряда. Не только сердца Яцека и Марека. Другое дело, сама Зарина, замкнутая и мрачная последнее время, вряд ли хотя бы замечала этот восторг, это неложное восхищение собой, а если и замечала, то — игнорировала совершенно. Вот и сейчас — с холодным лицом она ехала чуть позади своей госпожи, взгляд её скользил где угодно, но только не по лицам находивших любые способы, чтобы только оказаться подле неё оруженосцев. Пан Анджей обернулся, чтобы в очередной раз подмигнуть Яцеку, за которого в открытую «болел» в этом поединке, но улыбка замёрзла у него на губах, а глаза медленно потеряли весёлый прищур. Рука сама собой упала на эфес кончара... И всё это вкупе сделало своё дело — встревожило весь отряд.

— Что случилось, пан Анджей? — тревожно спросил пан Роман, оборачиваясь.

— Дым! — хрипло прокаркал пан Анджей. — Там — дым, пан Роман! Угадай, что горит!

Угадать было проще, чем не угадать. За все те вёрсты, что они оставили позади с момента выезда с постоянного двора, им не встретилось ничего: ни дома, ни башни, ни острога, ни скирды сена. Лес и лес. Кругом сплошной лес! Значит, гореть может либо лес, либо... либо постоянный двор. Люди Ворона вернулись и мстят!

— Мы возвращаемся! — быстро сказал пан Анджей. — Немедленно! Эй, стоять!

Отряд остановился. Весь.

— Мы едем дальше! — спокойно возразил пан Роман. — У нас нет времени и нет возможности... и мы всё равно опоздали! Раз шинок горит, там уже нет живых. Или их «наказали»! Мы едем дальше!

Ляхи, которых осталось меньше десятка, остались стоять. Казаки, их было ещё около полутора дюжин, вновь поехали.

— Стойте! — теперь уже заорал пан Анджей. — Стойте! Там же — люди! Они нас принимали, мы с ними хлеб переламывали... Ты что, пан Роман?

— Мы не можем возвращаться! — устало сказал пан Роман. — За нами — погоня, ты же знаешь. Возможно, это она вернулась и запалила постоянный двор. Возможно — нет. Возможно, это Ворон со своими людьми обнаружился! Всё возможно... я бы не хотел узнавать, что более возможно, а что — нет. К тому же, нам что московитский сотник, что разбойничий атаман — один чёрт. Мы не сможем сейчас сопротивляться им! Нас слишком мало, многие — ранены... Мы — уходим и даже больше — прибавим ход!

— Мы возвращаемся и защитим слабых! — упрямо нахмутив брови, возразил перечитавших героических античных эпосов лях. — Или отомстим за них, если будет

поздно...

— ... И положим ещё людей! — подхватил пан Роман. — Нет! ТЫ, пан Анджей, можешь ехать. Если хочешь, конечно! Мои казаки поедут дальше.

— Я — возвращаюсь! — решительно сказал пан Анджей. — И, если среди твоих казаков нет трусов, то ты один останешься на дороге!

— Ты называешь меня трусом, пан Анджей? — тихим, опасно тихим голосом, ибо в нём явственно слышалось бешенство, спросил пан Роман. — Ты уверен в своих словах?

Вот тут струсил сам пан Анджей. Как бы он ни был упрям, как бы ни застигал сейчас глаза гнев, пана Романа во гневе побаивались и более сильные шляхтичи, настоящие рыцари и палатины. Вон, какой длинный и острый кончар на поясе висит! И взгляд — прицельный...

— Да брось ты, Ромек! — быстро сказал он. — Вовсе я не сказал, что ты трус. Разве кто-то услышал такое?! Нет, ты не трус... но ты почему-то испугался! И кого — вшивых разбойников! Да каждый воин в нашем отряде стоит десятка, дюжины даже таких «вояк»! Мы стопчем их и не заметим!

— ТЫ — ездай и топчи! — равнодушно разрешил пан Роман. — МЫ — поедем дальше! Это моё последнее слово, пан Анджей Медведковский!

— Уверен ли ты, пан Роман Смородинский? — холодно спросил пан Анджей.

— Уверен!

— Ну, что ж... — пан Анджей обвёл взглядом своих и со щемой душевной убедился, что никто не горит желанием возвращаться. — Что ж, пан Роман! Пусть же тогда этот подлый, трусливый поступок останется на твоей совести! На твоей и тех трусов, что убоялись поступить как настоящие мужчины и шляхтичи!

Пан Роман отнёсся к этим упрёкам на удивление равнодушно. Развернул коня да поехал дальше. И даже не обернулся, когда кто-то пристроил коня рядом... пока не почувал аромат трав. Татьяна!

— Ты тоже думаешь, что я должен был вернуться? — тихо, напряжённо спросил он. — Татьяна!

— Нет! — так же тихо, но совершенно спокойно и даже с сочувствием в голосе возразила она. — Ты — вождь, голова по-нашему. Тебе надо думать не только о благородстве и красоте поступков, но и о жизнях доверенных тебе людей. И о том, чтобы выполнить обещание, данное твоему государю... пусть даже он мёртв уже!

— Да, обещание! — тяжело вздохнув, сказал пан Роман. — Этот клятый сундук! Господи, как бы я хотел узнать, ЧТО в нём!

— Узнаешь, когда доведёшь! — подумав, сказала Татьяна.

Они некоторое время ехали молча. Пели птицы над головами, шуршал листвой лес... Настроение только было поганым. Пану Роману сейчас можно что угодно было говорить про разумность его поступков... Благородным, честным был лишь один из них — тот, который вёл к смерти.

— Расскажи мне о Смородиновке! — внезапно попросила Татьяна. — Там красивые места?

— Там? — пан Роман мечтательно улыбнулся. — Самые красивые на всём белом свете! Рядом с моим домом — сама Смородиновка, вокруг — поля бескрайние, речка — тоже Смородиновка. На берегу — холмы. Говорят, там старые русы — витязи прежней Украины похоронены. Не знаю, я в детстве копался — ничего не нашёл!

— Ты копался в могиле? — ахнула девушка.

— Так она же не наша, не христианская! — пожал плечами пан Роман. — И потом, там уже давно ничего не осталось... Впрочем, я думаю, и не могила это вовсе! Вон, Марек утверждает, что там не люди, а великаны похоронены... Начитался, поросёнок, старинных книг! У меня ведь, хоть и меньше их, но тоже хватает!

— Ты сам читал их? — восхитилась Татьяна.

— Ну... — промямлил донельзя смущённый пан Роман. — Я умею читать... да... Только меня почему-то сразу в сон тянет! Вот как открою книгу, посмотрю на буквицы, так сразу глаза слипаться начинают! Прямо даже странно!

Татьяна обладала достаточным умом, чтобы скрыть улыбку, появившуюся у неё на губах. Не стоило обижать славного шляхтича, своего возлюбленного из-за такой мелочи. Ну, ничего! Вот приедет, она возьмёт хозяйство в свои руки... А заодно, и образование. Понятно, что ляхи и литвины не так образованы, как москвиты. Но ведь если приложить руку, можно и это исправить! А уж она постарается...

Пан Роман — на своё счастье или несчастье, не подозревал о подобном. Он просто ехал и улыбался. Настроение его, неизвестно почему, вдруг резко пошло в гору...

Косуля, три исхудавших после долгой русской зимы и не успевших ещё нагулять жир зайца, три же куропатки, тоже не слишком жирных — много это или мало на три десятка проголодавшихся, усталых мужиков? Наверное, не слишком много. Но всяко лучше, чем ничего. Меж тем, запасы отряда истощились изрядно, за день, что прошли от постоянного двора, истратили последнее и кулеш сегодня утром был жидок и пресен. Мяса же в нём было совсем немного — и то, размазанного по волоконцу, чтобы всем хватило. Подумав, пан Роман отправил отроков — Яцека да Марека на охоту, сам же встал на долгий привал.

Охота удалась. Может, отряду и мало всего этого для насыщения, но достаточно, чтобы заморить голод. Небось, раз уж Солнце сошло с небосвода и уступило место Месяцу, уже и костры жгут, и ждут их. Может, уже и ищут! Задержались они, если по правде говорить. С полудня охотятся! Хорошо, что не зима вокруг, а жаркое и ласковое лето. Что не приходится брести по сугробам, проваливаясь в снег по колено. Что рядом бредут верные кони, на которые и приторочена добыча. Наконец, хорошо, что леса здесь пусть и добрые, настоящие, но шибко уступающие подмосковным. Вот там — дремучие чащи! А здесь...

Волки, впрочем, были и здесь. Яцек час почти икал и трясся, после того, как наткнулся под кустом на останки человека. Давно уже, может и зимой ещё, погиб он здесь. Замёрз? Попал на зуб серым хищникам ещё живым? Кости были разгрызены волчьими зубами — это точно.

— Т-там!.. Т-там! — заикался Яцек...

Мареку, тому сам чёрт был не страшен. Лук с наложенной охотничьей стрелой по-прежнему был в руке, на приятеля он даже не оглядывался... до поры...

— Ты чего это сегодня вокруг Зарины так долго крутился? — сквозь зубы процедил он, прицеливаясь куда-то в кусты из лука. — Делать было нечего?

— Я? — поразился Яцек, даже икать перестав. — Я не крутился! Я с ней разговаривал! Легенду про Тантала рассказывал!

— Про кого? — изумился Марек, в очередной раз позавидовав Яцеку, у которого хозяин был помешан на сказочках. Впрочем, его хозяин, зато, не раз и не два уже навещал прекрасных панёнок. А ему, пусть и юн был чересчур, в это время доставалось внимание служанок. Иногда, даже очень ничего... хотя Зарине уступала любая.

— Про Тантала! — сердито повторил жуть как не любивший повторять Яцек. — Герой такой грецкий. Он своего сына демонам языческим скормил. Ну, а те его на муки адовы обрекли. Вроде бы как он стоит по самый подбородок в воде, но как наклонит голову — вода отливается от него и он тыщи лет никак не может напиться! Ну, там ещё много чего было... Зарине понравилось, вот!

— Ты вот что! — глядя прямо перед собой, а лук опустив, тихо и спокойно сказал вдруг Марек. — Ещё раз к Зарине приблизишься, и я тебе ноги повывёргну! Обе враз! Понял?!

— Ты чего? — изумлённо воззрился на него Яцек.

— Я сказал, не подходи больше к ней! — сам где-то в глубине души удивляясь нахлынувшей вдруг на него ярости, выкрикнул Марек. — Задуриваешь ей мозги сказочками всякими... Не подходи к ней!

Он яростно отшвырнул лук и, пригнувшись и сощурился зло глаза, положил правую ладонь на рукоять сабли. Что удивительно, но Яцек, тихоня Яцек, на которого всегда достаточно

было прикрикнуть слегка, чтобы он присмирел, напустил в штаны, неожиданно отпрыгнул в сторону и тоже схватился за палаш.

— Сам не подходи!

Это было настолько неожиданно, что Марек сначала даже опешил, но потом озлился ещё больше.

— Ах, ты так! — медленно, с явственно прозвучавшей угрозой, процедил он и достал саблю. — Ну, держись!!!

Однако начать первым он не успел. Яцек вдруг прыгнул вперёд и его тяжёлый, остро отточенный палаш звонко выщербился о камень, чуть ли не на пядь уйдя в землю. Марека на том месте, куда ударил палаш, разумеется, уже не было. Яцек же, не устояв на ногах, споткнулся и упал, открыв спину. Марек тут же ударил, лишь в последний миг направив саблю в палаш.

Сталь зазвенела о сталь и Яцек, вскочивший на ноги, был уже безоружен.

— Подними палаш, рохля! — с крайней степенью презрения в голосе велел Марек. — И не доставай его, если не знаешь, с какой стороны бра...

Он просто не успел закончить. Яцек не стал подбирать палаш, вместо этого резко, с места, прыгнув вперёд. Марек никак не ожидал этого, и приятель буквально вмял его спиной и задом в кусты. В колючие кусты шиповника.

— На! — выдохнул Яцек, со всей силы врезаясь кулаком куда-то в район марекова носа. — На тебе!

Взвыв от острой боли, ослепнув на миг, Марек вслепую отмахнулся. Его кулак попал в мягкое, и дышать стало легче — Яцек больше не сидел у него на животе... Впрочем, это было ненадолго. Уже вскоре его кулак врезался в бок, выбив из Марека дыхание, а в следующее мгновение сам Яцек навалился сверху и принялся душить Марека.

В другой раз Марек, пожалуй, отбил бы, да ещё и сам поколотил как следует Яцека. Тот, хоть и был заведомо сильнее приятеля, уступал ему в сноровке и умении драться. Но всё пошло наперекосяк и Марек не мог даже продохнуть. В ушах стоял звон, перед глазами искры сыпались уже сплошным ливнем, а Яцек, усевшись поудобнее, давил и давил, не собираясь останавливаться... Рука сама нашла кинжал — длинный, тонкий клинок даги, когда-то лишившийся рукояти и как бесполезный, подаренный паном Романом Мареку. Марек приделал к нему обычную, простую рукоять и сейчас его судорожно ищущие опоры пальцы нащупали тёплое, влажное дерево. Они сами сомкнулись на рукояти — Марек уже ничего не соображал. Ничего не соображая же, он вытащил кинжал. И ударил.

Был хруст разрываемой материи, был противный, чмокающий звук, когда лезвие вошло в плоть. И был отчаянный, протяжный крик-стон Яцек, когда он валился набок, наконец-то давая Мареку возможность продохнуть. Марек с большим трудом сумел сесть, его грудь тяжело, с сипами и хрипами вздымалась, его лёгкие спешно прогоняли через себя воздух, круги перед глазами постепенно сходили на нет. Его вырвало...

Яцек лежал рядом, ничком, уткнувшись лицом в траву. Он уже не стонал, а лужа крови — и это было самое первое, что Марек сумел разглядеть уверенно — стала просто огромна. Наверное, треть или даже половина всей крови, что текла в жилах Яцека, была сейчас в этой луже!

— Дева Мария и Тысяча Мучеников! — простонал Марек, вставая на колени. — Яцек, друг... что же я наделал!!!

Ему вдруг стало страшно. Марек не был трусом и всегда готов был отвечать за свои

проступки и ошибки. Но сейчас... Но этот раз... Даже если Яцек выживет — а Марек в этом очень сомневался — ему никто не простит этого удара. Всё кончено и спасения нет...

— Яцек, Яцек! — лихорадочно обдирая край нечистой рубахи, прорыдал Марек. — Яцек, только не умирай! Вот только помри!!! Я тебе тогда... Я тебе тогда твои дурацкие уши-то пообрежу.

Яцек, словно по заказу, открыл глаза. Он с видимым трудом разлепил губы и еле слышно простонал:

— Больно...

— Терпи! — выкрикнул Марек, давясь слезами. — Терпи! Только дотерпи! Вот выживешь, мессир Иоганн тебя залечит... у, то есть, вылечит... Станцуешь ещё с Зариной!

— Нет... — прошелестел почти беззвучно Яцек. — Я умираю, Марек! Ты выиграл...

Марек рыдал уже в голос, не заботясь о том, что это не достойно воина. С превеликим трудом подняв тяжёлое тело, он забросил его поперёк седла. Плохо, конечно, но другого выхода не было. Волокушу мастерить слишком долго, а на закорках он тяжёлого Яцека не дотащит. Слишком далеко до лагеря.

— Ты продержишься! — решительным, хотя и неверным из-за слёз голосом сказал он бесчувственному Яцеку. — Ты выживешь!

Яцек ничего не ответил.

Месяц неспешно двинулся по небу.

— Что-то не видать наших охотников! — сморщив длинный нос, проворчал Людвик, ковыряясь тлеющей веткой в костре. — Слышь, пан Анджей?

— Ничего! — возразил пан Анджей, потянувшись так, что пузо в очередной раз выскочило из-под туго обтягивавшего его кушака. Ругаясь, пан Анджей вынужден был заняться восстановлением порядка в одежде.

— Ничего! — усмехнулся, завершая его речь, пан Роман. — Марек — охотник опытный, не в таких местах охотился... В ЭТОМ лесу заблудиться он не сможет...

— ...Идут! — громкий вопль прервал его речь, но пан Роман был не в обиде. Вскочив резко на ноги, он всмотрелся...

Одинокая фигура — невысокая, значит — Марек. Два коня, через которые перекинута добыча... вон, рога торчат в сторону... А где же Яцек?!

Почти тут же последовал и ответ.

— Лекаря! — ещё издалека закричал Марек. — Где пан Иоганн?!

Мессир Иоганн жутко не любил, когда его называли на польский лад — паном, но сейчас — стерпел. Яцека, который оказался переброшен через седло своего коня, осторожно сняли, положили на землю...

— Что с ним... Ого?! — мессир Иоганн, больше ни о чём не спрашивая, отодрал потемневшую, заскорузлую от засохшей крови тряпку и, щуря глаза, склонился над раной. — Темно... Свет! Дайте света!

Сразу несколько горящих ветвей, выдернутых из костров, треща и разбрасывая искры, повисли на вытянутых руках над его головой.

— Так — достаточно светло? — спросил пан Анджей. — Что с ним?

— Ранен! — коротко ответил мессир Иоганн. — Рана неопасная, важные органы не задеты... но крови он потерял много! К тому же, в рану могла попасть грязь... Сумку мою! Чистые тряпки! Горячую воду! Гданьскую!

Всё было... кроме гданьской водки. Ехали они по земле Московской и новомодного напитка здесь не знали. Скривившись, словно от зубной боли, мессир Иоганн решил обойтись без неё.

Когда он склонился над раной, одновременно пытаясь сделать так, чтобы на неё падало побольше света от «факелов», пан Роман, взяв Марека цепкими пальцами за плечо, отвёл его в сторону.

— Что случилось? — спросил он хмуро. — Только не говори, что Яцек наткнулся на сучок! Как бы ни было, раны, нанесённые клинком, я отличить сумею!

— Я и не говорю! — так же хмуро возразил Марек. — Я его ударил! Дагой. У нас был поединок!

— У вас с Яцеком?! — не поверил пан Роман. — Вы же друзья!

— У друзей тоже могут быть ссоры! — уточнил Марек. — Это был честный бой!

— И ты ударил его сзади! — мрачно усмехнулся пан Роман. — Ну-ка, расскажи, как это было! Ты поймал его на противоходё?

— Нет...

— Значит, заставил его споткнуться? И ударил падающего?

— Нет...

— Так что же было, Марек? — подошедший Андрей Головня с насмешкой глядел на оруженосца. — Удар был нанесён сзади, с близкого расстояния... да в упор! Или я ничего не понимаю в ударах, пан Роман!

— Что там у вас случилось, Марек? Вы ведь сражались на саблях? Как это ты оказался рядом с Яцеком? А, Марек?

— Я убью этого маленького гадёныша! — взревел вдруг пан Анджей, разворачиваясь в сторону Марека. — Я убью его, мерзавца!!!

Было ли страшно Мареку в этот момент? Было, наверное... Пан Анджей в гневе был ужасен! Вот только лицо мальчишки не выражало ничего. На пана Анджея он даже не взглянул. Как и на своего господина. Смотрел прямо перед собой, явно вознамерившись сотворить из себя античного героя.

— Марек, что у вас случилось? — попробовав заглянуть к нему в глаза, да так и не сумев, спросил пан Роман. — Ведь вы же друзья!

— У нас был честный бой! — твёрдо сказал Марек. — Я ударил его ножом... Это так получилось, что — сзади!

— Дайте его мне! — взревел пан Анджей. — Я выбью из мерзавца всю дурь вместе с паршивой душонкой! Он убил моего Яцека!

— Не убил! — возразил, вставая с колен, мессир Иоганн. — Я — хороший лекарь! Я спас ему жизнь... а раньше, спас он! Ты есть очень умелые руки, Мариус! Твоя повязка спасла ему жизнь, как прежде твой удар — чуть не отнял! Чуть-чуть правее, и ты пробил бы ему почку!

Пан Роман стоял молча, мрачно о чём-то размышляя. Потом кивнул, словно бы что-то для себя решив.

— Клим, Андрей, Людвик... И, конечно, ты — пан Анджей! Поговорить надо! Марек постой пока здесь...

Отошли... Клим Оглобля, Андрей Головня и Людвик-пушкарь, три самых уважаемых воина в отряде, вместе с двумя панами встали в небольшой кружок.

— Кто что думает?.. Да погоди ты, пан Анджей! Твои мысли нам ясны! Ты что-то хотел сказать, Андрей?

— Да! — кивнул тот. — Я верю Мареку! Мальчишка, конечно, избалован тобой, господин... но он не подлец! Я верю ему, когда он говорит, что был честный поединок. Другое дело, как он повернулся потом... И почему удар нанесён не саблей, а кинжалом. Марек не дурак, под самый палаш не полез бы! Да и не думаю, что он собирался ударять всерьёз... Боюсь, что там что-то случилось. Уже во время поединка... Эх, если бы Яцек очнулся!

— Я знаю, из-за чего поединок! — внезапно сказал Людвик. — Вернее, из-за кого! Всё бабы, чтоб им... Они оба в Зарину влюблены! Наверняка из-за неё драка была!

— Это верно! — поддержал его, покручивая рыжий ус, Клим Оглобля. — Марек давно порывался Яцека проучить... Так что зачинщик всё же он! И потом, даже если это и был поединок, сейчас ему не место и не время. Если оставить его без последствий, это будет неправильно. Но и слишком сурово наказывать нельзя. Если каждого шляхтича наказывать за то, что обнажил саблю, Речь Посполитая сгинет! Нет, наказать надо, но не так, чтобы Марек от этого наказания себя героем обиженным возомнил... а так, чтобы он понял свою вину!

— Удивительный ты человек, Клим! — хмыкнул Андрей Головня. — Это что ж получается... Если Марек прав, нам не за что его наказывать! Если же виновен, наказать

надо по всей строгости. Нельзя половинным наказанием обходиться. Чревато это! Недобрым будет итог...

— А кто говорит — половинным? — удивился Клим. — Просто нельзя мальчишку как воина наказывать! Или ты предлагаешь его считать за двадцатилетнего? Так ему — всего четырнадцать! Плетей ему дюжину всыпать, чтобы сесть не мог, вот и вся недолга!

— А за Яцеком поручить Зарине ухаживать! — дьявольская усмешка озарила лицо сказавшего это пана Анджея. — Чтобы невинно обиженным времени себя почуять не было.

Пан Роман задумался... Марека он любил, но любя — требовал с него как с самого себя. Сейчас у него даже мысли не мелькнуло — прикрыть его, оборонить от наказания или хотя бы смягчить его. И единственный довод в оправдание Марека — ведь он не бросил, донёс Яцека до лагеря, так и остался не сказанным.

— Марек! — решительно окликнул он замершего в отдалении отрока. — Ну-ка, пойдись сюда!

Марек подошёл с явной неохотой. Встал в трёх шагах, с гордой рожей, на которой уже не различить было раскаяния за гордыней и страха за решимостью выдержать, снести любое наказание.

— Взять его! — коротко приказал пан Роман и Андрей с Людвиком быстро — не увернёшься и крепко — не вырвешься, взяли его под локти.

— Порты!

Прежде чем Марек успел дёрнуться, его распоясали и шаровары, настоящие казацкие шаровары, которыми мальчик так гордился, упали на траву.

— Ну, что, Клим! — мрачно улыбнулся пан Роман. — Ты предложил, ты и делай! Дюжину, как решили!

Клим на миг заколебался, но потом со вздохом взял и рук пана Романа протянутый им ремень. Добрый ремень, сыромятный... Таким самое то пороть... седмицу не заживёт!

Марек рванулся, но вырваться из рук палачей ему было не суждено. Каши мало ел! Его силой принудили лечь на траву, и звонко взвизгнувший ремень первый раз вспорол худой зад...

Марек не издал ни звука, за все двенадцать ударов — ни разу. Вжавшись лицом в мокрую от слёз и крови из закусенной губы траву, он лишь вздрагивал всем телом, когда ремень ровно и аккуратно ложился на задницу, каждый раз оставляя остро болевший рубец. Клим не щадил, но и не мучил чрезмерно — бил ровно, в одну силу, не собираясь пропарывать кожу до костей и не намереваясь оставлять розовые, быстро заживающие полоски. Нет, все двенадцать шрамов заживут нескоро, а помнить о них Марек будет каждый день своей долгой, как он надеялся, жизни. Хотя бы потому, что сами рубцы до конца так и не сойдут.

Внезапно, удары прекратились, захват исчез.

— Всё, Марек! — коротко сказал Андрей и в голосе его отрок услышал нотку сочувствия. — Вставай!

Марек попытался встать, но спину пронзила острая боль и он, охнув, осел обратно на траву.

— Ты не перестарался ли, Клим? — раздался где-то рядом тревожный голос пана Романа.

— Нет... — возразил палач. — В самый раз!

Марек хотел ещё раз подняться, но его уже насильно уложили, и осторожные руки

лекаря наложили на шрамы какую-то щипучую, но быстро снявшую боль мазь. После этого возможно стало и подняться... Лучше бы он умер! В довершение позора, пан Роман запретил ему на полста шагов приближаться к возку, где ехала Зарина... а теперь и раненный Яцек. На лице раненного, который уже пришёл в себя, блуждала блаженная улыбка, а когда он бросил взгляд на Марека, то и неприкрытое торжество. Хотя он подтвердил, что поединок был честным, Марека это от бед не избавило. В этот миг он остро пожалел, что не убил Яцека...

Марек страдал. Нет, не телесная боль терзала его. Зад болел, а после трёхчасовой скачки даже горел, словно в огне — не помогала мазь шведская. Болела, пылала яростью и болью душа. Ему было запрещено подходить и подъезжать к Зарине ближе, чем на полсотни шагов, но, имея острое зрение, Марек без труда видел, как ласково, слишком ласково, чтобы это казалось случайность, Зарина ухаживает за раненым соперником. На него же, на готового в лепёшку ради неё разбиться Марека, она даже не глядела. А если глядела, взгляд её способен был заморозить даже такого горячего молодца, каким был Марек...

Яцек же блаженствовал... Не такой остроумный, не такой быстрый на язык, даже туповатый, сейчас он был совершенно в своей роли. Роли молчаливого, донельзя несчастного, слабого и беспомощного раненного, за которым нужно постоянно ухаживать, которому очень неудобно и стыдно пользоваться помощью прекрасной женщины... Но который вынужден был это делать. Пить травяной отвар из нежных, но сильных рук Зарины, любуясь украдкой её округлой грудью, обтянутой рубахой, её нежным овалом лица, аккуратными ушками, родинкой на скуле... Но ещё больше радости, истинное блаженство, Яцек испытывал, видя страдания соперника. Он не был в обиде на Марека, ведь тот ударил, только когда сам оказался на грани гибели, он даже постарался обелить его в глазах пана Романа и казаков... но уж чего он совершенно не собирался делать, так это допускать, чтобы Марек вновь оказался подле Зарины. Пусть та всю дорогу подчёркивала своё презрение к юному оруженосцу, заставляла его выполнять самые дурацкие и невыполнимые поручения... Он, Яцек, не верил в это презрение ни на грош. А иначе, почему сейчас Зарина так ненавидит Марека, что даже запретила упоминать его имя вслух?!

Однажды, в середине дня, Марек не выдержал и развернул коня. Он, наверное, хотел проехать, якобы по делу, неподалеку от Зарины. Может быть, даже вознамерился перекинуться с ней или с ним, с Яцеком, парой-тройкой слов... Когда до возка оставалось меньше двух дюжин конских шагов, он вдруг резко осадил коня, так что тот осел на круп. С лица Марека схлынула вся краска...

— Я думаю, Мариус, тебе лучше будет проехаться вперёд! — хлестнул его жёсткий голос пана Романа. — И не думай возвращаться раньше, чем придёт время остановиться, или ты увидишь что-то действительно интересное!

Резко развернув коня, Марек пришпорил его и вмиг скрылся из виду.

— Зря ты так, Роман! — донёсся до Яцека голос госпожи Зарины, Татьяны. — Мальчик сильно избит, он держится в седле только на гордости, которую, не иначе, перенял у тебя... К тому же, он не может повернуть шеей... она вся чёрная, в синяках!

— Вот как? — удивлённо переспросил пан Роман. — С чего бы... Ах, вот как было дело! Значит, Яцек чуть не придушил его! Ну, тихоня!

— Это значит, пан Роман, что Марек защищал свою жизнь, когда ударил ножом! — заметил кто-то из казаков. — Яцек вдвое его сильнее и куда тяжелее!

— Нечего было свару затевать! — раздражённо возразил пан Роман. — Ладно, ладно... Когда он вернётся, я отпущу его грехи... Как и положено господину и наставнику! Только вот не надо устраивать сцен всепрощения! Марек слишком распоясался — то правда. В следующий раз на месте Яцека может оказаться кто-то ещё... Да любой из вас, кто излишне ласково посмотрит на приглянувшуюся Мариусу женщину... Кстати, это возвращает меня к

другому вопросу... Зарина!!!

— Ты лежи здесь, я сейчас! — мягко сказала Зарина и ушла. По тону её было не понять, слышала ли она весь тот разговор так подробно, как слышал его сам Яцек... Юноша застонал, как от резкой боли. Боже! Как бы он хотел, чтобы вчерашняя ночь испарилась, чтобы её не было вовсе! Да, начал Марек. Но первый удар, положивший начало всему, нанёс он. Он, Яцек-тихоня, Яцек-увалень, Яцек-телок! И душил своего лучшего друга тоже он — Яцек! Марек же, пока не стало слишком поздно, ущерба ему, кроме синяков, да разбитого носа, не нанёс. Хотя он куда лучше дерётся саблей, и мог бы искрошить приятеля ещё в первые минуты...

Яцек вновь застонал, откинувшись на набитую свежей травой подушку... и тут же мягкие, нежные руки обхватили ему виски, лёгкое дуновение дыхания заставило застонать уже в сладкой неге.

— Рана болит? — заботливо спросила Зарина. — Потерпи, мальчик мой! Сейчас всё пройдёт!

— Я не мальчик! — резко сев и на миг стиснув зубы, пережидая острую боль в боку, возразил Яцек. — И стонал я не от боли! Вернее, не от боли в ране... Марек... Он ведь не хотел меня убивать! Он меня дважды пощадил! Он ударил меня, только когда я начал его душить! Понимаешь? Душить! Я виноват... А наказали его!

— Мальчик... — тихо, с нежностью сказала Зарина, словно ей самой было не восемнадцать, а все тридцать-сорок лет и она была не дворовой девкой, а умудрённой опытной матерью.

— Я — не мальчик! — вспыхнул Яцек. — Я — мужчина и воин!

— Ты — мальчик! — ласково, с укором, сказала Зарина. — Мужчина, уж прости, не стал бы страдать, сумев вывести из игры соперника. Мужчина постарался бы сделать так, чтобы он вообще не смог повторить свои попытки... А ты пытаешься его обелить! Вот только... С чего вы соперниками-то стали? Неужели правда, то, что говорят — из-за МЕНЯ?

Яцек, побурев от смущения, спрятав глаза, молча кивнул.

— Вот оно как... — прошептала удивлённая Зарина, когда молчание, наступившее после этого признания, слишком уж затянулось. — Но я ведь не давала вам повода! Ни тебе, ни Мареку! Я, наоборот, всегда отвергала ваши ухаживания! С чего вы взяли, что можете... С чего?!

Что мог сказать Яцек? Ведь и впрямь — не давала. И правда, всегда отвергала, а настойчивого Марека третировала.

— Мы — мужчины, сами выбираем себе возлюбленных! — очень красиво сказал Яцек. — И сами решаем, достойны ли они, чтобы мы проливали за них свою кровь...

— Так... — Зарина вздохнула. — Так вот запомни... мужчина! Запомни, и скажи другому... мужчине! ВЫ ОБА мне не нужны! ОБА! Я люблю другого... настоящего мужчину А вы... Вы даже не подходите ко мне! близко! Видеть вас не хочу!

Она прямо на ходу выпрыгнула из возка и вскоре, гикнув по-татарски, промчалась на коне мимо. Яцек со стоном откинулся на подушку... Ну и идиот же он... Боже, какой идиот! Надо очень сильно было постараться, чтобы лишиться себя всех преимуществ раненного и обиженного. Можно поклясться чем угодно, голову прозакладывать, что Марек бы своего шанса не упустил... Да он ещё не упустит! Был бы только шанс...

Помянешь чёрта, он тут как тут и явится. Звонкой дробью процокали мимо возка копыта, ещё звонче был голос Марека, когда он, осадив коня, доложил:

— Село, пан Роман! Большое!

— Далеко ли? — по голосу пана Романа не заметно было, чтобы он собирался прощать кого бы там ни было.

— Нет, меньше версты осталось!

— Молодец, Марек! — похвалил пан Роман. — Отлично! Ты всегда приносишь добрые вести... Езжай!

— Пан Роман... — голос Марека вдруг дрогнул. — Мне... Мне к Яцеку надо Поговорить!

— Только саблю с собой не бери! — под общий хохот посоветовал, кажется, Клим Оглобля. — Зарежешь ведь его, так что и наш лекарь-швед не спасёт!

— Езжай! — разрешил пан Роман. — Только гляди мне, ежели что не так пойдёт... Голову откручу!

Копыта вновь простучали по твёрдой, будто каменной дороге, но на этот раз их дробь была короткой. Яцек поспешно принял предельно измученный, болезненный вид, даже глаза зажмурил.

— Яцек... — голос Марека был раскаяния и сожаления. — Яцек, ты как тут?

Яцек с превеликим трудом разлепил глаза.

— А, это ты, Мариус... Здравствуй! Я-то? Я — ничего! Вот только спина болит... Ну, я на тебя не в обиде! Ты ведь не хотел меня убивать, так просто получилось... Да я и выжил ведь...

Он очень естественно застонал и сквозь полуприкрытые веки отметил, что Марек побелел, и раскаяние его стало ещё более искренним... Грех было этим не воспользоваться...

— У тебя твёрдая рука, Марек! — прошелестел он, чувствуя, как горло разрывается от натужного шёпота. — И хороший клинок... Можно?

Марек не сразу понял, что нужно приятелю, а потом, вздрогнув, нервно протянул ему кинжал. Длинное, остро отточенное его лезвие блестело, переливаясь чернью и синевой. Ничто не упоминало, что прошлой ночью это лезвие воткнулось в спину человека...

— Хороший нож! — похвалил Яцек. — Хотел бы я иметь такой...

— Возьми его себе, друг Яцек! — быстро сказал Марек. — Бери, бери! Я всё равно не мог бы его больше носить.

В голосе Марека настолько сильно было сожаление, что Яцек ещё раз порадовался за себя, любимого. Клинок был и впрямь очень хорош!

— Так что, мир? — проехав подле возка ещё шагов сорок, вдруг спросил Марек.

— Мир! — охотно ответил Яцек. — Мир, Марек!..

Гнедой аргамак споткнулся. Хотя он устоял на ногах, да и вообще не было повода думать, что он сейчас упадёт, Кирилл ощутил, как тревога всё сильнее заполняет его душу. Кони устали. Люди тоже, разумеется, но люди — они могут и потерпеть. Вот кони!.. Кони, если обессилеют, просто встанут. Встанут, а дальше не пойдут, бей их, гони... Не пойдут! Меж тем, сотня сейчас находилась на узкой дороге — колее, еле видимой в траве и со всех сторон её окружал густой, дремучий лес. Лес этот тянулся уже шестую версту — с тех самых пор, как они свернули у очередной развилки налево. Трава здесь была изрядно помята, как если бы незадолго до них, здесь проходил другой отряд. Вот и свернули... Шесть вёрст позади, шесть вёрст! Кирилл и готов был бы затворить слух для стонов, раздававшихся за спиной... да стоны эти всё больше походили на ропот.

— Кони обезножели, сотник! — нервно облизнув пересохшие губы, сообщил Дмитр Олень. Как будто сам сотник не видел...

— Ещё немного! — глухо сказал Кирилл. — Сейчас свернём, и из леса выедем!

— Ну да, ты это уже третий раз говоришь! — пробурчал казачий атаман. — Ладно... Я скажу своим...

Его люди, волжские казаки, составляли треть отряда. Самую шумную и буйную треть. В отличие от стрельцов, людей государевых или ратников, преданных лично Кириллу Шулепову, казаки являлись наёмниками, а значит, — были не так надёжны. С другой стороны, без них сотня не прошла бы эти сотни вёрст так быстро и с такими малыми потерями. Кто б тогда разведывал дорогу?

И всё же, куда больше, чем состояние коней, его беспокоили два воза, медленно двигавшиеся в самом хвосте. Четверо тяжёлых раненных на них могли и не доехать до жилья и отдыха. Боже, как надо остановиться! Да чтобы поскорее...

— Что там? — кивнув назад, тихо спросил он.

Прокоп пожал плечами:

— Тяжко! Шагин от Никиты на шаг не отъезжает, а только не шибко это помогает. Мальчишка уже и не в сознание не приходит. Тяжко... Остановку бы, господин!

— Надо ехать! — тяжело ответил Кирилл. — Иначе доведём трупы!

Но им, наконец, повезло — не могло не повезти! Двое казаков ертаула вылетели из-за поворота, и ещё издали один из них заорал, срывая голос радостным криком:

— Деревня! Деревня впереди, сотник!

— Прибавить ход! — приободрившись и оглянувшись через плечо, крикнул Кирилл. — Прокоп, наших — вперёд! Пищали приготовьте!

Эти приготовления были не напрасны. Если враг, столь долго преследуемый, окажется, наконец, в пределах досягаемости, придётся атаковать даже и с ходу. Охромевшей коннице, пожалуй, будет отведена не главная роль. Сломить возможное сопротивление врага должны будут стрельцы. Правда, что-то давно не слышно громогласного прежде Павла Громыхало... Неужели даже неутомимый полусотник выдохся?!

Тут и деревня показалась — вынырнула из-за деревьев, словно гриб из-под куста — небольшая, удобно устроившаяся на берегу небольшой речушки. Две дюжины домов, тёмных, покосившихся; церквушка — единственное здание в деревне, поднимавшаяся выше одного поверха. Чёрные — распаханые, но ещё без всходов, поля. Малое стадо коров на

огороженном тыном дальнем выпасе.

— Осторожно! — хмуро, проверив взвод пистолей, приказал Кирилл. — Павло, где ты там?!

— Людишек своих готовил, сотник! — громыхнул стрелец над самым ухом. — Да ты не вздрагивай так, я — свой! Не обижу...

— Ты поменьше языком трепли! — сердито посоветовал сын боярский, и впрямь испугавшийся. — Что твои стрельцы?

— Рады! — коротко ответил полусотник. — Соскучились уже на конях ходить! Ждут!

— Добро! — кивнул Кирилл. — Ты давай, слева заходи, а я...

Договорить он не успел. Прямо от деревни на них шли трое глуздырей и прежде, чем они обратили, наконец, внимание на чужаков, казаки, вихрем налетевшие на них, похватали их. Взяли в плен, значит. Ревущих, испуганных, доставили к сотнику...

Укоризненно глянув на довольного Дмитра, Кирилл почесал затылок. Малыши точно знают, есть ли в их деревне чужаки... но как разговорить испуганных глуздырей?

— Кто хочет пряник? — раздался внезапно рядом голос Прокопа. — Большой, красивый... Настоящий московский пряник!

— Я... — несмело ответил один из мальчишек, самый старший.

— Держи! — и Прокоп протянул ему небольшой, крепкий, как камень, но настоящий пряник. — Только смотри, не забудь своим друзьям дать!

— Это мои братики! — уже смелее ответил малыш, вцепившись в пряник намертво. — Поделюсь, конечно... А вы кто, дяденьки?

— Мы-то? — удивился Прокоп. — Разве ты не видишь? Мы — воины! Государевы люди Московские! Разве здесь бывают другие?

— Бывают! — подтвердил второй малыш, ещё не всегда выговаривавший букву «р». — Но они злые и пряниками не делятся!

— А сейчас злых дядек в деревне нет? — коварно спросил Кирилл.

Опасливо покосившись на него — ведь пряник Кирилл не давал, малыши почти одновременно замотали головами. Нет, мол, нету!

— И добрых — нет? — уточнил Кирилл.

— Нет! — совсем расхрабрившись, сказал старший малыш. — А это у тебя — ружьё?

Покосившись на пистоль, в который почти уткнулся палец мальчика, Кирилл коротко кивнул:

— Ружьё!

— И ты можешь убить из него злых дядь?

— Могу...

— А они нашу сестрёнку увели! — пожаловался второй малыш. — Мама говорит, что теперь она... Ой!

Старший брат не позволил малышу разболтаться, довольно сильно двинув в бок. Впрочем, главное они уже сказали.

— Прокоп! — негромко сказал Кирилл. — У нас вроде оставалось ещё четверть головы сахара?

— Ну... — нехотя ответил Прокоп.

— Отломи три куска.

— Ладно...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мальшей ссадили обратно на землю и — к их вящей радости — наградили каждого куском крепкого, сладкого сокровища в детский кулак размером. После чего сотня поспешила дальше в село, а малыши, вгрызшись в сахар, пошли себе дальше, в лес. Грибы ждали их...

В деревне же началась паника. Здесь почти любой чужак казался врагом, а уж чужак с оружием другом быть не мог. Местный староста, бледный, худой старик с маленькими поросычьими глазами, близко посаженными по обе стороны от длинного носа, вышел им навстречу с явной неохотой, постоянно оглядываясь назад.

— Здрав буди, старче! — коротко приветствовал его Кирилл. — Мы — Государевы люди, едем по важному делу. Нам бы отдохнуть... Найдётся у вас прокорм для сотни воинов, десяти дюжин коней и хоть какой-нибудь знахарь? У нас есть раненные, которым срочно нужна помощь!

— Места-то для вас хватит! — промычал староста. — Отчего ж нет... И знахарка есть — Бабка Фёкла. Я покажу. А вот прокорм... Не обессудь, господин, но мы — бедный народ. Столько славных воинов нам не напоить. Вот в Званице... Там да. Там и кузнец есть, и кони на продажу. Богатые!

В голосе старосты слышалась лютая ненависть и столь же лютая зависть к званицким и их старосте. Не зря, наверное, и сослался на них.

— Далек до той Званицы? — задумчиво почесав подбородок, спросил Кирилл.

— Да нет, что ты, господин! — низко кланяясь, возразил тот. — Всего-то вёрсты три! Ну, можа пять! Вам, да ещё на таких славных коняшках, часа ехать не придётся!

Кирилл оглянулся... Его воины уже спешили, и потребуется нечто большее, чем простой приказ, чтобы посадить их обратно в сёдла. Нет, пожалуй, даже и подвиг здесь не поможет. Слишком устали. Слишком давно не видели домов... Завшивели!

— Вели топить бани! — коротко сказал Кирилл, первой же фразой стирая улыбку с лица старосты. — Мы остаёмся... Я пошлю отряд в твою Званицу. Но сейчас ТЫ накормишь моих людей. И не вздумай вилять! Мы заплатим за еду, так что у тебя не должно быть поводов жаловаться... Зато если пожалуется кто-то из моих людей...

Многочисленная пауза Кирилла заставила старосту побледнеть ещё больше. Ключковатая борода затряслась.

— Я... Я всё сделаю! — заверил староста.

— Пусть кто-нибудь укажет нам знахарку! — сухо велел сотник. — Быстро!

— Акулька, веди господ к Фёкле! — заорал староста, вновь окунаясь в свою стихию. — Викул, двух коров гони в деревню! Быстро, быстро!

Деревня ожила... Из-за плетней, на ходу прихорашиваясь, появились молодки, и даже бабы постарше и пострашнее. Крестьяне метались довольно бестолково, но, удивляя Кирилла, дело своё делали. Восемь банек, оказавшихся в деревне на двадцать три дома, уже дымились, кипела вода, у дома старосты, самого большого в деревне, жарились на открытом огне костлявые коровы... Пожалел всё же, гадина, молодых... Ладно, с этим он потом разберётся!

— Лепота! — прошептал Михайло Турчин, опираясь на сруб колодца. — Воздух свежий, бабы вполне ничего... Мясом печёным, опять же, пахнет! Остаёмся, атаман?

— Да чего ты забыл в этих болотах? — как всегда, не почуяв иронии, проворчал Дмитро. — И воздух здесь дерьмом воняет, и бабы — сплошь страхолюдины. А пахнет не мясом печёным, а костями горелыми! Ты что, разницы не чуешь!

Запорожец, ухмыльнувшись, спрятал глаза, чтобы атаман не заметил издевки в его взоре. Впрочем, Дмитр был достаточно наивен и прямодушен. Вряд ли он заметил бы что-нибудь, даже если б казак и посмотрел ему прямо в глаза.

Они постояли ещё немного, перекидываясь ничего не значащими словами. Михайла, об этом знали оба, последние дни был в ватаге. Как только они достигнут рубежа Речи Посполитой, до которого — меньше дневного перехода осталось, запорожец намеревался покинуть отряд и направиться дом — на Сечь. Удерживать его Дмитр не хотел, а попытка уговорить нарвалась на удивлённый взгляд и совершенное непонимание Михайлы... Или, он сделал вид, что не понял причин, по которым атаман не хотел его отпускать...

Внезапно, по смуглому лицу казака скользнула улыбка. Скользнула, да сразу и упряталась в смолистые чёрные усы.

— Ты чего? — однако, заметил её Дмитр.

— Да нет, ничего! — Турчин равнодушно зевнул. — Так...

Его равнодушное «так» почти заглушил скрежет дерева — кто-то побеспокоил «журавль».

Обернувшийся Дмитр с изумлением и привычным смятением обнаружил рядом с собой девицу. Может быть, она была не слишком хороша собой, на взгляд Турчина — слишком худощава, но тем не менее...

— Исполать тебе, молодец! — нежным, с приятной хрипотцой голосом сказала девица. И принялась набирать воду.

Окаменевший атаман вроде бы пробормотал что-то вроде «и ты будь здорова», но его бормотание было настолько тихим, что девица ничего не услышала. Турчин за спиной Дмитра с превеликим трудом сохранял лицо спокойным и невозмутимым.

Девица, меж тем, набрала вёдра, однако поднимать их не торопилась.

— Помог бы что ли, воин! — в её голосе слышно было некоторое изумление. — Тяжёлые вёдра-то!

Дмитр, лицо которого исказила гримаса ужаса, попятился назад. Увы, но сзади, как раз на уровне его колен, из сруба выдавалось тонкое брёвнышко. Оно ударило атамана как раз под колени и он, неловко взмахнув руками, и выбросив вперёд свои кривые ноги, кулём рухнул на спину. Гулкий удар, как показалось Турчину, разнёсся на всю улицу. Ну, а уж последовавший за ним грохот опрокинутого ударом ноги ведра слышали точно все. На другом конце улицы — у дома старосты — обернулся удивлённый сотник. Стихли разговоры. Несколько казаков, не сразу понявших, что случилось, схватились за сабли...

— АТАМАН! — грянул на всю улицу злой голос сына боярского. — ЧТО ТАМ СЛУЧИЛОСЬ?!

Дмитр, уже пришедший в себя, хотя ещё смущённый и старательно отворачивающийся от изумлённого, вопрошающего взгляда девицы, в котором изумление постепенно сменялось

обидой, поспешно вскочил на ноги и, на ходу отряхиваясь, поспешил к сотнику.

— Что там случилось, Дмитро? — холодно взглянув на него, спросил Кирилл. — Я же приказал никого не обижать!

Дмитр начал было бормотать что-то в своё оправдание, всё ещё не до конца очнувшись от испуга. Холодный взгляд сотника пронзал его кишки насквозь.

— Да полно, полно! — замахал руками староста, видимо, стараясь ничем не осердить таких гостей. — Дело молодое, девка глупая... Мало ли, что!

— Ладно! — кивнул Кирилл, мрачным взглядом растерев атамана в порошок. — Дмитр! Возьми десяток своих хлопцев, у кого кони посвежее. Поедешь в Званицу, за кормом. ПЛАТИ ЗА ТО, ЧТО ВЗЯЛ, КАЗАК! Чтобы ты не натворил ещё каких-нибудь делов, с тобою поедет...

Он заколебался, взглядом отыскивая среди стоявших близко кого-нибудь из надёжных. Надёжных не было — загуляли. Вот разве что...

— Шагин! — рывкнул Кирилл так, что бедный его слуга подпрыгнул на завалинке, где сидел, прикрыв глаза и откинувшись на стену дома.

— Что?

— Не что, а иди сюда! Поедешь с атаманом Дмитром! Посмотришь, чтобы он за всё расплатился...

Обиженный Дмитр собирался очень быстро, но когда он и его десяток сели в сёдла, Шагин уже ждал их там. Удивительное дело, но он был совершенно обряжён для дела, даже шлем одел. Могучий татарский лук, способный пустить стрелу шагов на шестьсот-семьсот, он держал в руке, тетива была натянута, длинная стрела с тяжёлым стальным наконечником — наложена.

— Ты чего, на бой идёшь? — удивился Дмитр.

— Кысмет! — пожал плечами Шагин. — Судьба по-татарски! Ты знаешь разве, что нас ждёт в Званице? И я не знаю! И никто не знает — только Бог! Вот и выходит, что лучше всего — подстраховаться!

Дмитр, впрочем, как и все казаки его десятка, ни бронь, ни шлем не одел. Саблю, правда, как и пистолы — взял. Ну, так куда уж без них нынче сунешься? Того и гляди, головы лишишься...

— Ну чего, атаман, поехали? — поинтересовался Шагин, удобно устраиваясь в седле. — Время теряем...

— Поехали! — буркнул Дмитр. — Только ты запомни: мои люди только мне подчиняются! Ты можешь быть каким угодно пристальным ОКОМ, но я — атаман!

— Поехали, Атаман! — усмехнулся Шагин. — Не буду я тебе мешать, не бойся...

Дмитр хотел было возразить сердито, что он и не боится, всё равно у татарина ничего не получится... Но, уткнувшись взглядом в спину, предпочёл оставить свои мысли при себе. Похоже, Шагина эти мысли совершенно не волновали...

Так — лишь изредка и по большой нужде перебрасываясь парой слов, они проехали побольше полутора вёрст. Мрачный лес по правую руку вселял ещё более мрачные мысли и Шагин отметил про себя — большинство казаков, то ли следуя его примеру, то ли по собственной воле взяли в руки оружие. Так, на всякий случай... так спокойнее будет!

— Слышь, татарин! — окликнул его вдруг Дмитр. — Ты нашего сотника давно ль знаешь?

— С рождения! — коротко ответил Шагин, не намереваясь распространяться слишком

уж сильно.

— Вона как... с рождения! — протянул казак. — А он что, всегда такой... упрямый? Ну, прости Господи, как баран! Все уже измотались, ляхи те как сквозь землю провалились, а он всё дальше и дальше прёт! Уж и граница скоро... Мы же не станем переходить границу с ляхами?

Шагин молча пожал плечами. Он и сам не раз задавал себе, а пару раз и Кирилл такой вопрос. Ответа от господина не последовало. Впрочем, сам Шагин полагал, что можно было бы и через рубеж перейти, если это принесёт пользу. В конце концов, не каждый день простого сотника отправляет на Дело сам царь.

Отряд добрался до окраины леса, когда конь Шагина вдруг споткнулся и захромал. Спрыгнувший татарин обследовал копыто и даже сплюнул с досады — в подкове, давя на копыто, сидел камень, да так крепко засевший, что не сразу и вытащишь. Наверняка он и причиняет коню боль!

— Вот ведь... — выругался Шагин. — Езжайте! Я сейчас!

Устроившись поудобнее, он принялся осторожно, чтобы не потревожить коня, выковыривать камень специально для этого припасённым ножичком. Конь, прекрасно обученный, стоял как вкопанный. Он даже не вздрогнул, когда относительную тишину нарушили выстрелы... Выстрелы?!

Шагин резко вскочил на ноги, а спустя мгновение был уже в седле. Его лицо перекосилось, напряжённо вслушиваясь в выстрелы, он пустил коня к мыску деревьев, разделявших поле на две части. Туда, за мысок, уехали казаки. Оттуда, из-за мыска, гремели выстрелы ручниц...

Конь остался ждать за деревьями, а сам Шагин, укрывшись за зеленью, скользнул через мысок. Он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть опустевшие сёдла коней и шестерых казаков, которых уже вязали. Похоже было, что ни Дмитр, чья светлая голова была хорошо заметна, ни его казачки не успели даже оказать сопротивление. Четверым же казакам этот бой стал последним — их тела так и оставили валяться в чистом поле.

Шагин ещё разглядел, кто взял в плен казаков, и то, что он увидел, ему не слишком понравилось. Поляки! Около десятка всадников в украшенных маленькими рожками, по последней польской моде, шапках, в кунтушах, роскошных, как у царей, увешанные оружием. Когда же отряд направился к Званице, не слишком поспешая и совершенно не скрываясь, Шагин решил, что видел уже достаточно. Ужом проскользнув между деревьев, он вскочил в седло, и галопом погнался бедолагу-коня к деревне, где стоял их отряд.

Медленно, с видимой натугой проглотив целую ложку капусты, только-только отправленную в рот, пан Роман с некоторым обалдением окинул взором выстроившихся перед ним людей. Десять человек едва-едва набились в небольшую горницу, но в дверях и в окнах торчало ещё немало казаков, ляхов, да и деревенских. Было на что посмотреть! Вернее, на кого... Семеро московитов-казаков, все — раненные, избитые, длинной цепочкой перегородили горницу. Гордый, выпятивший все три подбородка и пузо вперёд, раздувший и без того толстые щёки, пан Анджей гоголем встал перед ними.

— Стало быть, вот, пан Роман! — гордо сообщил он. — Пленные!

— Какие пленные, пан Анджей? — тихо, безнадежно спросил пан Роман. — Мы же не на войне!

— То так! — согласился пан. — Однако эти — ехали к нам, в Званицу! Не иначе, вражеские разведчики!

— Сам ты... вражеский разведчик! — сплюнув кровь и крошево передних зубов, сердито возразил голубоглазый и белокурый казак, одетый чуть богаче остальных. — Сволочь польская... Латынянин!

Поляки взбеленились и немедленно возжелали крови, но их всё же было гораздо меньше, чем русских и украинцев. А те на оскорбление никак не отреагировали.

— Ты кто такой смелый? — удивился пан Роман. — Как зовут, казак? Откуда ты?

— Зовут меня зовуткой, величают уткой! — сердито брякнул казак. — Родом я с села из-под Рязани, из сельца Коломасова, а ныне я есть волжский вольный казак!

— Ну, ладно, волжский вольный казак Зовутка! — усмехнулся пан Роман. — Сколько вас? Здесь — все? И что ты здесь делаешь, ВОЛЖСКИЙ казак?

— Что надо, то и делаю! — сурово оборвал его казак. — И не смей меня Зовуткой кликать! Я — атаман Дмитр Олень, а ты кто?!

— Вот я точно помню, как меня звать! — ещё шире улыбнулся пан Роман. — Я — Роман Смородинский, польский шляхтич и confident князя Константина Вишневецкого. Слышал про такого?

— Слышал! — весело согласился атаман Дмитр. — А я — воин царя-государя Василия! Слышал про такого?

— Не слышал! — равнодушно обронил пан Роман. — А что это за овощ — царь Василий? Я думал, у вас правит Государь Дмитрий Иванович!

— Ну... — замялся Дмитр. — Мы его ринули, да нового царя выбрали!

— «Мы»! — передразнил пан Анджей. — Тоже мне, выборщики! Быдло...

— Ладно, царя вы «ринули»! — грустно усмехнулся пан Роман. — А что здесь делаете? Тут — рубеж Речи Посполитой!

— Но мы ещё на своей земле! — вспыхнул Дмитр. — А ты, лях поганый, ещё поплатишься за то, что убил моих братьев на нашей земле! Вот погоди, наши подспеют, так тебе небо с овчинку покажется!

— Я не лях, а православный казак! — спокойно возразил пан Роман. — Впрочем... Так значит, ты не один?

— Так значит так! — решительно подтвердил Дмитр. — Нас много и ты разумно сделаешь, если немедленно отпустишь меня и моих людей!

Тут за спиной Дмитра зашевелились, и внутрь протиснулась молодая и очень красивая женщина. У Дмитра, когда он увидел её, аж сердце заколохнуло. Впрочем, он быстро напомнил себе, что вожделеть к чужой женщине — смертный грех... И, как всегда, ему полегчало.

— Госпожа моя... — вскочив на ноги, пан Роман коротко поклонился ей.

— Кто эти люди, пан Роман? — тихим, мелодичным голосом спросила она.

— Эти-то? — почему-то нервно переспросил пан Роман. — Ну...

— Мы — государевы люди, госпожа! — за него ответил Дмитр. — Этот изменщик убил четырёх моих людей, захватил нас... Если ты, госпожа, русская...

— Ай, витязь! — захохотал рыжеусый казак от дверей. — Не позорь казаков, атаман! За бабью юбку спрятаться хочешь?!

— А вот давай, переведаемся! — выпятив давно не бритый подбородок вперёд, предложил Дмитр. — Вы мне только саблю мою верните!

— Может, тебе ещё и пистолы заряженные? — очень дружелюбно предложил казак. — А впрочем, я готов с тобой переведаваться! Если ты очень хочешь!

— Уймись, Оглобля! — рявкнул, внезапно осерчав, пан Роман. — Госпожа моя... Ты что-то хочешь мне сказать?

— Отпусти этих людей, пан Роман! — тихо попросила та. — Они — русские, а я не хочу более слышать, что ты проливаешь русскую кровь!

— Но я всё равно проливаю её! — вздохнул пан Роман. — Я не могу отпустить их... Они видели нас, знают, как нас мало... Нет! Они наведут на нас погоню... Ведь этот вол белобрысый — он из погони за нами! И я далеко не уверен, что с тобой... С ТОБОЙ, госпожа моя!.. будут обращаться так, как положено. Скорее уж даже то, что ты — боярыня, дела не изменит совершенно!

— Но... — начала, было, Татьяна.

— Нет! — коротко и решительно сказал пан Роман. И это был первый раз, когда он ей отказал...

Вся его решимость, однако, начала испаряться, когда он увидел слёзы, застывшие на глазах Татьяны. И если б не Зарина...

Но служанка, сумевшая, наконец, пробиться сквозь не желавших расступаться казаков, оправившая враз сбившуюся рубаху и сердито сверкающая глазами, внезапно поддержала пана Романа... Или не внезапно?

— Господин прав! — сурово сказала она. — Я бы перевешала их, чтобы другим было неповадно... но нас слишком мало, а москвиты могут осерчать. Надо уходить!

— Надо! — неожиданно легко согласился с ней пан Роман. — Но невозможно. Кони устали, даже люди валяются с ног... Мы всё равно не уйдём! А здесь всё же есть где обороняться. Мы останемся до утра... если ничего не случится!

— Надо готовиться к обороне! — подумав, согласился пан Анджей. — Чур, мои хлопаки берут на себя северную окраину!

— Хорошо! — неожиданно легко согласился пан Роман. — Но вот дальше... дальше решать будем вдвоём. Гуляйте, други! И запирайте где-нибудь этих!

Его палец с обкусанным под корень ногтём указывал на казаков. Их быстренько подхватили под белые руки и, не забыв по ходу дела снабдить тумачами — для ускорения, погнались прочь. Уже спустя несколько минут, внутри оказалось только четверо человек: паны и их оруженосцы.

— Я вот что думаю, пан Анджей! — задумчиво протянул пан Роман. — Если... я повторяю: если москвиты ударят именно с северной стороны, у нас будет небольшой шанс. Их больше, но на узкой улочке это не так важно. К тому же, мы сразу же обратимся в бегство...

— Чего?! — взвился пан Анджей. — Да я... Да мы... Да лучше славная смерть в бою чем пуля, засевшая в заднице! Согласно древним свиткам, античные герои никогда не бегали. И тяжёлая конница в деревне бесполезна! Мы их тут всех уложим!!!

— Пан Анджей! — тяжело вздохнув, мягко, как душевнобольному, сказал ему пан Роман. — Мы не в твоей любимой Греции. И потом, не верю я, что греки были так уж непобедимы и никогда не бегали. Было б так, под Троей не торчали бы ажно десять лет! Ну и главное: я не собираюсь убежать. Как раз по той же причине, что и ты: пуля в спине сильнее болит! Ты и твои «античные» герои должны будут только заманить москвитов вглубь села. Ну, а уж тут Я постараюсь. Я, и мои казачки с гранатами...

— Ах, вот оно как... — промычал пан Анджей, сразу добрея. — Ну, если так... Не почему это мои ребята побегут?! Давай, лучше твои!

— Пан Анджей! — ещё раз вздохнув, уже раздражённо сказал пан Роман. — Твоих меньше, а потом — дело ответственное, требующее твёрдой руки, железной дисциплины и умелого руководства! Не хочешь ли ты сказать, что не обладаешь такими качествами?

Смущённый пан Анджей вынужден был признать:

— Обладаю, конечно! Мне ещё гетман Жолкевский говорил, мол, силён, ты Анджей, глотку драть. На другом конце поля слышно... Куда ж нам, витязям, без глотки лужёной! Эхма...

Пан Роман с трудом сдержал улыбку. Гетман Жолкевский ведь ещё кое-что добавил... Про глотку пана Анджея и его умственные способности. Ещё бы не добавил — после того, как пан Анджей оглушительно громко поддержал его решение, стоя прямо за плечом. По слухам, гетман потом всегда вздрагивал, только услышав пана Анджея, а уж рядом с собой не ставил никогда...

— Ну, вот и хорошо! Вот и ладно! — подвёл он итог, устраиваясь поудобнее перед миской, полной тушёной капусты с курятиной. — Тогда, пан Анджей, ты иди пока... на северную окраину. А я — поем. Как москвиты появятся — зови!

Возмущённо на него уставившись, пан Анджей вышел, что-то бормоча себе под нос. Громко, оглушительно, впечаталась в косяк дверь.

Оглядев из-под ладони открывавшийся перед ним вид, Кирилл тяжело вздохнул.

— Ты уверен, что они поехали сюда, Шагин? — мрачно спросил он.

— Уверен! — решительно кивнул Шагин. — Здесь они, господин!

...Шагин примчался в деревню на взмыленном коне, сам весь в мыле, растрёпанный. И сразу поднял сотню. Кириллу даже пришлось наорать на воинов, которые собирались без подготовки бросаться на выручку товарищей. Полчаса — сказал он — дела не решат. Казаки послушали его с большим трудом, и только когда на сторону сотника встал самый авторитетный из них, Михайло Турчин. Турчин же возглавил казаков до возвращения Дмитра из плена...

Полчаса обратились в час, но зато теперь Кирилл был уверен в успехе. Его сотня разделилась на два отряда: конница готовилась войти в село с северной стороны, по дороге; стрельцы Павла Громыхало скрытно вышли на восточную окраину села и огородами пробирались к центру. Вот-то будет сюрприз ляхам, когда они ударят по ним из самого сердца Званицы!

Что в селе ляхи, утверждал Шагин. Он-де видел их и узнал по одеждам. Кирилл ему, конечно, верил, но всё же сомнение где-то в глубине души сидело. Откуда здесь взяты ляхам? Если только... Если только эти ляхи — часть отряда ненавистного литвина, пана Смородинского! Ну, тогда им, наконец, повезло!

— Смотри, сотник! Вот они, ляхи! — радостно закричал Прокоп. — Не ошибся Шагин ляхи!!!

Ляхи — около полудюжины всадников, горячили своих коней на самой окраине. Вот над ними взвилось несколько дымков, потом до москвитов донёсся звук выстрелов и где-то в отдалении вжикнули пули. Расстояние, впрочем, было слишком большим. Кирилл и не подумал оберегаться.

— Вперёд! — заорал он, одним быстрым движением обнажив саблю. — Бей ляхов!

Боевой клич восстания в Москве, был подхвачен сразу и с большим воодушевлением.

— Бей ляхов!!! — и семь десятков всадников пустили своих коней сразу рысью, постепенно переводя их на галоп. Земля содрогнулась и уже не успокоилась, пропуская по себе тяжёлую лаву, остановить которую почти что невозможно...

Всадники ляхов на краю села повели себя странно. Их было заведомо меньше, чем русских, но никто и не подумал бежать. Грохнуло ещё несколько выстрелов, от которых никто не пострадал, а потом толстый коротышка, нелепо выглядывший на огромном першероне, да ещё с кончаром в половину своего роста в вздетой руке, что-то прокричал. Его воины ответили оглушительным рёвом... только ляхи способны вдесятером перекричать целый майдан... или сотню. Расстояние до них сокращалось с катастрофической скоростью. Катастрофической для ляхов, ибо каждый удар копыт русских коней о землю сокращал время, отведённое ляхам для бегства.

— Москва! — зарычал Прокоп, уронив руку с саблей вдоль туловища — нагнетая кровь для удара. — Бей ляхов!!!

До столкновения оставалось сорок шагов. Тридцать... Двадцать... Ляхи внезапно не выдержали и в панике, чуть ли не сталкиваясь друг с другом, завернули коней. Последовал ещё один неприцельный залп из пистолей и они, с места погнав коней в галоп, ринулись

вглубь села.

— Бей!!! — заорал Кирилл и уже привстал в стременах, вознамерившись рубануть скачущего последним ляха, рослого и худого. Его спина, только его спина занимала сейчас сотника, и он уже представил себе, как рубанёт, как вскинется, как закричит лях... Сотня, вся конница, на хорошей рыси втянулась в село, и двое ляхов уже упали от метких выстрелов казаков и ратников...

Слитный залп из-за плетней застал Кирилла врасплох. На краткий миг он растерялся, но и этого мига хватило засаде, чтобы сделать ещё один залп и за спиной сотника закричали раненые люди. Одного взгляда хватило, чтобы понять — сзади уже месиво. И убитых, и раненных достаточно много, конница смешала ряды и для атаки уже непригодна.

И снова он опоздал. Рослые молодцы выросли вдруг из-за плетней и в руках их были чёрные шары. Они метнули эти шары и среди улицы громыхнули четыре взрыва.

Кирилл уже не оглядывался — он не первый раз был в бою и понимал, догадывался, что за спиной — смерть и разгром. Вместо этого, он бросил коня вперёд и один из метателей гранат, не успев укрыться, с отчаянным воплем схватился за рассечённое лицо. Упал он уже мёртвым — рану, нанесённую саблей сотника, не залечил бы самый лучший лекарь.

За спиной сотника затрещали выстрелы — оставшиеся в живых ратники били по плетням, не давая врагу высунуться. Их всё ещё было много, больше, чем врагов и в этом был единственный шанс... А второй шанс должен был вот-вот появиться из-за огородов. Стрельцы Павла Громыхало что-то задерживались!

— Спешиться! — заорал Кирилл. — Бей их! Москва!

Яростный крик десятков плоток заставил вздрогнуть его самого. Похоже, выжило несколько больше, чем он ожидал...

Натиск московитов был яростен. Прямо из седел, они прыгали через плетень, и вскоре там уже шла рубка. Ляхов — и украинских казаков, оказалось не слишком много, и теперь они медленно отступали, теряя своих, к центру села. Ещё дважды в общем шуме боя раздавались резкие, оглушительные взрывы — ляхи кидали гранаты. Ещё одна граната со свистом врезалась в лоб одному из ратников Кирилла. Не взорвалась, однако, хотя фитиль догорел до конца.

— Вперёд! — криком подогнал Кирилл воинов, мельком отметив, что бросок всё же был не бесполезен и его ратник упал лицом вниз, с раскрытой тяжёлым ядрышком головой. — Вперёд!

Он на миг обернулся, а когда развернулся лицом обратно, в сторону врага, прямо в лицо ему летела граната. Опешив, Кирилл даже не понял, зачем отмахнулся кулаком. Левая рука словно бы сама выбросилась вперёд, и чугунный шарик с дымящимся фитилем врезался точно в кулак. Рука онемела, отшибленная, но и граната отлетела в сторону и взорвалась в ветвях яблони, что раскинула ветви в пяти шагах от сотника...

Взрыв был всё же очень громок, и Кирилла оглушило. Пока он тряс головой и вычищал из глаз и рта землю и щепу, в бою произошли давно ожидаемые изменения. Слитный залп тридцати пищалей смёл защиту противника, а потом десятки стрельцов, сохраняя боевой порядок, появились из-за домов. Пищали свои они уже закинули за спины, а в руках стрельцов сверкали жутковатыми лезвиями бердыши. И даже самые решительные поединщики знали — снаряжённый бердышами строй стрельцов в рукопашном бою непобедим. Ну не с саблей же, впрямь, на них бросаться! Бой был закончен на этом. Некоторое, небольшое количество ляхов и казаков обратилось в бегство. В последних рядах

отступающих шёл рослый, в дорогом доспехе, воин. Трех он успел сразить прежде, чем отступил. Стрельцы преследовали их неотступно, но в какой-то момент нарвались на слитный залп, сбились с шага... А там враги добежали до коней и были таковы. Ринувшаяся в погоню конница тоже потеряла время, разбирая завал из полудюжины телег, поваленных на бок и так прочно перегородивших улицу, что на то, чтобы раздвинуть их и пропустить конницу, потребовалось почти четверть часа. Четверть часа! На протяжении всего этого времени казаки бесновались и рванулись вперёд, когда проход был достаточен всего лишь для одного всадника. Но даже такая быстрота не принесла плодов. Провожаемые частыми залпами стрельцов, теряя людей, ляхи всё же вырвались из кольца. Соваться в лес сразу за ними, хотя на этом настаивали казаки, Кирилл не рискнул.

— Дмитр с хлопцами, даже если он всё ещё в плену, а не в погребе где-то сидит, — сказал он ходокам от казаков, — вряд ли порадуетя, видя гибель нашу! А ляхи вполне могут устроить ещё одну засаду. Потери и так велики...

Потери и впрямь были велики. Особенно пострадали как раз казаки — среди них почти никто не имел доспехов, и пули ляхов, а особенно новое, подлое оружие, которым они воспользовались, нанесли им немалый урон. Восемнадцать убитых, ещё почти двадцать человек раненных, из которых лишь половина может сражаться, а остальным сейчас предстоит главный бой в жизни — со смертью...

Меньше всего пострадали стрельцы. У них было всего пятеро убитых, да ещё четверо были оглушены взрывом гранаты. Сам полусотник Павло Громыхало, хоть и качал головой, возмущаясь, новым оружием ляхов заинтересовался очень и очень... тем более три гранаты, не разорвавшиеся, были ему предоставлены.

— Хорошая штука! — пробормотал стрелец, разглядывая их. — Ишь, как разят! Ну, поглядим, поглядим... Может, чего и придумаем, чтобы не только у ляхов они были... Ты, сотник, что надумал?

— Переждём! — спокойно ответил Кирилл. — Не время сейчас на рожон лезть. Да и у ляхов потери немалые. Далеко не уйдут!

Лагерь на опушке леса больше всего напоминал лазарет ^[18]или лечебницу. Из двадцати семи боеспособных воинов, которые этот бой начали, закончило его всего-то пятнадцать, да ещё двое раненных были оставлены в тылу ранее. Татьяна, Зарина, мессир Иоганн сбились с ног, пытаясь объять необъятное, но количество раненных значительно превышало не только число «лекарей», но и количество чистых тряпок, идущих на бинты... Ранены были практически все, сам пан Роман не уберётся от сабельного удара, теперь щеголяя длинной, от виска до подбородка, царапиной на левой щеке. Пану Анджею повезло чуть меньше, и он схлопотал рукоятью бердыша в глаз. Глаз, хотя на него почти сразу наложили свинец, заплыл, почти не видел и пан Анджей ругался самым чёрным образом, пытаясь раскрыть его пошире... Больно!

Впрочем, сейчас поднять настроение воинов не могли даже его шуточки. Отряд словно бы погрузился в дрему. Казаки и шляхтичи сидели, тупо глядя перед собой и даже не пытаясь заговорить. Оружие — сабли, ручницы и пистолы, лежали рядом, но их никто не чистил. Не слышно было обычных в таких случаях шуточек, никто не похвалялся молодецкими ударами... Они поставили на этот бой всё, они великолепно сражались и имели все шансы победить... Господь и Дева Мария отвернулись от них. Московиты взяли верх, буквально завалив улицы трупами людей и коней, а ударивший в спину отряд стрельцов dokonчил дело.

Даже и сам воздух на опушке переменялся с тех пор, как здесь показались первые беглецы. Свежий, ароматный запах хвойного леса внезапно наполнился запахом крови, пороховой вонью, в нём витали стоны и крики, ругань и плач — мессир Иоганн лютовал, безжалостно и быстро вправляя вышибленные конечности, зашивая раны. И у него, увы, не было обезболивающего — обоз, в котором находился и бочонок с гданьской водкой, остался в селе — преграждать дорогу преследователям. Впрочем, там была не только водка... Припас боевой и запас еды, одежда, утварь... всё осталось в Званице! Спасти — ценой беспримерного героизма — удалось бочонок с жалованьем — почти пуд серебра, да сундучок государя, который на скаку сорвал с заводного коня отчаюга Марек. Чуть не надорвался! Пан Роман за этот подвиг его прилюдно расцеловал и окончательно простил... Впрочем, самого Марекка это не слишком взволновало. Яцек, раненный Яцек, с которым Марек вновь был очень дружен, в бегстве разбередил себе рану и едва дотерпел до привала. Теперь он тихонько постанывал, удобно устроенный Марекком и Зариной на свежих, только что срубленных еловых лапах. Правда, мессир Иоганн счёл, что опасности для жизни Яцека нет... Но Марек, а особенно — Зарина, запретили ему шевелиться даже по нужде. Вот Яцек и стонал... еле сдерживаясь уже. Стонал, а сам — с завистью — поглядывал на то, как Марек, плечом к плечу с Зариной, рубил сухостоину — на дрова. Госпожа Татьяна что-то там варганила в котле... кажется, делала похлёбку. Размер котелка и количество того, что госпожа высыпала в него, наводили на грустную мысль, что еда достанется только раненным... Тут Яцек вспомнил, что он сам — раненный, и настроение его резко пошло вверх... и снова упало, когда он увидел, что Марек обнимает Зарину за талию... и снова пошло вверх, когда оглушительная пощёчина заставила всех, кто её услышал, поднять голову... Марек, левая щека которого напоминала по цвету маковый лепесток, а ухо распухло в размере вдвое, как ни в чём не бывало продолжил работу...

Тяжко вздохнув, Яцек вновь ему позавидовал. Во-первых, тому, как легко Марек

переносит неудачи. Вон, получил по морде, а опять уже весело балаболит чего-то там! А Зарина, которая только что приложила Марека по морде, если и не хохочет по своему обыкновению — заливисто и звонко, то уже улыбается и даже хихикнула пару раз. Вон, даже пан Роман оторвался от разговора с паном Анджеем...

Меж тем, паны, а с ними верные и неизменные советники — Кирилл Оглобля, да Андрей Головня, да Людвик-пушкарь, пусть его и пришлось нести на носилках, устроились под раскидистой, низенькой елью и негромко обсуждали состояние дел. По правде говоря, не только негромко, но и невесело.

— ... Зарядов по полдюжины на рушницу осталось — так и счастье! — тихо говорил Клим Оглобля, крутя свой длинный, вислый ус. — Порох-то, тот самый, жидовский, мы выдернуть не успели из возов... слишком всё быстро было! Теперь-то вот так подумаешь, а ведь надо было не так поступать! Надо было по-другому засаду готовить... Извини, пан Роман!

— Да что там, прав ты! — безнадёжно махнул рукой тот. — Плохой из меня командир, коль так неудачно всё повернулось. Не просчитал, не подумал, что, может, бежать придётся внезапно и быстро. Всего-то и делов: перегрузить самое важное на один воз, да загодя в лес отправить. Как женщин и раненных отравили!

— Э, да ты что говоришь?! — внезапно возмутился пан Анджей. — Никто, пусть даже сплошь герои античные, грецкие там, аль римские, не могут против пятикратного врага устоять, и живы остаться. Был у греков князь... магнат, вроде пана Вишневецкого или гетмана Жолкевского. Леоном ^[19]звали. Вот, один раз, на его город пошли варвары... ну, там, как татары на нас! Тыщ сто, а то и поболее! Кажется, их персами звали, но я не помню. Вот!.. Этому пану Леону, ну прям как нашему пану Адаму, его шляхтичи не дали ратников, и он пошёл против врага только со своими конфидентами, а было их — триста! Ну, правда, один дурак-жид клялся, что лично читал: их было шесть тысяч, а то и больше, но остальные сдались. А он не пожелал сдаваться и сражался именно этим отрядом. Ну, вот. Этот пан занял своим отрядом узкий проход и сражался в нём долго-долго... пока не погиб! Я это к тому говорю, что ты всё правильно сделал. Видишь, можно ведь использовать узину для уничтожения врага!

Пан Анджей ещё много знал таких и подобных историй, так что пан Роман, хоть и скривился, кивнул поспешно. С его приятеля станется, если он заспорит, рассказывать дальше... пока язык не сотрётся до кости! Или у пана Анджея он без костей?!

— Мы здесь обсуждаем, как дальше быть! — после долгого молчания, сказал он. — Увы, история нам здесь не поможет...

— А что тут обсуждать? — удивился Андрей. — Домой надо! И поскорее!

— Поскорее не получится! — вздохнул Клим Оглобля. — У нас раненных много! Их же не бросать! А с ними — поскорее не получится. Вон, посмотри на Людвика! А он, между тем, не самый болезный!

— И правда! — нехотя признал Андрей. — Так что же делать?! Боя мы не выдержим! И вряд ли тот москвит будет брать нас живьём. Мы его людей тоже порядком покروшили! Будь я на месте того сотника, перевешал бы всех, кто случаем в плен попадётся, ещё до того, как засохнет кровь на саблях!

— Не, я б лучше на колья посадил! — со вкусом возразил пан Анджей. — А ты как думаешь, пан Роман?

— Я думаю, не след так шутить! — коротко ответил тот, взглядом указав на

побледневшую Татьяну. — Мне показалось, тот сотник, москвит — благородных кровей. К тому же, у нас есть кое-что получше зарядов к ручницам!

— Ты о пленниках?! — ожил пан Анджей. — А вот это — и впрямь дело! Слышь, Клим... Ты что, Клим?!

Клим Оглобля первым почувал, что дело нечисто. Но даже он ничего не мог поделать — люди в чёрном, с обнажёнными саблями и готовыми к стрельбе пищалями возникли, словно из-под земли. Нельзя было и помыслить о сопротивлении — в то время как часть этих людей, жутко напоминающих тех, кого казаки и ляхи разили у постоялого двора шинкаря Мойши, рассыпалась по всему биваку, около двух десятков, готовые применить своё оружие, замерли над ранеными.

— Бросьте оружие! — прогремел густой, злой голос словно бы со всех сторон. — Ну, быстро! У вас нет ни единого шанса! А если б и был, знайте, что первыми умрут ваши друзья! Пожалейте их... ведь они не могут сопротивляться!

Пан Роман, напряжённый, злой, первым бросил кончар. Что тут говорить — проспали...

— Непохоже, что это — москвиты! — процедил сквозь зубы пан Анджей, последовав его примеру.

— Да, это — люди Ворона! — мрачно сказал пан Роман, словно бы невзначай заступая дорогу направившемуся к Татьяне шишу [\[20\]](#). — Ну, мы ещё не померши!

— Всё впереди! — согласился с ним пан Анджей...

— Лежи ты, дурень! — сердитым шёпотом рывкнула Зарина, всем телом навалившись на Марека. — Сам погибнешь и никого не спасёшь! Ну, лежи! Пожалуйста, Марек!

Последняя просьба, почти мольба, вкупе с мягкой грудью, прижавшейся к спине Марека, на время подействовала, отрок затих. Скрежет зубовный, впрочем, слышен был за несколько шагов... Лежащий рядом Яцек покрылся холодным потом, когда кто-то из разбойников прошёл в нескольких шагах.

Им сказочно повезло — разбойники не заходили с этого конца, а потом не заметили их, укрывшихся под повисшими до земли густыми ветвями ели. Здесь было почти темно и почти ничего не видно. Любой мог найти их — достаточно было приподнять ветви... Да ещё скрежетал зубами Марек.

В конце концов, Зарина отчаялась. Резко рванувшись вперёд, она поцелуем запечатала ему уста. Яцек с трудом сдержался, чтобы не заскрежетать зубами самому. Проклятье на голову мерзкого везунчика! Чтоб его корочун хватил! Чтобы... Да что ж это такое?!

Как раз в этот момент, разошедшийся Марек принялся лапать Зарину за всякие места, а та, занятая борьбой за тишину, да и увлечшаяся поцелуем, не тратила время на то, чтобы обратять нахала. Наконец, разбойник ушёл. Зарина медленно, медленнее, чем хотелось бы Яцеку, отвалилась от наполовину задохнувшегося Марека.

— ...Но если ты хотя бы ещё раз лапнешь меня за что-нибудь, за задницу, например, я тебя убью! — с тихим бешенством, через край перехлёстывавшим, сказала она. — Вот тебе крест, убью!

— Да ты ж сама начала! — возмутился Марек.

— Сама начала, сама и прикончу! — отрезала Зарина. — Лежи тихо!

— Их выручать надо! — опять начал ерепениться мальчишка... вполне возможно, рассчитывая на очередной поцелуй. На его беду, разбойники, все как один, отсюда ушли, и Зарина предпочла другие способы убеждения. Не такие приятные.

Удар маленьким, но крепким кулачком под ребро, и Марек враз понял всю свою неправоту. Второй удар — под дых, и он уже не может говорить.

— Надо выручать! — согласилась Зарина, добившись тишины и покорности. — Но много ты навyrучаешь, если погибнешь в первые мгновения! Их тут почти что сотня, а нас — два с половиной, если даже считать раненного Яцека за половину!

— Это почему это?! — тут уж Яцек взъерепенился. — Я что, не мужчина?! Да я даже встать могу!

Яцека — вот беда — держали оба. И Зарина, хоть и утверждала, что относится к ним одинаково, даже не подумала зажимать ему рот поцелуем. Яцек совсем расстроился...

А разбойники, закончив вязать их друзей, собирать вещи, не спеша выступили в поход. Похоже было, что они чувствуют себя полными хозяевами в этом лесу и не собираются кого-то здесь бояться или хотя бы опасаться. Вот теперь можно было и выбираться... и вообще, следовало поспешить!

— Яцек, ты и впрямь можешь ходить? — спросила Зарина, что-то задумавшая.

— Могу, конечно! — обиделся Яцек и в доказательство даже подпрыгнул. Рана в спине отозвалась острой болью, но он и впрямь не свалился и даже не особенно перекоксился...

— Так... — Зарина задумалась. — Конечно, правильнее было бы Марека отправить

следом за ними. Но ему я не верю! Он — неблагоразумен и вполне может всё испортить. А нам надо всего лишь проследить, куда они денутся! Вот ты и проследишь!.. Яцек, сегодня в полночь мы встречаемся на этой поляне. Мы — и ты! Ты не можешь заблудиться, попасться в плен или тем более погибнуть! Ты даже опоздать не имеешь права! Жди нас здесь, как только сможешь вернуться. А всё, что ты должен сделать — проследить за ними до их лагеря! Не выручать наших, даже если их будут бить и пытаться... мы потом поквитаемся... не лезть на рожон — проследить, Яцек! Ты понял, что это — всё?

— Понял я, понял! — сказал Яцек. — Дай мне хоть один пистоль, Марек! У меня ж только кинжал...

— Добрый кинжал! — ухмыльнулся Марек, даже на рубку дров обрядившийся как на войну и сейчас щеголявший целым арсеналом за поясом. — Не, не дам... Лишний он тебе! Упадёшь, он выстрелит — тебя обнаружат! Или — вдруг в голову взбредёт...

Марек вдруг осёкся, опустил взгляд и молча вытащил пистоль, протянул его Яцеку.

Довольный Яцек тоже без слов засунул его за пояс...

— Ну, мы пошли! — сказала Зарина, чувствовавшая себя неловко. — Ты тут не скучай, Яцек!

— Ага, не скучай! — ухмыльнулся Марек. — Да ему не дадут соскучиться! Тут — волки, змеи опять же... Не соскучится!

Яцек стиснул зубы и сдержался. Марек, подлец, знал, куда бил! Он всегда жутко боялся змей... волков... нетопырей... пауков... гусениц... Ну, много чего ещё! Всё и не перечислишь!

Он проявил невиданное мужество — продержался без истерики, пока Зарина и Марек не скрылись среди деревьев. Увы, это заняло гораздо меньше времени, чем ожидал Яцек. Ему даже показалось, что они намеренно спешили оставить его одного. Ну и ладно, коль так! Он не боится!

Не бояться оказалось гораздо труднее, чем предполагал Яцек. Почти сразу, просто развернувшись, он чуть не наступил на змею. С трудом сдержав вопль, он всмотрелся... Змея при ближайшем рассмотрении оказалась корягой, изумительно под змею замаскировавшейся. Но зато с дальнего конца леса на Яцека пристально и неотрывно смотрели два жёлтых глаза. Кажется, они даже моргали... Из груди Яцека вырвалось рыдание. Он крепко, до боли в пальцах, сжал пистоль и кинжал. Да, так оно спокойнее будет!

— Вперёд, Польша! — прошептал Яцек надтреснутым от ужаса голосом. — Ещё Польша не погибла!

Польша-то, может, и не погибла. А вот Яцек был близок к гибели — он был в этом убеждён. И ещё трижды на пути его оказывались змеи, оборачивающиеся корягами, и со всех сторон на него, очень пристально смотрели полные злобы глаза — жёлтые, красные, даже зелёные. И кто-то огромный и мохнатый шумно пролетел над самой головой. И ещё много чего случилось, прежде чем Яцек увидел хвост колонны, бредущей, казалось бы, без дороги, а приглядишься — по едва видной в траве колее. Он даже обрадовался, их увидев.

Разбойники шли не скрываясь и без опаски — даже дозора не выставили. Оружие — пищали, луки, несколько самопалов, были убраны — закинuty за плечи или зачехлены, сабли хранились в ножнах. В середине отряда — вот тут никто оружие далеко не убирал — шли пленные ляхи и казаки. Кажется, никто из них не погиб от руки разбойников. Но тут отряд свернул, открылся от головы до хвоста, и сердце Яцека облилось кровью, когда он

увидел понурого пана Анджея, даже похудевшего за этот час, который — пешком! — брёл, спотыкаясь, бок о бок с паном Романом. Вот пан Роман выглядел настоящим шляхтичем. Взгляд его блуждал где-то поверх голов разбойников, настрой явно указывал на несгибаемый характер и какой-то замысел. За ним следили сразу четверо, и никогда меньше двух человек не держало его на прицеле пицалей. Мол, смотри, пан! Коли что не так, мы тебя первого...

Дождавшись, пока последний разбойник укроется за поворотом, Яцек опять поспешил следом. Он не упустит их! Он будет похож на хорта — цепкого и неутомимого. И, когда он вернётся, даже Марек признает, что он достоин уважения! А Зарина...

Что там скажет Зарина, Яцек так и не придумал.

Зарина шла очень быстро и Марек, вознамерившийся наедине с ней сорвать ещё одни поцелуй, вынужден был тоже прибавить шаг, чтобы не отстать позорно. Удивительное дело, но татарка, которой вроде бы должны быть более привычны степные просторы, великолепно ориентировалась в лесу и ни разу не то что не споткнулась, но даже не уперлась в непроходимую преграду. Хотя лес был дремучим, поваленные неведомыми ураганами деревья попадались на пути часто. Марек, раз только вознамерившийся пойти своим путём и лихо перемахнуть через казавшийся надёжным ствол поваленной ели, внезапно потерял под рукой опору и с коротким воплем провалился в гнилушку, которой обернулся ствол. Зарина даже не засмеялась, хотя он, грязный, весь в гнилой древесной трухе, выглядел смешно.

— Некогда, Мариус! — сухо сказала она, нетерпеливо постукивая ладонью по стволу рябины, на которую опиралась. — Давай, поскорее очищайся!

Марек, оскорблённый в лучших чувствах, угрюмый, покорный, поплёлся следом. Труха, лишь местами счищенная до конца, сыпалась ему в следы, злые слёзы закипали на глазах...

— Зарина! — отчаянным голосом сказал Марек.

— Пошли, некогда болтать! — сердито возразила девушка. — Ну же, Марек! Ты что, не можешь ходить быстрее?

— Куда мы идём-то?! — рассердился и Марек. — Мы как будто возвращаемся в деревню!

Зарина резко остановилась и обернулась. Тёмные глаза её весело, насмешливо сверкнули.

— Надо же! — сказала она. — Догадался! Правильно... именно это мы и делаем. Мы возвращаемся в деревню, Марек!

— Так ведь... — поперхнулся Марек. — Так ведь там — москвиты! Они же нас...

— Они — может, и нет! — возразила Зарина. — Есть шанс договориться. А вот Ворог точно ничего хорошего господам не принесёт! Твой пан, он — воин, ему страшиться может только смерти. А вот моя госпожа, она — женщина. Для женщины есть кое-что похуже смерти.

— Ты говоришь... — задохнулся Марек. — Да нет! Не может быть! Он не посмеет! Да и пан Роман...

— Пан Роман вряд ли сможет сейчас защитить её честь! — резко оборвала его Зарина. — Так что я намереваюсь поспешить. Моя госпожа — московская боярыня, ей в помощи не откажут! Но ты можешь и не идти...

— Вот ещё! — возмутился Марек. — Что там ещё с тобой сделают без меня...

Зарина пристально посмотрела на него, показывая, насколько его слова впечатлили её.

— Защитник! — она процедила эти слова с предельным презрением в голосе. — Много ты сможешь сделать, один против сотни... Мы пришли!

Марек аж споткнулся и резко обернулся, хватаясь за саблю, с перекошенным лицом. Пугаться, впрочем, пока что было некого. Пустая дорога, деревня в двухстах шагах... ни одного москвиты!

— Ты можешь не пойти! — ещё раз напомнила Зарина. — В случае чего, дождёшься меня здесь. Вечером я или приду — с ратниками, или не приду. Тогда пойдёшь меня выручать!

— Я пойду с тобой! — твёрдо сказал Марек...

...Всю дорогу до села, Марек проклинал свои слова. Идти вот так, в плен или на смерть и не иметь ни малейшего шанса на спасение, было для Марека куда труднее. Он впервые признал, что может быть что-то страшнее, чем даже резаться в самом кровавом бою. Как назло, Зарина шла вперёд уверенно и не остановилась, даже когда из-за садов вылетела наёмом пятёрка конников.

— Казаки... — враз охрипшим голосом сообщил Марек то, что и так было ясно. — Зарина, там — казаки!

— А ты кого ждал? — удивлённо, надменно спросила та. — Гусар короля Жигимонта ?
[21] Так им здесь делать нечего! Казаки, конечно!.. Стой спокойно, не хватайся за оружие!

Она и сама остановилась. Мрачная, напряжённая... Спустя пару минут вокруг них забушевал вихрь. Впрочем, он быстро успокоился и один из казаков, рослый, узкоглазый бородач заорал, свешиваясь с седла:

— Кто такие?

— Я хочу говорить с сотником Кириллом! — резко и властно сказала Зарина. — Ну, что стоишь, борода?! Веди!

— Ишь ты, веди... — пробормотал тот. — С чего это я тебя к сотнику поведу? Ты и мне глянулась, краса! А потом, может ты — засыл! И нож где-нито прячешь! Ну-ка, молодцы!

Двое спешили... и схватились за сабли, внезапно узрев перед собой яростно оскалившегося Марека с обнажённой саблей в руке.

— Добрая сабля, Викул! — прорычал один из них. — А вот сейчас я её себе-то...

— Веди в деревню, Викул! — громко крикнула Зарина. — Ты хочешь испытать на себе гнев сотника?! Веди в деревню! А ты, Марек, убери саблю. Они нам не враги более. Марек!!!

Марек, слегка вздрогнув от этого окрика, нехотя убрал саблю в ножны, не забыв, однако, выразительно взглянуть на соперников. Мол, вот видите, я вас не боюсь! Бейте теперь, я умру героем!

Бить его, однако, никто не собирался. Только взяли под прицел, да двое поехали чуть в стороне, готовые бросить коней в резкий скок, догнать, если мальчишка бросится бежать. Марек, однако, всё для себя решил. Он даже не сопротивлялся, когда перед богатым домом, принадлежащим местному старосте и ещё совсем недавно служившим кровом для пана Романа и Татьяны, его обыскали и отобрали оружие. Потом начали обыскивать Зарину. Это был тот ещё обыск! Оружие — видимо, очень маленькое, искали за пазухой и под юбкой. Причём в самых разных местах. Под гоготок тех, кому обыскать не удалось.

Зарина стояла спокойно, словно была высечена из камня... судя по комментариям казаков, кое-где она и была высечена из камня. Марек... Марек, хоть служанка его и предупреждала, стоять спокойно не мог. Сначала он просто скрежетал зубами, вызывая ещё большее веселье, потом бросился в драку. Его пожалели и не стали убивать — только оглушили, шарахнув рукоятью пистоля по затылку. Бесчувственное тело оттащили и бросили под забор, заодно и, пошутив, рожей уронили в куриный помёт. Кур, кстати, видно не было... только перья в большом количестве были разбросаны по двору.

— Что здесь происходит? — молодой, на взгляд Зарины — злой голос принадлежал вышедшему из дома молодому воину. Хорош был, собака-московит, даже мелкий шрамик, натянувший кожу у левого глаза, не портил его. Впрочем, мужчин шрамы только украшают.

— Стало быть, вот, господин сотник! — проямлил явно смущённый казак. — Пленная!

— Я велел баб не трогать! — гроыхнул человек, оказавшийся сотником. — Ну, Лука,

ты поплатишься!

— Да пленная это! — вскричал Лука, и Зарина не без удовольствия отметила в его голосе тревогу и страх. — Пленная! Вот и парубок с ней был — вооружённый! Сабля, да два пистоля были! И ликом — не наш!

Сотник легко сбежал по лестнице и Зарина со смятением обнаружила, что не может оторвать от него взгляда. Высокий, с длинными руками и ногами, он вряд ли был красавцем. Именно хорош — мужской силой, мужской красотой, которая нравится не каждой женщине. Бугристые мускулы играли под лёгкой рубашкой... Он был без доспеха, без кафтана, но саблю прицепить не забыл, как и пистолы — засунуть за пояс.

— Ты кто, краса? — ласково спросил он. — Скажи слово, если тебя кто обидел! И не бойся, эти орлы тебе больше ничего плохого не сделают!

— Я — Зарина, служанка боярыни Татьяны Совиной! — коротко и сухо сказала Зарина, поборов желание насолить озорникам-казакам. — Я прошу у тебя помощи и поддержки!

Лицо сотника враз острожело, а взгляд тёмных глаз стал внимательным и прицельным. Так глядят поверх ствола пищали.

— Боярыня? Она далеко? Она тебя послала?

— Она не может меня послать, сотник... прости, я не знаю твоего имени! Моя госпожа, а с ней — все её сопровождающие, люди пана Романа и пана Анджея — в плену у разбойников. Я прошу твоей помощи, сотник!

Сотник перевёл взгляд за её спину, усмехнулся скупю.

— Полагаю, нам лучше поговорить в доме! — коротко сказал он. — Кто-нибудь, последите за мальчишкой! И не обижать! Хватит уже, поозоровали!

Под общее недовольное ворчание, ещё раз приструнив своих людей сердитым взглядом, сотник увёл Зарину в дом.

Как раз в это время очнулся Марек.

— Вот! — услышал он жалобный голос стоявшего подле него казака. — Сотник наш человек неплохой, но строг сверх меры! А бабу себе какую отхватил! Ну, теперь мы нескоро в путь тронемся... Пока ещё сотник позабавится!

— Дурак ты, Ефим! — возразил ему второй. — Это допросом называется у благородных! А допрос, он спешки не терпит...

Оба захохотали. Марек стиснул зубы, сдерживая гнев...

— Вот такие дела, други... — тяжело сказал Кирилл, исподлобья оглядев собравшуюся перед ним полудюжину наиболее уважаемых в сотне воинов. Павло Громыхало, Прокоп, Михайло Турчин, Викул, Фёдор да пристроившийся в самом дальнем уголке Шагин должны были решить судьбу боярыни Татьяны Совиной... а вместе с ней — двух дюжин ляхов, с которыми всего несколько часов назад яростно резались. Которые подлым ударом враз положили десятки товарищей этих людей! Вряд ли стоило рассчитывать, что они воспылают желанием выручать былых врагов, да к тому же немедленно бросятся на помощь. Зарина на это и не рассчитывала. И даже более — исходила именно из того, что участь пана Романа и его людей вряд ли вызовет у них сочувствие. Пока, для начала, она предпочла молча, скромно стоять перед ними, сносить их откровенно оценивающие взгляды, потупить взгляд и не возражать на самые их ядовитые и нечестные реплики. Терпеть, только терпеть! В этом она видела шанс...

— Да пусть их... Ворон этот позабавится! — равнодушно пожал плечами Прокоп. — Сами повинны во всём! Сдались бы без боя нам, глядишь, уже ехали бы дальше. Живые да здоровые! А теперь — что ж? Что воинам сказать, которые друзей своих утром потеряли? От ляшских сабель! Нет, я — против того, чтобы выручать их. Нас и так мало осталось!

— Я тоже против! — сказал казачий десятник Викул, покосившись, однако, на Михайлу Турчина. — Хотя там атаман и ещё семеро наших... Всё равно — не спасём, да ещё и свои головы сложим.

— А я — за! — шарнул кулаком по столу Громыхало. — Чего боимся, братцы?! Смерти? Так её дважды всё одно не будет! Плена? Пусть нас боятся! Ишь, раскаркался Ворон! Ужо я ему клюв-то пообломаю!

— Я — как голова решит! — скупно сказал Фёдор, стрелецкий десятник.

— Михайла, что ты молчишь? — спросил Кирилл, несколько удивлённый. — Скажи, что думаешь!

— Думаю я, что ты уже всё решил, сотник! — спокойно ответил тот. — И думаю я, что ты решил — идти! И не только потому, что там — наши хлопцы. Там ещё и боярыня, за которой тебя послали. И ларчик самозванца. Так что идти придётся. Другое дело, идти надо с осторожностью. Совсем не исключено, что эта девка — изменница и мы, попав в лес, попадём в новую засаду! Только там нам может не повезти ТАК сильно!

— Хочешь сказать, здесь нам повезло? — грустно усмехнулся Кирилл.

— Конечно, сотник! Не пошли ты тогда стрельцов огородами, мы бы там все полегли, на улице! Так что не обессудь, а всё дело — в нашем везении, да ещё в том, что в сотне народ битый да стреляный, от первого выстрела не побежит.

— Это верно, не побежим! — поддержал его Прокоп. — Так что ты решил, господин?

— Зарина! — всё ещё пробуя необычное для русского имя на язык, окликнул он девушку. — Посмотри мне в глаза!

С самым независимым выражением на лице, какое только смогла изобразить, Зарина послушно подняла на него взгляд.

— Если ты лжёшь мне хотя бы в мелочи, кара твоя будет ужасна! — тихо, и оттого ещё более страшно и внушительно сказал ей сотник. — Если нас ждёт засада, если ты попытаешься завести нас в болото, ты будешь казнена. Но не надейся на лёгкую смерть.

Перед тем, как убить, я отдам тебя своим молодцам. А уж они постараются, чтобы ты продержалась подольше!

Не без удовольствия он заметил, что живые краски схлынули с её лица.

— Ты поняла? — удовлетворённый результатом, спросил Кирилл. — Вижу, поняла! Ну что ж, тогда жди. Мы собираемся!

— Выступаем, господин? — уныло спросил Прокоп.

— Выступаем! — подтвердил Кирилл. — Час даю вам, на всё! И так уже не утро на дворе. Ночью по лесу ходить — себя не любить! Шагин, Прокоп, вы — задержитесь чуток.

Оба его холопа, растерянно переглянувшись, покорно вернулись на свои места за столом.

— Что случилось, господин? — тревожно спросил Прокоп. — Ты прямо сам не свой!

Кирилл, однако, не ответил. Он задумчиво поигрывал ножичком, постукивая лезвием по столешнице. Лицо было даже не мрачным — до скукоты спокойным. Знающим боярского сына Кирилла Шулепова людям достаточно было одного взора на такое его лицо, чтобы понять: дела не просто плохи — невыносимо плохи.

— Ну, подумаешь, воры! — фыркнул Шагин. — Господин, да мы этих воров...

— Шагин! — резко сказал Кирилл, одним только тоном, столь несхожим с тем, которым они обычно разговаривал со своим верным слугой, оборвав его разглагольствования. — Ты что, белены объелся, Шагин? Какие воры, когда под рукой этого воробья...

— Ворона, господин... — перебил его Шагин, хищно ухмыльнувшись.

— ...Когда под рукой этой Вороны несколько сот головорезов разгуливает! Слышал, что тебе сказали? Ляхов почти сотня шишей захватывала... Не так этот Гусь прост...

— Ворон, господин! — равнодушно поправил криво ухмыльнувшийся Прокоп. — Ворон его имя! Думается мне, ты — прав. Воевода здесь, я слышал, не самый слабый стоял, дело своё добре знал. Однако — отступился, и за стены городские не выглядывает. О том — говорено немало. Ишь, староста как жаловался!

— Староста... — задохнулся Кирилл гневом. — Да я этому козлу седобородому все его патлы повыдираю, да горшок с собачьим дерьмом на лысину надену! Скотина! Изменщик! Сначала шишей привадил, потом ляхов приветил...

— А что он мог, коли его государевы люди без защиты оставили? — рассудительно возразил Прокоп. — Ты, господин, из благородных, тебе проще. Вот я — из крестьян, так я знаю, каково это, когда до воеводы далеко, а до лесу близко, когда стрельцов не дождёшься, а шиши всяко разные под боком! Спаси Бог от такого! Нет, староста если и виноват, то только в благоразумии. Не пожелал он помирать, смирился. А что до ляхов... Много они там спрашивали: можно, нельзя! Вошли в село, вот и вся недолга. Ты мне скажи, чего ты так возгорелся их спасти? Неужто только из-за ларца?

— Там — грамоты самозванца! — сурово ответил Кирилл. — И меня за ними не боярин Совин послал — Государь! И — князь Михайла!.. Для князя Михайлы Васильевича я за этими грамотами в ад спущусь! На седьмое небо поднимусь!

— Не богохульствуй, господин! — сурово одёрнул его Прокоп, к таким вещам строгий. — А впрочем... Ты, наверное, прав, коли так. Негоже нам, русским воям, от дела, царём порученного, отречься. Да и бабу-дуру, ляшским прелюбодеем соблазнённую, надлежит мужу возвернуть! Ишь, куда загуляла — на Польский рубеж!

— Да уж... — процедил Шагин. — Если ей столько же, сколько её служанке...

— Она молода! — коротко кивнул Кирилл. — Чуть постарше, пожалуй.

— Хороша собой? — заинтересовался Прокоп, озорно сверкнув глазами.

— Я не видел! — пожал плечами сотник. — Муж... Боярин Илья, мне не сообщил.

Впрочем, будь его жена уродлива или стара, вряд ли он стал бы так убиваться! Думаю, обошлось бы тем, что он обратился бы к патриарху Игнатию, да попросил его развода. В крайних случаях это возможно... А впрочем, какая нам разница: красива она, или нет! Меньше чем через час мы выступаем! Готовьте наших людей!

Прокоп и Шагин, переглянувшись, встали. Кажется, разговор был закончен.

В дремучем лесу темнело рано, и Яцек на себе ощутил все прелести вечерней жизни такого огромного, наполненного самой разнообразной живностью леса. Час назад «расставшись» с шишами — проследив их до самого их гнездища, Яцек всю обратную дорогу бежал, сломя голову, назад. Ему всё время казалось, что его преследуют, меж лопаток угнездилось и никак не хотело исчезать ощущение злого взгляда, чесалось...

— Мама! — шептал Яцек, спотыкаясь и вставая, снова бросаясь бежать, снова спотыкаясь. — Мама... Мамочка!

Единственной его надеждой спастись от лютого врага, несомненно, желавшего его смерти, были Зарина и Марек. Сейчас он совершенно не задумывался о том, что лезло ему в голову всего два часа назад. Какая ревность, право!.. Более всего сейчас хотелось увидеть наглую рожу Марека, сочувствие пополам с насмешкой в глазах Зарины... Да что угодно, лишь бы они были рядом!

На их поляне никого не оказалось. Пустая поляна, брошенные в беспорядке вещи, которые разбойники не сочли достаточно привлекательными, стойкий запах крови и грязных бинтов...

— Марек! — робким полушёпотом позвал Яцек приятеля. — Зарина!

Ни тот, ни другая, разумеется, не откликнулись. Более того, непохоже было, что они хотя бы приближаются. Лес был полон звуков, но все они казались слишком жуткими, враждебными Яцеку.

— Всё! — со слезами выкрикнул юноша, со всей дури плюхаясь тощей задницей на землю. — Всё, жрите! Жрите, терзайте... даже защищаться не буду!

Он лёг ничком, чтобы даже не видеть тех чудищ, что, несомненно, уже подбираются к нему. Зажмурил глаза. И сам не понял, как заснул... Ему снилась Зарина, идущая к нему навстречу в одних только шальварах. Маленькие её груди с двумя острыми вишенками сосков на вершинах, дерзко торчали вперёд и чуть в стороны, а улыбка её сулила Яцеку массу удовольствий... когда она дойдёт. Но вот она дошла, и Яцек уже мог различить мельчайшие детали её изумительно красивого тела.

— Ишь, разоспался! — голосом Марека сказала ему Зарина, и Яцек нехотя вынырнул из сна.

— Проснулся? — Марек веселился, глядя на него с высоты рослого красавца-жеребца, совсем не похожего на его прежнюю коняшку. — Ты так сладко чмокал во сне, словно с девкой целовался... Что тебе снилось, тихоня?

— Что снилось, то и снилось... — проворчал Яцек, потягиваясь. — Ой!

Наконец-то узрев, что Марек не один, Яцек поначалу не разглядел его спутников. Когда же разглядел...

— Марек... — враз севшим голосом просипел он. — Там...

— Там — московиты! — весело оскалившись, подтвердил Марек. — Вставай! Помощь пришла!

Рослый воин в добротном зеркале, с пистолем в правой, опущенной вдоль тела руке, придержал возле него коня.

— Ты — Яцек? — коротко спросил он. — По-русски баешь?

— Говорю! — подтвердил Яцек немного даже обиженно. — Только я, в отличие от

Марека, не предатель!

Марек хихикнул, что-то вспоминая, потом полез в затылок, поморщился...

— Ага, я — главный изменщик! — подтвердил не без удовольствия. Как вспомню, как изменял, сразу в затылке чешется.

— Что поделаешь! — беззлобно возразил ему воин-чужак. — Ты сам на рожон полез... Но — храбр! Неужто надеялся с полудюжиной казаков справиться?

— А что ж? — с вызовом спросил Марек. — Смотреть, как они девку лапают?

— Я и говорю, храбр! — усмехнулся каким-то своим мыслям воин. — Ладно, время не ждёт... Яцек, я — сотник Кирилл Шулепов, государев человек. Твои друзья позвали нас на помощь. Мы, русские, обид не помним, а уж боярыне и вовсе готовы помочь. Так что пока нам по дороге... Ты нашёл их лежбище?

— Лежбище? — со сна Яцек соображал ещё хуже, чем обычно.

— Лежбище! — терпеливо повторил сотник Кирилл. — Укрывище, если тебе угодно. Место, где они живут!

— А... Нашёл, конечно! — не без гордости. Отсюда версты три, пожалуй, будет! Там и колея есть...

— Что там? — полыхнув взором, спросил Марек. — Яцек, ну не тяни!

— Я откуда ведаю? — пожал плечами Яцек. — Не то монастырь, не то замок старинный. Стены и башня одна стоят ещё! А внутрь я не лазил... извиняйте!

— И вокруг этого... замка... тоже не ходил? — быстро, запнувшись лишь на «замке», спросил сотник.

— Нет! — смущённо признался Яцек. Он так и не рискнул сказать, что болтаться посреди ночи, да по болоту, было бы выше его сил. К тому же в озере, в середине которого, на острове, стоял этот «замок», кто-то плавал, издали громко и протяжно стонали... не иначе, крики грешников из Ада доносились... Но и про это Яцек умолчал. К тому же, наконец-то показалась Зарина.

— Что, страшно было? — нарочито громко спросил Марек, только завидев её.

— Страшно! — вздохнул честный Яцек. — Ты не представляешь, Марек, какие там чудища водятся! Глаза — во! Зубы — во! Лапы — вы! Когти на них — во какие!!!

— Ты их что, видел? — дрожащим голосом спросил Марек.

— Ну... — замялся Яцек. — Ближе не видел. Только глазищи у них сверкали! Бр-р-р...

Тут он заподозрил наконец, что голос Марека дрожит вовсе не от страха, всмотрелся... Марек изо всех сил пытался задавить смех, но это у него не слишком хорошо получалось. В конце концов, смех одолел, и Марек расхохотался прямо в лицо приятелю...

Побагровевшего Яцека утишила Зарина. Подойдя к нему вплотную, она сладко его расцеловала, одним своим поцелуем оборвав хохот Марека.

— Яцек, ты — герой! — тихим, проникновенным голосом сказала девушка. — Я восхищаюсь тобой!

Мрачный Марек, который вовсе не считал приятеля героем, зато не без оснований считал героем себя, нахлестнул коня, послав его прочь отсюда... Ещё не хватало — любоваться на такое... Такое... Такое непотребство!

Он так обиделся, что не разговаривал всю дорогу, пока сотня московитов, сильно поредевшая, впрочем, лесной заросшей дорогой продвигалась вглубь леса. Сотник московитов, оказавшийся ко всему ещё и осторожным сверх всякой меры, никуда не торопился, предпочитая полагаться на поговорку «тише едешь — дальше будешь». Отряд не

делал и шага, предварительно не убедившись в отсутствии засады, по обе стороны, шагов на двадцать удалившись вглубь чащи, двигались десятки стрельцов, тыл сотне прикрывал крепкий заслон из казаков. Про ертаул и говорить не приходилось. Насколько Марек разобрался в отношениях внутри сотни, во главе этого дозора сотник Кирилл поставил ближайшего своего помощника. Марек, впрочем, предпочёл предположить, что москвит просто испугался... Вот пан Роман, как бы осторожен не был, разведкой всегда брезговал, искренне или неискренне полагая, что настоящий воин всегда одолеет в честном бою... А от нечестного дозором не заслонишься. С учётом того, что сам пан Роман был мастером засад и обходов, это выглядело несколько странно, но, тем не менее, так было. Пан Роман и его казаки давно уже преодолели бы эти несчастные три версты!.. Марека тем более раздражала задержка, что все эти три версты Зарина ехала бок о бок с Яцеком и, по сияющему лицу приятеля, он без сомнений определил, что разговор ему нравится. Ну, а про общество и говорить не приходилось. Зарина! Красавица Зарина, с её румяными щёчками, тонким станом, высокой грудью, нежными, похожими на лепестки розы губами... Марек ощутил некоторое неудобство. Высокая лука седла начала мешать. Он поспешно переменил тему своих размышлений. Пан Роман...

Его господин был слишком горяч и своенравен, чтобы уступать в мелочах или смолчать там, где это было необходимо. Сейчас же, когда в плену, в руках подлого разбойника, его возлюбленная... Боже, спаси его от безрассудства!

В самом центре Северной земли, не так и далеко от Путивля, раскинулся густой и жуткий лес. Пуща. Чашоба, в которой не враз и знающий её человек найдёт дорогу... Что уж говорить о чужаках. Цитадель! В центре этой цитадели, в самом её сердце, укрылся от мирского глаза монастырь. Почти скит. Стены, правда, первый его настоятель, игумен Иоанн, возвёл каменные, с башнями. Да и место выбрал — стойно для рыцарского замка где-нибудь в германских землях. Озеро с болотистыми берегами было, может быть, не слишком велико, но служило достаточной преградой для врага. В центре лежал плоский островок, сто шагов в каждую сторону. На нём отец Иоанн и возвёл свой монастырь... Первое время здесь жило мало монахов, потом монастырь обрёл популярность, умершего к тому времени отца-основателя возвели в ранг святого... тем более погиб он мученически, от рук неверных-татар... Поскольку единственный путь в монастырь лежал через озеро, на лодке, третий настоятель монастыря, игумен Даниил повелел насыпать дамбу. Так неприступность монастыря канула в лету... Когда двенадцать лет назад Ворон взял этот монастырь, он уже захирел и жило в нём всего-то три монаха — два старика, да молодой послушник, сбежавший из мира по причине несчастной любви. Озеро порядком заболотилось, с обратной от дамбы стороны замка теперь раскинулось болото. Обширная топь, пройти по которой мог только знающий места человек. Единственной дорогой в монастырь была дамба, но она, и без того не слишком широкая, в лучшие годы не способная дать разъехаться двум возам, нынче была близка к разрушению. Два всадника с трудом разъезжались на ней, каждый миг рискуя обрушиться в воду; три пешца в ряд проходили, четыре уже нет. Даже если бы местный воевода и решился штурмовать этот замок, защитники его могли без особой натуги отбить приступ. Тем более, внутри замка редко бывало меньше сотни довольно умелых, опытных бойцов — личной дружины Ворона, хорошо вооружённой и абсолютно преданной атаману шишей. У него было даже две пушки — старых, потрёпанных польских «голубицы». Ну и тех, кто сунется, ждало ещё несколько сюрпризов...

Сейчас, этим летним вечером, в замке, гордо прозванном «Вороньим гнездом», пребывало десять полных дюжин разбойников, не менее гордо кликавших себя «Дружиной Ворона». Было шумно — шиши отмечали удачный день, принесший им полный бочонок серебра и две дюжины пленников, из которых хотя бы за троих можно было рассчитывать получить выкуп. Пленники, впрочем, о планах на свой счёт ещё не ведали, пребывая в личном узилище Ворона — глубоко под землёй упрятанных монастырских подвалах. И среди иноков, случалось, находились ослушники, так что тюрьма здесь была отстроена в давние времена и выглядела совершенно надёжной. Узкие, тёмные камеры были, правда, сыроваты и лишены абсолютно всех удобств. Зато находящихся в них людей легко было охранять от побега, и, даже если они всё же выберутся в узкий и тёмный коридор, им нелегко было бы выбраться ещё и из подвалов — на свежий воздух.

Впрочем, пленники пребывали сейчас в том состоянии, которое исключало побег... Марек правильно угадал. Как только Татьяна подверглась откровенным домогательствам татей, пан Роман не выдержал, и бросился в драку. Его, разумеется, поддержали пан Анджей и те казаки и ляхи, кто ещё мог держаться на ногах. В результате короткого, но яростного боя, в котором исход был заранее предрешён, трое пленников погибли, а остальных хотя и оставили в живых, избили так сильно, что живого места на них не оставалось. Потом

разделили — панов отдельно, холопов отдельно, присовокупили к панам перешедшего из плена в плен атамана Дмитра Оленя, да и запихали по камерам. Свободен остался только мессир Иоганн. Лекарь-швед с самого начала выразил готовность полечить раненных в неведомой стычке разбойников, и у него только отобрали шпагу и пистоль. Уходил он под ледяное молчание бывших соратников... Впрочем, внешне он остался невозмутим... Швед!

Кап... Кап... Кап... — капель с потолка была настолько мерной и настолько постоянной, что сводила с ума пана Романа и очень развлекала и без того безумного пана Анджея. Под очередной скрежет зубов пана Романа, который рисковал остаться с одними пеньками, он сообщил:

— Третий час здесь сидим!

— Откуда такая точность? — впервые разомкнув рот, буркнул из своего угла Дмитро Олень. Его единственный здоровый глаз пылал такой неукротимой, почти безумной жадой мести, что пан Анджей содрогнулся и вынужден был напомнить сам себе, что нынче... пока по крайней мере... они не враги.

— Я капли считал! — гордо сообщил он. — Каждая капля — секунда.

Дмитр пробормотал себе под нос что-то нелицеприятное про его умственные способности, но пан Анджей предпочёл ничего не услышать.

— Три часа... — тоскливо простонал пан Роман, падая ничком на камни и гулко ударяясь лбом о пол. — Три часа!!! Что они там делают с Татьяной...

— Что делают, что делают! — хмыкнул пан Анджей. — Беседуют! Чу! Кто-то идёт!

Пан Роман, на миг прекратив биться лбом о твёрдый камень, прислушался. Хотя в ушах звенело, а в голове гудело, шаги расслышал и он. Потом шаги стихли, скрипнула дверь, и в камеру вошёл мессир Иоганн. Лекарь был оживлён, о чём-то весело перешучивался с невидимыми снизу конвоирами... Наконец, дверь закрылась, и швед быстро спустился вниз.

— Все есть живы? — в голосе его слышалась неложная тревога. — Мессир Смородинский, вы где есть?

Молчание, холодное, просто даже ледяное молчание было ему ответом на этот вопрос.

— Мессир Роман, но вы-то должны меня понять! — в голосе его впервые проявились эмоции. — Я должен был сохранить свой инструмент. Да и наших перевязать мне дали! Они тут, рядом лежат. Всего-то через стенку! И потом... Вас ведь не покормили?

— Представь себе, покормили! — ядовито возразил пан Анджей. — Плесневелым хлебом, да болотной водицей! Ты-то, небось, ветчину ел! Меды пил!

— Ел. Пил! — не стал отрекаться мессир Иоганн. — И вам принёс!

Тут он раскрыл свою сумку с инструментами и добыл оттуда, как из сказочной сумки-без-дна огромный шмат сала, ароматно пахнущий, свежий каравай хлеба и небольшую бутылку зелёного стекла.

— О! — ожил пан Анджей. — Так ты и впрямь не предатель?! Молодец, мессир Иоганн! Просто молодец... Только что ж ты вино такое кислое взял?!

— А тебе, конечно, мальвазию подавай! — буркнул, нехотя подымаясь с пола, пан Роман.

Поесть им, однако, не дали. Вновь раздались шаги и, прежде чем они успели спрятать еду, дверь раскрылась.

Сначала внутрь вошли восемь одетых в тегиляи разбойников. Каждый был прекрасно вооружён и явно находился наготове. Неудивительно... даже безоружные, пан Роман и пан Анджей немало костей наломали в той драке.

Следом за вооружёнными разбойниками, внутрь вошёл ещё один, словно для контраста — безоружный и бездеспешный. Черноволосый, смуглый как ногай, весь одетый в чёрное, он выглядел странно и необычно.

— Ты — Ворон! — вставая в полный рост, сказал пан Роман.

— Да, я Ворон! — спокойно и даже миролюбиво подтвердил тот. — Я — владыка, царь и Бог здешних земель. Я — вождь тех людей, которых вы убили, мститель за их невинно погубленные души...

— Это у разбойников-то души невинные?! — взвился пан Анджей и тут же захлебнулся кровью из разбитых губ — один из разбойников коротко, без замаха, ударил его рукоятью бердыша в лицо.

— Зря ты так, Барсук! — холодно сказал Ворон. — Я приказа не отдавал. Когда уйдём, отправишься к Ломану, пусть даст тебе десяток плетей за своеволие!

— Воля твоя, Ворон! — благоговейно выдохнул Барсук, выкатывая глаза как у рака — от усердия.

Коротко кивнув, Ворон счёл для себя вопрос закрытым и снова взглянул на пленников.

— Что же мне с вами делать... — протянул он, будто в задумчивости. — Ну, ладно! Хоть вы и убили многих моих людей, убивать вас не стану. Слишком дорого вы мне обошлись! Продам! Татарам — в Крым, или прямо туркам, мне всё одно. Вы-то сами кого предпочитаете? Или, может, у кого-то из вас есть родственники, чтобы выплатить за вас выкуп? Я много не запрошу, добрый что-то... Только ты не дёргайся, сиволапый! От тебя ж за версту казачьим духом несёт, да ещё с берегов вольной Волги-реки! Так что сиди уж... гуляка! К татарам пойдёшь! Нет, лучше всё же к туркам — им всегда на галерах гребцы выносливые нужны. Да опытные! Ты же умеешь грести?

Дмитр ответил так грубо, как только сумел.

— И ты не трепыхайся, лекарь! — коротко глянув на бледного, как полотно, мессира Иоганна, сказал Ворон. — Лекарь, да ещё такой добрый, мне нужен. Так что ты — остаёшься! Радуйся! Скоро ты увидишь, как высоко вознесётся Ворон!

— Среди нас есть женщина... — запнувшись, сказал пан Роман. — Она — знатного рода и замужем за знатным боярином из Москвы! За неё дадут хороший выкуп!

Ворон оскалился, показав жёлтые, редкие, кривые зубы... так, по крайней мере, показалось пану Роману.

— Есть! — согласился он радостно. — Ну, с ней я торопиться не буду. Для начала, сам позабавлюсь, а потом уже и мужу можно отдавать... если возьмёт!

Пан Анджей коротко бросил несколько своих любимых слов, от которых Ворон мгновенно пришёл в ярость. Но прежде чем он успел отдать приказ, каким бы ни было его содержание, с пола в его сторону метнулась тёмная тень...

Пан Роман к концу разговора вновь обессилел и вынужден был усесться, хотя это и было против его чести. Однако, услышав про свою возлюбленную такие слова, он внезапно обрёл эти самые силы и коротким, яростным прыжком прямо с пола достал до Ворона, в конце своего полёта врезавшись ему головой в живот.

Бедняга Ворон, успев только всхлипнуть что-то неразборчивое, оказался похороненным под паном Романом, так что его охранники начали действовать самостоятельно...

То, что никого не убили, великое счастье. Видимо, смерть показалась им слишком лёгкой карой для оскорбителей самого Ворона... Или же, дисциплина в «войске» Ворона и впрямь была столь высока, что без его слова никто не посмел прервать их жизни. Били,

правда, со вкусом и пану Роману вскоре небо показалось с овчинку. Досталось и пану Анджею, отчаянно отбивавшемуся и свалившемуся только после крепкого удара обухом по лбу и мессире Иоганну, который драться не собирался, но всё равно получил полную порцию плюх. Досталось даже Дмитру, который вообще здесь был ни при чём!

Взревев от несправедливости и обиды, Дмитр бросился в драку. Даже когда его скрутили, он пытался вырваться и при этом завывал, как дикий зверь. Бык там, или козёл... Двое расшибли себе кулаки об его дубовый лоб, третий, не успев увернуться, получил затылком в нос. Затылок выдержал. Нос хрустнул...

Дмитр свалился последним, но, уже теряя сознание, он ещё видел, как, ругаясь и подсчитывая синяки и ссадины, уходили наверх тати. Ворона, неверно стоящего на ногах, уводили под белы руки, заботливо уговаривая. Потом отключился и казачий атаман...

— И это — твои развалины? — мрачно спросил Кирилл, исподлобья оглядывая «развалины», вырастающие будто из воды саженой на двенадцать-пятнадцать. — Ничего себе — развалины! И как к ним прикажешь подбираться? Там же вода кругом! Болото!

— Так, это... — промямлил Яцек, виновато и испуганно покосившись на страшного москвитя. Плечо и тёплый бок Зарины рядом, впрочем, слегка приободрили его, и Яцек уже в полный голос сказал. — Дамба же есть! По ней можно...

Зарина рядом тихо вздохнула. Марек посмотрел презрительно, как на идиота.

— Говорил же, мне надо было идти! — со вздохом, обращаясь напрямую к Зарине, сказал он. — Разведчика нашла...

— Дамба наверняка под присмотром! — сказал сотник. — Впрочем... Если другого выхода не останется, будем атаковать через дамбу. Однако не хотелось бы. Что думаешь, Прокоп?

— Это — монастырь! — сказал Прокоп веско.

— Вот спасибо, просветил! — ухмыльнулся Шагин. — А мы думали, это — Кремль!

— В монастырях обязательно бывают подземные ходы! — Прокоп проигнорировал выпад Шагина, как если бы его не было вовсе. — Надо бы поискать...

— Времени нет, Прокоп! — поморщился Кирилл. — Вот если б хотя бы сутки... Но мы столько стоять здесь не можем. Нас — мало, меньше чем татей. Каковы бы они ни были — как воины, они знают этот лес, здесь наверняка масса ловушек. Да в конце концов, открытым приступом нам этот твой монастырь не взять! Он и впрямь как замок!

— Я знаю, что делать, сотник! — вмешался помалкивавший обычно Михайло Турчин.

— Ты?

— Я! Не забывай, я — запорожский казак. Мы и не такие лужи переплывали!

— Ну, говори! — заинтересованно сказал Кирилл.

— У моих хлопцев есть бурдюки. Немного, но два десятка наскребём. Ну, а переправиться на них — дело плёвое. Переплывём! Здесь и всего-то гребков сто надо сделать! Получаса в воде не проведём! Тем более — лето. Вода тёплая.

— Как парное молоко! — проверив на всякий случай, подтвердил Павло Громыхало. — Чур, я иду!

— Нет! — покачал головой Кирилл. — Пойду я. Ещё охотников набрать — по числу бурдюков. Ты атакуешь по дамбе, как только я подам сигнал от ворот. И полно спорить — я решил!

Несмотря на всю его твёрдость и на то, что бурдюков было всего лишь восемнадцать, охотников идти нашлось куда больше. По правде сказать, вся сотня вознамерилась идти! Другое дело, большинству пришлось довольствоваться отказом...

Спустя долгих полчаса, полуголый Кирилл вошёл в воду. Пистолы и саблю он устроил на бурдюке, без доспеха придётся обойтись... Следом за ним, в воду вошло ещё семнадцать человек — шестнадцать охотников — казаков и ратников и Шагин, никому не позволивший обскакать себя. А вода и впрямь была как парное молоко! Изумительная, нежная, ласковая, она обнимала и убаюкивала... Другое дело, воняло от неё уже не озером — болотом, преотвратно. Ну, да ничего. Воинам ещё не в таком... дерьме... купаться приходится! И чаще всего — не по собственной воле. Охотники, плывущие рядом с Кириллом, равно как и сам

сотник, могли утешать себя хотя бы тем, что они полезли в воду по собственной воле.

А всё-таки жуткий вид — когда стены вырастают, словно из воды! Тёмные, безжизненные стены... над которыми полыхает багряное зарево. Монастырь жил своей, особой жизнью.

— Ух, хорошо! — пробулькал где-то рядом Шагин. — С прошлого лета не купался!

— Ты ещё погромче об этом ори! — буркнул Прокоп, тоже своего места не упустивший. — А впрочем... Лягушки на болоте так громко квакают, что даже выстрели кто из пушки — вряд ли расслышишь!

— А говорят, в болоте — змей... — мечтательно промычал Шагин.

Тут разговор пришлось прервать. Турчин не ошибся, через озеро до стен было меньше сотни гребков, и одолели их за время, куда как уступающее получасу. И вот он уже — берег! Илистое дно, переходящее в каменистую почву, почти не поросшую травой. Три-четыре шага этой земли и — стена. Отвесно уходящая в небо стена, сложенная — теперь это точно видно — из местного песчаника, не слишком прочного, но на удивление долговечного камня!

Выбрались... Отряхнулись кое-как, разобрали оружие.

— Ну, а дальше — что? — громким шёпотом поинтересовался Прокоп. — Господин, ты уж сам решай!

Кирилл никак не отреагировал, мрачно, с прищуром, оглядывая стену. Следовало поспешать осторожно... всякое случается!

— Прокоп, ты — влево! — наконец, решил он. — Турчин — вправо! Посмотрите, можно ли обойти стену до ворот... Может, и не придётся вовсе лезть!

Воины ушли, и их не было довольно долго, что давало надежду... Первым вернулся Прокоп. Мрачный, грязный, отвратно воняющий болотиной, он даже и говорить ничего не стал, просто махнул рукой. Турчин был чуть более разговорчив. Из него удалось выжать «нет».

Призрак падения со стены всё более зримо нависал над охотниками... Но времени было слишком мало. Крякнув и поплевав на ладони, Прокоп подпрыгнул. Он, оказывается, узрел небольшую трещину или ещё меньшую щель и теперь пытался за неё уцепиться. Только пальцы ободрал, да лбом о стену ударился. Полежал... подумал.

— Постой! — положив ладонь на плечо, остановил его, разогнавшегося для нового приступа, Турчин. — Ты так ничего не добьёшься. Наклонись-ка!

Прокоп, ничего не подозревающий, наклонился... и почти тут же зашипел возмущённо, едва не рухнув под тяжестью казака. Зато Турчин, и без того рослый, с помощью такой «подпорки» легко дотянулся до расщелины, подтянулся уже без труда и легко взобрался дальше. Всего дважды за все время обрушив вниз мелкие камнепады, он взобрался на стену. Змеёй прошелестев по стене, на землю упал конец верёвки.

Тут уж Кирилл никому не дал себя обогнать. Таким образом взбираться на стену — или посредством шеста — входило в обычное обучение детей боярских князя Михайлы Васильича...

— Тихо? — спросил он первым делом, взобравшись на стену.

— Тихо! — согласился Михайла Турчин, невольный тёзка князя Скопина-Шуйского. — Да думаю, недолго так будет... Слышь, сотник, шаги!

За их спинами, совсем уже рядом, слышалось надсадное дыхание очередного охотника. Кто-то, скорее всего Прокоп или Шагин, торопились оказаться наверху... Но пока что им было далеко до городни. Шаги же всё приближались...

Турчин внезапно шагнул в ту сторону, откуда доносились шаги, в его большой ладони оказался нож. Обычный нож на первый взгляд... разве что рукоятка маловата, да лезвие необычно. Швыряльный нож — понял Кирилл...

Спустя пару мгновений он смог убедиться, что Михайла Турчин не только с ятаганом мастер управляться. Серебряной рыбкой мелькнув в холодных лучах почти полной Луны, нож по самую рукоять вошёл в горло шедшего по стене разбойника. Вряд ли тот хотя бы понял, что случилось. И почти сразу же, заглушив своим кряхтением звук упавшего во внутренний двор тела, через стрелище внутрь заполз Прокоп. Следом — молчаливый Шагин...

— Михайла! — выказывая таким образом доверие, негромко сказал сотник, как только на прясле стены собрались все. — Бери половину людей, иди верхом — сшибая сторожу. Постарайся, чтобы они раньше времени в набат не ударили. А мы пойдём вон к той башне, да вниз спустимся... Ворота откроем для наших!

Коротко кивнув, запорожец отобрал себе восьмерых и повёл их за собой.

— Пошли и мы! — вздохнув, сказал Кирилл. — Пора уже!

— Ворон велик!..

— О, да, да! Ворон — велик!..

— Ворон — могучий воин!..

— ...да, да... могучий воин!..

И так далее. Три старых карги — крымчанки, если судить по одеждам, похоже, взялись целью свести Татьяну с ума. Притом, несомненно зная русский, они ни разу за почти целый день и вечер, что она провела здесь, не ответили на её вопрос. Сказать по правде, так даже не покормили...

Татьяна с самого начала, с момента прибытия в логово Ворона, была посажена на самом верху, под крышей большого терема, лучше всего прочего сохранившегося. Здесь, судя по тесноте, по простоте помещения, обитал какой-то монах. Здесь, судя по тому, как богато оно было убрано ныне, обитал сам Ворон.

Великое её счастье — Ворон до сих пор не зашёл посмотреть на своё новое приобретение. Правда, не только он сам не зашёл, но и слуги его — кроме этих трёх старух, которые были глухи к её просьбам. Меж тем, очень хотелось есть, мучила жажда... и не только жажда. С полудня, когда их захватили в плен, у Татьяны не было малой возможности справить нужду. Внизу живота, словно свинцовая дуля засела — было тяжело и неудобно даже сидеть. Постепенно неудобство начало переходить в боль...

Больше всего Татьяна боялась опозориться. Эти старухи... они так её разглядывают, будто она вещь! Иногда что-то скажут быстро и по-татарски, что она даже не может разобрать... А меж тем, наверняка обсуждают! Её обсуждают! Её стати! Боже, как ей хотелось сейчас стать уродиной! Жирной, как свинья, или худой, как щепка. И пусть бы проклятый Ворон утонул в её жире или ободрал себе шкуру о рёбра! Так нет, угораздило ж её, чтобы всё было на месте. Единственная надежда её — на выкуп — канула в лету. Возможно, когда-нибудь её и продадут. Но вряд ли мужу и вряд ли — нетронутую. Интерес к ней Ворона Татьяна заметила ещё на дороге, а после безобразной, дикой драки, когда пан Роман бросился её защищать, этот интерес только возрос. Никогда — до окончания дней своих! — Татьяна не забудет отчаяния, унижения и дикого ужаса в глазах пана Романа, её Романа, когда он лежал, распластанный, под гнётом полудюжины врагов, а Ворон на его глазах мял её обнажённую грудь... Синяки от его пальцев нескоро сойдут. Это — не отмоешь! Дальше, впрочем, Ворон не пошёл — тогда. То ли убоился, что пан Роман в отчаянии окажется способен на большее, то ли постеснялся... хотя нет, это — вряд ли!

Помяни дьявола к ночи... Бесшумно раскрылась низенькая дверь, и внутрь вошёл, низко преклонив голову, сам Ворон. Наклон был так низок, что могло показаться — он склоняет голову перед ней... Но нет. Это — вряд ли.

Ворон был мрачен и зол. Лицо его, перекошенное, словно от боли, было сейчас страшно. Ещё и щека подёргивалась! Впрочем, в остальном он был спокоен и даже дружелюбен. Вошедшие следом за ним слуги внесли два доверху гружённых мисами и горшочками подноса. Старухи немедленно засуетились, расставляя всё это на низеньком, итальянской работы столике... И откуда только он здесь взялся?!

— Ешь! — коротко приказал Ворон, и голос его в другой раз показался бы Татьяне мужественным и красивым. В другой раз — но не сейчас. У насильника не бывает красивого

и мужественного голоса.

Однако есть она стала. Поесть не мешало хотя бы потому, что неизвестно — когда ещё и чем Бог пошлёт подкрепить силы. Есть шанс — надо им воспользоваться.

Мясо было нежным и сочным; хлеб только что испекли. Кашу Ворону варили из дорогого сорочинского пшена; запивал он всё это нежным брусничным морсом. Ел, правда, как свинья — чавкал, рыгал, облизывал пальцы, тут же в них сморкался... Пил, обливаясь, залив и запачкав свой роскошный, изумительный кафтан из чёрной парчи...

— Что не ешь? — спросил он равнодушно, когда увидел, что Татьяна остановилась, поклевав будто птичка-невеличка.

— Не хочу больше! — коротко ответила она, не желая даже разговаривать с ним излишне.

В раскосых глазах Ворона мелькнуло понимание. Он усмехнулся.

— Ну, прости, боярыня! — в голосе была издевка. — Мы при царских палатах не бывали, лебедей там не едали... Да и дерьмо они, эти ваши лебеди! Мясо жёсткое, жилистое. Мало его, опять же! Нет... Наша, простонародная утка — куда вкуснее и лучше! Равнять даже нечего... Ешь! До утра больше возможности не будет. Другим будешь занята!

Его ухмылка, вместе с изменившимся, ставшим жёстким тоном окончательно указали Татьяне, чего ей ждать.

— Ну-ка, подойди сюда! — жёстким голосом велел Ворон. — Разуи меня!

— Не дождёшься! — срывая голос, выкрикнула Татьяна, лихорадочно ища хотя бы какое-то оружие. Не защитит себя, так хоть убить...

— Че-го-о? — даже тень улыбки исчезла с лица Ворона. — Ты!!! Последний раз повторяю, иди сюда! Не покоришься, хуже будет! Отдам своим ребятам... Они, поди, боярской плоти ни разу не мяли!

— Пусть! — отчаянно выкрикнула Татьяна. — Лучше пусть так, чем под тебя идти!

Ворон внезапно успокоился.

— Чем же я тебе не люб? — с кривой ухмылкой спросил он её. — А, боярыня? Или урод? Или беден? Может, не ровня тебе? Это ты права — не ровня! Свободный человек рабыне — не ровня николи! Так ты лучше покорись, девка. Не хочу я тебя ногаям продавать... и своим отдавать не хочу! Себе лучше оставлю. Будешь ты меня холить да лелеять, любить... ублажать, как мужа своего, боярина московского ублажала! Пятки там чесать, вшей вычищать... В баньке парить! А я тебе за это и парчу, и аксамит и каменья драгоценные...

Он говорил, неспешно подходил. Татьяна, не сводя с него глаз, отступала. Когда под колени попало что-то твёрдое, она не сразу поняла что это — топчан. Упала. Окаменевшая от ужаса и осознания необратимости происходящего, как мышь, замороженная ужом, смотрела на подходящего Ворона.

— Держите её! — хриплым голосом, приказал Ворон.

Вот кого карги услышали сразу же! Вороньей стаей набросившись на неё, они навалились на руки с той силой, которую никак не ожидаешь увидеть в женщине, тем более старой и на вид немощной. Как ни рвалась, как ни билась Татьяна, вырваться ей не удалось. Подошедший Ворон довольно улыбнулся и достал нож...

— Прирезать бы тебя, за твоё непослушание! — промурлыкал он. — Да нет... слишком лёгкое для тебя наказание. Ничего... к утру ты сама поймёшь, КЕМ обласкана!

Он — сумасшедший! — с ужасом подумалось Татьяне, пока радостно улыбающийся

вожак шишей резал на ней одежды. Угораздило ж её попасться... лучше уж и правда — на поток!

Меж тем, сорвав с неё обрывки, некогда бывшие дорогой одеждой, как раз и достойной боярыни, Ворон начал раздеваться сам. После пана Романа, да даже после нелюбимого мужа, боярина Ильи, его худосочные телеса не вызывали ничего, кроме ужаса и отвращения. Ужас и отвращение только возросли, когда Ворон, довольно пыхтя, навалился на неё. Всякие попытки сопротивления безжалостно подавлялись старухами... да и сил особых сопротивляться уже не оставалось — ни душевных, ни телесных. Она даже не закричала, когда Ворон наконец напыхтелся вволю, нашарился руками по телу и вошёл в неё — резко и грубо...

А дальше был спасительный грохот где-то снаружи — и замерший внутри её Ворон.

— Если там кто-то перепился и балует... — хрипло сказал он, теряя всякий интерес к лежащей под ним женщине. — Ну, плетьюми он не отделается!

Он резко вскочил, натянул порты и почти бегом вышел. Только тогда карги отпустили Татьяну, о чём-то переговариваясь между собой по-татарски... Татьяна даже не попыталась встать или прикрыться. Всё равно. Уже всё равно. Она испоганена, опозорена; она грязнее самой грязной блудницы... Всё кончено и остаётся только головой в омут... И чтобы милый, Роман, поскорее забыл о ней и думать!..

Нет! Всё же самым умелым разбойникам далеко до настоящих воинов. Будь здесь стрельцы или городовые казаки... да даже ратники поместного ополчения... сотне Кирилла пришлось бы несладко. Всё-таки не берут такие крепости без длительной осады и пары дюжин пушек в придачу! Да и в ойска нужно поболее. С огненным, опять же, боем. Однако у Кирилла была только одна сотня. Неполная. Порох, опять же, подмок. Взяли!

Бегом скатившись вниз по крутой лестнице привратной башни, молодцы Кирилла взяли пятёрку воротной стражи в сабли. Взяли удачно — те не успели схватиться за ручницы, в беспорядке сваленные у стены, а на саблях бой закончился так быстро, что вряд ли кто-нибудь услышал звон стали о сталь. И почти одновременно сверху чуть ли не на головы охотникам Кирилла рухнуло мёртвое тело. Михайла Турчин, выполняя приказ командира, зачищал стенку от стражников...

Бой редко проходит без неожиданностей. И здесь случилась — а как же. Когда уже начали ковыряться с засовом ворот, когда стрельцы Павла Громыхало бегом бросились через дамбу, оскальзываясь и падая, сверху внезапно ударила пушка... Никто не повинен, что один из пушкарей спрятался в тёмном углу. Михайла Турчин торопился, вот и не углядел. Да и не видел он беды, если один-два стражника останутся живы теперь... Оказалось, он ошибался. Ошибка его дорого стоила сотне — пушка оказалась заряжена картечью, и свинцовый горох врезался точно в бегущих по дамбе стрельцов. Кровавая каша, круто заваренная на крови и мясе шести стрельцов и ратников...

— Вперёд!!! — ор полусотника стрелецкого был слышен даже за стенами. — На слом!

И тут он был прав. Бежать обратно, когда преодолено больше двух третей дамбы столь же опасно, столь же смерти подобно, как и продолжать штурм. Даже опаснее... Всё-таки вперёд бежать — шагов пятьдесят, а назад — все сто!

И стрельцы наддали, подгоняя друг друга матом и пинками, хватаясь за гайтаны с крестами да образами... Им повезло — на второй выстрел, не слишком опытному пушкарю просто не дали времени казаки Михайлы Турчина — порубали в мелкое крошево. А ратники Кирилла, встав грудью навстречу набегающим разбойникам, не дали им отшвырнуть себя от ворот. Они продержались до тех пор, пока в распахнутый зев ворот не хлынули стрельцы с бердышами наперевес. Тут уж, как бы тяжело не было в бою, стало полегче. Да к тому же, Михайла Турчин исправился сполна — сумел быстро развернуть одну из «голубиц» внутрь двора, да и шарнул картечью. Может, не слишком умело — всё же не пушкарь, казак, но несколько разбойников были ранены, а остальным дали понять, что выбить нежданного врага из своей крепости им будет не слишком легко и совсем непросто.

Следом за пушкой, сказали своё слово и пищали. Залп пришёлся почти в упор, и не меньше дюжины разбойников рухнули на утоптаный до каменной твёрдости земляной наст двора. Остальные, однако, показали себя с лучшей стороны — атаковали и дальше, яростно и довольно быстро. Может быть, они даже смяли бы сотню, если бы не Павло Громыхало...

Стрелецкий полусотник не зря целый день ковырялся с неразорвавшимися гранатами. Три их было у него, трое стрельцов вызвались охотниками... Одна опять не взорвалась, вторая взорвалась в воздухе, тяжело изранив самого стрельца... Третья, по широкой дуге прочертив искрящим фитилём небо, рухнула точно в середину набегающей толпы, и взрыв её имел ужасающие для шишей последствия. Несколько убило сразу. Других оглушило.

Третьим осколками иссекло руки и ноги... Всего одна граната поразила почти десяток шишей и порядком напугала остальных.

— Вперёд! — закричал Кирилл, сам подавая пример. — На слом!

И он был прав. Именно сейчас, когда более многочисленные шиши смущены и неуверенны, следовало атаковать...

Атака последовала и была не слишком удачна. Шишей, разумеется, опрокинули. Опрокинули и погнали. Но потери могли бы быть и меньше, да к тому же, только опрокинув первый отряд защитников, они со всего разбега, без подготовки и не успев восстановить порушенный строй, врезались во второй. Тут уж вместо правильного боя, в котором любой воин Кириллова отряда стоит десятерых шишей, началась беспорядочная драка, резня. А тут уже преимущество — по крайней мере, численное, было на стороне разбойников. Немало ратников и стрельцов заплатили жизнями, прежде чем внезапный удар подоспевших казаков Турчина помог им опрокинуть разбойников.

Правду сказать, это был последний отряд шишей, оказавший настоящее сопротивление, похожее на организованное. Разгром этого отряда знаменовал собой полный захват крепости. Теперь уже можно было рассыпаться мелкими группами и вылавливать пытавшихся укрыться разбойников. Их тут же и карали: когда — отсекая дурные головы, а если была малая толика времени — по обычаю, подвесив на стене.

...Кирилл, устало отирая пот со лба, отошёл к стене и, привалившись к ней, принялся оттирать саблю от быстро засыхающих кровавых потёков. Сегодня он срубил никак не меньше полудюжины шишей... Вот только удовольствия это ему не принесло совершенно. Какое ж это удовольствие — рубить тупых крестьян, большинство из которых совершенно не умели обращаться с оружием, попавшим к ним в руки. Нет, конечно, некоторые наострились совсем неплохо. Но даже они не могли долго продержаться против воина из детей боярских самого князя Михайлы Шуйского. Семеро... Ещё семь душ, отправленных Кириллом в Рай или в Ад. Ещё семь... Скольких он убьёт сегодня, пока не наступит утро? Скольких — до вечера? А до конца жизни?!

Очень вовремя, отвлекая Кирилла от тягостных раздумий, к нему подошёл тот мальчишка-литвин с непривычным для русского именем Марек.

— Дай мне воинов, сотник! — не попросил даже, потребовал он. — Хотя бы двоих-троих!

— Зачем тебе воины? — удивился Кирилл.

— Пойду выручать своих! — взгляд мальчишки был прям и строг. — Ты ведь не собираешься оставлять их там, где они сейчас есть?

Кирилл на миг задумался... Теперь, когда бой подошёл к концу и всё заканчивается, пора было вспомнить о главной своей задаче — ларце Гришки-Самозванца. Что бы там ни было, ларец должен быть доставлен в Москву... А этот пан, неважно, украинец он, лях или литвин, вряд ли согласится отдать его по доброй воле. И потом...

— Павло!!! — проревел он, набрав предварительно побольше воздуха в усталые, горящие огнём лёгкие.

— Здесь я! — отозвался полусотник, показываясь из какой-то щели и поддёргивая на ходу широкие штаны. — Нужду справить не дадут...

— Справил? — неласково спросил Кирилл. — Тогда давай сюда!

Ещё бурча что-то себе под нос, Павло неспешно подошёл.

— Ну, вот он — я! — сказал хмуро.

— Бери десятка два своих, иди в подвалы. Там, думаю, наши польские друзья отдыхают. Освободи их... оттуда. Понял меня?

— Понял, отчего ж не понять! — пожал плечами стрелец. — Дружба кончается...

— Не обижать! — строго напомнил Кирилл. — Добром попробуем сговориться.

Марека весь этот разговор далеко не порадовал и он уже пожалел, что вообще напомнил москвиту про своего господина... Впрочем, выхода всё одно не было — только помощь этого сотника могла дать свободу и пан Роману, и пану Анджею. Кляня всё же свою болтливость, Марек поспешил следом за стрельцами... В спину ему ударил очередной рык сотника:

— Дмитра ищите! И боярыню!

С тех пор, как Ворона — подхватив под руки и опекая, как малое дитя, увели прочь, прошло больше двух часов. Двух часов, которые прошли под ругань пана Романа и озвучивание невыполнимых прожектов пана Анджея. Под конец этих двух часов, ворвавшиеся в камеру, чем-то очень встревоженные шиши увели куда-то казачьего атамана.

— Что-то происходит! — глядя прямо перед собой, негромко сказал мессир Иоганн.

— Что-то... Что?! — сердито переспросил пан Анджей, тщетно пытающийся отчистить грязь от шмата сала, во время драки втоптанного сапогами в пол. Он уже полтора часа разглядывал этот шмат, мучаясь невероятными приступами голодных спазмов. И каждый раз брезгливость брала верх... Теперь она, кажется, терпела сокрушительное поражение.

— И ты будешь это есть? — поморщился пан Роман. — Помилуй, пан Анджей, да не нём — дерьмо!

— Да? — удивился пан Анджей. — Где? Ах, это... И вовсе это не дерьмо. Это — мышинные какашки... ну, или крысиные. Отчистим, будет как новенький!

— Скажи ещё, как только что срезанный с борова! — сплюнул пан Роман, отворачиваясь...

Спустя мгновение он резко сел, даже про боль забыл.

— Слышите?!

— Что мы должны слышать? — недовольно покосился на него пан Анджей, всё ещё перебарывающий свою брезгливость. — Лично я слышу только, как гуляет ветер в моих кишках! И больше — ничего!

— Я слышал глухой удар! — вежливо улыбнувшись, сообщил мессир Иоганн. — Правда, не уверен... Может, снаружи гроза?

— Была бы гроза, на нас бы уже воды натекло! — мрачно возразил пан Роман. — Видишь — слуховое окно в потолке! Наружу ведёт, однако...

— Ну, бывает же сухая гроза... — заспорил, было, пан Анджей, уже почти собравшись вонзить зубы в шмат... Ну не суждено было ему поесть!

Оглушительный звук выстрела — именно выстрела, тут уж сомнений не было, заставил всех троих, забыв про синяки и раны, вскочить на ноги.

— Стреляют! — удивлённо пробормотал пан Анджей, с сожалением глядя на шлёпнувшееся обратно в грязь сало. — И близко...

— Во дворе монастыря, ты хотел сказать! — вежливо поправил его пан Роман. — Проклятье... Знать бы ещё, кто это!

— Не думаю, чтобы нас порадовало это знание! — флегматично пожав плечами, со всем свойственным ему пессимизмом сказал лекарь. — Друзей у нас здесь точно нет... Или вы думаете, местный воевода, если это он, окажет нам более радушный приём?

— Это вряд ли! — тоскливо вздохнул пан Анджей, а его живот согласно качнулся вверх-вниз. — И уж точно — не покормит!

— Разве что свинцом! — возразил пан Роман. — И хотел бы я знать, не потому ли забрали наверх нашего славного казака, что к монастырю подошли москвиты? Ох, что-то больно похоже!

Им пришлось более получаса продолжать гадание без шансов на удачу, прежде чем выстрелы загрели совсем близко, в коридоре, а следом слышны стали и быстро

приближающиеся шаги. И голос, слишком знакомый, чтобы сомневаться хотя бы мгновение...

— Пан Роман! — звонко выкрикивал Марек. — Пан Роман, отзовитесь! Это я, ваш Марек!

— Марек!!! — радостно заорал пан Анджей. — Марек, мы — здесь!

Несколько голосов, более низких, мужских, забубнили что-то за самой дверью, потом раздались гулкие удары.

— Не открывается, — плачущим голосом сообщил Марек; после короткой паузы он добавил, — отойдите подальше!

— Не понял... — протянул удивлённый пан Анджей. — Зачем подальше-то?!

Через пару минут, когда оглушительным взрывом дверь вынесло и обрушило в шаге от того места, где стоял упрямый пан, он понял. Могло быть и поздно.

— Пан Роман, пан Анджей, вы — живы?! — радостно завопил Марек, кубарем скатываясь вниз по лестнице. — Мы — тоже! Мы помощь привели!

— Что за помощь? — сумрачно спросил пан Роман, без особой приязни вглядываясь в выросшего на пороге богатыря. Богатырь, украшенный богатой бородой, носил, ко всему прочему, орлёный кафтан и высокую шапку. Стрелецкую шапку!

— Ты, что ли, Роман Смородинский? Твой меченоша нам все уши прожужжал... — сурово сказал стрелец. — Ну, пойдём, голубь мой ясный! Давно мой сотник желает с тобой погугорить!

— Надеюсь, нас покормят? — жалобно спросил пан Анджей, между делом подыскивая себе оружие...

Драться, однако, было самоубийством. В коридоре, держа наготове страшное своё оружие — бердыши, стояли рослые молодцы — московские стрельцы в кафтанах стремянного полка. Суровые их рожи выражали явное желание поскорее поквитаться со спасаемыми... лишь железная дисциплина сковывала их. Пожалуй что до поры, до времени.

— Покормят, покормят! — пообещал стрелец. — Это я тебе обещаю, стрелецкий полусотник Павло Громыхало! Разве ж можно...

Тут он оборвал свои дружеские излияния, предпочтя вместо этого взмахом руки указать им путь наверх. Они его и так не забыли, по правде говоря...

Дорога по подземелью была длинна и трудна. Сразу же разболелись все синяки, у пана Анджея ныл разбитый лоб... Веселее не стало, когда к ним присоединились остальные казаки и ляхи. Те, что выжили. Идущие по сторонам стрельцы с пищалами и бердышами наизготовку, больше походили на охранников, чем на освободителей. Поскользнувшегося ляха хотя и не били, подняли не особо дружелюбно. Хорошо ещё, что не пинками! Особенно обидно было такое отношение при виде объятий, в которые стрельцы заключили пленных казаков. Шестеро их дожило до этого часа. Спустя мгновения стало на шесть охранников больше...

Наверху их ждала тишина. Тишина, покой... потрескивание дерева в разведённом прямо против выхода из подземелья костре. Изредка, правда, эту тишину прерывали чьи-то крики, пару раз сухо треснули далёкие выстрелы... От костра, на ходу загоня саблю в ножны, поднялся рослый воин в дорогом зеркале. Лицо его имело на себе печать явной усталости, однако, взгляд был внимательным, без тени рассеянности, свойственной усталым людям.

— Я — сотник Кирилл Шулепов! — сухо назвался он. — Кто из вас Роман Смородинский?

— Я! — не стал отрекаться пан Роман и, плечом подвинув пытавшегося заслонить его Андрея Головню, вышел вперёд. — Что тебе от меня надо, московит?

— Ничего, лях! — вполне дружелюбно ответил тот. — Ничего, кроме некоего ларца, что дал тебе Самозванец и женщины, которую ты украл... Украл, украл! У неё есть законный муж и господин, ты же — похититель и совратитель, как бы там дело не повернулось! Но главное — ларец. Где он?

— Ищите! — пожал плечами пан Роман. — Ищите и обряцете... может быть! Разбойники захватили и его — вместе с нами.

Слегка поморщившись, сотник отвернулся и рявкнул:

— Прокоп!

— Здесь, господин! — ответили издалека.

— Девку нашли?

— Нет! — провыли всё оттуда же. — Ни девки, ни ларца с бумагами, ни атамана!

— Что за чёрт... — прорычал Кирилл. — Не могли же они под землю провалиться!

— А Ворона вы поймали? — с деланным равнодушием поинтересовался пан Роман.

— Ворона? — изумлённо повернулся к нему сотник, чтобы через мгновение пожать плечами. — Да кто ж его знает... Всех, кто был внутри, мы порубали. Вон, последних вешают! Может, твой Ворон среди них?

Вот тут пан Роман взволновался всерьёз. Можно было предположить — и позлорадствовать тайно — что московиты плохо искали и не нашли ни своего соратника, ни Татьяну. Но Ворона спутать с кем бы то ни было ещё сложно, очень сложно!

— Худой такой! — уже не скрывая тревоги, забыв про злорадство, прошептал пан Роман. — Чёрный, как и впрямь ворон. И в чёрное во всё одет!

Кирилл, которому передалось волнение вольнянина, резко обернулся к своим. Почти все, как один, развели руками. Нет, такого не было. Только Шагин был задумчив...

— Что ты, Шагин? — слишком хорошо зная своего слугу, чтобы упустить эту его странную задумчивость, резко спросил Кирилл. — Ты видел его?

— Думаю я, что всех их видел! — пробормотал Шагин в задумчивости. — Когда мы уже взяли ворота и половину двора... ну, когда самая-то сеча пошла... И вот тогда я видел человек в двадцать отряд, который поспешал во-он туда. К той башне! И там был один чёрноволосый. В здешних местах такие — редкость... Насчёт Дмитра не знаю, не поклянусь. А вот баба там была! Высокая... Вся ободранная, как нищенка!

— Татьяна! — яростно выкрикнул пан Роман. — Это — Татьяна! Слышишь, московит! Твоя цель — там! Наверняка и ларец — там! Если ты поможешь мне, спасёшь Татьяну, ты спасёшь и своего атамана! Ну же, решай!

— А чего решать... — пожал плечами Кирилл. — Прокоп! Отбери дюжины две, что посвежее да потрезвее. Порох посуше поищи... Выступаем немедленно!

— Я — с вами! — резко сказал пан Роман.

Кирилл пожал плечами. Пусть пан помашет саблей, он не против...

— Дайте ему оружие! — сухо приказал он...

Небольшая ладья, зашуршав носом в камышах, уткнулась в мягкий наст. Не берег — болотина, толстый слой мха, способный выдержать всадники и предательски провалиться под худенькой девкой. Навроде той, что третьей и явно не по своей воле ступила на неверный мох. Следом за ней на «берег» сошли ещё полторы дюжины человек. Все — чумазые от пороха, окровавленные. У многих белели пятна свежих повязок — люди только что вышли из боя.

Ворон сошёл на берег первым и всем своим видом показывал, что дела далеко не плохи. Так и было, по правде говоря. Та сотня шишей, которая полегла в монастыре, прикрывая его отход, являла собой лишь малую толику его сиволапой «армии». Пусть даже лучшую толику. Способный в любой момент выставить в бой до тысячи бойцов с оружием и даже с огненным боем, Ворон уже вынашивал планы мести... Но для начала, надо было укрыться от вполне возможной погони. Пока же от монастыря их отделяли всего лишь двести шагов расстояния, и частый треск пищальных и пистольных выстрелов не мог заглушить отчаянных криков умирающих разбойников. Даже не зная об этом, вернейшие шиши прикрывали отход своего атамана.

— Пусть земля будет вам пухом! — тихо прошептал Ворон, пряча лицо от спутников. Никто и никогда не должен увидеть, что сам великий Ворон может плакать...

Однако застаиваться на месте было нельзя и Ворон, подавив эмоции в самом зародыше, резко спросил:

— Мишук, ты прорубил днища у остальных лодий?

— Да, атаман! — прогудел огромный Мишук, бывший пушкарь, дезертировавший из Новгорода в те страшные часы, когда к городу только подходили войска царевича [\[22\]](#). — Все прорубил. Одну только оставил...

— Что?! — Ворон резко обернулся, недоверчиво уставившись в лицо пушкарю.

— Так, это... — замялся тот. — Может, кто ещё спасётся! Из наших-то...

— Мишук! — со скрежетом зубовным сказал Ворон. — Я тебе сколько велел прорубить днищ? Все?

— Все! — подтвердил разбойник.

— А ты одну оставил?

— Оставил, атаман! — покаянно опустил голову Мишук. — Так ведь там — наши...

Тяжело вздохнув, Ворон резко провёл большим пальцем по глотке. Мишук — на свою беду — этого жеста не видел. Как не видел он и быстрого выпада одного из приятелей. Так и повалился, только захрипел тихо, да царапнул скрюченными пальцами за пробитую саблей грудь...

— Приказы Ворона выполняются от слова до слова! — тяжёлым взором обведя остальных разбойников, коротко сказал атаман. — Всем понятно?

Никто не посмел возражать...

— Ну, так... — задумался Ворон. — Идём через Светлые топи!

Хоть и страшна была кара за непослушание, понесённая Мишуком, выполнять новый приказ Ворона никто не торопился. Светлые топи, прозванные так за исключительный, почти белый цвет мха и абсолютно голое пространство на пару вёрст вглубь, были страшноватым местом. Ходили слухи о чудищах, живущих в глубинах топей, о леших и

болотных упырях... Но куда страшнее упырей была сама топь. Никто никогда не коснулся её дна. А кто коснулся, тому уже вряд ли доведётся рассказать об этом товарищам. Жуткая топь. Предательская. И — широкая. Чтобы преодолеть её от края до края, требовался целый день пути. Без роздыха такой путь не пройти, спасало лишь то, что где-то в часе ходьбы от берега начиналась цепочка плоских островов, поросших редким, хилым кустарником. Там можно было передохнуть, а на двух островах даже захоронки были сделаны. Как раз на такой случай — отлежаться при неудаче

И всё же... хотя разбойники нередко хаживали по ней, имели там промеченные тропки, соваться туда сейчас, до рассвета не хотелось просто жуть как. Всякое может быть. Может, не врут те, кто пугает чудищами болотными!

Ворон, однако, даже не стал оглядываться, первым шагнул в болото. Разбойники — а здесь были собраны самые верные, самые преданные вожаку люди, переглянувшись уныло, полезли за ним следом...

Путь, как и предполагалось, был тяжёл, и даже дюжим мужикам идти по нему было нелегко. Татьяна же выбилась из сил уже на первых шагах и, хотя висела на Дмитре, словно переспелая груша, бледнела всё больше, явно теряя последние силы только на то, чтобы сделать шаг. Казак и сам выглядел усталым. Роба его, и без того унылая, иссиня-чёрная от синяков и ссадин, перекосилась ещё больше. Когда Татьяна — совершенно невольно — прижималась к нему слишком плотно, раздавался дикий зубовный скрежет, пугавший бедняжку до слёз. Ей всё время казалось, что атаман сейчас отпустит её... А под ногами мягко, слишком мягко пружинил белесый, вызывавший одним своим видом отвращение мох. А вокруг распространяло дикое зловоние болото...

— Много болот я повидал! — прорычал Дмитр, ни к кому не обращаясь. — Но такого даже в нашем Коломасове-сельце нет! Понятно теперь, почему подле него разбойники развелись!

Он сказал это так, будто разбойники были новым видом мошкеры или там червяков — с полным презрением в голосе. Казак, а значит — сам разбойник, ибо волжские казаки держали в страхе все города на этой реке и не пропускали без изъятия дани ни один караван, он не готов был воспринимать всерьёз болотных «чудищ». Даже если сам был безоружен и избит, а у них оружия — и даже огненного боя — хватало.

— Нас спасут? — жалобно спросила Татьяна, ещё сильнее прижимаясь к Дмитру, отчего тот, бедняга, позеленел окончательно.

— Спасут, конечно! — прохрипел он. И вдруг, изумлённо распахнув голубые глаза и раззявив рот, утягивая боярыню за собой, одним нырком, по уши, провалился под мох. Татьяна завизжала так громко, что никто не остался к несчастью равнодушным.

— Первый! — буркнул с нескрываемым страхом кто-то из разбойников. — Ну, началось! Держись, братья...

Дмитра вытащили, хотя это и заняло почти четверть часа — трясина неохотно отпускала жертву, взяв в залог до следующего раза сапог.

— Под ноги смотри! — рявкнул рослый шиш, тот самый, что убил Мишука. — Растяпа...

Богу было угодно, чтобы следующим провалился как раз он. Так же, как и в случае с Дмитром, всё произошло мгновенно, разбойник даже гавкнуть не успел. Также пришлось потратить на него немало времени... А потом он ещё долго гадливо сплёвывал тину и грязь изо рта, откашливался и старательно задавливал рвущуюся наружу рвоту...

К тому времени, как прошёл первый час их похода по болоту, «искупаться» в трясине успели все, да и мягкий, пружинистый ковёр мха сменился на жидкую грязь, мужчинам доходящую до пояса, а Татьяне — и вовсе по грудь. Холодная, вязкая грязь холодила тела и требовала немало сил — продавливать её. Татьяна совсем изнемогла. У неё уже не хватало сил на то, чтобы жаловаться и даже стыдливость куда-то исчезла. Грязь, кругом была грязь и вонь. Каждый уже хлебнул хотя бы по глотку болотной жижи, пахнувшей куда хуже дерьма. Да и вкус у неё был такой гадостный...

— Остров! — радостно заорал, а, по сути, прохрипел идущий первым разбойник. — Остров, братья!

Это и впрямь оказался остров. Почти весь он порос кустарником, к тому же был слишком мал, чтобы двадцать человек могло лечь на нём — они разместились сидя вплотную друг к другу. Не было возможности даже развести костёр, чтобы согреться и обсушиться! Да и запалить его всё равно не удалось бы — трут отсырел, и больше напоминал комок грязи, который противно даже в руки взять...

Да к тому же Ворон не дал им отдышаться.

— Вперёд! — прохрипел он, больше похожий на болотного упыря, чем на человека. — Вперёд!

Они ушли не все. На острове остался небольшой отряд разбойников — задержать возможную погоню.

Холодная жижа, которою даже грязью назвать — похвалить, хлынула в не успевшие закрыться глаза, в нос и уши, в распахнутый в бесполезном и даже вредном вскрике рот. Резко раскинув руки, пан Роман попытался найти хоть что-нибудь, за что можно было зацепиться... Но вокруг была только грязь, жидкая, не способная послужить опорой грязи. И вдруг под рукой оказалось что-то твёрдое, пусть и склизкое. Пан Роман радостно ухватился за это рукой... Похоже на голову. Только лысую. Нет, пожалуй... Пожалуй, что это был — череп!

Пан Роман отчаянно рванулся и — вынырнул. Его тут же ухватили за руки и выдернули из ямы, в которую он провалился исключительно по своей глупости. Ну, и ещё — из-за большого желания обогнать идущего первым сотника-московита...

Кирилл Шулепов, сотник великого мечника, князя Михаила Шуйского, оказался совсем неплохим... для московита. Он не стал возражать, когда десяток казаков — и оба пана в том числе, изъявили желание присоединиться к отряду. Разумеется, им вернули оружие. Отряд набрался большой, в три с лишним дюжины, только на переправу его на единственной целой лодке потребовался час. Ещё два часа отнял путь по болоту. Измотались, а теперь — изгваздались в грязи все поголовно, хотя тяжелее всего пришлось Мареку и пану Анджею. Оба — невысокие, а Марек даже щуплый, они больше всех страдали. Любое волнение болота приводило к тому, что волны захлёстывали их с головой... Марек даже плыть пытался! Пан Анджей же плавал как топор — задницей... м-гм... топорищем кверху. Ему уберечься было сложнее, и он окончательно озверел. Судя по тем клятвенным обещаниям, которыми он сыпал, прерываясь только на то, чтобы выплюнуть очередную порцию грязи изо рта и прочистить глаза, разбойникам должно было прийтись несладко, когда они, наконец, окажутся в пределах досягаемости его кончара. Правда, на его месте пан Роман лучше помолчал бы... Ну да пан Анджей никогда не шёл лёгкими дорогами. Теперь же, видимо, заразившись, совсем по-Медведковски поступил и пан Роман. Надо ж было ему сосупить с торной тропы, по которой шёл, двигаясь след в след за сотником Кириллом! Теперь, вынырнув и прочистив глаза, он увидел перед собой целую цепочку медленно бредущих по пузо в грязи воинов. Встать в строй удалось только десятым. И обгонять лучше более не пытаться! Хватит, попробовал...

Внезапно, цепочка остановилась и сотник ровным, ничего не выражающим голосом сказал:

— Остров!

Впереди и впрямь блином на растопленном масле лежал остров. Редкий кустарник возвышался над болотом хорошо, если на сажень, да и сам остров был невелик... Он всё равно сулил отдых и пан Роман облегчённо перевёл дух. Отдых! Мечтания превращались в реальность!

— Час на роздых! — громко возвестил Кирилл спереди. — Пан Роман, ты не возражаешь?

— Нет, отчего же! — так же громко ответил пан Роман. Но где-то в глубине души били, оглушительно звенели тревожные колокола. — Но думаю, для начала надо бы разведку вперёд послать. Так, для приличия...

На него даже свои посмотрели удивлённо и с укором. Конечно, подстраховаться не

мешало бы... Но ведь это ещё как минимум четверть часа в болоте торчать!

Сотник впереди ненадолго задумался, потом — уже на полтона тише — назвал несколько имён. Рослые молодцы — волжские казаки, проваливаясь в трясину и выгребая кое-как, смогли пройти вперёд и двинулись к острову. До него было всего-то шагов сорок, но шли они очень долго и очень медленно. Самые выносливые начали выбиваться из сил...

Выстрел прогремел, когда до острова им осталось всего-то шагов девять. Единственный выстрел, да и эта пуля просвистела пусть низко, но — над головами разведчиков.

— Засада! — пытаюсь быстро вытащить саблю, заорал казак. Ему не суждено было вытащить саблю — второй выстрел был точнее, и пуля хрустко впечаталась ему прямо в лоб. Остальные медленно — слишком медленно! — двинулись вперёд. Выстрелов пока не было, да и были бы — деваться всё одно некуда. Вперёд! Только вперёд!

Радостно пыхтя, и чуть не пропоров кончаром одного из казаков, вперёд вырвался пан Анджей. Горький опыт пана Романа ничему его не научил — он сошёл с тропы, но... Дуракам везёт. Его только захлестнуло очередной волной. Зато когда он, наконец, выбрался на берег — взъерошенный, мокрый, грязный... похожий на чёрта или упыря куда больше, чем на человека, его испугались даже свои.

— Вперёд! — заорал меж тем пан Анджей, лихо крутанув кончаром над головой. — Бей их, гадов!

Из кустов грянуло ещё два выстрела, и ещё один казак был убит. Остальные, озверев, ринулись вперед, и остановить их было невозможно...

Кирилл выбрался на берег, когда бой уже заканчивался. Шестеро разбойников оставил в заслоне Ворон. Шестеро их и лежало. Все — мёртвые.

Скривившись, как от зубной боли, Кирилл уныло спросил:

— В плен хоть одного нельзя было взять?

— Нельзя, сотник! — виновато развёл руками старшой дозора. — Больно яростно сражались. Двоих наших убили тогда, а потом резались, как черти! Вон тот гад, чтобы ему в самый Ад провалиться, меня по руке полоснул!

Тяжело вздохнув, Кирилл без особого интереса взглянул на длинную, кровоточащую царапину, протянувшуюся от локтя до кисти. Да, попало казаку сильно. Впрочем, он — воин, должен быть готов. А вот то, что пленного не взял...

В три шага перейдя остров от края до края, Кирилл задумчиво взгляделся в трясину, на многие сотни шагов раскинувшуюся перед ним. Прямо от берега, вглубь болота уходила мутная лента взбаламученной грязи. Она выделялась даже на фоне остальной болотины, и можно было не сомневаться — это шиши прошли здесь, взбаламутив грязь.

— Боже, как там Татьяна... — отчаянным голосом просипел пан Роман. — Она же баба, она — слабая...

Кирилл хмуро покосился на него. Прелюбодей чёртов — а по иному сотник и не называл про себя пана Смородинского, как назло нравился ему всё больше. Даже чёрная, глухая злоба на него, вспыхнувшая после резни в Званице, как-то скралась, отошла на второй план.

— Ништо! — вместо него, утешил пана Романа Прокоп. — Бабы, они — жилистые! Выживет! Ну, жирок порастрясёт, конечно. И отмывать её надо будет... седмицы две! Так ты, пан, небось, с радостью в баньку её потащишь!

Пан Роман смурно на него посмотрел, но смолчал. За ухмыляющимся ратником толпились довольные тем, что их товарищ уел гордого шляхтича московиты. На их стороне

была сила... Да и глупо, негоже обижаться на тех, кто так или иначе, а спас тебе жизнь!

— Спешить надо! — решив полностью проигнорировать насмешника, напрямую к сотнику Кириллу обратился пан Роман. — Если они выйдут из болота, в лесу мы их след точно потеряем!

— Ты думаешь, они — ещё в болоте? — мрачно спросил Кирилл. — Ладно, коль так... Выступаем!

— Ты ж час обещал, господин! — очень натурально схватившись за слипшиеся, похожие на пиявок волосы, простонал Прокоп. — Вот ведь...

Впрочем, со стороны москвитов, как заметил пан Роман, особых возражения не последовало, а казаки так и вовсе поддержали решение сотника радостным гулом. Там, где-то в глубине болота, брёл сейчас их атаман, Дмитро Олень. Что до воинов самого пана Романа... Здесь все были преданы ему душой и телом и то, что было хорошо для пана Романа, было хорошо и для них.

Пан Роман успел первым вступить в жижу.

И снова — болото, болото, болото...

— Привал! — через силу прохрипел Ворон и его люди, все как один, повалились на спасительную твердь земли. Спасительную — потому, что троих недосчитался отряд шишей, прежде чем показался этот остров. Среди своих его звали Дальним, ибо находился он дальше других от Вороньего гнезда. К слову, именно здесь было построено одно из трёх укывищ. Низенькая, влажная землянка, наверное, не была лучшим местом для сна и отдыха. Но и здесь можно было жить — какое-то время. Можно было переждать непогоду, если она застала тебя посреди Светлых Топей, можно было укрыться от погони... Вот как укрывались сейчас два десятка разбойников и сам Ворон... Здесь был кое-какой запас солонины, зерно, соль, даже порох и свинец с пулелейкой! Был запас относительно сухих дров, трут и кремень. Здесь можно было отдохнуть...

Никто не возразил Ворону, когда он приказал остановиться. Никто — поначалу. Потом один из разбойников — а они все сейчас были на одно лицо — грязные, облепленные тиной и обтекающие вонючей жижей, — поднял лицо и прохрипел, с явным трудом шевеля языком:

— Надо дальше идти, атаман! Тут всего-то с версту осталось. И дорога не такая жуткая. Почти что и не болото, а — вода с твёрдым дном!

— Мы дальше не уйдём! — возразил Ворон, не открывая глаз и не отрывая затылка от дерева, к которому прислонился. — Час — отдыхаем. Я сказал!

Разбойник смолчал. Спорить с Вороном, когда он так решительно повторил свой приказ, было смерти подобно. Лучше уж сразу, самому на нож броситься. Не так больно будет!

Постепенно, люди начали приходить в себя. Заговорили. Дикий поход через топи медленно истаивал в памяти, заменяясь воспоминаниями более приятными... Молчали только двое. Татьяну слишком вымотал переход, чтобы она могла хотя бы слово сказать. Привалившийся к камню атаман Дмитр, хотя и выглядел чуть более свежим, тоже чересчур устал, чтобы тратить драгоценные силы на болтовню. Впрочем, усталость усталостью, а из-под неплотно сомкнутых век он пристально следил за Вороном. Тот, правда, был слишком занят пока, чтобы заниматься пленниками... сейчас. Но когда-то он про них вспомнит! Дмитр, слишком много упустивший за последние дни, намеревался встретить его во всеоружии...

Разбойники развели костёр. Толком не отмывшись, они уже начали готовить кулеш... Дмитра, даже в походах разборчивого в пище, привередничавшего, свинина перед ним, или говядина, с луком или без, передёрнуло, когда он увидел, как жирные капли болотной грязи капают прямо в котёл. Кажется, Ворон тоже оказался брезглив. Он сердито рявкнул на своих людей, и двое из них моментально испарились, чтобы через некоторое время вернуться — более-менее отчищенными от грязи... По крайней мере, это касалось их лиц и рук. Отчиститься полностью было невозможно хотя бы потому, что вокруг по-прежнему было болото.

— Я пить хочу! — внезапно простонала Татьяна, жалобно шмыгая носом. — Слышишь, казак?

.-Слышу! — угрюмо ответил атаман. — Я-то что могу поделоть?! Вон, гляди, как за нами следят!

И впрямь. Очнувшись, разбойники вспомнили про пленных и сразу трое из них, снаряжённые как на большой бой, следили теперь за одним казаком и одной измождённой женщиной неотрывно. Похоже, боялись!

— Пить! — не выдержав, почти заплакала Татьяна. — Я хочу пить!

Ох уж эти бабы... — подумалось Дмитру, когда обернувшийся на её стон Ворон решительным шагом направился к ним.

— Так что? — чересчур ласково спросил Ворон у Татьяны. — Ты, никак, пить хочешь?

— Хочу! — почти выкрикнула боярыня.

— И ты, наверное, тоже... казак! Ведь ты казак? С Дона аль с Волги-реки? На хохла, уж не обессудь, ты не похож! Статями не вышел!

— С Волги! — не стал отрекаться Дмитр. — Ох, попадись ты мне там, тать! Как раз на палю статями и вышел бы...

— Гляди, договоришься! — с едва заметной за лёгким тоном и улыбкой, играющей на устах угрозой, процедил Ворон. — А впрочем... Как ты сюда попал-то? С Волги? Да ещё в плен к ляхам угораздился!

— Как надо, так и попал! — пропустив мимо ушей угрозу и никак не отреагировав на внешнее миролюбие тона, огрызнулся Дмитр, сверкая глазами исподлобья. — Тебе-то что?

— Видишь ли, я — хозяин этих мест! — миролюбиво ответил Ворон. — В моём замке я не успел тебя как следует допросить... на нас напали... Ах, ты улыбаешься? Так может, ты знаешь, кто напал?

— Знать не знаю, а — догадываюсь! — не без гордости ответил атаман, показав все свои восемнадцать целых зубов. — Наши это! Сотник государев Кирилл Шулепов и его воины тебя разгромили, Ворон! И не надейся, этот сотник от тебя не отстанет!

— А если я ему твою голову оставлю? — задумчиво протянул Ворон. — Как тогда?

Дмитра слегка перекосило, но лик он имел решительный и ответил именно так, как должен был ответить настоящий воин на такую угрозу. То есть — самой чёрной руганью, какую только знал. По восторженным воплям разбойников он мог судить о том, что большинству его отповедь понравилась и даже очень. Хотя Ворона боялись и уважали, здесь были вольные разбойники. Острое слово среди них стояло выше дисциплины и порядка...

— Ну, ну... — на удивление спокойно выслушав всю эту тираду, сказал Ворон. — Коли так...

— Эй, Глузда, Макар, идите сюда!

Два дюжих молодца — два водяных, столько было на них грязи и ила, неспешно подошли.

— Возьмите её! — велел Ворон, указывая не менее грязным перстом на Татьяну. — Надо ж закончить то, что я начал тогда...

Дмитр взревел яростно, рванулся... Четверых татей, повисших на нём, не стряхнул бы и богатырь Павло Громыхало. К тому же, с ним не особо церемонились, то ли выслуживаясь перед атаманом, то ли вымещая на нём злобу и страх. Выкаченными глазами уставился Дмитр на жуткую картину, творящуюся в двух шагах от него...

Отчаянно сопротивляющуюся Татьяну разложили прямо на травке и Ворон, на этот раз не особо спеша, начал спускать штаны. Разбойники гоготали, заглушая визг боярыни, давали очень важные и полезные советы... Ворон ухмылялся.

— Стой! — заорал Дмитр, на миг освободив глотку от цепких пальцев разбойника. — Стой, гад! Я всё скажу!

Смех моментально стих, а Ворон, так же неспешно поддёрнув штаны и затянув на них ремень, обернулся.

— Ты что сказал? — вроде как удивлённо спросил он.

— Я всё скажу! — зло прорычал Дмитр. — Оставь бабу в покое!

— Ну что ж... — усмехнулся Ворон, даже не пытаясь скрыть торжества. — Говори, а мы — послушаем! Кто таков? Откуда? Зачем?

— Мы — царёвы люди! — быстро заговорил Дмитр, которого будто прорвало. — Царь Василий послал нас вот за ними. Чтоб, значит, бумаги украденные возвратить да бабу, жёнку боярскую обратно, мужу отдать! Вот... Вот она — жёнка значит. А бумаги — в обозе ляхов, которых ты вместе со мной захватил.

— Что за бумаги? — над чем-то раздумывая, нехотя спросил Ворон.

— Да откуда мне знать?! — взвился Дмитр. — Я — казак, а не сын боярский, со мной царь речи не вёл! Сказал — скачи, мол, вослед ляхам, я и поскакал!

Показалось ему, или Ворон действительно знал о подобном ларце? С какими-то там бумагами... Впрочем, атаман разбойников ничего не сказал атаману казаков.

— Это всё, что ты знаешь? — удивился Ворон. — Мало, мало... Да и я устал уже ждать... Держите её снова! Всё ж таки я закончу то дело!

Он только начал умащиваться на отчаянно извивающейся под ним боярыне, а Дмитр уже орал, словно зверь, чьё прозвище носил, рычал и грозил самыми страшными карами божьими, но — на земле. Ворона эти крики сильно раздражали, да и впрямь — мешали.

— Да уберите вы его куда подальше?! — внезапно приподнявшись на руках, заорал он раздражённо. — Ну?!

Сразу четверо разбойников подхватили вырывающегося атамана за руки-ноги и потащили куда-то на другой конец острова. Тащили через кусты, особенно не оберегая от ветвей... То ли случайно, то ли намеренно — что вернее, поскольку достал казак уже всех, — врезали его головой в толстый сук. Дмитр на полуслове оборвал свою отповедь, повесил буйну голову...

Разбойники остановились в растерянности.

— Ну что, потащим дальше, или бросим тут? — озадаченно спросил один из них.

— Так на кой нам корячиться, — фыркнул второй, — бросаем!

Бесчувственный пленник полетел рожей в землю, рассадил её (рожу), бедолага, до крови... Да ещё и не очнулся, хотя его оставили в покое и без присмотра. Разбойники ж вернулись обратно. Шибко любопытно им было, что там дальше сотворит их вожак...

Однако видно не судьба была Ворону поять боярскую жёнку — о чём он так долго мечтал. Внезапно сухо треснул выстрел и мгновением спустя на поляну вывалился перепуганный до полусмерти разбойник:

— Ратники!!!

— Ну? — мрачно спросил Кирилл, оглядывая собравшихся подле него воинов. — Есть у кого сухой порох? Хотя бы зарядов на десять! На один залп!

— Эх, господин! — вздохнул Прокоп, озадаченно разглядывая то мокрое месиво, в которое превратился порох в его изящной, турецкой работы пороховнице. — Да рази ж я мог догадаться, что так выйдет! Эх-хэ-хэ!

Та же беда, что и лихого рубаку Прокопа, постигла всех воинов. Лучшие пороховницы не были предназначены для долгого пребывания в воде и порох, в изобилии в них пребывавший, намок и слипся. Им не то, что пистолы и пищали заряжать нельзя было... Его только на выброс теперь!

— Пся крив! — зло, яростно выругался пан Анджей, пытаясь выковырять заряд из пистоля. — Разбух!!! Как прикажете после этого в бой идти? С саблей, что ли, на пищали лезть?!

— Ну, не думаю, что их порох суше нашего! — проворчал пан Роман.

— На один выстрел у них хватило! — возразил Кирилл. — Хватило на один, хватит и ещё на сколько-то. Нас не слишком много, чтобы терять людей под пулями... Тем более что мы не знаем, сколько врагов нас ждёт!

Словно в подтверждение его слов, с большого острова, находящегося всего в сорока шагах от них, раздалось ещё три выстрела. Хорошо ещё, что сорок-пятьдесят шагов — предел для прицельного выстрела из пищали. Три пули — тяжёлые, ясно видимые на фоне пасмурного неба, просвистели выше и левее. Где они там упали, никто не знал.

— Давай всё же атаковать, сотник! — нервно сказал кто-то из казаков. — Лучше уж в бою сгинуть, чем в болоте, от шальной пули... Веди нас вперёд, сотник!

Кирилл ещё мгновение колебался, но выбор и впрямь был невелик — либо вперёд, либо стоять по пояс в прохладной, надо сказать, воде.

— Вперёд! — решил он после некоторого колебания. — Вперёд, вперёд!!! На слом!

Они уже вышли на твёрдое дно, и теперь не было нужды медленно плестись шаг в шаг — атаковали широко, цепью. И даже постепенно — по мере того, как становилось всё мельче, с медленного шага перешли на бег.

Выстрелы с берега отгремели и затихли — сухого пороха у разбойников тоже было не слишком много, у ратников же не было сухого пороха вообще, а сил, чтобы хотя бы криком себя подбодрить, не хватало. На остров выходили в молчании, только сопели, да звенели мокрыми, грязными доспехами... Впрочем, эта относительная тишина продлилась недолго — с яростными криками, со всех сторон, на них ринулись шиши. И сталь с глухим скрежетом ударила о сталь...

Бой сразу же разгорелся яростный. Расклад был в пользу ратников, зато разбойники успели хотя бы малость перевести дух, и на первых порах имели некоторое преимущество. Поначалу они сумели даже потеснить воинов к самому краю берега, но тут уж гордыня ляхов взяла верх. Пан Анджей лично возглавил атаку своих шляхтичей, которых осталось совсем уже мало, и им удалось опрокинуть разбойников и погнать их. Тут, правда, пострадал сам пан Анджей — раскалённым стволом пистолета ему ткнули в лицо, попали прямо в нос. Бедный пан издал отчаянный, до селезёнок пробравший слышавших его вопль. Яцек ринулся к нему, но не успел. Пан Анджей как подрубленный рухнул лицом прямо в неглубокую

лунку, до краёв полную желтовато-коричневой влаги. Зато охладил ожог!

Пока пан Анджей приходил в себя, дыша не иначе задницей, ибо лицо по-прежнему оставалось в воде, его шляхтичи пошли дальше и их, наконец, поддержали пришедшие в себя ратники Кирилла. Им, несмотря на большие потери, удалось отшвырнуть шишей за кустарник... И там — второй раз за свою жизнь, получил настоящую рану сам сотник, Кирилл. Не увидел он малого, с саблей засевшего за кустом. Вот и результат — кольчуга пробита, из распоротого на пядь бока обильно сочится кровь, а вместо того, чтобы вести своих ратников на последний и решительный приступ, он, надворный сотник Кирилл Шулёпов, сидит под кустом, скорчившись от боли, и пытается замотать грязной тряпицей рану.

— Что ты есть делать, дурак-московит?! — сердитый голос, несомненно, принадлежал немцу [\[23\]](#), причём не слишком долго, но жившему на Руси. — Ты испортишь себе кровь, у тебя будет болеть бок, и ты умрёшь, когда гной попадёт тебе в кровь!

— Сам ты дурак! — огрызнулся Кирилл, не отрывая взора от своих воинов, азартно и, главное, умело гонявших по острову последних разбойников. Бой заканчивался... Победа была близка!

— Перевязывай скорее, если умеешь! — рявкнул он, по-прежнему не оборачиваясь. Руку, правда, держал подле пистоля... может, немец не знает, что порох в нём отсыревший!

— Порох есть сырой! — с нескрываемым презрением в голосе сообщил немец. — Ты есть дурак, сотник Кирилл! И рана твоя — рана дурака! Мой отец, капитан Стефан Стефанссон за такое драл бы твои уши, пока они не стать как у зайца!

— Ха! — пробурчал Кирилл, помогая ему стянуть с себя зеркало. — Поговори мне, поговори... Лечи, лекарь!

Сын капитана Стефанссона не так и плохо знал своё дело. Его игла, длинная и острая, летала в коротких пальцах быстрее молнии. И больно-то всего три раза было... да и то Кирилл виду не подал, предпочтя радостно завопить, когда Прокоп сразил последнего из стоящих на ногах татей.

— Прокоп! — тут же заорал он вновь, надсаживая голос. — Прокоп, ищи боярыню!

— А Дмитра? — удивился тот, не дождавшись продолжения.

— А этот — сам найдётся! — громко сообщил Кирилл.

Он бы не удивился, если бы Дмитрий Олень, всегда появлявшийся, как только его поминали, тут же возник бы рядом с ним, как чёртик из шкатулки. Увы, этого не случилось. Вместо Дмитра рядом возник Шагин.

— Ну-ка, отойди! — ревниво сказал он, толкая лекаря в плечо. Прерогатива лечить господина принадлежала ему и больше никому.

— Я — Иоганн Стефенссон! — гордо сказал не на шутку обиженный лекарь. — Мой отец...

— Твой отец пусть остаётся там, где он есть сейчас! — сурово одёрнул его Шагин. Впрочем, вскоре у него нашёлся повод смягчиться — швы были наложены умело и аккуратно. Чувствовалась рука если не мастера, то близкого к настоящему мастерству человека.

— Неплохо, совсем неплохо! — проворчал Шагин, придирчиво осматривая рану. — Ты мог бы быть... младшим помощником Тенгиза-коновала! Иди, полечи других, здесь Я закончу!

— Ну зачем ты так? — вздохнул Кирилл, когда Иоганн Стефенссон гордо удалился. —

Он же честно помогал!

— Это — моя работа! — сердито выговорил ему Шагин. — Никто не может лучше меня знать твои раны, господин! И этот пан, Роман, опять не нашёл здесь Ворона!

Резко, забыв про рану, Кирилл вскочил на ноги. Разумеется, он тут же был наказан острой болью в боку и выговором от Шагина.

— Как — нет? — изумлённо прошептал Кирилл. — Ведь это — разбойники! Это — люди Ворона! Пусть пленных допросят!

— Допрашивают... — мрачно заверил его Шагин. — Да только мало кто что знает! Был здесь — только и твердят!

Ворон даже и не собирался героически погибать на острове — вместе со всем своим отрядом. Его разбойники, четверо вернейших и ближайших, шли сейчас чуть впереди... а сам Ворон, обхватив покрепче Татьяну и плотно зажав её рот, осторожно крался шагах в пяти позади. Остров, хоть и невелик был, густо зарос высоким и раскидистым кустарником. Здесь было, где укрываться! А в случае чего он, не задумываясь, пожертвует последним своим заслоном, чтобы спастись самому. И четвёрка его телохранителей готова на смерть — там всё жизнью обязанные ему люди, настоящие воины и рубаки...

Вот уже и берег. И тропка тайная, по которой всего-то около тысячи шагов — и берег, а там — густой лес и сотни дорог для беглецов. Погоне же — лишь одна верная. Тысячи, десяти тысяч человек не хватит, чтобы обшарить весь лес — от края до края! Ну, а знающему человеку, каким считал себя Ворон, тут даже у берега есть, где укрыться. Лишь бы не заорала полонянка. Ишь, до сих пор не утишилась — дёргается!

Полонянка не заорала. Она чуть не задохнулась, так плотно прижата была ладонь, закрывавшая не только рот, но и путь для воздуха к ноздрям. Но крик всё же раздался — слева.

— Стоять!!! — орал похожий на утопленника, толстый и грязный человек, размахивая длинным кончаром и поспешая к ним наперерез. Чем ближе он подходил, тем страшнее было на него смотреть...

Длинный нос распух и занимал половину лица; из него текли кровавые сопли. Глубоко посаженные глаза сузились от боли, покраснели, через широко распахнутый рот вырывалось сиплое, надсадное дыхание... Упырь! Вурдалак собственной персоной! Хотя упыри вроде бы обладают более стройными формами. Нет у них такого пуза!

Страшилище набежало, что-то выкрикнуло нечленораздельно и длинное лезвие кончара хрустко вошло под дых одному из разбойников. Трое остальных, видя, что дело поворачивается совсем невесело, попытались, тем не менее, хотя бы задержать врага. Однако пан Анджей — а то был он, был ранен в голову, а не в туловище — двигаться мог. И мозги для этого ему были не нужны, умение драться ему вколотили в детстве, соперники страшнее этих шишей — приятели старшего брата. Второй разбойник упал почти сразу, отчаянно пытаясь зажать распоротую глотку. Третьему пан Анджей проколол руку. Четвёртого зарубил набежавший пан Роман...

Вот кто действительно был страшен! Он бежал на крик, не разбирая дороги. Волосы растрёпанные, нос разбит и кровит, над глазом, на расстоянии ногтя от зрачка — глубокая царапина, заливающая глаз кровью... Кончар пан Роман не потерял и медленно, медленно пошёл на Ворона, который перехватил поудобнее Татьяну и загородился ей как щитом.

— Стоять! — выкрикнул Ворон. — Стоять, или я убью её!

Пан Роман немедленно остановился, как вкопанный.

— Не трогай её! — тихо, с явственно слышимой угрозой, попросил он. — Если хотя бы волос упадёт с её головы...

— Поздно хватился! — как можно наглее ухмыльнулся Ворон. — Я получил всё, что хотел!

Пан Роман страшно побледнел и кончар в его руке впервые дрогнул. Возможно, впервые в жизни... Его взгляд обежал Татьяну, на миг остановился на разорванной чуть ли не до

пояса юбке, на синяках на ногах, которые не укрылись за обрывками юбки, на измождённом лице любимой...

— Тебе не жить! — тихо, отчаянно сказал он. — Ты умрёшь, ворона!

Ворон нервно ухмыльнулся:

— Сначала — она! — возразил он.

Дальше всё произошло настолько молниеносно, что никто даже не успел испугаться. Появившийся из-за кустов Шагин резко вскинул лук, который нёс в руке и выстрелил прежде, чем кто-нибудь успел ударить его под руку. Стрела просвистела в воздухе и воткнулась точно в левый глаз Ворона, отшвырнув его спиной в воду. На землю, впрочем, упали два тела — Татьяна, которую обожгло воздухом от летящей стрелы, рухнула без чувств...

— Дурак! — яростно выкрикнул пан Роман, едва не убив Шагина взглядом. Впрочем, времени разбираться с ним, у пана не было — он немедленно бросился приводить свою любимую в чувство... Пожав равнодушно плечами, Шагин принялся сматывать тетиву. Не стоит её, отлично послужившую, впустую растягивать. Попробуй-ка нынче, когда везде господствуют огненный бой и порох, найти добрую кожаную тетиву! Сапоги стопчешь! Ноги до костей собьёшь!

Пан Роман ворковал над Татьяной как голубок, разве что у него, с его-то грубым голосом, получалось чуть хуже. Похоже было, что это надолго... Пожав плечами с выражением невероятной скуки на лице, Кирилл отвернулся и коротко, но очень понятно приказал:

— Ищите ларец!

Голос его был таков, что никому из его воинов не пришлось повторять дважды — они готовы были и болото заодно перерыть и прочесать, чтобы только найти этот проклятый ларец. Шутка ли — всю Русь протопать за ним, в болото залезть!

Внезапно, раздался оглушительный треск ломающихся веток, и из кустов выдвинулось что-то... или выдвинулся кто-то. Грязи на этом «ком-то» было наклеплено несколько слоёв, которые шумно и не слишком приятно для глаз отваливались от самых неожиданных мест. На лице, а это всё же было лицо, человеческое лицо, более-менее свободными от грязи оставались лишь только глаза... Голубые глаза, сверкающие неукротимо, яростно, угрожающе для всего живого...

— Дмитр... — изумлённо прошептал Михайла Турчин, забыв даже смахивать кровь из рассечённого лба. — Атаман!!!

Тут и Кирилл признал своего воина и радостно шагнул ему навстречу, бесстрашно и бестрепетно распахивая руки для объятия.

— Что — уже всё?! — возмущённо и обиженно прорычал Дмитр. — А мне — ни одного не оставили? Ну...

Наверное, умей атаман плакать, он бы расплакался, столько обиды было в его голосе.

— Извини, Дмитр! — с лёгкой, дружеской усмешкой сказал сотник, всё же передумав обнимать его. — Не было возможности тебя дождаться... Ты бы помылся, что ли... Где ты там валялся?!

— Было где! — угрюмо ответил атаман. — Ужо б я тех, кто меня там бросил... Сволочи! Так вы всех перебили?

— Может, кто и остался! — нетерпеливо ответил Кирилл, уже другим занятый. — Ты сундук видел?

— Какой сундук? — тупо переспросил Дмитр, слишком занятый своими переживаниями, чтобы задумываться ещё и о бедах своего командира.

— Сундук. Сундучок! Ларец! Я не знаю, во что Самозванец бумаги положил! Мне сказали — ларец!

— Ларец и сундук — это разное! — нудно сказал атаман.

— Так ты видел ларец? Или сундук! — уже сердиться начал Кирилл.

Дмитр задумался. Думал он долго и мучительно, морща лоб, двигая бровями и ушами...

— Нет, не видел! — внезапно, решительно возразил он. — Не было никаких сундуков! И — ларцов! Даже ларчиков или шкатулок не было! Только люди!

Кирилл помрачнел, даже широкие плечи его стали казаться уже, когда он их опустил. Он так расстроился, что даже не отреагировал на радостный визг Татьяны, когда она, наконец, очнулась и нашла в себе силы заключить в объятия своего любимого — пана Романа.

— Собираемся! — приказал он едва слышно.

Ну, это он размечтался. Выступить удалось не раньше полудня...

Дорогу назад лучше и не описывать — в здравом рассудке не представить все трудности, которые пришлось испытать отряду, прежде чем он выбрался на твёрдую почву... Кроме самих себя, очень усталых, пусть и способных передвигаться, воины несли раненных и тела погибших товарищей. Тут ничего не поделаешь — не оставлять же их на растерзание падальщикам болотным! Идти же по болоту, по самой топи, неся на плечах дополнительный груз, это почти что смерти подобно. И ведь болото — не вода, переправиться через которую возможно с помощью каких-нито средств. Волокуши из веток, придуманные паном Анджеем и активно поддержанная поначалу воинами, отказались плыть по воде, пока была вода и лишь тормозили движение, особенно в болотине, быстро облипая грязью и заставляя людей тратить последние силы только на то, чтобы сдвинуть их, многопудовые, с места. Впрочем, как-то удалось пройти до тех мест, где жидкая грязь резко переходила в мох, упругий, пружинящий... выматывающий похуже похода по жидкой, ледяной грязи! Но даже и здесь сделать остановку было невозможно. Даже и здесь ещё было опасно останавливаться... А Марек, вознамерившийся нарвать несколько болотных, необычной красотой красивых цветков для оставшейся в монастыре Зарины, с головой ухнул в хитро замаскированную лунку. Еле вытащили его!

— Что, нарвал цветочков? — не удержался от язвительного вопроса Яцек.

О, Яцек теперь был герой! Получив царапину в бою, он теперь щеголял перевязанной рукой, и на этом основании шёл налегке... Раненым и так приходилось тяжелее остальных, ибо сил у них осталось ещё меньше, чем у остальных.

Марек всю оставшуюся дорогу шёл мрачный. Мокрыми и грязными были все — не только он. Даже боярыня Татьяна, на что уж красавица, выглядела пугало пугалом... Ну, по крайней мере, для всех, кроме пана Романа, который продолжал ворковать и прыгать вокруг неё, словно курица вокруг цыплёнка. Тьфу, противно смотреть, как гибнет слава всего конфиденцского войска князя Вишневецкого!

А болото всё тянулось и тянулось, не было конца и краю его пружинистому насту... Нет, вот — показался!

— Господи! — истово перекрестившись, прошептал несказанно обрадованный Прокоп. — Да неужто — всё?!

Люди выходили на берег, и тут же падали — сил сделать хотя бы несколько шагов к воде, где уткнулись носами в берег две лодки, уже не осталось.

— Будь я проклят, если встану раньше, чем через полчаса! — скрежеща зубами от усталости, простонал пан Роман. — Госпожа моя, как ты?!

Татьяна лежала пластом, как мёртвая — уткнувшись лицом в мох и не шевелясь. Впрочем, мгновение спустя она показала, что вполне жива... Вдруг тишину разорвал дикий визг, поднявший на ноги всех, кто мог встать. Окружённая кольцом из вооружённых мужчин, Татьяна, заикаясь и тыкая пальцем перед собой, с ужасом выговорила:

— Там... Там... Там...

Склонившийся над местом, в которое тыкала Татьяна, пан Роман не увидел ничего ужасающего и повернулся несколько растерянно.

— Что — там?

— Там — червяки! — всхлипнув, прошептала женщина. — А я их — боюсь!

Большинство удовлетворилось этим объяснением. Баба, что с неё взять-то! Некоторые, однако, признавая, что баба имеет право повизжать якобы от страха, сходились во мнении, что визг этот тоже должен звучать своевременно. Но не сейчас — когда все слишком устали, чтобы защищать слабонервных баб от вымышленных опасностей.

Единственный, кто сочувственно отнёсся к страданиям Татьяны, был сам пан Роман. Он даже рыбачить не рыбачил никогда, потому как брезговал бесхребетных тварей с подлым именем червяк. Вот и сейчас, глядя, как перекатывают свои розовато-белые тела червяки на ладони у Марека, он с трудом сдержал тошноту. А Марек как назло заигрался с ними, весело гогоча, когда какой-нибудь из его «пленников» наткнувшись на непреодолимую преграду, начинал вжиматься сам в себя и полз в другую сторону.

— Слышь, Яцек! — весело и звонко окликнул Марек приятеля. — А представляешь, у него жопа там же, где и рот! Одной дыркой и гадит, и жрёт!

Доверчивый Яцек вздрогнул и поспешно заткнул уши.

— Я не желаю тебя слушать! — громко провозгласил он. — Мы скоро обедать будем, а с тобой весь аппетит испортишь... На всю оставшуюся жизнь!

В другое время Марек не отказал бы себе в удовольствии поиздеваться над приятелем, громко и внятно перечислив ему все гадости, которые приводили того в ужас. На этот раз, однако, рот пришлось захлопнуть — пан Роман показал своему оруженосцу огромный кулак и Марек правильно понял этот жест. Ещё слово, и подзатыльником дело не обойдётся. Впрочем, ведь не обязательно же делать гадости вслух. Усевшись перед Яцеком, Марек начал говорить беззвучно, шевеля губами. Яцек поспешно зажмурился... Что и требовалось по плану Марека. Горсть червей, по-прежнему бывшая в его руке, была немедленно высыпана за шиворот Яцеку... и вопль бедного оруженосца второй раз за краткое время вздёрнул на ноги измученных людей.

Попробуй, пойми, с чего это вдруг Яцек, размахивая руками и крича без передыху, пляшет на одном месте. Вроде и беды никакой нет, и врага рядом не видно...

Марек, конечно, повеселился. Но, как и после любого веселья, последовала быстрая и короткая расплата. Как только Яцеку помогли очиститься от червей, пан Роман решил применить последнее средство перевоспитания распоясавшегося юнца, хотя для этого и пришлось распоясаться... Марек орал и пытался вырваться, но — второй раз за три дня — его задница была превращена из тощей и розовой во вздувшуюся и полосатую. Яцек был удовлетворён. Марек скрежетал зубами в бессильной злобе.

А час, обещанный для отдыха, минул слишком быстро. Никто толком не отдохнул... другое дело, что никто не возражал, когда сотник Кирилл Шулёпов приказал грузиться в лодки. Впереди ждал НАСТОЯЩИЙ отдых в монастыре, горячая еда и крепкое питьё. Может, и бабы разбойничьи! Вот только доплыть быстро не получилось. Помешал странный туман, посреди дня покрывший воду на высоту сажени.

— Вот пальнёт сейчас Павло, не разобравшись-то! — пробурчал Прокоп, на крайний случай вздевая шелом. Как будто, буде в лодью попадёт ядро, он выплывет в доспехе!

Монастырь выплывал из тумана огромной, чёрной громадой... второй раз за несколько часов. И опять все были мокрые, но теперь ещё и грязные. И опять был страх, ожидание грядущих выстрелов... У полусотника, по подсчётам Кирилла, оставалось под рукой как раз пять-шесть десятков воинов. Завидев перегруженные людьми лодки, вряд ли он станет долго разбираться — выстрелит! Вот и выплывай потом, в пудовом зеркале или моментально намокающем войлочном тегиле...

Монастырь был уже на расстоянии полусотни шагов, а не только выстрела — даже окрика слышно не было.

— Спят они, что ли? — сердито спросил Кирилл, вряд ли обращаясь к кому-то конкретно.

— А может, их всё же побили шиши? — робко предположил Прокоп.

Сотник только сердито взглянул на него, ничего не ответил... Однако жест, которым он уронил ладонь на рукоять сабли, говорил о высочайшей степени волнения.

Двадцать шагов до берега... десять... пять... Почти одновременно, лодки уткнулись носами в берег и воины немедленно бросились к настежь распахнутой калитке, ведущей от причала внутрь монастыря. Кириллу сразу припомнилось, что именно так её оставили, когда уходили в погоню...

Вот только тогда, постанывая и с трудом держась за стену, им навстречу вышел полусотник стрелецкий Павло Громыхало. Лик его был страшен — багровый, с выпученными глазами.

— Сотник... — прохрипел он, с трудом концентрируя взгляд на Кирилле. — А мы вот... празднуем!

Разъярённый Кирилл с трудом сдержался, чтобы не зарубить его на месте...

— Пошли! — прорычал разъярённо. Мигом протрезвевший... до определённого уровня, конечно... Павло поплёлся следом.

Вид воинов, выстроенных во внутреннем дворе монастыря, вызывал смешанные чувства. Страдания их — а страдало не только тело, страдала гордость стреляющих стрельцов, вызывали сочувствие. Но вид... Вид вызывал омерзение!

— Так... — тихо, зло сказал Кирилл, покачиваясь по давней своей привычке с носка на каблук сапога и обратно. — Значит, так вы тут воюете!

— Так мы ж победили, сотник! — возразил кто-то из стрельцов, стоявший на ногах твёрдо лишь потому, что опирался на свой бердыш. Острый его наконечник уже прорезал кожу на руке, но стрелец спяну этого не чувствовал.

— Кровью истечёшь... победитель! — рыкнул на него Павло Громыхало, доселе молча страдавший подле сотника. — Эх, братья... как же мы опозорились-то так!

Послышалось несколько тяжёлых вздохов, но большинство воинов стояли молча, только головы понурили. Было ли им стыдно? Конечно. А ещё имела место быть обычная досада. Ведь будь выставлен дозор, вряд ли сотник ругал бы их за пьянку. А теперь трудно даже сказать, чем всё закончится. Здесь, в походе, сотник в своей власти! Может миловать, но может и казнить!

— Да, позор велик! — тяжело подтвердил Кирилл. — Вы посмотрите на себя! Посмотрите вокруг! Трупы везде валяются... и некоторые пьяные свиньи, которые упились настолько, что вместо того, чтобы стоять в строю, валяются в собственной блевотине, моче да разлитом вине! Ну, с ними мы потом поговорим. А вот вы... Сейчас у нас вечер. Умрите, весь двор переройте, но найдите мне ларец! Небольшой ларец, обитый железом или серебром! К утру не найдёте, рассердите меня шибко! Ну, а найдёте, про вашу пьянку могу и забыть...

Обещание ли вдохновило ратников, перспектива ли скрыться с глаз сотника долой, но на то, чтобы строй испарился, потребовалось совсем немного времени.

— Вот как надо! — усмехнулся Кирилл, удобно устраиваясь на завалинке и откидываясь головой на стену. — Готов поспорить на что угодно, через час ларец будет у меня!

На этот раз он ошибся. Поиски не дали никакого результата, хотя в них приняли участие все, кто ещё мог стоять на ногах. Ну, или почти все...

Марек для себя решил, что помогать москвитам он не будет ни за какие шиши. Его оскорблённая гордость требовала бальзама — смягчить раны... Кстати, того же требовала и задница, исполосованная паном Романом со всем присущим ему вдохновением. Поэтому, как только удалось ускользнуть, Марек немедленно отправился в самый укромный уголок в доме и, удобно устроившись там, задремал...

Сколько он спал, посчитать было трудно, потому как окна в этом закутке — чулане, судя по наваленным там вещам, не было и в помине, а разбудившая Марека Зарина не могла знать, когда он заснул...

— А, это ты! — буркнул Марек, с трудом разлепляя веки. — Что тебе надо?

Впервые, наверное, он заговорил с Зариной так — грубо и сердито, служанка даже устала на него удивлённо.

— Ну, что смотришь? — сердито спросил её Марек. — Сплю я, сплю!

— Все ищут ларец, а ты — спишь! — к Зарине вернулось её обычное язвительное настроение. — Лентяй ты, Марек!

— Я — лентяй?! — взвился оскорблённый в лучших чувствах Марек. — Да если б это было нужно тебе... или хотя бы пану Роману... хотя он и ненавидит меня лютой ненавистью — я пошёл бы! А для москвитов я трудиться не намерен! Пусть сами в пыли гваздаются!

— Что, пан Роман опять тебе всыпал? — улыбнувшись, спросила Зарина.

Марек промолчал, надувшись, как сыч.

— Понятно... За что на этот раз?

— Яцеку за шиворот червей сыпанул! — Марек не удержался, улыбнулся весело и вызывающе, вспоминая как орал Яцек.

Удивительное дело, но Зарина тоже улыбнулась и, наконец, уселась — рядом с ним.

— То-то Яцека всё передёргивает, как припадочного! — весело сказала она. — Так значит, червей? Ну ты и мерзавец, Марек!

— Я такой! — горделиво подтвердил Марек. — Вот выйдешь за меня замуж, узнаешь — каков я на самом деле!

— Я? — искренне удивилась Зарина. — За тебя?

— А что? — уязвлённый в лучших чувствах, поинтересовался Марек. — Или я тебе не подхожу? Я, к твоему сведению — благородного рода. Ну, может, не очень богат и младший сын в роду... Ну, так ведь с паном Романом мне недолго быть бедным! И потом, пан Роман и пани Татьяна будут рады, если мы с тобой поженимся. И ты перестанешь быть холопкой, станешь настоящей пани... Красивой пани!

Удивительное дело — Зарина не кричала, что она не собирается связываться с малолеткой или что-то ещё из того, что стало уже привычным слуху Марека. Вместо этого она снова, изучающе взглянула на него. Пристальный взгляд тёмных глаз был странен... и в нём не было той насмешки, что всегда выводила Марека из равновесия.

— Мальчишка ты ещё! — обидно сказала вдруг Зарина, когда Марек уже уверился в успехе этого своеобразного сватовства. — Мальчишка, который нескоро повзрослеет. Вон, дурью даже в походе маешься... Какой из тебя хозяин?!

— Хороший хозяин! — с достоинством возразил Марек. — Вот увидишь — хороший! И я стану серьёзнее, клянусь тебе! Да чем я тебе не люб-то?!

Зарина всё ещё не ответила ни «да», ни «нет». Лицо её было задумчивым, а когда Марек добавил ещё раз, что пан Роман будет, несомненно, согласен — и грустным. Неисполнимая мечта её теперь и вовсе становилась безумной, невероятной... Ну, да и Аллах с ней. Пан Роман всё одно где-то рядом будет, на него можно будет хотя бы смотреть... А Марек и впрямь — не самый худший исход. В конце концов, если даже и не слюбится с ним, а только стерпит, этот глупый телок не слишком будет ей докучать...

Тут она ошибалась — Марек не был ни глупым телком, ни лучшим для неё исходом. Вот только убедиться в этом ей довелось не сразу.

— Что ж! — мягко сказала она, кивнув коротко. — Я согласна! Поговори с твоим паном, а я спрошу дозволения госпожи...

Марек, обрадованный и радостный, немедленно полез получать доказательства грядущей супружеской любви... и получил по рукам, не успев толком их распустить.

— Ты чего? — спросил обиженный смертельно, даже губой задрожав. — Я ж со всей душой!

— И я! — кротко ответила Зарина. — Сначала женись, потом — руки распускай!

Впрочем, в голосе её Марек не почувствовал особой строгости. Тогда, подумав для порядка, он полез снова... И на этот раз не получил особого отпора. Зарина, правда, и не

помогала ему никак, оставаясь холодной, как лёд. Но Мареку в этот миг большего и не требовалось. Не сопротивляется — и ладно.

— Ну, хватит! — наконец сказала Зарина, запахивая рубаху. — После... женишок!

В голосе её слышна была непонятная Мареку издевка, однако на этот раз он решил смолчать. Потом. Всё потом! Он ещё объездит эту горячую степную кобылку!

Марек не сомневался в себе так же, как не сомневалась в себе Зарина. Обоим, кажется, грозили неприятные новости. И — в ближайшем будущем.

Впрочем, пока что Зарина была вполне смирна и лишь предложила, легко вскочив на ноги:

— Давай всё-таки и мы поищем! Сотнику московскому мы отдавать не обязаны... А твой господин может быть доволен!

Подумав немного, Марек согласился, что пана Романа порадовала бы находка ларца.

— Только держи язык за зубами! — сурово нахмурив брови, попросил он. — Не хватало ещё, чтобы москали его от нас отобрали!

Зарина поклялась и направилась к лестнице, ведущей вниз. Пошла, уверенная, что Марек последует за ней. У того, однако, были свои планы на грядущие час-два.

— погоди! — окликнул он Зарину. — Зачем нам вниз спускаться? Там и без нас кладоискателей хватит! И пыль — столбом! И москали, чтоб им...

— А где ж мы искать будем? — бросив на чулан недовольный взгляд, спросила Зарина. — В чулане ты уже... поискал!

— Зачем в чулане? — удивился Марек. — Вот же дверь! Не знаю, правда, есть ли там... А вдруг есть?

Насчёт ларца, он и впрямь не знал — был тот там, или нет. Зато, ещё только появившись наверху и заглянув для порядку за эту дверь, он обнаружил там огромную постель, даже с периной и подушками. Вот он и предположил, что на таком роскошном ложе Зарина будет сговорчивей... А он, наконец-то, добьётся своего.

Зарина, скорее всего, догадалась почти сразу. Пожалуй, тут не догадаешься, когда кровать занимает полкельи, а женишок за спиной аж сопит от нетерпения. Однако отступать было поздно... да и не умела Зарина, дочь бея, отступать. Шумно вздохнув, она переступила порог... и Марек тут же принялся за исполнение своего жутко коварного плана...

Когда он, спустя где-то четверть часа, пришёл в себя, голова почти не болела. Только кружилась, да перед глазами летали серебряные мухи и жужжали так, что в затылке отдавалось. И челюсть не болела — всего лишь ныла. И рёбра не болели... почти.

Зарина, скромницей усевшись на самый краешек кровати, пристально на него смотрела и даже, кажется, улыбалась. Улыбка её заставила Марека содрогнуться от ужаса.

— Ну что, женишок, очнулся? — ласково и даже озабоченно спросила она. — Как ты меня напугал-то!

— Я?... — прохрипел Марек, постепенно приходя в себя окончательно. — Я напугал?

— Ты, милый мой! — охотно подтвердила Зарина. — Знаешь, когда ты меня так схватил за грудь, я думала — разбойник какой остался жив, да и напал. Ну и врезала со всей силы. Ты же знаешь, я — жутко какая пужливая! Ты уж поосторожнее подходи ко мне сзади. Лучше — кашляй предварительно. Ты кашлять умеешь?

Марек, чувствующий, что над ним издеваются, никак не мог придумать, что бы ответить — правильно. Рожа его, перекошенная от боли, отображала лихорадочную работу мысли. увы, мозги, встряхнутые, не иначе когда он приложился затылком к стене,

совершенно отказывались работать нормально.

— Ага... — пробормотал он наконец, когда пауза из долгой превратилась в неприличную. — Умею. Я — кашляну! Следующий раз, обязательно кашляну!

ЧЕМ он кашляет Зарине, та предпочла не уточнять. Марек был злопамятен и вполне мог приложить невесту хотя бы и кулаком по затылку. Конечно, не до смерти. Ведь он любил её!

— Ну, давай искать, что ли! — дружелюбно предложила Зарина. — Ведь ты хотел здесь поискать? А мы ведь столько времени зря потеряли, пока ты в себя приходил. Я так испугалась, так испугалась!

Марек, скрипя зубами от ярости и боли, медленно поднялся на ноги. Его ещё пошатывало, но взгляд уже мог сконцентрироваться на одной точке. В данном случае, точка эта была в дальнем углу кельи, под Божницей. Там, в углу, накрытое небрежно брошенной безрукавкой, стояло что-то квадратное, небольшое. Зарина, стоявшая спиной к тому углу, ничего не видела. Марек молча прошёл мимо неё, будто бы случайно так пихнув плечом, что она невольно отступила на шаг.

— Ты чего, Марек? — в голосе татарки прозвучал явный испуг. Хотя, может, и играла опять...

— Ничего! — прохрипел Марек, с трудом наклоняясь и сдёргивая безрукавку...

Это, разумеется, был ларец. Тот самый ларец, который все так долго и так старательно искали. Ради которого перерыли весь замок, заглядывали даже в выгребную яму и уже собирались обыскивать дно озеро вокруг монастыря... Тот самый ларец спокойно стоял на том самом месте, где его поставили разбойники... отливая в свете одинокого масляного светильника синевой.

— Нашёл! — Марек от радости всхлипнул. — Нашли, Зарина!

— Нашли! — Зарина радовалась ничуть не меньше Марека.

— Вот жаль только, придётся молчать! — вздохнул Марек. — Никто не узнает, какие мы с тобой умные... А всё ведь потому, что мне приглянулась эта кровать! Слышишь, Зарина?

Зарина с лёгкой улыбкой взглянула на него, потом на широкое ложе, укрытое меховым одеялом... и медленно потянула с себя рубаху.

Обалдевший от неожиданности Марек несколько мгновений тупо разглядывал её стройное, смуглее обычного тело, потом шагнул вперёд, яростно срывая одежду с себя. Сам дьявол не поймёт этих женщин! — подумалось ему в последний миг. А дальше...

— Зарина! — уже с ноткой раздражения окликнула служанку Татьяна. В третий раз окликнула и в третий раз осталась без ответа.

— Зарина!!! — голос стал жёстче, чуточку визгливее. Раздражение медленно, но неотвратимо перешло в гнев и теперь уже верной чернавке вряд ли сойдёт с рук такое невнимание к зову госпожи.

— Куда эта мерзавка подевалась? — сердито поинтересовалась Татьяна, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разразиться проклятиями прямо при недоумевающем по поводу вспыхнувшего внезапно гнева пана Романа. Мужчины... Чтоб они понимали в чайнях любимых женщин! Вот сейчас, именно сейчас, более всего иного, больше чем есть и пить, Татьяне хотелось помыться. Как следует, окунуться с головой в лохань, да чтобы горячей водой, с песочком и синей глиной отодрать от себя грязь и вонь... Чтобы зашипало синяки и раны, чтобы сладкой болью отозвались сведённые усталостью мускулы...

Лохань она нашла. И добрый Яцек уже поставил ей воду — греться. Есть и вода, и лохань... даже глина есть! Нет только Зарины — и не помыться!

— И Марек куда-то пропал! — задумчиво протянул пан Роман, ковыряя ножом столешницу. — Может, они вместе куда-то ушли? Ну, любовь там у них?

Что-то с грохотом обрушилось на каменный пол — бледный как полотно, Яцек бросился подбирать рассыпавшуюся серебряную посуду, которую нёс, чтобы поставить на стол.

— Да нет, невозможно! — категорично заявила Татьяна. — С Марексом? Нет!

— Отчего же? — несколько уязвлено спросил пан Роман. — Ты считаешь, что МОЙ оруженосец недостоин ТВОЕЙ служанки? Между прочим, он — не простой крестьянин и не холоп. В его жилах течёт капелька крови Гедимины, а может — и Рюрика. Он — будущий воин и даже имеет свою деревеньку. А то, что в деревеньке той всего два дома да семь душ народа, так у многих и такого нет, а — шляхтичи! И он будет! А я — помогу, чем могу!

— Я не говорю, что он недостоин Зарины! — возразила Татьяна. — Хотя она тоже не простых кровей, а полонянка, дочь бея! Я говорю, что Зарина не станет с ним якшаться. Она себя понимает, честь свою бережёт... А Марек твой, пусть и благородных кровей, ведёт себя как босяк! И по рукам от Зарины получал уже не раз и не два! Когда-нибудь и не по рукам получит. Она у меня такая!

Пан Роман сердито фыркнул, бросился на защиту Марека... И они чуть ли не впервые всерьёз поссорились.

— Я могу поискать их! — раздался внезапно робкий голос Яцека.

Оба, ещё не остыв от горячего спора, резко развернулись в его сторону.

— Ты? — сердито спросил пан Роман. — Ну, поищи! Смотри только... а впрочем, поищи! Скажи Марексу, он мне срочно нужен!

— И Зарине! — подхватила Татьяна. — Что-то она загуляла...

Яцек покорно направился прочь из залы и целый час бродил по коридорам и переходам монастыря, заглядывая во все закоулки, в каждую келью и в каждый чулан. Он покрылся толстым слоем жирной пыли — тем более что многие помещения монастыря были заброшены; от чиха у него горели лёгкие и першило в горле... Все эти страдания были напрасны. Марекса и Зарины он найти не смог и уже скорее от отчаяния, чем всерьёз

рассчитывая найти их там, поднялся на самый верх, под чердак.

Здесь было прохладно и тихо, здесь не было воинов, искавших клад, и не слышно было их полных отчаяния голосов... Хотя нет, кто-то всё же разговаривал. Слегка удивлённый, Яцек пошёл на звуки голосов... и уже на подходе разобрал, что говорили искомые им Марек с Зариной.

— ...он и говорит, мол, не полезу в воду! Мол, холодная! — весело рассказывал Марек, и столько веселья было в его голосе, что даже Яцек, вначале не угадавший, о чём рассказывает приятель, улыбнулся. — Я и думаю: если он не полезет, мне придётся. А вода и впрямь — холо-одная была! Ну, осень на дворе! Ночью и ледок уже бывал. И тут гляжу...

Вот тут Яцек на миг оглох — он сообразил, о чём рассказывает Марек. Была пару лет назад история, стоившая ему, Яцеку, вселенского позора, а Мареку — порки от пана Романа и славы главного шутника Смородиновки... Когда он слегка пришёл в себя, Зарина ещё смеялась — заливисто и звонко.

— Ты у меня — хитрый! — похвалила она, и Яцек ощутил, как ладонь сжимает рукоять ножа. У неё! Зарина сказала — у неё!

Он не удержался — заглянул в узкую щель между дверью и косяком. Увиденное добавило гнева в его душе. Зарина и Марек, совершенно обнажённые, насколько можно было увидеть в щель, лежали на каком-то ложе и разговаривали. Рука Марека лежала на бедре Зарина и та несколько не возражала. Как не возражала и против поцелуев, которыми юный оруженосец одаривал её увенчанную острыми наверхиями сосков грудь.

— Яцек вообще — балда! — прерывая своё сладкое занятие, сообщил Марек. — Я ведь думал, ты его мне предпочитаешь!

Зарина почему-то долго молчала, когда же ответила, в голосе её не было веселья.

— Яцек безобиден, как младенец! — тихо сказала она. — Вот он бы никогда не смог меня взять в жёны. Хотя, возможно, он и был бы более удачным исходом, чем ты, Мариус!

Марек, явно обиженный, даже руку убрал... на пару мгновений.

— Это вряд ли! — сердито сказал он. — Яцек же увалень! Медвежонок с одной извилиной, проделанной в мозгу паном Анджеем!

— Он же твой друг! — удивилась Зарина.

— Конечно, друг! — согласился Марек. — А про друзей всегда надо либо правду, либо ничего! Нет, правда, Зарина! Ты только подумай, ЧТО он упустил, пока был раненный и несчастный! А?!

— Ты бы не упустил своего шанса! — криво усмехнулась Зарина.

— Да уж, пожалуй! — не заметив или не пожелав заметить её опасного тона, согласился Марек. — Я и не упустил!

— Да, ты и не упустил! — спокойно сказала Зарина. — Вот поэтому я и говорю, что Яцек — куда как более безопасен!

Далее слушать Яцек не пожелал. И так уже его лицо пылало, а ушами, наверное, можно было подсвечивать дорогу вместо факелов. В душе клокотала ненависть, а на том месте, где недавно пылала божественная любовь к Зарине, теперь была выжженная пустыня. Все бабы — блудницы и шлюхи! — решил для себя Яцек. И ещё он решил, что никогда более не влюбится и не женится...

Впрочем, сейчас главное было сделать так, чтобы ни Марек, ни Зарина не поняли, что он слышал их разговор... На цыпочках отойдя к лестнице, Яцек нарочито громко прошёлся там, ударил ногой о стену и громко выругался.

— Марек! — громко позвал он. — Марек, чтоб тебя, где ты там?! Тебя пан Роман зовёт! Срочно!

Марек, собака, не отзывался довольно долго. Не иначе, штаны натягивал в спешке.

— Я здесь! — наконец донёлся его искажённый расстоянием голос.

— Где — здесь? — сам удивляясь внезапно прорезавшемуся у него актёрскому таланту, спросил Яцек. — Я не умею ходить на голос, покажись!

— Ты у лестницы? Иди налево до конца! — Марек голос можно было назвать весёлым, если бы Яцек не ожидал услышать в нём явное напряжение. Марек боялся? Ну, это вряд ли...

Дойти обратно до двери в келью было для знающего дорогу Яцека делом мгновений. Пинком ноги распахнув дверь — ведь предполагалось, что он не ожидал увидеть здесь никого, кроме Марека, Яцек ввалился внутрь.

— Марек, пан Роман велел тебе... О! А! Зарина?!

Зарина — бледная, напряжённая, сидела на ложе — уже одетая. Впрочем, ни рубаха, ни распущенные смоляные волосы не могли укрыть кроваво-багряного засоса, занимавшего всю правую сторону шеи. И уж тем более ничто не могло укрыть распухших от долгих и страстных поцелуев губ. Не ошибёшься.

Так значит, я — увалень! — горько подумал Яцек. — И дурак... Ну, что ж...

— Зарина, а что ты здесь делаешь? — изумлённо спросил он, с удовлетворением отметив, как покраснела девушка, как опустил глаза Марек. — Ой, а вы что...

Он как бы случайно наткнулся взглядом на развороченное ложе, потом уставился на засос...

Зарина, несомненно, чувствовала себя неудобно, она поспешно перекинула волосы направо, закрывая синяк.

— Ну, Марек! — радостно завопил Яцек. — Ну, сукин ты сын!!! Ты всё же добился своего?! Вот тебе и телёнок безмозглый...

Быстрый взгляд, который Марек бросил на Зарину, был полон обиды.

— Я никогда не говорила, что он — безмозглый, Яцек! — сердито сказала Зарина. — Нечего вымещать свою досаду на нас. Марек оказался быстрее и настойчивее, он и получил приз. А ты слишком долго раздумывал!

— Ну, так я его и поздравляю! — весело сказал Яцек, с трудом сдерживая рыдание. Он всё же надеялся, что голос его не дрожал.

Видимо, не дрожал, потому что Марек больше не желал чувствовать вину, и голос его был полон ярости:

— Зачем ты пришёл, Яцек?

— Я-то? — удивился Яцек. — А разве я не сказал? Тебя пан Роман зовёт! А тебя, Зарина, твоя госпожа! И притом — срочно! Оба грозны и гневны!

Удивительно, но оба нисколько не испугались. Наоборот, они, разя Яцека в самое сердце, взяли за руки и, воркуя как голубки, медленно пошли к лестнице. Что оставалось Яцеку? Да только плестись позади. Ларца он так и не заметил...

— Госпожа, как ты хороша! — воскликнула Зарина, когда был вылит двадцатый кувшин горячей, почти раскалённой воды и распаренное тело Татьяны проступило сквозь клубы пара.

Она немного покривила против истины, но все недостатки боярыни — синяки и ссадины на самых интересных для мужчин местах должны были когда-нибудь сойти...

На взгляд Зарины, истинной татарской женщины, боярыня была чересчур худошава. Да вроде бы и на Москве больше любили женщин пышных, даже дородных... Но то — на Москве. Видимо, пан Роман был иного мнения... Ну и пусть его!

— Ты где так долго пропадала? — уже вполне добродушно, совсем по-другому, чем вначале, справилась госпожа, потягиваясь и красуясь перед сокровищем из Богемии — большим, в половину человеческого роста, стеклянным зеркалом, найденном где-то в закутке услужливым Яцеком. — Неужто у вас с Мариусом что-то может быть?

— Госпожа... — замялась Зарина. — Госпожа, дозвожь мне просить тебя о милости!

— Только не говори, что просишь у меня разрешения выйти замуж! — легко обронила Татьяна. — Не поверю, что Марек настолько прельстил тебя! Сама же его телком безмозглым называла!

— Только при нём этого не говори! — быстро сказала Зарина. — Он обидчивый — жуть просто!

— С каких это пор тебя стало волновать... — боярыня сама оборвала себя и медленно обернулась, изумлённо вскидывая брови. — Что?! Зарина, от кого-кого, но от тебя я никак этого не ожидала!

Зарина с изумлением отметила, что ей совершенно не стыдно и — более того, обидно за Марека.

— А что? — как будто со стороны услышала она свой голос. — Марек — благородных кровей и неглуп к тому же. Я думаю, он подходит мне... А что моложе на три года... Так ведь не на десять же!

Татьяна сокрушённо покачала головой, но когда Зарина вознамерилась поинтересоваться, какими её словами она недовольна, сама жалобно сообщила:

— Пахну! Всё равно пахну грязью! Господи, доколе?!

Зарина виновато развела руками... Ну а что, и впрямь-то, хотела боярыня, если мыться пришлось синей глиной? Отличное средство отчищать грязь, но вот бороться с пропитавшей кожу и волосы грязью ей не по силам. Уж они и песочком пробовали, и воды не жалели... Да Бог с ней, с вонью! Вряд ли нанюхавшийся в болоте пан Роман почует разницу... если вообще в состоянии будет прийти к своей возлюбленной сегодня вечером.

— Так что, ты всерьёз решила связаться с Мареком? — неожиданно вновь сменила тему госпожа. — Хорошо, коли так... В конце концов, это значит, что ты останешься со мной и дальше, а не уедешь куда-нибудь за тридевять земель... Ведь ты — единственная, кому я могу доверять!

Зарина могла бы быть польщена... если бы намерения её госпожи не расходились в корне с её намерениями. Нечего и говорить, что она была крайне молчалива. Татьяна так и не дождалась от неё благодарности... А ведь она на них рассчитывала!

— Зарина, что с тобой? — сердито спросила боярыня. — Я понимаю — любовь... Но не

забывай и про свои обязанности!

Зарина, стиснув зубы так, что стало больно челюстям, набрала полную горсть глины и принялась тереть спину госпожи. Четвёртый раз! Боярыня как будто решила удалить запах вместе с кожей... Так и произойдёт, если не остановиться!

— Три, три! — ожесточённо прошептала Татьяна, сама набирая глину в горсть и принимаясь за живот и грудь. — Сотри этот запах, сотри эти синяки! Я чувствую, что я — грязная!

Самое удивительное, что допрежь Татьяна вовсе не отличалась столь безумной чистоплотностью. Даже больше того — обычно ей хватало одного похода в баню в неделю. И вдруг — такой поворот. Зарина даже рассердилась — ведь всё это время Марек и Яцек, наверняка обозлённые друг на друга, бродят где-то по монастырю. Ещё не хватало, чтобы они поубивали друг друга!

Ей было ещё трудно разобраться в своих чувствах, но то, что смерть или ранение Марека заставило бы её скорбеть — это совершенно точно. По правде сказать, подумала о нём, а сердце-то сразу застучало сильнее. Пусть самую чуточку, но — сильнее!

А ведь что этот Марек из себя представляет? Худой, ни кожи, ни рожи! Шутки его дурацкие, характер вздорный... И впрямь — младше же её на три полных года! По правде, так и на три с четвертью!

Трудно сказать, что бы почувствовала Зарина, если бы знала, что Марек и не собирался резаться с Яцеком, а тот предпочёл его дружбу мести. В конце концов, неизвестно, какая из Зарины возлюбленная, а вот Марек — приятель совсем неплохой... Если не давать ему повода для насмешек и не пускать глубоко в душу... с его-то грязными ногами!

Первым делом, как только удалось освободиться, отроки спёрли полный кувшин доброго греческого вина — последние годы в Европах это вино стало большой редкостью. Турки, как известно, мусульмане, а мусульманам вино пить не дозволяется. Вот и начали хиреть знаменитые виноградники. А какие были вина! Старики ещё рассказывали, что хиосское вино было густым и красным, как кровь, а фалернское — почти розовым и очень ароматным. Теперь же вместо греческих пили рейнские вина. Тоже вкусные, но те же старики ворчали — греческое вкуснее...

Налили по чарке. Переглянулись — и залпом, одновременно, выпили...

Скривились тоже одновременно.

— Кислое! — проворчал Марек, отставляя чарку подальше.

— Уксус! — согласился Яцек. И достал из-под стола кувшин побольше, работой поглубе.

— Рейнское? — не поверил Марек.

— Вот ещё, это ж — палёнка! — возмутился Яцек.

Впервые, наверное, Марек проявил больше благоразумия и даже возражал, правда, не слишком твёрдо, так как подлое греческое вино уже после первого кубка неслабо ударило по мозгам и языку.

— Крепковато будет... Яцек, ну много же льёшь!

Яцек, словно не слыша, налил полный кубок себе и столько же — Мареку.

— За нашу дружбу — до дна! — возвестил он таким же заплетающимся языком. И первым выпил.

Попробуй, не выпей за такое! Марек, повздыхав для порядку, приложился к кубку...

Палёнка обожгла горло похуже настоящего пламени, и он даже закашлялся... первый

раз. Следующая чарка пошла легче, а на третий или четвёртый раз, да ещё под мочёную бруснику, которой Яцек нагрёб полную миску, она показалась сладка и нежна.

После пятой чарки они запели песни и так — поющих в обнимку — их и застала Зарина.

— Так! — процедила она, подбирая опрокинутый кувшин и принюхиваясь. — Пьёте, значит! Ты, Марек, я погляжу, совсем мужчиной заделался! Палёнку кувшинами хлещешь!

— Молчи, женщина! — рявкнул Марек, совсем по-мужски грохая кулаком по столу. По крайней мере, ему показалось — по-мужски. — Не смей указывать мне, что делать! Я сам себе хозяин!

Его гордая речь, однако, была порядком подпорчена тем, что язык заплетался, и никак не желал слушаться, а сама Зарина смотрела на него слишком пристально. Так пристально, что Марек моментально начал трезветь и первым делом — до полного протрезвления, замкнул уста. Мало ли, какая глупость сморозится... отвечай потом!

— Так-то ты меня любишь, Мариус! — сурово сказала Зарина. — Гляди же, достучишься кулаком, что жениховство твоё здесь и закончится.

Постанывая, и походя обрушив со скамьи заснувшего Яцека, Марек встал и направился к дверям.

— Нужник — в другой стороне! — язвительно напомнила Зарина.

— Мне не туда... пока! — глухо ответил Марек и вышел наружу. Спустя пару мгновений оттуда донеслось громкое уханье, вопль... Вернулся Марек с мокрой головой, красными глазами... зато почти трезвый.

— Прости меня! — жалобно воззвал он. — Пьян был, не ведал, что творил!

— Что у пьяного на уме... — сердито начала Зарина, но, наткнувшись на умоляющий взгляд Марека, запнулась и умолкла, сердито махнув рукой. — А, что с тобой говорить!

— Ну, например, о том, что я поговорил с паном, и он дал своё согласие! — радостно оскалившись, сообщил Марек. — Ты рада?

— Рада... — холодно сказала Зарина. — Моя госпожа тоже согласна. А вот я ещё думать буду!

— Я люблю тебя! — возопил полный раскаяния Марек и бросился доказывать свою любовь... На дороге стояло забытое кем-то ведро. Марек, протрезвевший всё же не до конца, со всей дури влетел в него ногой и рухнул, пару пядей не дотянувшись до Зарины.

Тяжко вздохнув, Зарина принялась его поднимать... Тяжела ты, жизнь за мужем!

Пан Роман и Кирилл решили устроить пир. В честь победы ли, для сугубого примирения былых врагов, но — решили и решили. Благо, вина в глубоких монастырских подвалах скопилось немало, да и снеди хватало. Не только дичи да копчёного мяса — свежей баранины, свинины да парной говядины. Видно, и впрямь силён был Ворон — лесной правитель. Ну, а дань... Да та же Званица и платила, наверняка предпочитая разору не слишком обременительный дополнительный оброк...

Благо, что кашеваров добрых хватало в обоих отрядах, и готовить они умели — стол получился обильным и прямо-таки роскошным. И веселились за ним без удержу. И пили — тоже. Даже павших товарищей, поутру похороненных в общей могиле, на берегу лесного озера, поминали без грусти. Отгрустилось... И незаметно было, что пировали бывшие противники, яростно друг с другом рубившиеся, а в той же могиле лежали воины, павшие не только при штурме монастыря, но и раньше — на улицах и в огородах Званицы. Впрочем... Мёртвым лежать в могиле, живым — жить дальше. После той резни многое случилось и, по правде говоря, многое стало забываться. Не до конца...

Весело было в зале. Грустно — на помосте, где уселись вящие. Здесь было гораздо больше дорогих блюд, здесь сидели не чинясь, широко раскинувшись. Видно, у Ворона побольше было ближников, чем сейчас сидело за столом людей... Пан Роман да Пан Анджей, Клим Оглобля да Андрей Головня — с одной стороны. Кирилл, Дмитро, Павлс Громыхало — с другой. Татьяна, счастливая вниманием, которое оказывали ей все по очереди мужчины — сплошь истинные воины и богатыри, светилась и звонко смеялась шуткам, которыми обменивались пан Анджей да полусотник Павло Громыхало. Она даже не чувствовала, что шутки натужные, что между сидящими проскальзывают искры, как от кремня, что все семь мужчин — в бронях и при оружии... Зато это чувствовала Зарина. Напряжённая, настороженная, она стояла за спиной своей госпожи и время от времени бросала короткий взгляд в зал. Там беспечно веселился Марек.

— Итак! — первым перешёл к старательно избегаемой теме пан Роман. — Завтра поутру мы выступаем. Так что благодарим за помощь, дорогой мой друг, пан Кирилл, но — пора и честь знать. Тем паче, нас дома ждут!

— Кстати, о ждущих! — хмуро обронил, ковыряя ножом блюдо, Кирилл. — Вернее, насчёт того, что они ждут... Сундучок так и не нашли, знаешь ли, сударь мой Роман!

— Знаю! — спокойно сказал тот. — Жаль... Его и впрямь очень надо было привезти!

— Вот-вот! — яростно сверкнул тёмными глазами Кирилл. — Привезти, чтобы враги Руси могли воспользоваться помощью Самозванца!

— Государь Дмитрий — не самозванец! — вскричал, вскакивая, пан Роман.

— Самозванец! Тать, вор, святотатец! — в свою очередь, вскакивая, выкрикнул Кирилл, первым бросая ладонь на рукоять сабли.

— Сам ты — тать! — ещё громче закричал пан Роман. — Он — законный наследник и государь твой, дурак!

В зале, где до этого царило не сдерживаемое ничем веселье, повисла напряжённая тишина. Мгновение назад бывшие собутыльниками, люди с подозрением смотрели друг на друга... а оружие, как оказалось, взяли с собой все. Доверяли так, видимо...

— Ромек, Кирилл! — воззвал к ним пан Анджей. — Оставьте вы этот спор.

Самозванец... Законный царь... Да какая, на хрен, разница?! Мы с тобой, друг мой, своё сполна получили и возвращаемся на Родину. Под крылышко НАШЕГО с тобой законного государя — Сигизмунда Вазы... Нет, не вазы, а Вазы! У них в роду все — Вазы... не везёт видно! Давайте лучше выпьем за здоровье славного сотника пана Кирилла и славного воина пана Романа! Ура!!!

Орать, особенно, когда это требовалось, пан Анджей умел очень громко. Многие отшатнулись, кое-кто и уши заткнул, когда пан Анджей заорал... А орать он мог не только громко, но и долго. Но всё же и он когда-то должен был израсходовать весь воздух в лёгких.

— Пан Анджей! — трудно сказал пан Роман, вынимая пальцы из ушей. — Ну, ты... Ну, ты...

— Труба Иерихонская! — вспомнив сравнение, которое как-то приводил один знакомый монах, подсказал атаман Дмитр. — Тебя бы к нам, в монастырь, на клиросе петь! Вот ведь даровал Господь голосище!

— Пробовали! — горестно махнул рукой пан Анджей. — Голос-то у меня есть... Слуха нет! И чего-то ещё. Как заору псалом, весь хор — врассыпную. Лучшие друзья вон — уши затыкают! Как будто попеть нельзя. Зато я много песен знаю. Вот слышал ты, например, одного хохлацкого кобзаря песни? Андреем его зовут, из рода Лызиных! Голос, правда, тонковат. Зато как поёт! С душой! Старательно. И песен у него — много. Вот я тебе сейчас спою одну...

— Ладно, ладно, пан Анджей! — поспешно перебил его пан Роман. — Мы верим, что это — очень хорошие песни!

Пан Анджей обиженно надулся, стал похожим на сыча... Но замолчал, что уже само по себе — неплохо.

— Ну, пан Анджей, не дуйся! — поспешно утишил его обиду пан Роман. — Как-нибудь в следующий раз!

— Мы говорили о ларце! — напомнил внезапно сотник и улыбка немедленно покинула его лицо. — О ларце Самозванца! Что скажешь, пан Роман?

— Что мне сказать... — пожал плечами пан Роман. — Нечего, правду сказать! Хочу я его отдавать. Или сам бы отвёз, куда государь приказал! Какая разница?! Нет ведь ларца, пан Кирилл! Даже и следа от него не сыскали, хотя искали тщательно. Особенно — твои молодцы!

— Да и твои на месте не сидели! — мрачно сказал Кирилл. — Вот я и думаю... а не спрятали ли они ларец где-нибудь в обозе? Ты ведь целых шесть возов себе нагрузил!

Пан Роман, специально посылавший в Званицу и не пожалевший серебра на возы и возничих, поморщился, но смолчал. И впрямь, его желание компенсировать расходы перехлестнуло через край. Все шесть возов были нагружены с верхом. В том числе и сундуками, в которое плотно набили награбленное разбойниками добро. Неудивительно, что московский сотник подозревал его во лжи! В таком обозе десять ларцов можно было укрыть... если б потребовалось.

— Не желаешь ли проверить? — угрюмо поинтересовался пан Роман. — Я — готов показать!

Внезапно — неведь почему — он увидел перекошенное лицо своего верного Марека. Тот на сей раз сидел чуть поодаль от господина. И вот — почему-то попался на глаза. Лицо его медленно приобретало бледный оттенок. Он, стараясь не привлекать внимания, не сводя пристального взора со своего господина, покрутил головой. Словно говорил — не надо!

— ... А впрочем, если ты согласишься мне на слово... — небрежно обронил пан Роман, стараясь, чтобы паузы почти не было.

— Я — тебе?! — изумился сотник. — Да с чего бы русский ляху поверил?

— Я не лях! — возразил пан Роман, не став, впрочем, указывать, кто он есть. Русин? Литвин? Украинец? Бог весть... Всего волей Господа намешалось...

Кирилл мрачно хмыкнул. Для него, похоже, любой, живущий под властью короля Польского, был поляком. Иначе говоря, ляхом.

— Перед иконой поклянись — тогда поверю! — указав на роскошный иконостас в красном углу, решительно сказал он. — Поклянись, что не прятал ни ларца, ни того, что в нём есть или было, что не знаешь, где они!

И опять — пан Роман увидел бледность на лице Марека. Бледность — и надежду. Словно бы оруженосец рассчитывал, что пан Роман подтвердит и опасность минет... Но откуда Мареку знать про ларец?! Он же всё время теперь проводил с Зариной! Татьяна вон даже гневаться начала... Пока, правда, не слишком сильно.

— Что ж! — сказал он, вставая и трижды осеняя лоб крестом. — Перед Богородицей клянусь — не клал, не прятал, не ведаю, где!

Вроде как и не соврал... А страшно! Последнее утверждение — не ведает где, было истинным лишь частично. Не ведает... Но подозревает! Если бледность Марека не случайно, если это не совпадение. Боже, неужто этому юному мерзавцу опять повезло?! Ну, если только он снова выручил своего господина! Награду он заслужил! Давно уже заслужил!

Бледность мало-помалу покинула лицо Марека. Он даже позволил себе улыбнуться.

Пан Роман дал себе слово при ближайшем удобном случае подробно допросить отрока. Лично он тайны ненавидел. На дух не переносил!

— Марек!!! Марек, чтоб тебя! Куда ты там запрятался?!

В голосе пана Романа слышны были нотки настоящего гнева и Марек, подумав немного, предпочёл пока не отзываться. Пан Роман, он ведь хоть и гневлив, но отходчив и редко наказывает за проступки и провинности, которым минуло несколько часов.

Зарина, сидевшая рядом и начавшая было лихорадочно запахиваться, изумлённо покосилась, но спрашивать не стала. Пан Роман был где-то рядом, и голос мог бы услышать.

Марек, озорно усмехнувшись, полез рукой к ней за пазуху, явно не намереваясь на этом останавливаться.

— Марек, прекрати! — прошипела Зарина, испуганно покосившись на пыльную занавесь, за которой находился коридор. — Ну, кому говорят, хватит!

Марек что-то разошёлся последнее время, не давая невесте прохода. Впрочем, в том не было ничего удивительного, если вспомнить, сколько ему минуло лет. Зарине первое время было даже приятно... потом она просто устала. Нет, правда! Она же не против облегчить ему жизнь. Тем более — жених, почти что муж. Но не так же часто!

Марек же опять наседавал и ладонь свою запустил так глубоко, что стыдно и подумать — куда. И давай валить — на пыльные тряпки, во множестве наваленные в этом закутке. Зарина попыталась упереться... Да разве ж с Марекком поупираешься?! Упрямый он. Упрямый, назойливый, мерзкий мальчишка! Главное — вслух этого не сказать. Он ещё и обидчивый!

В какой-то миг Марек неловко повернулся, пытаясь устроиться поудобнее... и со всего размаха всадил ногу во что-то звонкое... Гулу было много, и тут же затих пан Роман. Потом раздались его быстро приближающиеся шаги и голос — совсем близко, воззвал:

— Марек, это ты шумишь?

Зарина лихорадочно отпихнула жениха и принялась оправляться... Немного же она успела, прежде чем пан Роман отодвинул в сторону занавесь и вошёл в закуток.

— Ага... — протянул он весело. — Вот оно что! Вот, почему ты не отзывался! Ладно же... Зарина, иди, погуляй пока! Мне с Марекком поговорить надо!

Зарина, лихорадочно запахивая рубаху на груди и оправляя задранную чуть ли не до подмышек юбку, вскочила и вознамерилась так и поступить. То есть — сбежать, бросить Марека самого разбираться с его господином. Марек, однако, был иного мнения.

— Пстой! — коротко сказал он, и Зарина покорно остановилась. — Господин, она знает всё, что знаю я! Ведь ты о ларце хочешь меня спросить?

— О нём самом! — подтвердил пан Роман. — Что ТЫ о нём знаешь?

Марек не торопился говорить. Для начала, он выглянул в коридор, проверил, нет ли там кого. Потом уже, загадочно сверкая глазами и довольно ухмыляясь, он сообщил:

— Мы нашли ларец!

Пан Роман изумлённо на него уставился.

— Что — нашли? — чувствуя, что изумление его чересчур сильно и всё же не в состоянии с ним справиться, он хотя бы принял серьёзный облик, нахмурил брови.

— Ларец! — громко и отчётливо повторил Марек. — Странно, что его не нашли... Он, в общем-то, не особо и спрятан был! Я-то нашёл...

— Ты! — усмехнулся пан Роман, не отказав себе в удовольствии подколоть

мальчишку. — Ты — пронира, в любую дырку, в любую щель пролезешь! Ты, Зарина, слушай да запоминай! Тебе не ангелочек достаётся! Я иногда думаю, что в Мареке слишком много от чёртика... по крайней мере, для христианина!

— Ничего! — кровожадно заверила Зарина, потупив, однако, скромно глазки. — Я его перевоспитаю... Если получится!

— Марека? — удивился пан Роман, с приятнью глянув на невесту своего слуги. — Ну, не думаю! Он у меня уже пять лет, с десяти. Его матушка, моя кормилица, решила пристроить своего младшего получше. Ну, и просила заняться его воспитанием МЕНЯ. Пят лет мучаюсь! Никакого уважения к старшим! Выпороть бы, так ведь жалко!

Марек стоял мрачный, впервые не усмехаясь польщёно шуткам господина. Это приятно, когда так «хвалят» при мужчинах. Тогда можно и попову дочку, и племянницу ксендза и невестку раввина, им соблазнённых, вспомнить. Можно и про сгоревшую из-за мелкой шалости Марека скирду свежесушенного сена вспомнить... пан Роман тогда немало серебра вынужден был отдать. И про выпущенную в невод с рыбой щуку. Невод такую зверюгу удержать не смог, а предварительно она пообгрызла там половине рыб — кому головы, а кому только хвосты. Правда, тогда ему всё сошло с рук, да и пан Роман узнал о том, кто во всём повинен спустя пару месяцев, когда наказывать было уже поздно... Таких историй ещё много можно было рассказать, да пан Роман пощадил своего отрока. Тем паче он покраснел и смотрел так умоляюще... так умоляюще... Прямо до кишок затронул доброе сердце пана!

— Ладно, нашёл ты ларец! — сурово, сдержав рвущуюся наружу улыбку, сказал пан Роман. — Куда дел-то?

Марек почему-то вздохнул тяжело, глядел на него робко:

— Так это... на воз и спрятал! Среди других вещей!

Пану Роману почему-то тяжело стало дышать, да и ноги не держали. Стараясь не думать о худшем, он медленно сел на тюки.

— Куда? — перехваченный спазмом голос отказывался звучать в полную силу. — В какой из них, Марек?!

— Так... — Мареку сегодня явно приходилось туго, голос его звучал смазано и неуверенно. — Так в первый же воз! Туда, где твоя утварь лежит, господин!

Пан Роман медленно потёр лоб дрожащей ладонью. Ему было дурно, воздуха не хватало, а перед глазами мелькали красные круги. Господи, если только этот проклятый московит упился!!! Да сейчас, дождётся... Пан Анджей, как ни старался, а первым ткнулся рожей в тарелку. Теперь проклятый сотник соперничал с Андреем Головнёй. Вот этого славного казака ещё никто перебить не мог! Никто. Никогда. Возможно, московит будет первым.

— Быстрее! — отчаянным шёпотом велел он. — Может, удастся перепрятать... Боже, я даже не знаю, что делать!!! И Анджей, как назло — пьян как собака!

Он снова обхватил руками голову, никак не способный придумать хоть что-то, способное спасти его от позора клятвопреступления. Боже, какой позор! Славный род Смородинских, двести лет преданно служащий королям Речи Посполитой — с короля Александра-Ягайлы, никогда прежде не знал такого! Боже, Боже, Боже... Да что же делать то?!

— Пан Роман, а может — ну его? — робко спросил Марек. — Ну не знал ты, *что* там положил... господин!

— Знал, не знал... всё равно чести урон! — хмуро сказал пан Роман. — Нет, на тебя-то я

не сержусь. Ты, Марек, нашёл то, что я очень хотел найти. Теперь только и надо — понять, что делать дальше...

Марек только руками развёл. Тут он был господину не помощник. Вряд ли самые гениальные его идеи пришлись бы по душе пану Роману...

— Ну, ничего... — пробормотал пан Роман, задумчиво изучая стену перед собой, на первый взгляд ничем особенным не выделяющуюся. — Не я, так пан Анджей что-нибудь придумает!

— Эй ты... лях поганый! — пьяным голосом окликнул мирно дремавшего рожей в мясной подливе пана Анджея, Павло Громыхало. — Ты что, не слышишь меня?! У, дурень! Кто ж так пьёт, коли не умеет?!

Пан Анджей и впрямь перестарался, и ныне — храпел, отчаянно и оглушительно, пуская слюни, дыша ртом... нос, обожжённый раскалённым стволом пистоля, по-прежнему отказывался нормально функционировать и дышать славный шляхтич мог только через рот. Через рот или через другое место... ведь давно небритой рожей пан Анджей был в соусе!

— Вот ведь, а ещё спорил! — удивился сотник Кирилл, весело ухмыльнувшись. — Говорил ведь я, с русским воином никакой лях не справится... по крайней мере, в питии!

— Ну, я-то не лях! — возразил ему Андрей Головня, твёрдой рукой наливая себе в кувшин густой, как сироп мальвазии. — Ты — будешь?

— А то как же! — удивлённо протянул Кирилл. — Лей, не жалея! Доброе вино... твой пан его бочонка два прихватил, а этот... лях, так и вовсе полдюжины!

— Да, пан Анджей знает толк в вине! — дружелюбно согласился Головня. — Наш пан Роман — не таков! У него поменьше опыта в питии.

— Да, я заметил, что он предпочёл сбежать! — насмешливо припомнил Кирилл. — Гляди-ка, сколько уже место пустует. И боярыня наша — сбежала! Ладно, пусть милуются голубки... напоследок!

В зале стоял шум, почти никто уже не говорил шёпотом и каждый — пытался перекричать собеседника. Однако вошедший в этот момент в зал пан Роман каким-то чудом услышал слова сотника и, встав против него в нескольких шагах, холодно поинтересовался:

— Это как?

— Как, как! — немедленно подпустив холода и в свой голос, ответил ему Кирилл. — Так! Она — мужняя жена боярина Ильи Совина. Жена перед Богом и людьми! Ты — православный... как станешь жить с ней? Во грехе? Если у вас и будут дети, они будут байстрюками! Незаконнорожденными! Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы род твой пресёкся? Чтобы не было больше на земле его? Тогда вези её к себе, в Смородиновку! И послушай, что скажет тебе твой священник! Вряд ли это будет благословение святой церкви...

Пан Роман смертельно бледнел с каждым словом и судорожно сжал в ладони рукоять кончара.

— Ты закончил? — тяжело спросил он, когда москвит умолк. — С чего ты решил, что имеешь право говорить мне такие слова? Кто ты такой, чтобы судить меня? Кто ты такой, чтобы судить ЕЁ?!

— Я-то? — просто спросил Кирилл. — Меня послали за ней. Думаю, я привезу её обратно...

— Послушай, сотник! — отчаянно сказал пан Роман, делая шаг вперёд и цепко хватая его за плечо. — Только послушай, потом будешь возражать!

— Да слушаю я тебя, слушаю! — скупое усмехнулся Кирилл.

— Тебя ведь твой царь за чем посылал? За ларцом! Так?

— Так...

— За Татьяной он тебя не посылал! — за Кирилла закончил пан Роман. — За ней тебя её муж, сам боярин Совин послал! Ну, так ведь и Бог с ним, с боярином! Что он тебе?

Кирилл ещё мрачнее усмехнулся:

— Хорош я буду, если не привезу ни ларца, ни бабы! Царь ладно, он ещё и не царь... если не повенчался спешно, пока ещё какого претендента не нашли. А вот боярин Совин... с ним мне ссориться не резон. Тем более, если без ларца вернусь! Он сейчас многое может, за ним — городовые казаки и стрельцы. За ним — тысяча воинов и он куда ближе меня к царю Василию!

— Он прав, мессир Роман! — внезапно подал голос сидевший вне подиума, но, тем не менее, прислушивающийся к разговору лекарь Иоганн Стефенссон. — Нельзя ж и на ёлку влезть, и штаны не ободрать... Так у вас, москвитов, говорят?

— Приблизительно! — буркнул Кирилл, напряжённо следя за тем, как изменяется лицо пана Романа, как на нём отражаются перипетии борьбы, происходящей в глубине души молодого шляхтича.

— Так я и говорю, надо делиться! Либо ларец, но его нет, либо — девка! — закончил свою мысль лекарь.

— Так ведь ларца — нет! — напомнил ему Андрей Головня, даже не представляя при этом, какую бурю поднял в душе пана Романа

— Раз ларца нет, остаётся одна только панна Татьяна! — оторвав рожу от тарелки, промышчал пан Анджей. — Надо бросать жребий!

— А как это? — опешил Головня. — Кто выиграл, тому и досталась, что ли?! Ну, ты шутник, пан Анджей!

Пан Анджей похвалы не услышал — он вновь погрузился в хмельную дрёму, и непохоже было, чтобы собирался вновь просыпаться.

— Шутник... пробурчал пан Роман. — Разъяснил бы сначала, как это — жребий бросать! И что мне говорить Татьяне, если я — проиграю?!

Почему-то москвит дёрнулся, словно собирался что-то сказать. Почему-то окаменело лицо Андрея Головни... Лёгкие шаги за спиной заставили пана Романа обернуться, но прежде, чем он успел взглянуться в разъярённое лицо своей возлюбленной, оглушительная пощёчина лишила его способности видеть и слышать...

— Так значит! — голос её был холоден, вот только от этого холода бросало в дрожь. Могильный был холод!

— Ты что, любимая?! — проямлил растерянный пан Роман, на всякий случай попятившись. — Я же... Я же ничего! Это всё Анджей! Пан Анджей во всём виновен!

— У тебя во всём пан Анджей виновен! — впервые, наверное, Татьяна показала свой истинный нрав, и при первых же проявлениях его пану Роману стало неудобно, и он мысленно вознёс молитву, страстную и истовую к Богородице — чтобы угомонила Татьяну.

Та, меж тем, продолжала бушевать, не слишком стесняя себя в выражениях, и не особенно понижая голоса. От нижних столов стали прислушиваться...

— Ты — изменщик! Соблазнитель коварный! — кричала боярыню, разойдясь. Волосы её растрепались, лицо покраснелось... Она сейчас очень походила на базарную торговку. Бр-р-р! Не об этом мечтал пан Роман той прохладной майской ночью, когда похищал Татьяну из-под бдительного ока тётушек и нянюшек, из дома боярина Совина! А сердечной теплоты и ласки ему последнее время доставалось не слишком много. Правду сказать, совсем не доставалось. С тех самых пор, как они оставили позади постоялый двор бедняки Моисея, так и закончилась тёплая пора их любви. Причём похолодало так резко, что пану Роману оставалось только гадать, в чём он провинился. Или и впрямь ни в чём, а только не

было настоящей любви... Увы...

— Любовь моя! — сумел, наконец, он вставить слово, в душе сгорая от стыда за эту безобразную сцену. — Любовь моя, но разве я согласился?! Разве можешь ты обвинить меня, что я променял тебя, мою бесценную, на какой-то сундук? Нет! Я только и сказал, что пан Анджей мог бы быть конкретнее! Может быть, мы не поняли его. Может быть, он пошутил... Ну что возьмёшь с пьяного?!

Ну не получалось у него сегодня уломать её! Никак не удавалось не то, что успокоить — даже разговор перевести! Суровая и несправедливая отповедь боярыни, следовавшая за этим, повергла его в состояние совершенного изумления, а остальных заставила чувствовать себя неловко...

Она — кричала Татьяна, — отдала всё, что могла, положила на алтарь любви. В ответ же не получила даже малого — ответной любви к себе... Впрочем, она ещё много чего кричала, под конец и расплакалась...

— Ты видишь, сотник, что я могу тебе ответить! — развернувшись к Кириллу, решительно сказал пан Роман. — Нет! Она останется со мной, и я буду защищать её честь и жизнь, пока хоть капля крови останется в моих жилах!

Кирилл был мрачен и холоден. Желваки волнами ходили у него на скулах, а пальцы, сжавшиеся на рукояти сабли, побелели от напряжения.

— Я ведь могу и силой взять! — тихо, с явственной и нескрываемой угрозой, сказал вдруг он. — У тебя — десяток молодцев, у меня и сейчас — поболее полусотни здоровых! Даже и считать-то стыдно!

Настал черёд пана Романа играть желваками.

— Я рискну! — тихо, но твёрдо сказал он через некоторое время. — Положусь ну твою рыцарскую честь, да не порушу своей!

Кирилл криво усмехнулся.

— Зря ты это, пан Роман! — вполне дружелюбно сказал он. — Ну, ладно! Поговорили, да и хватит! Павло!

Стрелецкий полусотник последние мгновения сидел мрачным, насупленным. Повинуясь слову сотника, он вскочил на ноги. Его громовой рык мало чем уступал рыку пана Анджея... И от слов его мороз пошёл по коже.

— Стрельцы!!! — прокричал Павло. — Фитили пали!

И тут-то стало ясно, почему за столом было так мало здоровых москвитов. Вовсе не потому, что их мало осталось. Просто два десятка стрельцов, голодных и трезвых, а потому — очень злых, просидели почти весь пир на двух протянувшихся вдоль зала открытых галереях. Галереи эти были подвешены под самой крышей, и с них простреливался весь зал. Судя по тому, что дымки оттуда пошли густо, наверху засели сплошь молодцы с огненным боем. Ну, и по сколько пищальных пуль приходилось на каждого из десяти бойцов, оставшихся под рукой пана Романа? А сколько его казаков способно было взяться за саблю с правильной стороны? После того, как было выпито две-три бочки доброго вина и один Бог знает сколько пива и браги?!

— Твою мать... — в бессильной ярости прошептал пан Роман. — Ах ты ж... предатель!

— Я — осторожный! — гордый собой, возразил Кирилл. — Потому за тобой и послали — МЕНЯ!

— Князь Михайла Васильевич плохих сотников не держит! — поддакнул Павло Громыхало. — А впрочем, ты, наверное, это уже понял!

Пан Роман промолчал...

Сказать, что долго стояли так, всё же нельзя. Никаких сил не хватило бы, чтобы долго стоять. Все были слишком пьяны для того, чтобы долго сдерживаться. Оружие же никто не складывал...

— Постой-ка, сотник! — мрачно сказал пан Роман. — Прежде всего, я клянусь тебе, что узнал правду совсем недавно; незадолго до того, как вернулся в зал. Это — прежде, чем я скажу тебе правду.

— Какова же правда? — коротко взглянув на него, поинтересовался Кирилл. Рука его опасно напряглась на рукояти сабли.

— Ларец нашёлся! — бестрепетно взглянув ему в глаза, сказал пан Роман. — Я готов обменять его на свободу для боярыни Татьяны!

— Вот и верь после этого ляхам! — гулко хохотнул Павло, не забывая, впрочем, пристально следить за сидящим напротив Андреем Головнёй. — Ты ж перед иконой божился, сволочь!

— Если ты или кто-то ещё считает меня лжецом, я готов с саблей в руке постоять за свою честь! — угрюмо возразил пан Роман. — Клянусь всем, что для меня есть свято, клянусь собственной душой нетленной, я не знал, что ларец нашёлся! Мой отрок, Мариус, нашёл его в келье под чердаком. Он и не подумал сказать мне... да и сам узнал недавно. Не думаю, что ты не догадываешься о причинах его нелюбви к москвитам, сотник!

Кирилл криво усмехнулся.

— Значит, ларец на бабу! — негромко подвёл он итог. — Что ж... Равноценный ли обмен, я судить не могу. Но ты, пан... Ты-то как будешь жить, разменяв честь на любовь? Ведь ты слово своему самозванному царю давал!

— Давал! — угрюмо сказал пан Роман, заметно побледнев. — Клялся! Думаю, ТАМ потом, мне припомнится это. Но... Я не могу предать и Татьяну! Неужели ты, сотник, сам благородных кровей поди, не понимаешь меня?!

— Нет, не понимаю! — честно признался Кирилл. — Баба, она и есть — баба! Другое дело — мать там, сестра, дочь... Жена, в конце концов! Хотя жену можно и новую обрести, а мать — вряд ли. Ну а тебе-то чего честь свою поганить? Ради чего? Ради того, что через несколько лет истает как дым от огня? Ради её, которая лет через десять превратится в дряхлую, загнанную кобылу, не достойную и взгляда в свою сторону? Ты ради неё слово рушишь? Ну...

— Марек! — бледный и решительный, громко окликнул отрока пан Роман. — Марек, неси сюда ларец!

Марек был недоволен. Очень недоволен! Но спорить сейчас с паном Романом было совершенно бесполезно. К тому же, с галерей по-прежнему пристально следили за литвинами чёрные зрачки пищалей. В таком состоянии порыпаешься, пожалуй!

Марек искусал себе все губы, пока шёл до дверей. Казалось, идти медленнее нельзя... И он всё ждал, что господин остановит его, скажет, что пошутил. Нет, ну нельзя же так быстро сдаваться! Лучше погибнуть с честью, чем жить в бесчестье. Пусть об этом бесчестье никто не узнает... Но сам ты будешь знать! И как же жить дальше?!

— Я помогу тебе, Марек! — предложил Яцек.

Марек только коротко кивнул. Помогай... ларец и впрямь тяжёлый...

Они вдвоём еле выволокли его из-под нагруженной утвари и, надрываясь, поволокли обратно.

— Тяжёлый! — процедил сквозь зубы Яцек.

Марек промолчал вновь. Для него сейчас тяжесть была в десять крат большей. Ещё бы! Ведь с каждым шагом к залу он приближал бесчестье пана Романа...

Сто двадцать шесть шагов оказалось до дверей в зал, услужливо распахнутых московскими ратниками — Марек считал. И ещё два десятка коротких, медленных шагов — до помоста.

— Ну, что ты плетёшься, как черепаха?! — резко одёрнул его москвит из стрельцов. — Двигай ногами, рохля!

Марек так яростно сверкнул на него глазами, что даже этот стрелец, огромный и наглый, проглотил следующую фразу, рвущуюся наружу. Страшен был взгляд Марека! Просто страшен!

...Ларец, звонко ударившись оковкой о доски помоста, встал твёрдо и нерушимо.

— Вот он! — хмуро сказал пан Роман, до белизны сжав кулаки.

Кирилл озадаченно посмотрел на ларец. Невелик — меньше полу сажени в длину, ещё уже в ширину. Окован железом, а не серебром или золотом, как ожидал сотник. Две скобы — там должен быть замок... Только вот не было его!

— А почему он открыт? — с внезапно вспыхнувшим подозрением спросил он у пана Романа. — Почему ларец не на замке?!

Проклятый, лживый пан очень натурально изобразил испуг и изумление. Даже первым рванулся открывать крышку... Ну, да тут Кирилл его обогнал, так саданув плечом, что далеко не слабый пан Роман отлетел на шаг в сторону.

Крышка, лязгнув, открылась, бесстыдно обнажив чрево ларца. Пустое чрево!.. Почти пустое.

— Так! — растерянно процедил Кирилл, разглядывая маленькую книгу в медной обложке, одиноко и сиротливо лежащую на дне. — И где это?

— Это — что? — пану Роману каким-то чудом удалось удержаться от того чтобы отвесить челюсть до пола.

— Грамота!!! — яростно заорал Кирилл. — Грамота, письмо вашему королю! Продажная, на землю русскую! Заклад нашей веры!

— Не знаю! — пожал плечами пан Роман. — Клянусь, я не ведаю, что лежит... лежало в ларце. Может, только эта книга и лежала? Ведь я везу её не королю Жигмонту, а — князю Василию Константиновичу Острожскому, воеводе киевскому. Ему-то, зачем твоя земля?

— Не моя — русская! — зло ответил Кирилл. — Нет, не может быть здесь только книги. Должно быть письмо! Письмо с закладом! С Новгородом, со Смоленском, с северской землёй! Ведь вор ваш, Дмитрием прозывающийся, он же предатель и земли нашей расхититель!

Пан Роман, с трудом сдерживая усмешку, повёл плечами:

— Не ведаю! Может, разбойники ту грамотку спалили...

— А может, ты перепрятал! — тихо, с явной угрозой сказал Павло Громыхало. — Сотник, да ты ж посмотри! Он издевается над тобой, проклятый лях!

Пан Роман уже устал напоминать, что он не лях. Ещё раз — не стал.

— Я уже говорил, что готов ответить перед любым, кто сомневается в моём честном слове! — тихо, с расстановкой сказал он. И даже вздрогнул, когда блестящее лезвие остро

отточенной сабли сотника просвистело в пяди от его носа.

— Я! — яростно выкрикнул Кирилл. — Я сомневаюсь!

Кончар лишь на пару мгновений задержался в ножнах. С противным скрежетом и совсем не звонким отзвуком встретила сталь со сталью.

— Где и когда? — коротко осведомился пан Роман.

— Здесь и сейчас! — решительно ответил Кирилл. — Не то ведь сбежишь... Тебе на слово веры нет!

— Но победитель получает всё! — напомнил пан Роман.

— И бабу, и ларец, и всё его содержимое, бывшее и нынешнее! — на всякий случай, уточнил Кирилл.

— Согласен! — кивнул пан Роман. — Но я клянусь тебе, никаких бумаг ни я, никто из моих людей не брал! Марек! Я не лгу?.. на этот раз!

— Я даже не открывал его! — обиделся Марек. — Как бы я мог!!!

Несколько мгновений сотник как будто колебался. Слишком явственной была обида на лице пана Романа. Слишком решительно он отрицал свою вину... Но верить ляху? Ни за что!

— Начнём же! — хриплым от ненависти голосом предложил Кирилл.

Не ждите красивого боя от мастеров. Когда их двое, они чересчур осторожны, движения их скупы и выверены, ударов мало, а исход решается не в красивой сече, а одним ударом, нередко — одной ошибкой. Чаще всего, бой такой длится около четверти часа, притом большее время два поединщика просто кружатся на месте, не спуская друг с друга взглядов... Так было и на этот раз.

Помост идеально подходил для поединка — и места много, и зацепиться не за что. Правда, доски не везде выглядели надёжными, но тут уж везение или неудача обоюдны. И пан Роман, и сотник Кирилл одинаково рискуют оказаться во внезапной западне щели или провалиться под пол.

— Я убью тебя! — яростно выкрикнул Кирилл, легким притопыванием пытаюсь привлечь взгляд пана Романа к полу.

Пан Роман не стал отвечать. Он был моложе сотника... пусть даже в том возрасте, в котором они находились, разница была невелика и почти незаметна. Но всё же, пусть самую каплю, он был и выносливее. К тому же не может быть, чтобы сотнику не мешали выпитые им чарки вина. Крепкого вина! Крепкое вино ослабляет руку... Так всегда считалось, так есть!

А сабля у сотника была хороша. Не московской работы — точно. И не крымской. Скорее — казанской или астраханской. Ишь, вся изукрашена вязью! И острая... И сталь — хорошая. Восточная сталь. Хорошо, если не булат! Вот тогда и впрямь — тяжко. Его-то кончар, хоть и доброй ковки, булатному клику уступит.

Внезапно яростно выкрикнув, сотник прыгнул вперёд, резко и сильно ударяя сверху вниз. Удар был слишком простой, но очень быстрый и сильный. И, опять же — клинок булатный...

Пан Роман даже не стал пытаться поймать клинок на кончар. Что там после этого случится — Бог весть, а лежать с разрубленным черепом он вовсе не желал. Вместо этого, он резко шагнул в сторону и резко ударил по падающей сабле сбоку. Вот он — недостаток удара, на который рискнул москвит! Сила инерции при нём такова, что уже не остановишься, не увернёшься от ответного удара...

А, однако, москвит сумел увернуться! Кончар шёл остриём точнёхонько в бок, обтянутый кольчугой, а проскрежетал по животу упавшего на спину Кирилла.

Сотник тут вскочил на ногу, и его сабля весело заплясала, угрожающе нацеливаясь то в грудь, то в живот, а то и вовсе — пониже живота пана Романа. В глазах сотника пан прочитал свой приговор... Вот только опускать руки и сдаваться, подставлять шею под милосердный удар, он не собирался.

Короткий выпад. Свист сабли, рубящей пустоту... и яростный вопль сотника, когда кончар, пусть всего лишь на пядь, но вошёл ему в бедро. И хруст рвущейся плоти, когда пан Роман крутанул кончар, пытаясь вогнать его поглубже и уперев остриё в кость.

Однако ляхи и казаки рано радовались и ещё раньше принялись праздновать победу. Кирилл лишь захромал, да озверел ещё больше. Два быстрых, мощных удара, которые он обрушил на пана Романа, были под стать тому, первому... но куда тоньше по исполнению. Оба раза лишь быстрота реакции спасали пана Романа от верной смерти. Третий же удар, летящий в плечо, пришлось-таки принимать на поставленное поперёк лезвие кончара. Не

было уже времени отвернуться. И не было места, чтобы отпрыгнуть и позволить сабле в третий раз выщербить доски в полу.

Слава гданьской стали кончара! Выдержала, хоть и выщербилась! Ах, как же больно было кисти, как гудела рука, когда сабля отлетела вверх...

А сотник-то удивился! Похоже, чуть ли не в первый раз его удар не пробил защиту. Удивился, растерялся... Это — хорошо. И ещё лучше, что он первый раз за бой — попятился. Значит, потерял уверенность. Значит, может и позабыть про маленькую выбоину под левым каблуком, до которой — пядь с кувырком, не больше. Точно, забыл!

Сотник внезапно споткнулся и начал валиться назад. Пан Роман, хоть ему и было противно это делать, ринулся вперёд... и нарвался на удар.

Бок обожгло страшной болью! Стон вырвался сам, губам не удалось сомкнуться и задержать его внутри. И кончар немедленно дрогнул в ослабевших пальцах. А сотник, ухмыляющийся нагло, уже встал на ноги, и глаза его вновь обещали скорую смерть.

Пан Роман согнулся на левый бок, чтобы боль была не так сильна, но вскоре выпрямился. Нет, не получится облегчить боль. Кончар внезапно начал выворачиваться из пальцев, удерживать его придётся двумя руками...

А не торопился. Ему не было нужды торопиться — его рана, пусть получена раньше, выпускала наружу меньше крови, к тому же и штаны облегли её плотнее, перекрывая ток крови. Пан же Роман слабел с каждым мгновением, весь бок и вся левая штанина намокли от вытекшей крови. И правда, нет нужды его добивать. Ещё немного, и он сам упадёт!

У москвитя, как оказалось, были несколько иные намерения.

— Сдавайся, Роман! — хрипло сказал он, коротким движением утирая пот, обильно выступивший на лбу. — Сдавайся, пока не поздно! Я сохраню тебе жизнь, обещаю!

— Вот те хрен! — грубо ответил пан Роман. — Да лучше смерть, чем такая жизнь...

Пожав плечами, москвит сделал короткий шаг вперёд. Хромает — радостно отметил пан Роман, с усилием поднимая кончар на защиту.

Его шатало. В глазах стояла сплошная муть — то ли от пота, но скорее — от слабости.

— Сдавайся, пан Роман! — отчаянно выкрикнул кто-то из ляхов. — Брось кончар!

— Вот ещё! — прохрипел он в ответ, делая неверный шаг вперёд. — Я ещё спляшу на его трупе!

Ну, это была уже чисто польская гордыня. Москвиту даже не пришлось особо уклоняться от его удара, кончар врубился в доски, и там застрял.

Пока пан Роман отчаянно рвал кончар, уже и не надеясь сохранить жизнь, но желая умереть с оружием в руках, москвит, не спеша, давая ему шанс, обошёл его кругом, потом резко взмахнул саблей...

Клинок звонко и коротко просвистел в воздухе и опустился точно на затылок пана Романа.

Свет померк в его глазах.

Тут только соизволил очнуться пан Анджей.

— Бей жидов! — заорал он хрипло и снова уронил рожу в миску. От греха подальше его утащили спать на свежий воздух. Мало ли, что ему взбредёт орать следующий раз.

— Убийца! — яростно закричала Татьяна, бросаясь на Кирилла с кулаками. — Мерзавец, подлец!

Кирилл даже попятился, так яростен был её напор.

— Окстись, баба! — сурово сказал, заступая ей дорогу, Павло Громыхало. — Не видишь разве — жив твой пан! Ничто, другой раз умнее будет! Если, конечно, наш сотник ему все мозги не вышиб...

— Не должен был! — без особой уверенности возразил Кирилл. — Я вроде не сильно бил!

— Ага, не сильно! — плачущим голосом поддакнул Марек, уже склонившийся над господином. — Лекаря! Господин... Господин... очнись! Да очнись же!

Прежде чем мессир Иоганн, чересчур сильно принявший на грудь сливянки и вина, смог вскарабкаться по короткой, всего из трёх ступенек лестнице на помост, он дважды сорвался. А наверху его место уже заняла Татьяна, что-то нежно воркующая сквозь слёзы, оглаживающая лицо и щёки пана Романа.

— Воды! — сердито выкрикнула она. — Дайте кто-нибудь воды!

— Нет! — возразил мессир Иоганн. — Пока что рано. Дайте лучше что-нибудь с неприятным запахом. Поострее! Чеснок там, можно и лук...

Чесночина — ядрёная, аж слёзы градом от запаха, нашлась, пусть и не сразу. Мессир Иоганн, не долго думая, сунул её под нос пану Роману. Тот, бедный, закашлялся и забился в корчах, его выгнуло дугой... зато пришёл в себя.

— Где я? — прохрипел он, с трудом размыкая глаза. — Ух, как меня... Ох...

Стон был настолько натуральным и полным страдания, что Татьяна разразилась рыданиями, и бросилась ему на грудь.

— Роман! Любый мой! — прорыдала она, уткнувшись носом ему куда-то в подмышку. — Боже, Боже! Покарай этого негодяя!

Кирилл криво усмехнулся. Вот так всегда... Делаешь доброе дело, оставляешь жизнь противнику, а в результате на твою же голову сыплются градом проклятия, а сам противник блаженствует, над ним трясутся, его оберегают... Ему, вон, вина лучшего полную чарку наливают!

Пан Роман попытался встать, но тут напомнила о себе рана в боку. Охнув, он откинулся на спину и вновь потерял сознание, что только усилило суету вокруг него.

— Собираемся! — коротко приказал Кирилл Прокопу. — Павло, твои молодцы пусть будут наготове! Может быть, ляхи и попытаются отбить обратно бабу своего господина...

— Ты её забираешь всё же? — спросил Прокоп, и Кирилл с удивлением отметил в его голосе осуждение.

— А как же! — с нескрываемым удивлением, воскликнул он. — Забираю, конечно! Забыл? Нам за неё тысячу корабленников обещано! Пусть на всех — сумма немалая так и так! Что скажешь, ты отказываешься от своей доли?

— Да я и так неплохо пограбил! — мрачно сказал Прокоп. — А разлучать любящие сердца — грех... Ну и что, что она — мужняя жена! Вот мой дед, было дело, из Казани себе бабу привёз. Мою бабу, кстати! И что, что она замужем была за каким-то татаринном? И что, что у неё двое глуздырей уже было? Очинно даже хорошо они жили. Он её, конечно,

окрестил, стала она Агафьей. Трое сынов деду родила... моего батю, кстати! Дед трижды в Казань ездил — её детей искал. Так разве ж найдёшь... Там тогда такой погром был — и не сыскать, как бы ни хотелось!

— К чему ты мне это говоришь? — хмуро поинтересовался Кирилл, искоса наблюдая за тем, как два дюжих стрельца осторожно сносят ларец вниз и волокут его к двери, а остальные пристально следят за напряжёнными, готовыми броситься на московитов ляхами. Ляхов, правда, осталось — раз, два, да и обчёлся. Всё больше казаки. Украинцы. Такие же православные. Однако — враги!

— Я к тому, что возможно ведь сказать, что она — погибла! — осторожно сказал Прокоп. — Ну да, солгать! Что ты сверкаешь на меня глазами? Никогда не врал? Никому?! Шагин! Ну, хоть ты скажи ему!

— А что я должен сказать? — удивился Шагин, напуская на плоское, как тарель лицо выражение скуки. — Ты, друг Прокоп, забываешь, что говоришь ересь! По-твоему, так любая баба, как только пожелает, может в блуд удариться! По-твоему, так ежели ей мужчина, перед Богом и людьми в мужья взятый, не нравится, так можно молодого и красивого подбирать, а про мужа — забывать! Нет, Прокоп, вовсе не так всё! Вот представь себе, что твоя Аглая, пока тебя нет, сердечного друга заведёт. Что с ней станется?

— Вестимо что! — даже обиделся Прокоп. — На вожжах повешу, сучку!

— А ежели ты поздно приедешь? Если она с тем хахалем — сбежит?

— Ну, тогда и того хуже будет! — пообещался Прокоп. — Только что это ты на мою Аглаю намекаешь? Знаешь что, или так — зубы скалишь?

— Зубы скалю! — Шагин в подтверждение своих слов оскалил некрасивые, но крепкие зубы. — Вот!

— Гляди, как бы без зубов не остаться! — угрюмо сказал Прокоп. — Я, знаешь ли, слушать ТАКОЕ про свою Аглаю даже в шутку не желаю!

Шагин не испугался.

— Я лишь к тому говорю, — пояснил он, — чтобы ты понял, что прав — наш с тобой господин! Бабу эту самое то мужу вернуть. Ещё и кошель серебра за это заработать... Нет, Прокоп, ты или дурак, или очень большой дурак! Подумай, сколько серебра! Неделью можно пить без продыху!

Последний ли аргумент оказался весом, либо Прокоп устал спорить, но он вдруг замолчал и более слова против не сказал.

А пана Романа унесли — бездыханного. Рана его оказалась серьёзна и даже самоуверенный всезнайка, мессир Иоганн, вынужден был признать, что с таким если и встречался, то в давние времена отлетевшей в лету молодости.

Сабля прошла на удивление удачно для пана Романа, почти ничего серьёзного не зацепила... но пропорол бок очень добротнo, кольчуга не спасла. И до скончания дней своих пан Роман уже никогда не забудет про этот удар, а в непогоду, шрам, пожалуй, будет ныть. А может и не будет. Надо будет попарить славного пана, как только он выздоровеет. Баня, особенно парная, русская, она лучшее средство для исцеления хворей. Он, Иоганн Стефенссон, в этом совершенно убеждён!

Однако до того дня, когда пан Роман сможет попариться в баньке, суждено было пройти длинной череде дней, когда даже подняться из постели ему было запрещено. Сам пан, бездыханный, ещё не слышал о грозящей ему участи, но Марек уже злорадно потирал руки. Обычно, то есть — до появления Татьяны, именно в его плен попадал пан Роман, когда

его всё же настигала какая-то хворь, вскрывалась запущенная рана или появлялась новая. И хотя пан Роман — в отличие от слабого здоровьем, а не только мозгами пана Медведковского, слыл здоровым человеком, всё же несколько раз в год он вынужден был беситься, распластанный на широком ложе, беспомощный, полностью находящийся в руках Марек! Марек в такие дни чувствовал себя королём Стефаном [\[24\]](#), никак не меньше!

Пока, впрочем, такие дни ему не грозили. Вокруг пана Романа на пару увивались боярыня с Зариной, Непохоже было, чтобы подпустили к нему кого-то из мужчин. Ещё возможно — мессира Иоганна, для перевязки согласно всем правилам и уложениям. Но остальных?! Ну, уж нет!

Тут Марек внезапно вспомнил, что Татьяне дорога в Смородиновку не грозит — и возрадовался. Всё возвращалось на круги своя. Мгновением позже на ум его пришло, что вместе с госпожой туда не поедет и Зарина... Вот тут он запаниковал! Это что ж получалось — он больше не жених её?!

— Зарина! — громким шёпотом позвал её Марек. — Зарина, поди сюда!

Зарина, очень занятая уходом за паном Романом, сердито и недовольно оглянулась на него, но, увидев искреннее беспокойство и настоящую тревогу на его лице, смягчилась и на миг оторвалась от работы.

— С ним всё будет в порядке! — негромко сообщила она, на миг прижавшись к нему покрепче. — Не беспокойся так!

— С кем будет в порядке? — не понял Марек. — А, с господином... Да что с ним сделается-то! Я о другом, Зарина! Ведь мы — разлучаемся теперь?

Зарина на миг опешила. Ей вдруг показалось, что, получив своё, Марек мгновенно остыл. Про такое она слышала от подружек, потому и береглась, сколько могла.

— Как — разлучаемся? — севшим от обиды голосом спросила она. — Ты ведь клялся мне, Марек!

— Я-то тут причём? — изумился тот. — Мой господин проиграл, вы возвращаетесь в Москву!

— Мы не вернёмся в Москву! — уверенно сказала Зарина. — Ни за что!

— Но... Но как же? — изумился Марек. — А... Нет, ты думаешь, этот москаль недоделанный...

— Положись на мою госпожу! — усмехнулась Зарина. — Редкие мужчины могут устоять перед силой её убеждения!..

Собираться пришлось лихорадочно — благо, что ночь почти минула, и за окнами медленно разгорался алый рассвет. Всё время, пока воины, ругаясь и валясь с ног от хмеля и усталости, таскали наружу тюки, сундуки, ларцы... бочки опять же, Татьяна тихо и безнадежно проплакала у бесчувственного тела пана Романа. Нет! Она не просила, не умоляла сотника. Даже не смотрела в его сторону! Только плакала — тихо-тихо, словно боясь побеспокоить спящий рядом народ. Лицо её, покрасневшее от слёз, сделалось некрасивым и Кирилл, исподволь за ней наблюдавший, признался себе — вот она ему не по вкусу. Что ж, тем и лучше! Не будет соблазна по дороге в Москву! А вот с чернавкой её, красивой татарской девкой, можно будет и любовь свести. Ишь, как глазищами стреляет из-под упавшей на лоб длинной прядки! На жениха, поди, уже и не смотрит!

Зарина и впрямь почти что забыла про Марека, не обращала внимания даже на обиженное его сопение прямо за спиной. Она пристально следила за тем, как её госпожа, не спеша никуда, обрабатывает очередную жертву. Сколько таких пало за последние годы!

Стоило пану Роману застонать, неловко повернувшись, как она вскрикнула и бросилась его целовать. Со стороны всё это выглядело жутковато... словно на тот свет уходила её госпожа! Впрочем, зная боярина Совина, Илью свет Викуловича, можно было предположить, что так оно и будет. Если даже побоится свою же честь пятнать, отдавая на потеху дворовым мужикам... это ждёт Зарину... то уж сам потешится вволю. Если только потешится — ещё ничего! Скорее же всего, равнодушный к чарам жены боярин просто забьёт её. Как забил прошлой зимой мальчишку, потерявшего где-то серебряный корабленник. И пусть мальчонка впрямь был виноват, кара, на взгляд Зарины, была слишком сурова. Именно тогда, кстати, Татьяна решила бежать. И уже потом подвернулся молодой, яростный, глуповатый, но красивый пан Роман Смородинский.

Слёзы из глаз Татьяны текли потоком, словно бы сосуд, из которого они вытекали, был без дна, глаза она выплакать явно не боялась, опасаясь худшей участи...

Наконец, слёзы сделали своё дело. Раздражённый сотник вскочил и резко вышел... Следующий раз они увидели его уже во дворе монастыря, перед самым отъездом.

Сотник шёл по двору взъерошенный, злой. Шаг его — быстрый, широкий, выдавал крайнюю степень раздражения и злобы, так что Зарина на всякий случай попятилась... но потом вспомнила, что без разговора с ним всё одно не уехать и нехотя подошла.

— Что тебе, девка? — хмуро возрился на неё Кирилл.

— Так ведь... — замялась Зарина, из-под ресниц наблюдая за тем, как меняется лицо сотника, как его взгляд упирается куда-то на пядь пониже её подбородка. — Куда нам размещаться-то, господин? Нам ведь воз нужен! Целый!

— А чего ты меня спрашиваешь?! — выскочил на неё Кирилл. — Вот его спрашивай!

Палец его, прочертив в воздухе замысловатую линию, указал на пана Анджея...

Пану Анджею, однако, оказалось не до телеги. Он страдал дикой головной болью, к которой примешивался стыд. Он, лучший друг и правая рука пана Романа; он, один из лучших рубак Волыни, вместо того, чтобы помочь другу, провалялся рожей в объедках и ещё орал что-то спьяну, когда пан Роман, бедный Ромек, падал на пол, сражённый подлым ударом москаля! И — словно в наказание — проклятая татарская девка, как напоминание о его позоре...

— Я тут при чём? — угрюмо поинтересовался он. — Вон тот мужик, считающий себя благородным воином, холоп из холопов, теперь ваш господин! Что он пожелает, так и будет!

Речь пана Анджея была слегка сбивчива и чересчур груба, но вряд ли можно его за это судить. Ведь он, бедняга, отлично сражался с этим самым сотником за победу и если проиграл, то лишь самую малость! На третьем кувшине скис!

— Он меня отослал к тебе! — тем временем, решила настоять на своём проклятая девка. — Скажи мне, куда грузить вещи!

— У-у-у! — взвыл пан Анджей. — Да чтобы всех этих москалей, до единого! Нехай его рожа окажется на заднице, а вместо рожи задница как раз и вырастет! Да чтоб его уши стали длинными, как у осла, а корешок и вовсе отсох!

Он мог бы ещё долго разоряться, сыпать самыми изошрёнными оскорблениями. Но внезапно умолк, насупился, словно сыч и молча уставился куда-то в сторону. Молчание быстро становилось из странного — тягостным.

— Ладно, грузись вот на тот! — хмуро сказал пан Анджей.

Он и не представлял, что всё самое худшее достанется его противнику...

Кирилл, не подозревая о грядущей беде, направлялся к коню, когда наперерез ему, раскинув радостно руки, сияя красным от слёз ликом, хлюпая распухшим от долгих рыданий носом, выбежала Татьяна. И — бухнулась на колени, прямо перед ним.

— Спасибо тебе, благородный воин! Ты — лучший из лучших, тебе нет равных по благородству!

Она, похоже, ещё долго могла нести подобную околесицу, но Кирилл, которого быстро перекосило, резким взмахом ладони остановил льющийся на него поток фимиама.

— Что случилось? — мрачно поинтересовался он.

— Как? — удивилась Татьяна. — Но ведь ты отпускаешь меня! Или... Или моя служанка ошиблась? Неправильно тебя поняла? Боже, за что ты караешь меня?! Я так страдаю, Господи!

Теперь она снова ударится в слёзы — понял Кирилл и поспешил оборвать её:

— Я отпускаю тебя, отпускаю! Успокойся, боярыня! Не думаю, что это добавит тебе счастья, но уж всяко снимет груз с моей души. Но если ты попытаешься сказать ещё хотя бы одно слово... одно слово благодарности! Я... Я заберу тебя с собой!

Угроза подействовала. Немедленно заткнувшись, боярыня испуганными глазами уставилась на него.

— Иди, собирайся! — всё так же хмуро сказал Кирилл. — Я думаю, тебе стоит поспешить! Не знаю, как вы, а мы выступаем через полчаса!

Татьяна метнулась налево, ринулась направо... Наконец, её метания обрели хоть какой-то смысл.

— Понял? — негромко, с плохо скрываемым торжеством, спросил Кирилл у подошедшего Шагина. — Это ж всю дорогу до Москвы такое терпеть!

— Не стоит тысячи монет! — печально согласился верный, всё понимающий слуга. — Это ж сколько слёз было бы пролито — жуть!

— И Бог весть, когда мы были бы в Москве! — поддержал его Дмитр Олень, изрядно повеселевший. — А так... А так — только мужская компания, только солнце, только огонь костра! И — никаких баб до самой Москвы!

— Ну, это ты через край хватил! — с явным осуждением возразил Прокоп, но встретился взглядом с яростными глазами атамана и поспешно поправился. — Никаких баб!

Пока оба отряда ехали, смешав ряды, их потери не были видны постороннему взгляду. Но сколько было той езды? Это ж ночью расстояние удесят�еряется! Днём же от лесного озера и до дороги на Званицу оказалось всего десять вёрст. Для конного отряда, пусть даже с перегруженными ранеными и утварью возами — два-три часа неспешной езды. А никто больше и не спешил! Преследователи настигли беглецов и одолели — тут себе не лгал даже самый гонористый из живых ляхов, Людвик Пушкарь. Беглецы, по крайней мере, какая-то их часть, остались живы, что радовало. Их, увы, осталось не слишком много, а погибшие были похоронены в одной могиле со сразившими их москвитами... Вот пришла пора дороге раздваиваться, и одна вела на Москву, а по другой можно было легко доехать до града Киева, славного, увы, больше историей своей, чем нынешней жизнью. Разделились на две очень неровные части...

В Москву ехало около пяти десятков ратников при пяти возах, на которых лежали их раненые товарищи, и груды было навалено награбленное в монастыре добро. На Киев свернуло десять всадников, да на возах лежало ещё девять — из которых трое вряд ли вынесут тряскую и долгую дорогу. И всё. Остальным настал час встретиться с Петром Ключником, как раньше они отправляли на встречу других...

Пан Роман — даже раненный — рвался в седло. Потребовалась вся сила убеждения Татьяны, чтобы он согласился ехать на телеге, укрытый плотно меховым одеялом, охраняемый бдительным Марекком... Он, однако, постепенно начал приходить в чувство, рана, хоть и болела, уже не так кровила — сказывалась работа мессира Иоганна! К тому же и настроение было приподнятым — проиграв бой, пан Роман не проиграл Татьяну, а любимая женщина, как бы высоко он не ставил свою честь, находилась для него выше, нежели выполнение данного слова... Вот он, ларец царя Дмитрия, поставлен сиротливо на воз, окружён плотным кольцом стремянных стрельцов... Сверкают бердыши, дымятся фитили — не прорвёшься, даже и остались бы силы!

— Ну что ж, счастливой вам дороги! — весело сказал московский сотник, подбоченясь в седле. Ногу он, впрочем, держал вытянутую, чтобы не бередить оставленную паном Романом рану. Пан Роман не без удовлетворения отметил, что уже к концу сегодняшнего дня москаль собьёт себе всю задницу. До крови. Обязательно собьёт!

— И тебе — счастливо доехать, сотник! — просипел пан Роман через силу. — Спасибо...

Последнее слово он процедил через плотно сомкнутые губы, напряжённый, готовый в любой момент отбиться от насмешки острым словом, собеседника не пощадив.

— Так это... — внезапно растерялся сотник. — Пожалуйста, что ли... Я ж — государев человек, мне что приказывают, то я и делаю! Приказали тебя иметь, я и ловил, всё честь по чести! Приказали бы охранять, охранял бы так же — честно! Понял, лях?

— Я не лях! — в тысячу первый раз возразил пан Роман. — Я — православный!

Кирилл мог бы ему сказать, чего стоит тот православный, который не блюдет законы своей церкви. Мог бы. Но не стал. Вместо этого, он резко развернул коня и погнал его вослед начавшему движение домой отряду. Пан Анджей, гордо восседавший в седле своего першерона во главе остатков их сводного с паном Романом отряда, гаркнул команду, и ляхи тоже тронулись в путь.

Пан Роман Смородинский, лихой волянянин, конфидент князя Константина Вишневецкого, закончил свою жизнь не совсем так, как мечтал когда-то. Ему не довелось пасть в бою, он умер в собственной постели, седым и дряхлым старцем, всего на три года пережив жену. Жену! Ибо боярин Илья Совин скончался гораздо раньше отпущенного ему Господом срока на земле. Острая сабля лихого польского гусара снесла ему полголовы под Москвой спустя шесть лет после того, как он лишился своей жены. Что сказать о нём... он умер за Родину, а такая смерть списывает многие, если не все грехи. В год его смерти старшему сыну Романа Смородинского, названному Андреем, шёл пятый год и это был ясный, славный ребёнок, которому не было дела до того, что он — незаконнорожденный байстрюк. По крайней мере, до тех пор неважно было, пока у него не появился брат младший, получивший имя Константин, в честь князя Вишневецкого... Андрий Смородинский, лихой запорожский «лыцарь», погиб под командой славного гетмана вольных казаков, Тараса Чёрного. Брат его, Константин, принял католическую схиму под именем Иоанн и слыл на Волынщине одним из самых яростных гонителей православной веры. Он был любимцем пана Анджея Медведковского, который так и не отрешился от своего пристрастия к книгам и окончательно разорил своё поместье. Хотя Медведки приносили ему неплохой доход, жил пан Анджей скромно и вечно жаловался на малое количество денег в кошельке! Его жена, женщина благоразумная, вконец замученная мужем, вынуждена была экономить на всём, лишь бы покрыть расходы на увлечения мужа. К тому же, пан Анджей довольно редко бывал дома, всё больше занимаясь делами, достойными мужчины и шляхтича — охотой, гостеванием у соседей, да ухлёстыванием за прекрасными паненками. Ну что тут сказать — спился, конечно... Правда, погиб пан Анджей славной смертью — на зависть! Спустя почти тридцать лет после бегства из Москвы он — в войске славного короля Владислава, незадачливого претендента на престол Московский — пришёл к стенам Смоленска и был в числе первых на них. Очевидцы говорят, что пан Анджей был сильно пьян, в одиночку ворочал неподъёмную лестницу и лишь взобравшись на самый верх, протрезвел. Оттого и погиб — испугался... стрельцы, подняв на бердыши, сбросили его на головы рвущихся наверх гусар...

Кириллу Шулепову, бесстрашному сотнику дружины князя Михайлы Скопина-Шуйского, длинной и славной жизни даровано Господом не было. Он погиб, и погиб рано, ненадолго пережив самого славного воеводу, как известно, отравленного царственным дядей. Погиб под Москвой, сражаясь с ляхами в войске Прокопия Ляпунова, под рукой которого свергал царя Василия. Погиб честно... Пусть земля будет ему пухом!

Атаман Дмитр Олень затерялся на просторах России. Возможно, он снова ушёл в монастырь, но имя это более никогда не слышно было на полях ратных и на пирах.

Павел Громыхало, стрелецкий голова во время очередной русско-польской войны, не погиб, но отличился и умудрился прожить долго и почти счастливо. При царе Алексее Михайловиче, стрелецкий полковник Громыхало закончил свой воинский путь. Может, не так, как мечтал, но — тоже добро. В пути.

За шесть лет последовавшей Смуты на престоле Святого Иоанна Грозного ^[25] сменилось почти полдюжины царей и правителей, закончилось всё позорным падением Москвы, когда литовско-польские войска пана Гонсевского вошли в Москву, пожаром стольного града, Ополчением Пожарского... И взошедшим на древний престол с помощью казацкой сабли Михаилом Романовым. Но это уже совершенно другая история, о которой АВТОР ещё надеется рассказать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

КОНЕЦ

Санкт-Петербург, 25 августа — 17 декабря 2001 года

notes

Казак - в польском войске казак являл собой вовсе не то, что понимаем мы. казак - панцирный конник, наёмник. Чаще всего они происходили из литвинов или украинцев, православных по вере.

Дословно Марфа Нагая сказала следующее: <Было бы меня спрашивать, когда ОН был жив. А теперь, когда вы его убили, он не мой уже!>. Что ещё нужно говорить-то?!

Воевода Пётр Фёдорович Басманов - вернейший слуга царя Дмитрия - отказался его предать и погиб в бою, защищая царские покои. Шуйские не дали ему заслуженного упокоения - тело воеводы был сожжено на костре.

Михаил Скопин-Шуйский, князь и полководец. В описываемый период ещё не достиг двадцатилетнего возраста, однако был возвышен сначала Дмитрием Ивановичем, а затем - своим дядей, Василием Шуйским. Скончался скорее всего отравленный при попустительстве царя.

К слову - прямых и даже косвенных доказательств этого не нашли ни Карамзин, ни Платонов, ни ненавистник Дмитрия Забелин!

Аргынь - титул, дающийся советнику крымского хана.

Исторический факт, признаваемый, правда, не всеми историками. Два верных сторонника Дмитрия, князь-воевода Шаховской и дворянин Молчанов сумели покинуть город и отправились в Литву, по пути возмущая народ. Молчанов, по наущению Шаховского, выдавал себя за чудесным образом спасшегося Дмитрия, благо был на него похож. Именно с этого момента можно отсчитывать начало Болотниковщины, тем более что Шаховской являлся одним из вождей этого восстания.

Чайка - боевой карабль казаков, мореходный и маневренный.

Ключ - походное построение морских кораблей.

Вопреки общепринятому мнению, термин <поп> не является презрительным и уж тем более - ругательным. В переводе с греческого это всего лишь <отец>, иначе говоря, то же, что и раввин, аббат. Церковному чину поп соответствует также <иерей>, так что автор будет пользоваться и тем, и другим чином.

Золочёные наперсные кресты - в отличии от простых, серебряных, носили не простые попы, а протопопы, протоиереи, т. е. отмеченные за свою службу на благо Церкви и Веры. Кстати, протоиереем был знаменитый раскольник Аввакум - один из образованнейших и умнейших людей своего времени.

Автор сообщает возмущённому читателю, что он в курсе полного количества зубов, наличествующих у здорового человека, но напоминает, что в те времена единственным способом лечения служили кузнечные клещи!

Немцы - так русские называли не только германцев, но и любых германоязычных иностранцев.

Видимо, имеется в виду третий Сибирский поход, случившийся уже после смерти атамана Ермака. Командовал в нём князь Кольцов-Масальский, а результатом похода стал разгром сибирцев и татар во главе с Кучумом близ озера Чили-Кула, случившийся 1 августа 1591 года

Боярин Борис, сын Фёдоров - Борис Фёдорович Годунов, обладавший большой властью ещё при жизни царя Ивана Васильевича Грозного

Юрьев - ливонский город Дерпт (эстонский Тарту), который был взят русскими войсками в начале Ливонской войны.

Имеются в виду крымские походы на Москву 1571 и 1572 годов. В первом случае русская армия не сумела защитить Москву и она была сожжена дотла, на следующий год крымчаки не дошли до города 45 вёрст и были наголову разгромлены под Молодечно.

Автор напоминает, что лазарет - это лечебница в честь Святого Лазаря и только предполагает, что этот термин мог использоваться и в 17 веке.

Пан Анджей, разумеется, имеет в виду царя Спарты Леонида. Имя Леонид в польском произношении звучит Леон.

Шиш - (старорусское) разбойник, партизан

Жигимонт - один из вариантов произношения имени Сигизмунд.

Имеется в виду город Новгород-Северский и царевич Дмитрий Иванович, который подошёл к этому городу в начале своего первого похода, 18 декабря 1604 года. Царские войска потерпели под этим городом поражение, а сам город признал власть Дмитрия.

Немцу - в данном случае, иностранцу. Всех иностранцев германской нации в России именовали немцами. Именно на немцев, обитающих на территории нынешней Германии, это название перешло не раньше второй половины 18- первой четверти 19 века.

Король Стефан - Стефан Баторий, легендарный и знаменитый польский король, полководец. В Польше - эталон рыцарства и благородства.

Иван Васильевич, государь Московский и Всея Руси, прозванный Грозным, является месночтимым (московской епархией) святым.